

Дальний Восток

ISSN 0131 – 2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2000

Российско-японские отношения:
итоги и перспективы

Что показали президентские
выборы на Тайване

“Экономика знаний”:
дискуссии в КНР

Новый этап развития
сельских предприятий в Китае

Шанхайская ветвь
русской эмиграции

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2000

Июль - Август

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

<i>В.Павлятенко, А.Шлындов.</i> Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия.....	5
<i>А.Яковлев.</i> И все же на горизонте двухполюсный мир.....	29
<i>Ф.Хамраев.</i> Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и политика Китая.....	42
<i>Л.Гудошников, Э.Батчаев.</i> Президентские выборы 2000 года на Тайване.....	46
<i>А.Ларин.</i> Почему Гомиьдан проиграл президентские выборы?.....	52

ЭКОНОМИКА

<i>О.Борох.</i> "Экономика знаний": дискуссии в КНР.....	58
<i>И.Наумов.</i> Глобализация и регионализация как источник научно- технической реконструкции в КНР.....	76
<i>А.Круглов.</i> Сельские предприятия Китая на новом этапе развития.....	88
<i>Л.Ходов.</i> Мерцающий свет на горизонте (Проблемы выхода Японии из кризиса).....	95
<i>В.Сыржин.</i> Использование стратегий полюсов роста для ускоре- ния регионального развития (на примере Японии, Республики Корея и Китая).....	98

ИТДЕНАН
МИНСКОЙ АН СССР

3.4 акз

ИСТОРИЯ

- Г.Смолин.* Летописный свод "Всепроникающее зеркало, управлению помогающее": извивы судьбы.....110
Д.Новиков. Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906-1914 гг.).....121
А.Селищев. Контакты русских и корейцев (1860-е годы).....128
Б.Пах. Гибель корейской королевы Мин (1895).....136

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Л.Гудошников, П.Троцинский.* Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции.....146

ФИЛОСОФИЯ

- Н.Мартыненко.* О методологии изучения китайских классических текстов.....156

КУЛЬТУРА

- В.Сорокин.* Ху Фын, его взгляды, его судьба.....170
А.Ланьков. Современная южнокорейская печать: издания, темы, социальная и культурная роль.....179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Д.Главева.* Научный семинар "Человек и духовная культура Востока".....188

В ОБЩЕСТВАХ ДРУЖБЫ КИТАЯ И РОССИИ

- Г.Куликова.* Китай торжественно отмечает 55-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне.....194
А.Островский, В.Усов. К 100-летию со дня рождения Ли Фучуня и Цай Чан.....196

РЕЦЕНЗИИ

- А.Скородумов.* З.Хализад и др. США и поднимающийся Китай: стратегическое и военное значение.....198
Н.Мамаева. Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны.....201
С.Лузянин. Островский А.В. Тайвань накануне XXI века.....205

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушанц, В.И. Флунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакири, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

В.Павлятенко, А.Шлындов. Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия

В статье дается анализ развития отношений между Россией и Японией за последние пять лет. В ней рассматриваются политико-дипломатические, экономические, научно-технические и военные аспекты этих отношений. На основе соотношения национально-государственных интересов двух стран определяются как краткосрочные, так и среднесрочные перспективы двустороннего взаимодействия.

А.Яковлев. И все же на горизонте двухполюсный мир

По представлениям мировой политологии якобы реальными являются три варианта политической структуризации мирового сообщества - однополярность, биполярность и многополярность. На основе анализа тенденций и противоречий современного мирового развития автор приходит к выводу об объективной неизбежности четкой биполяризации социально-политических сил в глобальном масштабе в ближайшем обозримом будущем.

Л.Гудошников, Э.Батчаев. Президентские выборы 2000 года на Тайване

Итоги прошедших на Тайване выборов Президента, отмеченных поражением правившей в течение полувека партии Гоминьдан и победой кандидата от оппозиционной Демократической прогрессивной партии (Миньцзиньдан), могут, по оценке авторов, служить веским доказательством того, что многопартийность на острове стала свершившимся фактом.

А.Ларин. Почему Гоминьдан проиграл президентские выборы?

В статье анализируются причины поражения Гоминьдана на выборах: раскол, приведший к образованию Новой партии, рост организованной преступности и коррупции, ухудшение социального порядка, усилившаяся в обществе критика однопартийного гоминьдановского правления и т.д.

О.Борох. "Экономика знаний": дискуссии в КНР

В статье анализируется дискуссия о растущей роли отраслей, связанных с производством и использованием знаний, о превращении знаний в важнейший фактор развития современной экономики. Теория "экономики знаний" оказалась привлекательной, так как ее реализация создает предпосылки для перехода к информационному обществу путем развития высшего образования.

И.Наумов. Глобализация и регионализация как источник научно-технической реконструкции в КНР

Автор анализирует стратегию использования Китаем процессов углубления глобализации и регионализации мировой экономики для научно-технической реконструкции своего народного хозяйства.

А.Круглов. Сельские предприятия Китая на новом этапе развития

Автор прослеживает, как по мере усиления рыночных начал в экономике и углубления реформы государственных предприятий в условиях дефляции сельские предприятия вынуждены укрупнять масштабы хозяйственной деятельности, повышать конкурентоспособность своей продукции, изменять имущественные права путем слияния, кооперации и акционирования.

В.Сыркин. Использование стратегий полюсов роста для ускорения регионального развития (на примере Японии, Республика Корея и КНР)

Автор показывает, как в вышеуказанных странах используется приоритетная региональная политика для общего развития народного хозяйства страны.

Г.Смолин. Летописный свод "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее": извивы судьбы

Статья посвящена истории создания и сложной судьбе выдающегося летописного произведения (XI в.), созданного ученым, политическим мыслителем и государственным деятелем Китая Сыма Гуаном (1019-1086). С момента создания и до наших дней "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее" выдержало свыше 80 изданий, в том числе в 1983 г. 36-томное на Тайване, а в 1984 г. - 72-томное в КНР.

Д.Новиков. Русские либералы об экономической политике правительства па Дальнем Востоке (1906-1914 гг.)

На материалах стенографических отчетов заседаний Государственной думы, а также выступлений партийных лидеров кадетов, прогрессистов и октябристов в печати рассматривается программа русских либералов, затрагивавшая проблемы строительства Амурской железной дороги, отмены беспошлинной торговли, колонизации Дальнего Востока и иммиграционной политики.

А.Селищев. Контакты русских и корейцев (1860-е годы)

На архивных материалах показано, как проходило знакомство русских и корейцев во второй половине XIX столетия, какие возникали проблемы во время их ранних контактов на границе, когда началось переселение корейцев в Приморье.

Б.Пак. Гибель корейской королевы Мин (1895)

Используя архивные материалы, автор воссоздает драматический эпизод истории Кореи, когда октябрьской ночью 1895 г. японцы и их приспешники зверски убили неугодную им королеву Кореи Мин Мён Сон.

Мартыненко Н. О методологии изучения китайских классических текстов

В статье обосновывается необходимость изучения исторических форм начертания иероглифов и определения их архаических значений для адекватного прочтения древнекитайской классики.

Л.Гудошников, П.Трощинский. Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви эмиграции

Видному ученому-русисту Ван Чжичэну удалось собрать и проанализировать огромный материал о шанхайской ветви русской эмиграции. О его труде рассказывает публикуемая статья.

В.Сорокин. Ху Фэн, его взгляды, его судьба

Ху Фэн (1902-1985) - критик, поэт и переводчик, одна из значительных фигур литературной и общественной жизни Китая. В статье рассказывается о приходе Ху Фэна в левое литературное движение, его многосторонней деятельности в период войны с Японией, его борьбе за реализм, гуманизм, за правдивость в литературе, против вульгаризаторских концепций, а также о трагической судьбе писателя в результате политических репрессий.

А.Ланьков. Современная южнокорейская печать: издания, темы, социальная и культурная роль

Статья дает представление о газетах, журналах Республики Корея, о предпочтениях тех или иных групп читателей. Автор кратко освещает роль прессы в этой стране.

Политика

Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия

© 2000

В. Павлятенко, А. Шлындов

Россия и Япония - две великие державы, отношения между которыми во многом определяют обстановку в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Взаимоотношения с дальневосточным соседом являются одной из важных составляющих внешнеполитической стратегии России. Япония, в силу целого ряда объективных причин геополитического, международного, экономического и военного характера, играет непреходящую роль с точки зрения обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России на Дальнем Востоке. В свою очередь дружественные, доверительные межгосударственные связи и отношения созидательного партнерства с великой ядерной державой, какой на сегодняшний день остается Россия, играют исключительно важное значение для обеспечения национальных интересов и безопасности самой Японии. Таким образом, взаимная заинтересованность России и Японии в построении, расширении и углублении всесторонних взаимоотношений на благо народов обеих стран является объективной реальностью сегодняшнего дня.

Взаимоотношения Россия / СССР / Россия - Япония имеют длительную историю, на протяжении которой проявлялись и продолжают проявляться как общность так и различия в их специфических национально-государственных интересах. Особенность текущего периода заключается в заметном расширении сферы совместных интересов двух стран при одновременном сокращении области противоречий и утрате их прежней остроты. Помимо территориальной проблемы оба государства не имеют принципиальных разногласий в международной политике, экономике, безопасности, экологии, гуманитарных вопросах и т.д. Достоянием истории стали и идеологические противоречия между ними.

Сегодня Россия и Япония стоят на пороге нового этапа развития своих отношений. В России избран новый Президент, который в ближайшие четыре года будет гарантом национальных интересов России, в том числе и на японском направлении. В Японии - новый премьер-министр, который, выступая в апреле 2000 г. на 147-ой сессии японского парламента, заявил, что ни он сам,

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН.

Шлындов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Японии ИДВ РАН.

ни его кабинет не будут вносить никаких изменений в предшествующий курс в отношении России, направленный на "развитие всего спектра этих отношений, включая переговоры о заключении мирного договора".¹ Факторы внутри-страновых перемен тесно переплетаются с внешними - геополитическими, геоэкономическими, военно-стратегическими, культурно-этническими, экологическими и др., которые в свою очередь подвергаются серьезным изменениям и оказывают решающее влияние как на формирование нового мирового порядка в целом, так и на процесс развития российско-японских отношений в частности. Представляется, что именно на основе учета всех этих обстоятельств необходимо оценивать результаты, достигнутые в российско-японских отношениях в последние годы, рассматривать позитивные и негативные аспекты развития двусторонних связей, с тем, чтобы не только правильно определять будущее межгосударственных отношений, но и своевременно их корректировать в интересах двух стран, во имя сохранения и укрепления мира и безопасности в регионе.

Политико-дипломатические отношения

Следует констатировать, что за последние 5 лет наибольших результатов обе стороны достигли в области политико-дипломатических отношений, на основе которых сегодня строится все здание двусторонних связей.² (Эта сфера охватывает и военные контакты двух стран.)

Важнейшим и фундаментообразующим событием после признания Японией 27 декабря 1991 г. России как государства-правопреемника бывшего СССР стал официальный визит первого Президента России Б.Н.Ельцина в Японию 11-13 ноября 1993 г.,³ главным политическим итогом которого стали подписание Токийской декларации и пакета из 16 документов, охватывающих практически все стороны двусторонних отношений.

Значимость Токийской декларации состояла в том, что в ней, по сути дела, была подведена черта под двусторонними отношениями периода "холодной войны" и определены основные сферы и направления российско-японских отношений на кратко- и среднесрочную перспективу. Тем самым Токийская декларация стала базовым соглашением, на котором строились российско-японские взаимоотношения в последующий период. Наибольшее значение для японской стороны имела ст. 2 декларации, в которой подтверждалась готовность России "преодолеть в двусторонних отношениях тяжелое наследие прошлого" и продолжить "переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения" вопроса о принадлежности островов Шикотан, группы Хабомай, Кунашир и Итуруп, "исходя из исторических и юридических фактов...".⁴

Наряду с Токийской декларацией во время визита были подписаны: "Экономическая декларация", три соглашения (о сотрудничестве в области предотвращения инцидентов на море и в воздушном пространстве; о сотрудничестве в области исследований и использования космического пространства в мирных целях; о сотрудничестве в области ликвидации ядерных вооружений), Протокол о создании Комитета по оказанию помощи странам бывшего Советского Союза, пять меморандумов, охватывающих такие сферы сотрудничества, как культура, безопасность, экономика, два документа о расширении дипломатических представительств в обеих странах, три коммюнике (о нераспространении ОМП, предотвращении распространения ядерного оружия на Корейском полуострове, о помощи Кампучии), два меморандума (о поддержке развития реформ в России, о гуманитарной помощи). Тем самым были определены основные направления развития отношений между новой Россией и Японией.⁵

В последующий период в 1994 и 1995 гг. в российско-японских политических контактах не было "прорывов" и "рывков". Обе стороны как бы готовились к реализации решений, принятых в Токио в октябре 1993 г. Говоря о динамике двусторонних политико-дипломатических связей, следует подчеркнуть, что процесс реальной активизации российско-японских отношений начался с приходом на должность министра иностранных дел России Е.Примакова. Уже в марте (19-20) 1996 г. состоялся официальный визит в Россию министра иностранных дел Японии Ю. Икэда, в ходе которого имели место встречи последнего с Президентом России Б.Ельциным, министром иностранных дел Е.Примаковым. Ю.Икэда одновременно возглавил японскую делегацию на первом заседании российско-японского Межправительственного комитета по торгово-экономическим вопросам (МПК).

Президент России на встрече с Ю.Икэда отметил позитивные сдвиги в российско-японских отношениях, подчеркнув, что в развитии двусторонних связей "не следует придерживаться только Токийской декларации, а необходимо творчески подходить" к поиску форм и направлений сотрудничества. В свою очередь министр иностранных дел Японии положительно оценил проводящиеся в России реформы, отметил их стабильность и выразил согласие с вышеуказанным замечанием Президента России.

На переговорах с министром иностранных дел России были обсуждены текущие проблемы двусторонних отношений, ход выполнения предыдущих договоренностей. Ю.Икэда, в частности, высоко отозвался о практических шагах российской стороны по демилитаризации Южных Курил. Оба министра высказали приверженность Токийской декларации и высказали обоюдную заинтересованность перевести диалог по проблемам безопасности на новый уровень - между Управлением национальной обороны (УНО) Японии и Министерством обороны (МО) РФ.

На первом заседании МПК, касаясь вопроса об активизации деятельности японского частного сектора в России, Ю.Икэда призвал правительство России решить проблему задолженности японским экспортерам (1,1 млрд. долл.), рассматривая ее как предпосылку дальнейшего развития двусторонних экономических связей. В рамках повестки дня заседания были также обсуждены наиболее актуальные проблемы, такие, как предоставление России Эксимбанком Японии кредита в размере 500 млн. долл. под проекты на Дальнем Востоке, оказание Японией технической поддержки российским реформам, оказание помощи российским специалистам в разработке правительственной программы долгосрочного развития Дальнего Востока. На встрече Ю.Икэда информировал первого вице-премьера О.Сосковца как сопредседателя МПК о готовности Японии взять на себя часть расходов по модернизации порта Зарубино (один из 4-х согласованных проектов сотрудничества на Дальнем Востоке).

"Дипломатия визитов" имела свое продолжение 18 - 20 апреля 1996 г., когда премьер-министр Японии Р. Хасимото посетил Россию для участия в Московской встрече на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности. В ходе встречи с Президентом России Б.Ельциным состоялся обмен мнениями по широкому кругу международных и двусторонних проблем. В частности, стороны подтвердили готовность развивать отношения на основе Токийской декларации, согласились на возобновление на уровне министров иностранных дел переговоров по заключению всеобъемлющего политического (мирного) договора, согласились продолжить переговоры о порядке ведения рыбного промысла японскими рыбаками в районе Южных Курил. Состоялась так же и дискуссия о проблеме сброса жидких радиоактивных отходов (ЖРО) в Японском море, в ходе которого Президент России информировал премьер-министра Японии о соответствующих мероприятиях российской стороны по ее решению. Главы

двух государств пришли к единому мнению о необходимости расширения и углубления двустороннего диалога по проблемам региональной и глобальной безопасности.

По случаю 40-летия установления дипломатических отношений между двумя странами Президент России Б.Ельцин и премьер-министр Японии Р.Хасимото 19 октября 1996 г. обменялись посланиями, в которых дали высокую оценку двусторонним межгосударственным связям и выразили взаимную уверенность в их поступательном развитии по всем направлениям.⁶

В сентябре 1997 г. во время проведения очередной сессии ООН в Нью-Йорке состоялись консультации министров иностранных дел России и Японии - Е.Примакова и К.Обути, в ходе которых были положительно оценены практические результаты реализации предыдущих соглашений. В частности, с обоюдным удовлетворением стороны констатировали выполнение таких мероприятий, как окончательное решение вопроса об открытии офиса консульского работника Генерального консульства Японии в Хабаровске и в Южно-Сахалинске и открытия офиса Генерального консульства России в Саппоро в г. Хакодате; подписание 22 сентября 1997 г. меморандума об оказании Японией содействия в переподготовке на гражданские специальности российских военнослужащих, увольняемых с военной службы.

Среди других блоков обсуждаемых проблем были: саммит лидеров обеих стран в Красноярске в ноябре 1997 г.; вопрос о выработке договоренности в отношении ведения промысла японскими рыбаками в районе Южных Курил; мероприятия по дальнейшему развитию политического диалога (взаимные визиты министров иностранных дел, визит российского премьер-министра в Японию, совместное заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам); вопросы расширения экономического сотрудничества двух стран.

1 - 2 ноября 1997 г. в резиденции Президента России "Сосна" (Красноярский край, г. Дивногорск) состоялась встреча на высшем уровне глав государств России и Японии. Проведенная в неофициальном формате встреча в дальнейшем была названа "встречей без галстуков", что, по мнению ее участников, должно было внести личностный момент и послужить катализатором развития двусторонних отношений. Значимость встречи определялась принятыми на ней важными решениями, заложившими качественно новую основу двусторонних отношений и дававшими дополнительный импульс развитию российско-японских отношений в 21 веке.

Главным политическим итогом встречи стало предложение Президента России Б.Ельцина приложить все усилия к заключению "мирного договора к 2000 г. на основе Токийской декларации". Это предложение было принято японским премьер-министром Р. Хасимото с большим удовлетворением.

Другим важным итогом стало принятие программы сотрудничества до 2000 г., названной "План Ельцин-Хасимото". План включал следующие основные направления: инициативы по сотрудничеству в области инвестиций, действие интеграции российской экономики в мировую экономическую систему, участие Японии в реализации программы подготовки российских управленческих кадров, углубление диалога по энергетике, сотрудничество в использовании атомной энергии в мирных целях.

Повестка дня встречи была весьма насыщенной. Лидеры обсудили 43 вопроса, включавших как международные, так и двусторонние проблемы. Обсуждение международного блока проблем выявило схожесть позиций в отношении диалога по обеспечению безопасности в регионе и конкретных мер сотрудничества в этой сфере, по решению вопросов международного характера. Б.Ельцин подтвердил поддержку Россией стремления Японии стать постоян-

ным членом Совета Безопасности ООН. В части, касающейся вопросов двусторонних отношений стороны, согласились завершить к концу 1997 г. переговоры по промыслу морепродуктов японскими рыбаками в районе Южных Курил, создать в каждой из стран специализированные комитеты в интересах оказания содействия расширению российско-японских дружественных отношений (Комитет XXI века в России и Форум 21 - в Японии), установить "горячую линию" связи между Кремлем и Канцелярией премьер-министра и др.

По сути дела в Красноярске была определена программа конкретных и весьма энергичных действий по продвижению вперед двусторонних отношений и обе стороны на высшем уровне подтвердили свою решимость добиваться реализации этой программы. Практически сразу после саммита в Красноярске, 13 ноября 1997 г. состоялся 9-й раунд регулярных консультаций на уровне министров иностранных дел России и Японии. В ходе указанных консультаций Е.Примаков и К.Обути обсудили конкретные мероприятия по исполнению достигнутых в Красноярске договоренностей, которые включали в себя: создание специальных групп во главе с заместителями министров иностранных дел обеих стран по реализации процесса заключения двустороннего политического договора, предоставление гарантий крупным коммерческим банкам для внешнеторгового страхования, проведение консультации на рабочем уровне по заключению Соглашения о защите инвестиций, открытие в Токио офиса Российского центра содействия иностранным инвестициям при Минэкономике России, проведение в кратчайшие сроки стажировки в Японии первой группы российских специалистов по программе подготовки управленческих кадров для предприятий, проведение международного симпозиума по проблемам энергетики и др.

Процесс дальнейшего развития двусторонних политико-дипломатических отношений на исходе 1997 г. ознаменовался открытием 27 декабря 1997 г. отделения Генконсульства Японии в Южно-Сахалинске, что способствовало активизации связей Японии с субъектом Российской Федерации, находящимся в непосредственной близости от японской территории.

Весьма динамичным в плане расширения контактов между двумя странами стал 1998 год. Уже в феврале состоялся визит в Россию министра иностранных дел Японии К.Обути, во время которого впервые было подписано межправительственное соглашение о рыбохозяйственном сотрудничестве двух стран в районе Южных Курил.⁷

Наиболее важным событием двусторонних отношений стала 2-я "встреча без галстуков" Президента России Б.Ельцина и премьер-министра Японии Р.Хасимото, состоявшаяся 18 - 19 апреля 1998 г. в японском курортном местечке Кавана. Эта встреча стала не только развитием практики неофициальных контактов руководителей двух стран, но и дала новый импульс российско-японским отношениям во всех областях. Лидеры двух стран в неформальной обстановке обсудили состояние широкого круга направлений российско-японских взаимоотношений и определили ближайшие перспективы их развития.

1. "Плав Ельцин - Хасимото". Оба руководителя отметили определенный прогресс в выполнении принятого на Красноярской встрече плана и согласились о необходимости активизации усилий по выполнению его положений в целях углубления двусторонних экономических связей. В частности, было принято решение об изучении предложения российской стороны по созданию инвестиционной компании, имеющей своей целью привлечение японских инвестиций в российскую экономику.⁸ Б.Ельцин в рамках практического наполнения плана также предложил партнеру сотрудничать в строительстве на Курилах крупного рыбоперерабатывающего завода с соответствующей инфраструктурой.

турой: причалами, погрузочными площадками, подъездными путями, аэропортом и т.д. Еще одно предложение касалось строительства крупного автомобильного завода в Московской области.

2. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.⁹ Руководители России и Японии обстоятельно обсудили красноярское предложение Б.Ельцина относительно заключения указанного договора и пришли к обоюдному мнению относительно того, что он должен содержать формулу, разрешающую вопрос о принадлежности четырех островов в соответствии со ст. 2 Токийской декларации, а также включать в себя принципиальные положения о дружбе и сотрудничестве Японии и России, направленные в 21 век. Для ускорения решения данного вопроса стороны согласились в ближайшее время провести очередное заседание подкомиссии на уровне заместителей министров иностранных дел Совместной японо-российской комиссии по вопросам заключения договора.

3. Создание соответствующего климата для разрешения проблемы "северных территорий". Президент Б.Ельцин и премьер-министр Р.Хасимото высоко оценили роль начавшихся в 1992 году обменов между жителями Японии и четырех южно-курильских островов в углублении взаимопонимания между двумя странами и приветствовали расширение состава участников таких двусторонних визитов. Со своей стороны Р. Хасимото, учитывая возникшие в последнее время на Южных Курилах перебои в снабжении электроэнергией, высказал намерение изучить возможность оказания содействия их населению путем предоставления дизельных электрогенераторов.¹⁰

4. Диалог по вопросам безопасности и обмена в области обороны. Оба лидера подтвердили свое намерение продолжать обмены на высоком уровне в военной области и одобрили план таких мероприятий на 1998 г. С учетом итогов Красноярской встречи Президент России и премьер-министр Японии договорились провести летом 1998 г. совместные учения японских Сил самообороны и российских Вооруженных сил по организации поисково-спасательных операции в северной части Японского моря.

5. Проведение совместных учений Японии, России и США по ликвидации последствий нефтяных загрязнений в акватории о. Сахалин. Оба руководителя одобрили трехстороннюю договоренность о проведении в середине мая 1998 г. в прибрежной акватории о. Сахалин (район г. Корсакова) японо-российско-американских совместных учений по ликвидации последствий загрязнения нефтью, которая гипотетически могла разлиться в результате возможных аварий при реализации проектов "Сахалин", а также об участии в этих учениях с японской стороны сторожевого корабля Управления безопасности на море.

6. Культурный обмен. Премьер-министр Р. Хасимото сообщил о плане проведения в России "Фестиваля японской культуры - 98", в рамках которого, в частности, в качестве одного из главных событий предполагалось совместное выступление М. Ростроповича, С. Одзава и оркестра Новой японской филармонии. Президент Б. Ельцин приветствовал это как шаг, способствующий еще большему расширению культурных связей между Японией и Россией. Еще одним заметным мероприятием в рамках фестиваля должна была стать фотовыставка работ премьер-министра Японии Р. Хасимото.

7. Дальнейший политический диалог. Лидеры Японии и России достигли принципиальной договоренности о продолжении практики проведения регулярных контактов лидеров двух стран. Главным итогом встречи для Японии стали: договоренность о том, что будущий двусторонний политический договор должен основываться на решении "территориального вопроса" в соответствии со ст.2 Токийской декларации, а так же высокая оценка российским Президентом плана Р.Хасимото по разрешению "территориальной проблемы",

представленного в ответ на "красноярские инициативы" Б.Ельцина, которые, по словам премьер-министра Японии, "оказались для него неожиданными". По оценкам экспертов, суть японских предложений для разрешения "территориальной проблемы" состояла в следующем. Японская сторона предлагала осуществить демаркацию границы, проведя линию пограничного размежевания двух стран "севернее острова Итуруп". России предоставлялось право в течении определенного периода временно осуществлять свое административное управление районом Южных Курил. Одновременно предполагалось приступить к выработке на двусторонней основе форм и методов практической передачи Японии административных прав на отошедшие к ней после демаркации территории - "северные острова" (Шикотан, группа Хабомай, Кунашир, Итуруп). Положение о демаркации границы должно быть зафиксировано в широкомасштабном двустороннем договоре о мире, дружбе и сотрудничестве.¹¹

Воплощение в жизнь некоторых договоренностей, достигнутых в Кавана, началось уже спустя два месяца - 13-14 июля 1998 г. состоялся визит в Японию Председателя правительства РФ С.Кириенко. Это был первый официальный визит главы российского правительства в Японию с момента установления межгосударственных контактов в 1855 г. Российский премьер-министр получил аудиенцию у императора Японии, провел обстоятельные переговоры с министром иностранных дел К.Обути, министром внешней торговли и промышленности М.Хориути, встретился с лидерами японских деловых кругов.¹²

Во время переговоров обе стороны согласовали "Основные положения концепции российско-японской инвестиционной компании", высоко оценили принципиальные договоренности по Соглашению о поощрении и защите капиталовложений и меморандум о данном Соглашении, подписанный послом России в Японии А. Пановым и министром иностранных дел Японии К.Обути, согласились продолжить взаимные консультации по вопросам энергетики и проблемам, связанным с глобальными изменениями климата, одобрили Соглашение о сотрудничестве в области малого и среднего предпринимательства между Россией и Японией.

В ходе указанного визита также было подписано кредитное соглашение о выделении совместно со вторым кредитом Всемирного банка для угольного сектора иенового транша на сумму в 800 млн. долл. в рамках несвязанного кредита Эксимбанка Японии в размере 1,5 млрд. долл. Одновременно состоялся обмен письмами о продлении на 5 лет срока действия двустороннего Соглашения о сотрудничестве в области исследований и использования космического пространства в мирных целях. На встречах японская сторона вновь выразила намерение оказывать помощь России в ее взаимоотношениях с международными экономическими организациями, а российская - проинформировала партнера о дальнейших планах осуществления экономических реформ в России.

Во время последовавшего в сентябре 1998 г. официального визита в Россию министра иностранных дел Японии М.Комура стороны продолжили конструктивный диалог по широкому кругу проблем. Состоялись переговоры японского гостя с премьер-министром России Е.Примаковым, с министром иностранных дел И.Ивановым как сопредседателем совместной комиссии по подготовке мирного договора. В формате встречи сопредседателей российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам были проведены консультации между М.Комура и первым вице-премьером Ю.Маслюковым.

Своеобразным итогом российско-японских отношений в 1998г. стал официальный визит 11-13 ноября 1998 г. в Россию премьер-министра Японии К.Обути, последовавший спустя 25 лет после официального визита премьер-министра Японии К.Танака в Советский Союз в 1972 г. Главным результатом

визита стало подписание Московской декларации "Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией".¹³ В соответствии с указанной декларацией, обе стороны признали важнейшей задачей "установление долгосрочного созидательного партнерства на базе принципов доверия, взаимной выгоды, долгосрочной перспективы и тесного экономического сотрудничества". Кроме того, была достигнута договоренность о создании подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах, одобрено подписание Соглашения о поощрении и защите инвестиций, рассмотрены результаты реализации "Плана Ельцин-Хасимото". В Московской декларации российская сторона впервые на официальном уровне поддержала стремление Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.¹⁴

В ходе состоявшихся во время визита переговоров Президент России Б.Ельцин дал ответ на "каванские предложения" бывшего премьер-министра Р.Хасимото об урегулировании "территориальной проблемы" в российско-японских отношениях. Суть ответа, по заявлениям представителей российских правительственных кругов и экспертов, состояла в следующем: приложить все усилия к созданию условий и благоприятной атмосферы для "совместной хозяйственной деятельности" на Южных Курилах без нанесения ущерба юридическим позициям обеих сторон. Помимо этого, ответ предусматривал заключение отдельного соглашения по территориальной проблеме после подписания двустороннего договора о мире, дружбе и сотрудничестве.

Последующий 1999 г. по сути дела стал знаковым для российско-японских отношений в плане реализации поставленных на предыдущем этапе задач по формированию созидательного партнерства. В первой половине года состоялся интенсивный обмен официальными визитами высоких должностных лиц обоих государств, который отражал обоюдное понимание сторонами того, что основой созидательного партнерства является широкое и активное развитие всего комплекса двусторонних отношений.

В марте 1999 г. в Токио состоялось очередное заседание двусторонней Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, возглавляемой соответственно первым заместителем председателя правительства РФ Ю.Маслюковым и министром иностранных дел Японии М.Комура. Во время встречи было подписано Соглашение о создании российско-японской комиссии по молодежным обменам. На основе этого Соглашения в течение года по линии "Центра Обути-Ельцин" Японию должны были посетить несколько групп российских студентов, молодых журналистов, дипломатов и военнослужащих.¹⁵

Во время февральского (20-23) визита министра иностранных дел РФ И.Иванова в Японию и майского (28-30) визита министра иностранных дел Японии М.Комура в Россию продолжился углубленный диалог по вопросу пограничного размежевания.¹⁶ На переговорах в Токио и в Москве российская сторона руководствовалась прежними основополагающими принципами - пограничное размежевание с Японией может быть только взаимоприемлемым, не наносящим ущерба суверенитету и территориальной целостности России. На этих же переговорах российской стороной были даны разъяснения по предложению Президента России Б.Ельцина, сделанному на ноябрьской 1998 г. встрече с премьер-министром К.Обути. Суть предложения состояла в следующем: 1) заключить отвечающий современным реалиям договор о мире, дружбе и сотрудничестве; 2) обозначить в этом договоре принципиальную направленность дальнейших усилий по выходу на решение проблемы территориального размежевания; 3) конкретные координаты прохождения линии границы зафиксировать в отдельном документе, который будет принят в случае выработки обоюдоприемлемого окончательного решения данного вопроса.

Проблема широкомасштабного двустороннего договора обсуждалась министром иностранных дел Японии М.Комура во время майского визита и с председателем правительства РФ С.Степашиним. На этой встрече также рассматривались конкретные проекты двустороннего сотрудничества в сфере энергетики, транспорта, коммуникаций, подготовки кадров. Японская сторона подтвердила свою готовность продолжить кредитование России в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями о выделении России финансовых средств после достижения ей необходимого соглашения с МВФ.¹⁷

Очередная российско-японская встреча на высоком уровне имела место в сентябре 1999 г., когда в рамках совещания АТЭС в Окленде (Новая Зеландия) 9 - 12 сентября состоялась беседа между председателем правительства РФ В.Путиным и премьер-министром Японии К.Обути.

Добровольная отставка первого Президента России Б.Ельцина не внесла изменений в динамику политико-дипломатических контактов России и Японии в 2000 г. Уже в январе состоялась встреча премьер-министра Японии К.Обути и первого вице-преьера правительства России М.Касьянова, который посетил Токио для участия во встрече министров финансов "восьмерки".

В феврале 2000 г. состоялся официальный визит в Японию министра иностранных дел России И. Иванова. На переговорах с министром иностранных дел Японии Ё.Коно российский министр обсудил вопросы ответного визита в Японию российского Президента, предстоящего в июле 2000 г. саммита "восьмерки" на Окинаве, текущие проблемы российско-японских отношений. Японский министр проинформировал партнера о решении японского правительства выделить 120 млн. долл. на утилизацию выведенных из боевого состава российского Тихоокеанского флота атомных подводных лодок, а также 20 млн. долл. на деятельность Московского научно-технического центра, созданного на основе Соглашения между Россией, США и Японией. В дни этого визита Государственная Дума РФ ратифицировала Соглашение между правительствами России и Японии о поощрении и защите капиталовложений.

Важным достижением в области российско-японских политических взаимоотношений в рассматриваемый период стали активизация двустороннего диалога по вопросам обеспечения безопасности и установление и развитие контактов по линии военных ведомств двух стран. Развивая диалог по вопросам обеспечения безопасности, обе стороны исходят из того, что контакты в военной области не только укрепляют доверие и взаимопонимание в двусторонних отношениях, но и "способствуют позитивным процессам совершенствования мер доверия и обеспечения транспарентности в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе".¹⁸ Это свидетельствует о единстве мнений России и Японии относительно того, что развитие конструктивных военных связей между двумя странами является взаимной гарантией их национальной безопасности.

Контакты в военной области стали следствием не только заметно повысившегося уровня политических взаимоотношений между Россией и Японией. Важным фактором активизации этих контактов стала изменившаяся в регионе военно-политическая обстановка (ВПО) и связанное с ней известное перераспределение ролей среди ведущих региональных держав. В частности, одним из побудительных для Токио моментов в налаживании связей с Россией в военной области, по оценкам японских экспертов, стала обеспокоенность Японии ростом комплексной мощи и влияния Китая, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военная составляющая российско-японских отношений, по расчетам японской стороны, могла бы существенно повысить порог безопасности Японии.¹⁹ Вместе с тем во многом определяющие японскую стратегию военно-политические обязательства Токио перед Вашингтоном в рамках

двусторонних соглашений и достаточно подвижная ВПО в регионе определяют сдержанность японской стороны в вопросах, касающихся расширения военных связей с Россией, ограничивая их развитие определенными рамками. В информационном бюллетене посольства Японии в РФ в этой связи подчеркивается: "Принципиальная позиция Японии заключается в том, что контакты в этой (военной - Авторы) области должны устойчиво расширяться и соответствовать по своему уровню тому прогрессу, который наблюдается в японо-российских отношениях в целом (выделено авторами).²⁰

Тем не менее вне зависимости от мотивировки развития двухсторонних военных контактов, следует признать важность, своевременность и непреходящее значение установления и развития взаимоотношений между Россией и Японией в военной области, взаимоотношений, углубление которых объективно способствует укреплению доверия не только на двустороннем уровне, но и в масштабе всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Первые шаги в направлении установления и развития российско-японских контактов в военной сфере были предприняты на неофициальном уровне. В феврале 1993 г. накануне открытия совместного семинара по вопросам оборонной политики с участием экспертов Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (ЦВСИ ГШ ВС РФ) и специалистов Национального института оборонных исследований Управления национальной обороны Японии (НИОИ УНО), Японию посетил тогдашний первый заместитель начальника ГШ ВС РФ генерал-полковник А.Николаев, который выступил с докладом о содержании новой военной доктрины России. (С этого времени такие семинары проводятся два раза в год, поочередно в Токио и в Москве.) Спустя два года, в марте 1995 г., во время рабочего визита в Японию тогдашнего министра иностранных дел России А.Козырева, состоялись переговоры сопровождавшего его генерал-полковника Б.Громова, бывшего в то время заместителем министра обороны РФ, с заместителем начальника УНО Японии С.Хатакэяма. Эти две встречи высокопоставленных военных, а так же встречи военных экспертов двух стран в двустороннем и многостороннем форматах, проходившие на регулярной основе в 1993-96 гг. стали прологом к началу процесса установления и развития официальных взаимоотношений между Россией и Японией в военной области.

Первая в истории российско-японских отношений встреча на высшем военном уровне состоялась в ходе официального визита в Россию в апреле 1996 г. начальника УНО Х.Усуи. На переговорах с министром обороны РФ генералом армии П.Грачевым была достигнута договоренность о дальнейших шагах, направленных на развитие мер доверия в военной области, включая реализацию обменов между Силами самообороны Японии и Вооруженными силами РФ. По итогам переговоров был подписан протокол о мерах доверия в военной области. Закреплением итогов этой встречи на высшем военном уровне и первым шагом в реализации достигнутых договоренностей стал визит в июле (26-29) 1996 г. в порт г. Владивостока японского эсминца УРО "Курама", приуроченный к празднованию 300-летия Российского военно-морского флота.

Первый визит российского министра обороны генерал-полковника И.Родионова в Японию состоялся 16-18 мая 1997 г. К этому времени российско-японские контакты в военной области стали приобретать определенную динамику. В течение года после визита начальника УНО в Россию был предпринят целый ряд практических шагов, таких как визит в Японию командующего Тихоокеанским флотом адмирала В. Куроедова, встреча ответственных представителей военных ведомств двух стран, совещание в рамках Соглашения между правительствами России и Японии о предотвращении инцидентов на море, продолжился обмен военными учеными двух стран.

В ходе указанного визита министр обороны РФ И. Родионов провел переговоры с начальником УНО Ф.Кюма, министром иностранных дел Ё.Коно, посетил базу военно-морских сил самообороны в г.Йокосука. В ходе переговоров И.Родионова с высшим военным и политическим руководством Японии была достигнута принципиально важная договоренность о переводе консультаций между представителями оборонных ведомств двух стран на регулярную основу. Стороны договорились образовать рабочую группу для утверждения годовых планов обменов, обсуждения мер доверия, уведомления друг друга о проведении крупномасштабных учений (маневров), обмена информацией об основных направлениях оборонной политики двух стран. Исходя из задач расширения диалога и установления доверительных отношений, стороны выразили единое мнение о необходимости расширения двусторонних контактов в военной сфере.²¹

Во исполнение достигнутых во время визита договоренностей, 27-30 июня токийский порт Харуми посетил большой противолодочный корабль (БПК) российского Тихоокеанского флота "Адмирал Виноградов", в сентябре 1997 г. в Москве был подписан Меморандум о намерениях по сотрудничеству в переподготовке на гражданские специальности российских военнослужащих, уволенных из рядов ВС РФ на Дальнем Востоке.

Достигнутые в мае 1997 г. договоренности получили свое развитие во время японо-русской встречи на высшем уровне в Красноярске 1-2 ноября 1997 года. На ней Президент России и премьер-министр Японии условились расширять диалог по вопросам обеспечения безопасности, обсуждать конкретные меры сотрудничества в этой области, а также искать возможности проведения совместных учений Сил самообороны Японии и Вооруженных сил РФ по признанной необходимой с гуманитарной точки зрения деятельности, включая спасательные работы во время стихийных бедствий и техногенных катастроф.

В январе 1998 года состоялся визит в Россию заместителя начальника УНО Японии по административным вопросам М.Акияма. В ходе переговоров М.Акияма с министром обороны России маршалом И. Сергеевым, главкомом ВМС адмиралом флота В. Куроедовым, начальником Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ генерал-полковником Л.Ивашевым были обсуждены вопросы реализации программы военных обменов, утверждены графики проведения совместных учений и обменов представителями военных ведомств двух стран. На заключительном этапе визита М.Акияма посетил части Дальневосточного военного округа.

31 мая - 7 июня 1998 г. состоялся первый визит в Россию председателя Объединенного комитета начальников штабов Сил самообороны Японии К.Нацукава, который встретился и провел переговоры с министром обороны РФ маршалом И. Сергеевым, начальником Генерального штаба Вооруженных сил РФ генералом армии А. Квашниным, главкомами видов Вооруженных сил, начальниками главных (центральных) управлений МО РФ. К.Нацукава провел пресс-конференцию в ИТАР-ТАСС, посетил Таманскую дивизию, авиабазу в Кубинке. Во время встреч состоялся обмен информацией о военном строительстве в Японии и в России, выявлены подходы сторон к проблемам обеспечения и укрепления безопасности в АТР, согласованы совместные мероприятия по дальнейшему развитию двусторонних связей в военной области. В конце визита К. Нацукава посетил г. Владивосток, где встретился с командованием Тихоокеанского флота и властями Приморья.

Во исполнение договоренностей, достигнутых во время визитов М. Акияма и К.Нацукава, 29 - 30 июля 1998 г. в заливе Петра Великого, расположенном в северной части Японского моря в 390 километрах восточнее г.Владивостока, состоялись первые российско-японские учения по организации

и проведению поисково-спасательных операций. С японской стороны в учениях приняли участие эсминцы УРО "Курама" и "Ямагири".

29 ноября - 2 декабря 1998 года впервые состоялся визит в Москву японской делегации во главе с заместителем начальника Управления оборонного планирования штаба сухопутных сил самообороны Накамура. В ходе визита состоялись его встречи с начальником Главного управления сухопутных войск Министерства обороны, представителями Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ. Делегация также посетила Бронетанковую Академию им. Малиновского.

Первый визит в Японию начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерала армии А. Квашнина состоялся 4-8 декабря 1998 г. Визит был согласован на предыдущих переговорах руководства МО РФ и УНО Японии и утвержден на "встрече без галстуков" Президента России Б.Ельцина и премьер-министра Японии Р. Хасимото в апреле 1998 г. в Кавано. А. Квашнин провел переговоры с председателем Объединенного комитета начальников штабов Сил самообороны Японии К.Нацукава, имел встречи с министром иностранных дел Японии М.Комура, начальником УНО Японии Х.Норота, посетил базу морских сил самообороны в г.Йокосука и общевоинское училище сил самообороны "Фудзи". В ходе встреч и переговоров А.Квашнина с представителями военно-политического руководства Японии был обсужден широкий круг вопросов, в том числе: проблемы безопасности в АТР, состояние и перспективы развития российско-японских контактов в военной области. Обе стороны согласились, что предпринимаемые Россией и Японией усилия по развитию мер доверия в военной области имеют важное значение для стабилизации военно-политической обстановки в регионе. Российской стороной был поднят вопрос о создании нормативно-правовой базы развития двусторонних отношений в военной области. Одновременно было сделано предложение о подписании соответствующего двустороннего соглашения. По окончании переговоров было опубликовано "Совместное сообщение о взаимных визитах председателя Объединенного комитета начальников штабов Сил самообороны Японии К. Нацукава и начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ А. Квашнина".

Динамика 1998 г. в области российско-японских военных контактов была сохранена и в следующем году. В апреле 1999 г. по приглашению командующего морскими силами самообороны Ямадзаки в Японии с официальным визитом побывал командующий Тихоокеанским флотом РФ адмирал М. Захаренко. В августе (15-19) состоялся второй визит начальника УНО в Россию, во время которого он посетил Москву, Владивосток и Находку. В ходе переговоров глав оборонных ведомств России и Японии состоялся обмен мнениями по вопросам оборонной политики двух стран, по оценкам ситуации в регионе, о двустороннем диалоге по вопросам обеспечения безопасности и контактах в военной области. Обе стороны высоко оценили устойчивый прогресс в российско-японских военных связях последних лет и подчеркнули необходимость дальнейшего их развития как важной составляющей российско-японских отношений в целом. По итогам визита впервые был подписан "Меморандум о создании основ для развития диалога и контактов между Управлением национальной обороны Японии и Министерством обороны Российской Федерации", который, по сути, представил собой программу совместных мероприятий на краткосрочную перспективу.²² Во время состоявшихся во Владивостоке встреч с командованием Тихоокеанского флота были обсуждены актуальные проблемы двусторонних отношений в военной области, в том числе проблема установления "горячей линии связи" между штабами Тихоокеанского флота и морских сил самообороны Японии с целью оперативного взаимного оповещения об инцидентах на море.

В соответствии с планом взаимных обменов, 16-20 сентября 1999 г. в порт военно-морской базы г.Екосука прибыл БПК ТОФ России "Адмирал Пантелеев", который принял участие во вторых совместных российско-японских учениях по поиску и спасению.

В рамках Плана мероприятий МО РФ на 2000 г. по развитию связей с армиями зарубежных государств и в соответствии с договоренностью глав военных ведомств России и Японии в августе 1999 г., в период с 13 по 17 февраля 2000 г. по приглашению Главкома ВМФ адмирала В. Куроедова в России с официальным визитом находился начальник штаба морских сил самообороны Японии адмирал К. Фудзита. Состоялись встреча К. Фудзита с начальником Генерального штаба ВС РФ генералом армии А. Квашниным, на переговорах в Главном штабе ВМФ была уточнена программа взаимодействия между ВМФ России и морскими силами самообороны Японии на краткосрочную перспективу, достигнута договоренность о проведении летом 2000 г. очередных совместных учений по отработке задач поиска и спасения на море, организации связи и маневрирования в соответствии с Соглашением между правительствами Российской Федерации и Японии о предотвращении инцидентов на море. Во время посещения г.Владивостока в рамках данного визита К. Фудзита встретился с командующим ТОФ адмиралом М.Захаренко, побывал на гвардейском ракетном крейсере "Варяг".

Спустя неделю после визита К. Фудзита в Россию, в Токио состоялись шестые по счету двусторонние консультации в рамках межправительственного соглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод и в воздушном пространстве над ним. Практически одновременно в Токио проходила очередная встреча российских и японских военных ученых с участием сотрудников ЦВСИ ГШ ВС РФ, Академии Генерального штаба и НИОИ УНО Японии, на которой обсуждался широкий круг проблем региональной безопасности, рассматривались формы и методы развития двусторонних контактов в военной области. По указанным вопросам был проведен совместный семинар.

Развитие и углубление российско-японских контактов в военной области являются не только важной составляющей двусторонних отношений в целом, но и имеют вполне конкретное практическое значение с точки зрения формирования новой военно-политической ситуации в регионе. Эта новая для российско-японских взаимоотношений сфера оказывает возрастающее воздействие на стабилизацию региональной обстановки и формирование коллективной (или кооперативной) системы безопасности в АТР в целом.

Таким образом, российско-японские отношения в политико-дипломатической и военной областях в период 1993-2000 гг. развивались беспрецедентными для истории двусторонних связей темпами и характеризовались достижением обширного ряда результатов - от установления устойчивых личных связей между главами государств, руководителями внешнеполитических и военных ведомств до обменов визитами военных кораблей - результатов, которых не было даже в самых смелых оптимистических прогнозах двусторонних отношений.

Экономическое сотрудничество

Российско-японские торгово-экономические отношения значительно отстают от политической составляющей межгосударственных отношений на современном этапе. Причины этого явления многообразны и их источником являются как внутриэкономическая ситуация в обеих странах, так и их внешнеэкономические стратегии в отношении друг друга.

В начале 90-х годов появилась тенденция к существенному сокращению двустороннего товарооборота более, чем на 30% (в 1990 г. товарооборот составлял 5,913 млрд. долл., а в 1992 г. - 3,47 млрд. долл.).²³ Непосредственными причинами этого стали: снижение российской стороной импортных закупок, в том числе централизованных, сокращение импортных субсидий, падение экспортных цен на традиционные товары российско-японской торговли и др.

Визит российского Президента в Японию в октябре 1993 г. позволил создать благоприятные предпосылки для стабилизации двусторонних экономических связей и повышения их уровня. В совместной Декларации о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений была заложена политико-экономическая база для разработки эффективных мер, направленных на исправление создавшейся ситуации, дальнейшее развитие двусторонних торгово-экономических связей и создание организационно-правового механизма для их осуществления.

Во время визита в Японию в ноябре 1994 г. первого вице-премьера О.Сосковца была достигнута договоренность о создании Межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическим вопросам, сопредседателями которой стали О.Сосковец и министр иностранных дел Японии Ё.Коно. В рамках комиссии были созданы три подкомиссии: по разработке предложений по ликвидации препятствий в двусторонних экономических отношениях и повышению активности частного капитала, по обеспечению программ помощи России, по укреплению экономических связей между Японией и дальневосточными районами России. На первом заседании МПК в марте 1996 г. во время визита министра иностранных дел Японии Ю.Икэда в Москву был принят совместный доклад о состоянии и перспективах развития двусторонних экономических отношений. На втором заседании в июне 1997 г. во время визита в Японию российского вице-премьера Б.Немцова была выработана совместная позиция о важности увеличения притока внутренних и внешних инвестиций в Россию и о необходимости активизации процесса привлечения частных капиталовложений в ее экономику.

С начала перехода России на рыночный путь развития экономики, Япония оказала ей финансовую помощь в размере 4,5 млрд. долл.²⁴ (на безвозмездной основе - 370 млн. долл., 4,1 млрд. долл. в виде займов, в том числе 1,8 млрд. долл. для гарантирования внешнеторгового страхования). В 1997 г. России был предоставлен несвязанный кредит в размере 1,2 млрд. долл. для "проведения реформ". С ноября 1997 г. вступила в силу договоренность по внешнеторговому страхованию, согласно которой не только гарантии правительства РФ, но и гарантии российских коммерческих банков были признаны достаточными для предоставления такого страхования; значительно снизились ставки страхования; краткосрочное торговое страхование - "usance" - увеличилось до одного года по сравнению с предыдущим " at sight"; расширилось число уполномоченных банков, Л/С которых стали приниматься.

Япония оказала реальную практическую помощь России в различных областях: в Японию для краткосрочного обучения были приглашены специалисты и стажеры (300 чел. в 1998 г.)²⁵ и этот процесс продолжается и по сегодняшний день, осуществляется Программа содействия российской внешней торговле и промышленности. В рамках Парижского и Токийского клубов Япония согласилась на отсрочку погашения Россией официальных займов (более 1,5 млрд. долл.). России оказывается содействие в сфере подготовки кадров и организации финансирования научно-технических проектов: открыты японские центры по подготовке специалистов (Москва, Хабаровск, Владивосток, Южно-Сахалинск), на Дальнем Востоке создан совместно с ЕБРР региональный венчурный фонд (Хабаровск). Япония приняла участие в процессе оказа-

ния России конкретной технической помощи в утилизации военных и промышленных ядерных отходов, а также внесла свой вклад в обеспечение безопасности российской ядерной энергетики.

Определенные результаты были достигнуты и в инвестиционной сфере: Япония предоставила России кредит в размере 200 млн. долл. на строительство нефтеперерабатывающего завода в Ярославле. Японский банк реконструкции промышленности приобрел 12% акций Международного московского банка (20 млн. долл.), были заключены контракты на реконструкцию КамАЗа (120 млн. долл.) и на восстановление нефтяных скважин (700 млн. долл., "Мицуи-Лукойл") и др.

В рамках кредитной политики в 1990 -1994 г. японская сторона обеспечила кредитованием следующих проектов: "газ-трубы" (700 млн. долл.), реконструкции радиорелейной линии Москва-Хабаровск (200 тыс. долл.), приобретения в Японии промышленного оборудования для российских предприятий (400 млн. долл.), 200 млн. долл. было выделено на оказание России гуманитарной помощи. В январе 1998 г. правительство Р. Хасимото приняло решение о выделении России несвязанного кредита в размере 1,5 млрд. долл. Первый транш этого кредита (400 млн. долл.) был получен в июле 1998 г., второй (375 млн. долл.) - в ноябре 1999 г. В декабре 1999 г. Банк международного развития Японии в соответствии с соглашением со Всемирным банком о предоставлении очередного угольного займа выделил России 100 млн. долл.²⁶ Несколько ранее, в октябре 1998 г., Япония заявила о готовности предоставить России "экологический кредит" в размере 2 млрд. долл. для перевода работы 20 российских тепловых электростанций с угля на природный газ.²⁷

Следует подчеркнуть, что инвестиционная составляющая явно не соответствовала возможностям экономического сотрудничества двух стран, поскольку, по оценкам экспертов, постоянно существовала проблема невозврата российской стороной ранее полученных кредитов. Прежде всего речь шла о долге СССР Японии в размере более 2 млрд. долл. В мае 1997 г. между Россией и Японией состоялся обмен нотами об урегулировании указанного долга в рамках Парижского клуба. По данным Министерства торговли России, на апрель 1998 г. унаследованный от СССР долг России частным японским фирмам ("Токийский клуб") составлял около 1,1 млрд. долл. По договоренности с японской стороной большая часть этого долга в размере 925 млн. долл. должна быть урегулирована в рамках Лондонского клуба. (Задолженность мелким и средним японским фирмам составляла около 90 млн. долл.).

Однако, несмотря на предпринимаемые обеими сторонами усилия, кризисные явления в российско-японских торгово-экономических отношениях преодолеть не удалось. Наивысшая отметка в двустороннем товарообороте была достигнута в 1995 г. Она составила 5,9 млрд. долл. В последующих 1996 и 1997 гг. эти показатели снизились до уровня 4,9 и 5 млрд. долл. соответственно. Финансово-экономическая ситуация в России после августа 1998 г. и банковский кризис в Японии негативно воздействовали на двусторонний объем торговли, который упал в 1998 г. до 3,8 млрд. долл., а за 9 месяцев 1999 г. составил всего 3 млрд. долл. (96% от уровня 1998 г.). Таким образом, доля России в торговом обороте Японии опустилась ниже 1%, а доля Японии в российском торговом обороте составила 3%.

За прошедшие годы не претерпела никаких изменений структура российско-японской торговли. Как и в структуре торговли между СССР и Японией в японском импорте до 90% составляют сырье и продукты его первичной переработки, цветные и черные металлы, лес и лесоматериалы, уголь, нефть, биоресурсы и морепродукты. В российском импорте преобладает продукция общего машиностроения, автомобилестроения, бытовой электроники, легкой

промышленности. В 1999 г. российский экспорт по таким видам товаров как круглый лес, морепродукты и платина вырос на 24%. Однако "августовский кризис" 1998 г. подорвал способность российской стороны наращивать импорт необходимой продукции в силу нехватки валюты и значительной задолженности по прежним контрактам. Это весьма негативно отражается на объеме двусторонней торговли.

Согласно статистическим данным Госкомстата РФ, на первую половину 1999 г. объем японских инвестиций в российскую экономику составил примерно 336 млн. долл. - около 1,3% от всего объема иностранных капиталовложений в России. По этому показателю Япония находится на 9-м месте, а по уровню прямых инвестиций в России (141,3 млн. долл.) - на 12-м месте.

С начала 90-х годов активно развивалась такая форма российско-японского сотрудничества, как совместные предприятия (СП). В настоящее время в России действует 380 СП с японским капиталом, из них 300 - на Дальнем Востоке. Однако вклад этих компаний в экономическое развитие региона, как показала практика, остается весьма незначительным. Инвестиционная политика в рамках этих СП является отражением общей инвестиционной стратегии Японии в отношении России. Так, в первом полугодии 1999 г. японские инвестиции в Хабаровском крае достигли всего 7,25% от всех иностранных инвестиций в крае.²⁸

С точки зрения анализа динамики российско-японских экономических связей последних лет следует обратить внимание на конкретные результаты совместной хозяйственной деятельности двух стран в районе Южных Курил на базе Соглашения о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских биологических ресурсов от 21 февраля 1998 г. В рамках этого Соглашения в 1999г. японской стороне в качестве квоты на лов в экономической зоне России было выделено около 2 тыс. тонн минтая, терпуга и некоторых других видов рыбы. Размер денежной компенсации составил около 190 тыс. долл. Кроме того, Хоккайдосская ассоциация рыбопромышленников выделила более 140 тыс. долл. на приобретение российской стороной оборудования для научных исследований в области рыбозаведения. В соответствии с Соглашением японское правительство предоставило свыше 2,25 млн. долл. для технического содействия программам развития Сахалинской области. Условия промысла японскими рыбаками биоресурсов в территориальных водах России были сохранены и на 2000 г.

Российско-японское рыболовное сотрудничество, по оценкам экспертов, обладает колоссальным потенциалом развития, который может сдвинуть, по сути, с мертвой точки двустороннюю торговлю в целом. Однако слабость контроля и чрезвычайно высокий уровень криминализации этой сферы с обеих сторон серьезно затрудняют реализацию этого потенциала.²⁹

Важной составляющей экономических связей являются научно-технические контакты между российской и японской сторонами - область, в которой японские представители проявляют реальную заинтересованность. Это связано с тем, что Россия достигла значительных результатов в сфере фундаментальной и прикладной науки, обладает перспективными разработками и технологиями двойного применения. При наметившемся в Японии отставании по ряду направлений в научно-технической сфере, последняя, используя несовершенство российской патентной системы и слабость контроля со стороны государства, намеревается при минимальных издержках повысить конкурентоспособность своей наукоемкой продукции за счет внедрения передовых российских разработок. В сфере фундаментальной науки значительный интерес для японской стороны представляют достижения российских ученых в области управляемой термоядерной реакции. Государственные научно-

исследовательские центры и частные корпорации Японии проявляют серьезную заинтересованность к развитию творческих и деловых связей с российской стороной в сфере точной механики, лазерных технологий, металлообработки, новых композитных материалов и др. Однако и на этом направлении в силу многих объективных и субъективных причин стороны не смогли добиться значительных успехов.

Некоторые перспективы двусторонних отношений

Общая картина российско-японских экономических связей, во многом отраженная в "Плане Ельцин-Хасимото", в отчетах и прогнозах правительственных чиновников в целом носит благоприятный характер и создает впечатление о широких перспективах двустороннего экономического сотрудничества.³⁰

Однако при более тщательном анализе факторов развития двусторонних экономических отношений приходится делать вывод о том, что для позитивных сдвигов еще не создана прочная экономическая и правовая база и все благоприятные прогнозы строятся, в большой мере, на основе благих пожеланий и политических планов, которые пока не носят конкретного характера. Реальные же факты свидетельствуют о следующем:

1. Взаимодополняемость российской и японской экономик не является абсолютным фактом текущего периода. Следует признать, что не использование действительно существующего двустороннего потенциала экономического взаимодействия обусловлено реальным экономическим состоянием России и Японии, которые находятся на разных стадиях экономического и технологического развития: Япония - на переходном этапе к постиндустриальному обществу, Россия - в весьма медленном темпе движется к созданию основ рыночной экономики. По объему ВВП Япония опережает Россию более чем в 5 раз. К началу 90-х годов разрыв между Россией и Японией по производству электронной продукции составлял, по оценкам экспертов, до 20 лет, по насыщенности промышленности вычислительной техникой - в 50, производству автомобилей - в 10 раз. Как отмечалось ранее, во внешнеторговом обороте Японии доля России составляет немногим более 1% (18-е место после Малайзии, Таиланда, Индонезии). Даже в сырьевом обеспечении Японии доля России составляет менее 1% по стоимости. Ни по одной из статей импорта и экспорта Японии Россия не занимает существенных позиций за исключением редкоземельных металлов, таких как платина, палладий, отчасти золото. В равной мере в качестве экспортного рынка Россия не соответствует потенциальным экспортным возможностям Японии. Япония с точки зрения своей экономической безопасности объективно практически не зависит от России.³¹

Имеющаяся заинтересованность японских деловых кругов в развитии "цивилизованных" экономических взаимоотношений с Россией не может быть в полной мере реализована на современном этапе и в силу реалий российского рынка. В России до сих пор по сути дела отсутствует нормативно-правовая база и другие важные условия для нормального функционирования японского бизнеса и капитала. В качестве таких условий выступают:

- стабильность и предсказуемость политического и экономического положения в России;
- развитая рыночная инфраструктура - банки, страховые компании, биржи, частное право, рынок земли, механизмы определения издержек и ценообразования, налоговое право и др.;
- эффективный механизм экономического стимулирования на федеральном и региональном уровнях, особенно в вопросах поощрения инвестиционной деятельности;

-наличие достаточной обеспеченности элементами хозяйственной инфраструктуры;

- наличие квалифицированной рабочей силы;

-наличие информационной системы, отвечающей международным стандартам.³²

Эти и целый ряд других конкретных факторов сдерживают рост прямых японских инвестиций в российскую промышленность и заставляют японских инвесторов занимать выжидательную позицию, которую в своих целях использует политическое руководство страны.

Кризис в инвестиционно-промышленном сотрудничестве объективно обусловлен критическим финансовым состоянием российского партнера, который не может выдавать гарантийные обязательства в соответствии с требованиями Минфина России. По этой причине практически все существующие актуальные проекты не могут финансироваться Банком международного развития Японии.³³

Японский капитал более жестко и прагматично, чем другие западные партнеры, подходит к политическим и иным рискам, существующим на российском рынке, а на этом направлении в России пока не достигнуто существенного прогресса.

Россия на сегодня значительно слабее Японии в части, касающейся инструментов государственного содействия развитию экономических связей и с этой точки зрения не удовлетворяет японских инвесторов. Слабым звеном торгово-экономических отношений двух стран является весьма поверхностное знание друг друга, проявляемое потенциальными субъектами двухстороннего торгово-экономического сотрудничества, что едва ли не определяющим образом априори сводит до минимума "светлые перспективы" такого сотрудничества.³⁴

Российские чиновники и предприниматели до сих пор не имеют четкого представления и, похоже, не хотят его иметь в отношении специфики "японского торгово-экономического менталитета", особенностей экономической стратегии Японии в целом, что крайне необходимо для того, чтобы ослабить политизацию официальным Токио экономической политики на российском направлении и использовать потенциальную реальную заинтересованность прагматичных деловых кругов Японии в развитии экономических связей с Россией.³⁵

Таким образом, в своей основе стагнация в российско-японских экономических отношениях - явление объективно обусловленное. Это дает основание говорить о некорректности утверждений о причинно-следственной связи между урегулированием территориальной проблемы в российско-японских отношениях и "прорывом" в экономических связях между двумя странами.

Объективная обусловленность стагнации в экономическом сотрудничестве двух стран заставляет более тщательно проанализировать политическую мотивацию дипломатической активности Токио на российском направлении.

По мнению некоторых западных аналитиков, до 1996 г. главной политической целью Японии в отношении России был возврат "северных территорий" и "ничего больше" Японии от России было не нужно.³⁶ Активизация политики Токио на российском направлении в последующий период была обусловлена "новой эрой неопределенности в международных отношениях в Азии", которая характеризовалась рядом факторов. Во-первых, с окончанием противостояния СССР и США создались предпосылки к "неадекватному поведению" России на международной арене, которая продолжала оставаться мощнейшей ядерной державой, но одновременно "погрузилась в пучину" внутренних политических неурядиц и экономического хаоса. Во-вторых, нарушились рамки, в которых прежде разрешались все конфликты по линии Восток-Запад. Идеология, коммунизм или антикоммунизм перестали быть движущей силой политики и их

место стал занимать национализм. Для Японии это могло означать потерю контроля над потенциальными конфликтами с такими крупными государствами как Китай (из-за островов Сэнкаку), Республика Корея (из-за островов Такэсима), и даже США (из-за проблемы американских военных баз на о.Окинава). В этом смысле территориальные проблемы с Китаем и Республикой Корея уже были бы неотделимы от аналогичной проблемы с Россией, и Япония была бы не вправе выдвигать свои требования в отношении России без пересмотра всех результатов войны на Тихом океане. В-третьих, окончился советско-китайский конфликт и начался период сближения России и Китая. В-четвертых, наращивание Китаем комплексной мощи ослабляет роль Японии в обеспечении региональной безопасности, меняя всю конфигурацию движущих сил не в пользу Токио. Эти и другие факторы, по мнению американского эксперта Т.Хасэгава, свидетельствовали о необходимости выбора Японией многополярной ориентации в регионе, что и стало непосредственным толчком для "политического сближения" с Россией.³⁷ Однако главной предпосылкой к этому, считает Т. Хасэгава, продолжали оставаться Курильские острова. Тем самым автор считает, что в ряду многочисленных факторов, способствующих политическому сближению России и Японии как по вопросам международной политики, так и двусторонних отношений, территориальный вопрос для Токио имел и продолжает иметь приоритетное значение.

На фоне значительных результатов последних лет в политико-дипломатической области двусторонних отношений представляется нелогичным строить анализ российской политики Японии на основе пресловутой "территориальной проблемы". Однако факты дают основания предполагать, что версия американского исследователя имеет под собой определенное основание.

После того, как в январе 2000 г. председатель правительства России В. Путин совместил свой пост с постом исполняющего обязанности Президента России, одно из первых поздравлений он получил от премьер-министра Японии. Практически сразу состоялся телефонный разговор глав двух государств, в котором В.Путин заверил японского партнера в том, что он придает важное значение всестороннему развитию двусторонних связей и будет прилагать все силы для расширения достигнутых результатов.

По оценкам западных экспертов, события в Чечне и позитивные, но сдержанные высказывания В.Путина о российско-японских отношениях зародили в Токио сомнения относительно готовности Москвы вести переговоры о заключении мирного договора в тональности и манере прежнего Президента России. Очевидно по этой причине, выступая 7 февраля 2000 г. на многочисленном митинге, посвященном национальному "Дню северных территорий",³⁸ тогдашний премьер-министр Японии К.Обути заявил, что он приложит все силы для разрешения территориальной проблемы и дал обещание, что японское правительство "достигнет цели подписания мирного договора с Россией к концу (2000) года".³⁹

Наблюдатели в регионе отмечали, что опасения японской стороны усилились после интервью министра иностранных дел России И. Иванова японскому информационному агентству Киодо Цусин накануне визита в Японию в конце февраля 2000 г. Российский министр в частности подчеркнул, что ожидания подписания российско-японского мирного договора до конца 2000 г. являются не более, чем "иллюзией". Это заявление послужило толчком для беспрецедентной активности японской стороны. Во-первых, после избрания В. Путина Президентом России японская сторона заявила, что, придавая исключительно важное значение двусторонним связям, японский премьер-министр встретиться с ним в любом месте России.⁴⁰ Вслед за этим, весь апрель 2000 г. был отмечен визитами высокопоставленных японских представителей в Моск-

ву: личного представителя японского премьер-министра М.Судзуки,⁴¹ членов Ассоциации депутатов парламента Японии за дружбу с Россией во главе с Ё.Сакураути. В Москве в это же время побывал и бывший премьер-министр Японии Р.Хасимото, являвшийся советником К.Обути по внешнеполитическим вопросам, который имел беседы с бывшим Президентом Б.Ельциным.⁴² В итоге, 28 апреля 2000 г. новый премьер-министр Японии Ё.Мори встретился в президентом В.Путиным в Санкт-Петербурге. Примечательно, что впервые новый японский премьер-министр свой первый зарубежный визит совершил не в традиционный Вашингтон, а в Россию.

Истинный смысл беспрецедентной активности японской стороны был раскрыт в многочисленных публикациях и выступлениях японских специалистов по России. Так, в частности, газета "Санкей симбун" в своей передовой статье от 11 апреля 2000 г. подчеркивала: "Следует обратить внимание В.Путина (во время встречи с ним Ё.Мори - Авторы) на то, что без разрешения территориальной проблемы между Японией и Россией не могут родиться отношения подлинной дружбы. ...Необходимо четко отвергнуть предложение России, которое предполагает заключение мирного договора без одновременного решения территориальной проблемы".⁴³ Уже после встречи Президента России с японским премьер-министром было опубликовано в газете "Майнити симбун" интервью бывшего посла Японии в России С.Эдамура, в котором он назвал предложение российской стороны об отделении территориальной проблемы от заключения мирного договора "несерьезным". С.Эдамура подчеркнул, что "чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что во время нынешнего визита премьер-министра Ё.Мори в Россию были вновь подтверждены Токийская декларация, а также договоренности, достигнутые в Красноярске и Кавана. Я думаю, что ... в течение нынешнего года появится пять шансов⁴⁴ для принятия политического решения по данному вопросу".⁴⁵

Таким образом становится очевидным, что японская сторона стремилась выяснить отношение нового Президента России к основополагающим для японской стороны положениям Токийской и Московской деклараций, в которых предыдущий Президент согласился с благоприятной для Токио последовательностью действий: а) решение вопроса о территориальном размежевании; б) заключение договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Эти пункты деклараций, безусловно, следует признать как достижение японской дипломатии, которой в обход единственно легитимного двустороннего международного документа - Совместной декларации 1956 г. о восстановлении дипломатических отношений, удалось добиться согласия российской стороны на выгодную для нее последовательность мер по заключению всеобъемлющего двустороннего договора.⁴⁶ Однако следует подчеркнуть, что вне зависимости от того, удалось японской стороне выяснить отношение нового Президента России к последовательности вышеуказанных действий или нет, совершенно очевидно, что на сегодня Россия исчерпала резерв своих компромиссных уступок, а Япония даже "не открывала своих запасников".

В выступлении в июле 1997 г. перед членами влиятельного экономического сообщества "Кэйдзай доюкай" тогдашний премьер-министр Р.Хасимото изложил свою евразийскую концепцию,⁴⁷ в которой выдвинул формулу разрешения проблемы российско-японского территориального размежевания - "ни победителей, ни побежденных". До сегодняшнего дня смысл этой формулы остается загадкой. Если ее суть отражена в "каванских предложениях" - проведение линии границы между о.Уруп и о.Итуруп при условии "отложенного суверенитета" японской стороны над Южными Курилами, то подобная "гибкость" не выдерживает никакой критики. Как отмечает в этой связи Т.Хасегава, в 1999 г. в японской прессе появлялись сообщения о том, что в То-

кио рассматривался вопрос о "промежуточном договоре" на базе Декларации 1956 г. - передача Японии о. Шикотан и группы островов Хабомай. По мнению Т.Хасегава, территориальное размежевание на такой основе является "наиболее реалистичным и, вероятно, единственно возможным решением".⁴⁸ Не оценивая значимость данного варианта, следует подчеркнуть, что, как показывает практика, любые аналогичные предложения, периодически появляющиеся в японских СМИ и выходящие за рамки официальной позиции Токио, сразу дезавуируются МИД Японии.

Вопрос о роли МИД Японии как последней инстанции в вопросе территориального размежевания и его взаимоотношениях с японским правительством по этой проблеме - тема специального исследования. Представляется важным отметить следующее. По мнению российского эксперта Г.Кунадзе, парадоксальность ситуации состоит в том, что, призывая к переговорам о пограничном размежевании, японская сторона, прежде всего МИД, "в сущности к ним не готова". "Переговоры, - отмечает Г.Кунадзе, - это соревнование сторон, т.е. процесс потерь и приобретений ("яритори"). Не допуская потерь, Япония вряд ли может что-то приобрести".⁴⁹ Поэтому, считает автор, правомерно поставить вопрос об истинности намерений японской стороны - качественно новые партнерские отношения с Россией или решение территориального вопроса на собственных условиях. "Если верно последнее, - подчеркивает Г.Кунадзе, - то у российского правительства появляются серьезные основания для того, чтобы максимально отсрочить решение указанной проблемы и таким образом сохранить у Японии единственную мотивацию к развитию связей с Россией".⁵⁰

Российско-японские отношения на старте XXI столетия находятся в непростом состоянии. С одной стороны нельзя не признать всех результатов, достигнутых за последние годы, равно как нельзя не выразить признательности японской стороне за ее всесторонние усилия в поддержании демократических и рыночных преобразований в России, в налаживании добрососедских отношений. С другой - существуют объективные и субъективные обстоятельства, которые снижают значимость достигнутого. Эти обстоятельства в целом ряде случаев несут на себе отражение ментальности периода холодной войны у обеих сторон. Японская сторона продолжает опасаться, что России, кроме японской экономической помощи и инвестиций ничего не нужно. В свою очередь, российская сторона укрепляется в своих опасениях, что Японии от России ничего не нужно, кроме "северных территорий". Отсутствие достаточного доверия, усугубленное сложностью современной международной обстановки, мешает и России и Японии оценить по достоинству перспективы качественно новых двусторонних отношений, согласиться с ценой, которую необходимо заплатить за это новое качество. Отсутствие всеобъемлющей атмосферы взаимопонимания на национальном уровне позволяют политикам и чиновникам сосредоточивать вопросы двусторонних отношений в собственных руках. В условиях такой реальности, имеющей обоюдный характер, представляется оптимальным направить усилия на сохранение всего позитивного, что достигнуто в последние годы, и постепенное продвижение вперед. С такой постановкой вопроса выступают и некоторые видные японские эксперты.⁵¹ Как представляется, залог успешного и всестороннего развития российско-японских отношений заключается в качественно новом подходе сторон к определению приоритетов их внешней политики, национальной безопасности и национальных интересов во благо народов двух стран, во имя процветания России и Японии.

1. Policy Speech by Prime-Minister Yoshiro Mori to the 147th Session of the Diet// www.mofa.go.jp/announce/2000
2. В данной части статьи авторы намеренно избрали хронологически-фактурную форму изложения событий. Во-первых, с тем, чтобы у широкого читателя была полная картина мероприятий, осуществленных в последние годы на этом направлении. Во-вторых, чтобы более отчетливо просматривались динамика и нюансы взаимоотношений на данном направлении.
3. Первый визит Президента России Б.Ельцина в Японию первоначально планировался на сентябрь 1992 г. Однако сложная внутривластная обстановка в стране и отсутствие у российского Президента четко выработанных политических намерений в отношении перспектив развития двусторонних отношений стали непосредственной причиной отмены этого плана.
4. Токийская декларация о российско-японских отношениях // Брошюра Посольства Японии в РФ. 13 октября 1993г.
5. Одна из тактических «новинок» визита состояла в том, что впервые глава России во время двухдневного визита четыре раза от лица правительства и народа России извинился перед разными аудиториями за «антигуманные действия» в отношении японских военнопленных, находившихся в советском плену после окончания второй мировой войны (на аудиенции у императора Японии, на совещании с премьер-министром М.Хосокава, во время обеда с представителями крупного японского бизнеса, на совместной пресс-конференции с японским лидером 13 октября 1993 г.).
6. Бюллетень информационного отдела Посольства Японии в РФ. № 11. 1996 г.
7. Следует особо подчеркнуть тот факт, что условия нового соглашения имели исключительно продвинутую форму по сравнению с предыдущими соглашениями за все годы, поскольку японские рыбаки получали широкие льготы по добыче морепродуктов в российских водах. Тем самым российская сторона сделала практический шаг в сторону активизации совместного сотрудничества по экономическому освоению данного района.
8. Уже в мае 1998 г. группа представителей МИД, министерства финансов и министерства внешней торговли и промышленности Японии прибыла в Россию для проведения соответствующих консультаций.
9. Авторы дают именно такое название обсуждаемому политическому документу, полагая, что оно наиболее адекватно отражает суть подхода российской стороны к данному вопросу. Официальные японские представители, а также японские и российские СМИ продолжают его называть «мирным договором», что имеет отличный от официального российского представления смысл.
10. В июне 2000 г. два дизельных генератора были доставлены на о.Кунашир.
11. Несмотря на утверждения японской стороны о том, что «каванские предложения» являлись собой образчики «нового подхода и гибкости» Токио в разрешении территориального вопроса, по сути, в них не было ничего нового. Масштабы японских претензий оставались прежними, а «гибкость» - позаимствована из «ранних разработок» некоторых российских авторов. Предложенный Токио вариант об отложенном праве вступления в силу его административных прав на «северные территории» в прессе получил название «гонконгского варианта».
12. Особенность внутривластной обстановки состояла в том, что на момент визита С.Кириенко в Японии воцарился период «межпремьерства»: Р.Хасимото подал в отставку, а новый премьер-министр К.Обути и новый министр иностранных дел М.Косака официально вступили в свои должности только 30 июля 1998 г.
13. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией //Брошюра Посольства Японии в РФ. 13 ноября 1998 г.
14. Еще ранее Россия во время двусторонних переговоров и встреч на официальном уровне заявляла японской стороне о своей готовности поддержать стремление Японии занять место постоянного члена СБ ООН. В данном случае это намерение впервые было включено в текст официального двустороннего документа. Следует подчеркнуть, что тем самым Россия в очередной раз на практике отказалась от наследия «холодной войны», несмотря на то, что среди многих членов ООН и даже членов

- СБ ООН нет единодушия в отношении желания Японии занять место постоянного члена СБ ООН. К сожалению, этот шаг, несмотря на его существенную политическую значимость, не получил адекватной оценки со стороны партнера.
15. Следующее заседание этой комиссии состоялось в Токио 31 августа - 4 сентября 1999 г., на котором российскую делегацию возглавил первый вице-премьер правительства России В. Христенко.
 16. Параллельно в этот же период проводились заседания подкомиссий по пограничному размежеванию и совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах, возглавляемых заместителями министров иностранных дел обеих стран.
 17. Контакты на высшем уровне продолжились в июне 1999 г., когда в рамках саммита "восьмерки" в Кёльне состоялась встреча Председателя правительства РФ С.Степашина с японским премьер-министром К.Обути, на которой обе стороны обсудили текущие и перспективные вопросы торгово-экономического сотрудничества. По окончании саммита состоялась также краткая встреча Президента России Б.Ельцина и К.Обути.
 18. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией.
 19. Motohide Saito. Russia's policy towards Japan// Russia and Asia-Pacific Security: SIPRI, Stockholm, 1999. P. 66-75.
 20. www.embjapan.ru/kontaktybezopasnosti.html
 21. Бюллетень информационного отдела Посольства Японии в РФ. № 17. Май - июнь 1999 г.
 22. Бюллетень информационного отдела Посольства Японии в РФ. № 31. Октябрь 1999 г.
 23. Ноздрев С.В., Родионов А.П., Российско-японские торгово-экономические отношения в 90-е годы// Япония. Ежегодник. 1995-1996 гг. Москва, 1996. С.98.
 24. Часть этой суммы включает и помощь, оказанная Советскому Союзу "конца эпохи Горбачева".
 25. По данным на конец 1999 г., в японских центрах содействия реформам в России и непосредственно в Японии прошли стажировку около 6,5 тыс. российских стажеров, которые повышали свою квалификацию по таким специальностям как маркетинг, менеджмент, банковское дело и др. См.: Галузин М. Наши дела с Японией // Международная жизнь. № 3. 2000. С.98.
 26. Нельзя не отметить тот факт, что выделение данного займа приходится на период "сдержанного отношения" США и стран ЕЭС к кредитованию России в 1999 г. Принимая во внимание это обстоятельство, следует высоко оценить рассматриваемый шаг Японии, оказавшейся, по сути, "единственной", кто поддержал Россию в указанный момент. Эту высокую оценку не умаляет тот факт, что выделение займа было согласовано со Всемирным банком.
 27. Предполагалось, что эти выплаты пойдут в зачет обязательств Японии по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу, принятых ею после Киотосской конференции по ликвидации парникового эффекта на планете.
 28. Подобная "особенность" инвестиционной политики в России одного из крупнейших инвесторов в мире обусловлена, прежде всего, "неадекватными условиями экономической деятельности" на российском рынке. Авторы придерживаются мнения, что политические причины "инвестиционной сдержанности" Японии в данном случае играют второстепенную роль.
 29. Максимов А., Родионов А. Уплывающие континенты// Дипкурьер НГ. № 8. 2000. 4 мая.
 30. Японская сторона на всех уровнях и с завидным постоянством ставит в прямую зависимость развертывание широкомасштабного экономического сотрудничества от заключения "мирного договора" и окончательного решения в его рамках проблемы территориального размежевания. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что в последнее время в Японии все чаще раздаются голоса в пользу отказа от использования такой "взаимозависимости" в поддержку безоговорочного расширения двусторонних экономических связей.
 31. Этот факт вовсе не означает, что Япония не заинтересована в совершенствовании своей системы обеспечения промышленности сырьевыми и энергетическими ресур-

- сами, и в этом смысле Россия представляет для нее интерес. В этом смысле нельзя не согласиться с А.Пановым, что наши экономики взаимодополняемы, "особенно в топливно-энергетической сфере". См.: Панов А. Успех или тупик ?//Дипкурьер НГ. № 9. 2000. 18 мая. Безусловно, Япония заинтересована в сокращении расходов по транспортировке нефти и углеводородного сырья в Японию, и Россия в этом смысле является партнером № 1. Но на сегодня этот интерес не носит характера высшей категории национального интереса - выживания государства, что в известной мере позволяет на определенных этапах и в конкретных сферах политизировать экономику.
32. Мнения представителей японских компаний об экономических связях с Россией: Японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству. Октябрь 1998 г.
 33. Максимов А., Родионов А. Ук. статья.
 34. Там же.
 35. Там же.
 36. Tsuyoshi Hasegawa. Russo-Japanese relations and the security of Northern-East Asia in the 21st century// Russia and Asia-Pacific Security: SIPRI. Stockholm, 1999. P.57.
 37. Ibidem. P.57-59.
 38. За последние 10 лет К.Обути стал первым премьер-министром, выступившем на таком митинге в Токио.
 39. www.cnn.com/2000/ASIANOW/east/02/07/japan.islands.ap/index.html
 40. Это заявление является весьма примечательным. Дело в том, что очередь наносить визит была за российской стороной. Последний визит японского премьер-министра в Россию был осуществлен в 1998 г. Ответный визит Президента России намечался на 1999 г. Но в силу целого ряда известных обстоятельств "конца эпохи Ельцина" он не состоялся.
 41. Визит М.Судзуки был назначен на 4 апреля. К сожалению, 1 апреля случился инсульт у действующего премьер-министра К.Обути и он оставил свой пост. Однако на заседании ЛДП и кабинета министров было принято решение не откладывать визит и он состоялся в намеченные сроки - 4 апреля М.Судзуки встретился с В.Путиным. После встречи М.Судзуки сразу вернулся в Японию, а первоначально запланированная встреча с министром иностранных дел России И. Ивановым не состоялась.
 42. Истинная цель визита Р.Хасимото была: через Б.Ельцина довести до сведения В.Путина пожелания японской стороны в отношении перспектив заключения двустороннего договора// The Daily Yomiuri. April 27, 2000. Р.Хасимото оставил за собой пост советника по внешнеполитическим вопросам и при новом премьер-министре Ё.Мори.
 43. Санкей симбун. 2000. 11 апреля.
 44. С.Эдамура имеет в виду практически согласованные встречи глав России и Японии на 2000 год.
 45. Майнити симбун. 2000. 4 мая.
 46. Что касается оценки Токийской и Московской деклараций, которые японские представители рассматривают в качестве "основополагающих международных документов", то, вероятно, нельзя не согласиться с бывшим заместителем министра иностранных дел России Г.Кунадзе, который в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС по случаю 5-летней годовщины подписания Токийской декларации оценил ее так: "не более, чем протокол о намерениях сторон".
 47. Самое активное участие в написании данной концепции принимали участие бывший Министр- Посланник Посольства Японии в России К.Того и нынешний Посол Японии в РФ М.Тамба.
 48. Hasegawa T. Op.cit. P.64.
 49. Кунадзе Г. Философия русско-японских отношений. Доклад на 18-м российско-японском симпозиуме. Хабаровск, 1999 г. 21-23 сентября.
 50. Там же.
 51. Shimotomai N. New trends in Russian-Japanese relations at the start of the 21st century//Russia and Asia-Pacific Security: SIPRI. Stockholm. 1999. P.18.

И все же на горизонте двухполюсный мир

© 2000

А. Яковлев

В последнее время политологи многих стран ожесточенно дискутируют по поводу реального характера происходящей политической структуризации системы международных отношений. В основном противостоят две точки зрения. Согласно одной из них, после так называемого окончания холодной войны якобы вновь, как и в многовековой период до середины XX столетия, оформляется и набирает силу тенденция к мультиполяризации мирового сообщества. Эта точка зрения еще в 1989 году была официально включена в теоретический арсенал внешней политики КНР, и с тех пор Пекин является ее самым активным и упорным пропагандистом. Иная точка зрения, сводящаяся к тому, что после краха советской сверхдержавы и социалистического содружества мировое сообщество структурируется как однополюсное, более всего распространена в среде политиков и политологов Запада. Она находит немало сторонников и в прозападно настроенных кругах правящих элит стран остального мира, включая Россию.

Жесткое столкновение этих двух точек зрения, за которыми стоят наиболее мощные ныне державы Запада, с одной стороны, и перспективные, поднимающиеся, а потому уже сегодня влиятельные, крупные государства остального мира, с другой, несколько затушевало, отодвинуло куда-то в сторону из поля зрения дискутантов логичную, и наиболее вероятную по всем объективным данным, возможность возрождения двухполюсного мира. О ней практически почти не говорят, а если и касаются ее, то лишь как чего-то чуть ли не фантастического, причем непременно убийственного для мирового сообщества. Между тем, уже в самом противостоянии концепций многополярности и монополярности четко отражено реальное распадение мирового сообщества на два политических лагеря, на два глобальных политических полюса, независимо от того, что один полюс (Запад) и мыслит себя и уже фактически является достаточно монолитным, а другой остается пока весьма рыхлым, состоящим из автономных компонентов, из самостоятельных, независимых, пока еще не спаянных четким пониманием высшей приоритетности общих интересов и строгими организационными формами центров силы или, так сказать, политических полюсов местного значения, хотя некоторые из них (Китай, Россия, Индия) реально и особенно потенциально являются влиятельными факторами в системе международных отношений в целом.

Таково состояние глобальных политических полюсов сегодня. А завтра непременно возобладает понимание того, что простая сумма даже однонаправленных сил не может эффективно уравнивать, во-первых, более мощную по материальным параметрам, во-вторых, несравнимо более сплоченную, хотя

Александр Григорьевич Яковлев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья публикуется в порядке обсуждения.

тоже многокомпонентную организацию, каковой является Запад, организацию, располагающую общей военной машиной в лице НАТО, не говоря уже о целом ряде двусторонних военных союзов США с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. И совершенно справедливо профессор Л.Г.Ионин в статье "Прагматизм глобальной идеи" отметил, что "упования на многополюсность — это утешительная сказка... Многополюсный мир выгоден Америке, имеющей дело с разобщенными субъектами международных отношений... В действительно многополюсном мире мы имели бы... своего рода борьбу всех против всех, из которой в конечном счете родилось бы осознание необходимости прочной сдерживающей и организующей силовой структуры (неважно, однополюсной или двухполюсной), способной снизить уровень конфликтности и насилия в международных делах и стабилизировать мировое сообщество"¹. И хотя Л.Г.Ионин считает перспективной именно однополюсную структуру, но в связи с темой нашей статьи важно, что он и в двухполюсной видит столь же надежный "стабилизатор" мирового сообщества и не оценивает ее как исключительно конфронтационную, якобы предельно опасную для мира на Земле.

Между тем на высокой волне новомышленческой эйфории и крайне идеалистических надежд на благодатную роль мультиполяризации мирового сообщества возникло абсолютно негативное отношение к биполярности, естественно сформировавшейся на основе баланса сил двух групп стран со сталкивающимися жизненными интересами. Указанная эйфория привела к тому, что этот баланс, являющийся объективным феноменом международной жизни и вчера и сегодня, был осужден, отброшен и заменен абсолютно оторванной от мировых реалий концепцией баланса интересов. Правда, эта трагическая замена произошла лишь в Москве, но отнюдь не в Вашингтоне и Брюсселе.

20 октября 1996 г. "Независимая газета" опубликовала статью тогдашнего министра иностранных дел России Е.М.Примакова под заголовком "На горизонте — многополюсный мир". В ней автор, очевидно, выражая мировидение или надежды высшего российского руководства, утверждал: "После окончания холодной войны получила развитие тенденция перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру... И самое главное, что на смену системе баланса сил, на которой основывался миропорядок, уже пришло равноправное партнерство... Большую, чем прежде, самостоятельность начали проявлять страны Западной Европы, переставшие зависеть от американского "ядерного зонта". Их тяготение к "евроцентру" постепенно берет верх над трансатлантической ориентацией... Конечно, мы далеки от мысли о том, будто расширяющаяся НАТО специально предназначена для удара по России".

Словом, получилась картина покоя на Земле и "благоволения в человецех".

С тех пор минуло всего-то два-три года, а горизонт стали завлакивать грозовые тучи. Впрочем, их приближение было более чем очевидно с начала 90-х годов. Неслучайно же, что уже весной 1996 года Россия и Китай приступили к формированию отношений стратегического партнерства. Ситуация на горизонте продолжала складываться таким образом, что сам Е.М.Примаков, будучи уже премьером РФ, во время визита в Дели в конце 1998 г. выдвинул идею создания стратегического треугольника Россия-Китай-Индия как самого надежного заслона против неуклонно нарастающей агрессивности Запада. А ведь эта идея, по сути, означала первый шаг к возрождению политической биполярности мирового сообщества. Во всяком случае она отражала объективное движение мира к новой двухполюсности, т.е. к системе, в которой Запад в целом с ядром "большой семерки" противостоит остальным народам и странам прежде всего по проблеме выживания человечества, проблеме, которая во всей ее драматической полноте раскрылась на исходе XX века. К настоящему времени на Западе не осталось ни одной самодостаточной державы. На его терри-

тории оказалась сосредоточена большая часть планетарного промышленного и научно-технического потенциала, а в остальном мире - основные сырьевые и энергетические ресурсы. Иначе говоря, чтобы выжить, причем в виде процветающего потребительского общества, Запад не может не стремиться к максимальному подчинению стран-источников сырья и сверхприбылей, т.е. фактически всего остального мира. Такова суровая реальность переживаемого человечеством периода своей истории.

О ней, об этой действительности, примечательные суждения высказал Л.Г.Ивашов, в последние пять лет возглавляющий Главное управление международного военного сотрудничества МО РФ, в статье "Россия, мир, война. Глобальные вызовы, новые реалии и старые угрозы", опубликованной в газете "Завтра" (май. 2000. № 20. С. 4). Отметим, что мир ныне находится в состоянии "транзитной многополярности", что "возможно блокирование соперничающих полюсов для парирования той или иной угрозы, образование временных коалиций, не встречавшихся ранее конфигураций", автор подчеркивает: "Проблемы следующего века будут во многом обусловлены противоречием между "золотым миллиардом" и не вошедшими в него странами", т.е. между Западом и остальным миром. Среди параметров "транзитной многополярности" автор особо выделяет роль военно-силового фактора: "Поскольку мир в переходный момент своего развития крайне нестабилен, то роль военной силы вновь возрастает. Что бы ни вешали дипломаты и политологи, а довод силы - военной, экономической, ресурсной и т.п. - в политике все еще остается неизблевым. Геополитический и политический реализм немислим без понимания того, что в международных отношениях сила, а не мораль, единственно имеет вес. Международная моральность и нормы международного права мыслимы пока только в контексте баланса сил".

Конечно, в наше время тесной взаимосвязанности мира, ускоряющейся глобализации важнейших сторон жизни мирового сообщества имеет место взаимозависимость его двух частей - сверхразвитого центра (Запада) и относительно слаборазвитой периферии. Последняя для своего ускоренного развития несомненно нуждается в многоплановом сотрудничестве с Западом. Но весь вопрос в условиях этого сотрудничества. А его решение сегодня, как и вчера, зависит главным образом от соотношения сил двух частей мирового сообщества. Оно же, увы, сложилось в пользу Запада, что абсолютно исключает то самое равноправное партнерство, о котором осенью 1996 г. Е.М.Примаков говорил как о якобы свершившемся факте. Тогда он был далек от мысли, что расширение НАТО специально предназначено для удара по России, и оказался прав. Но только в том смысле, что замах у НАТО изначально был много шире. В Вашингтонской конвенции блока (апрель 1999 г.) так называемая зона его ответственности фактически распространена на весь мир. Альянс превратился в военную машину Запада уже не с региональными, а с планетарными функциями, хотя Россия, разумеется, осталась предметом первоочередной "заботы" натовцев. В результате этой "заботы" в 1999 г. зенитно-ракетные подразделения только одного Северного флота 400 раз приводились в боевую готовность. Одно лишь Кольское подразделение ПВО отследило в том же году 390 боевых самолетов НАТО, среди которых было около 110 самолетов-разведчиков². Таковы цветочки, а уж о ягодках и помыслить неподъемно.

Давление НАТО с запада на Россию и Евразию в целом подкрепляется милитаристской активностью глобальных гегемонистских сил на Дальнем Востоке. Еще в 1996-1997 гг. была резко расширена пресловутая зона ответственности американо-японского и американо-австралийского военных союзов. Теперь она практически охватывает весь обширный Азиатско-Тихоокеанский регион. В последнее время указанные силы готовятся реализовать программу

создания здесь ПРО театра военных действий с участием США, Японии и тайваньского режима. Это наряду со стремлением США выйти из договора о ПРО от 1972 г. сломает все еще существующее ракетно-ядерное равновесие и в регионе и в мире в целом, вновь запустит маховик гонки вооружений.

В общем можно констатировать, что развитие международно-политической обстановки в мире пошло совсем не в ту сторону, которую указало российское руководство, включая министра иностранных дел. Впрочем, последнему следует отдать должное в том плане, что освобождение от новомышленческих идей у него случилось заметно раньше, чем произошли события в Косово, поставившие крест на концепции многополярности, якобы отражающей необоримую тенденцию мирового развития. Этот перечеркивающий крест стал еще более жирным в связи с чеченской проблемой, которую, как и косовскую, Запад стремится превратить из сугубо внутригосударственной в международную. Металлические ногтики, злоеще зазвучавшие в заявлениях лидеров ведущих членов НАТО по поводу Чечни с начала декабря 1999 г., весьма симптоматичны как показатель возрастающей совершенно беспардонной нахрапистости Запада, который торопится на все сто процентов использовать свое в общем-то кратковременное силовое превосходство над остальным миром для полного подчинения последнего.

Дело в том, что если, опираясь на это превосходство, он не сможет добиться своей цели в ближайшие 15-20 лет, то в дальнейшем ему придется распрощаться со своими гегемонистскими мечтами. Согласно аналитическому докладу ОЭСР (май 1997 г.), к 2020 году доля развитых стран в мировом производстве упадет до одной трети, а доля развивающихся стран увеличится до двух третей, причем Китай, Индия, Бразилия, Россия и Индонезия обеспечат, как и все развитые страны, одну треть мирового продукта³. Следовательно, ближайшие десятилетия и для Запада, и для остального мира станут поистине судьбоносными. Вопрос историей поставлен так: или Запад, опираясь на свою превосходящую силу (в самом широком смысле) и используя нынешнюю разобщенность, политическую полицентричность периферии, успеет надолго воцариться над миром, или последняя, быстро "сосредоточившись", сумеет принудить его к совместному поиску модели жизнеобеспечения человечества, отвечающей мировым условиям, круто изменившимся под влиянием сырьевого, демографического и особенно экологического кризисов. В первом случае центральная для современной эпохи проблема выживания человечества получит разрешение в форме выживания так называемого "золотого миллиарда", т.е. в основном населения Запада. Во втором эта проблема будет решена именно как общечеловеческая. Следует особо подчеркнуть, что морально-нравственные основы того и другого случая, помимо всего прочего, ярко высвечивают характер антагонизма между Западом и не-Западом, а равно и неизбежность политической биполяризации мирового сообщества.

Конечно, идеальным было бы положение, когда в основе международных отношений лежит баланс интересов. С призывами к лидерам Запада руководствоваться этим самым балансом и обращались наши новомышленцы во главе с М.С.Горбачевым. По сути дела, к этому продолжают призывать и сторонники концепции многополярности. Но в современных условиях, при сложившемся раскладе сил на мировой арене упомянутое положение оказалось предельно далеким от сколько-нибудь реалистического идеала, поскольку представление об этом положении изначально было плодом поразительно наивного политического идеализма. Ведь ни все предшествующее развитие системы международных отношений, ни характер обострившихся в последние десятилетия глобальных проблем, ни явно расходящиеся интересы Запада и остального мира не содержали ни малейшего намека на возможность плодотвор-

ной для мирового сообщества замены баланса сил балансом интересов. Не было никаких признаков того, что даже в обстановке общечеловеческих угроз, созданных накоплением оружия массового уничтожения, можно сбалансировать интересы Запада и остального мира к общему удовлетворению сторон, особенно при неизбежных нарушениях равновесия сил между ними. И все же без большой натяжки можно утверждать, что практический максимум равноправия в международных отношениях достигался во второй половине XX века именно благодаря примерному силовому паритету между Западом и Востоком, между прежними глобальными политическими полюсами, паритету, делавшему интересы сторон действенным фактором движения международных отношений.

Тем не менее, прежняя биполярность по сей день подвергается хуле и поношению как якобы по преимуществу источник смертельных угроз человечеству, а позитивный опыт ее функционирования на протяжении почти полвека замалчивается и мировым научным сообществом и политиками. Причем сама система двухполюсности зачастую подается в совершенно искаженном виде, а именно, сводится к противостоянию двух сверхдержав, будто бы одинаково стремившихся к мировой гегемонии. Между тем, реальными глобальными политическими полюсами на деле являлись объединенные общими жизненными интересами страны Запада с примыкавшими к ним режимами в бывшей колониальной периферии и страны социалистической системы с их союзниками в третьем мире. Что касается сверхдержав, то они были и средоточием мощи каждой из двух групп стран, и центрами их сплочения. Соответственно во взаимоотношениях сверхдержав концентрированно выражалось фундаментальное противоречие, на базе которого и складывалась глобальная политическая биполярность.

В этой связи весьма адекватной представляется трактовка термина "глобальный полюс", данная американским политологом Айрой Страусом в контексте его рассуждений о якобы уже сформировавшемся однополярном мире. Монополюс, согласно его оценке, вовсе не тождественен американской сверхдержаве. Он на деле состоит из "индустриальных демократий, имеющих подавляющий вес в мировой системе. США в свою очередь являются лидирующей державой внутри монополюса"⁴.

Четкое представление о глобальном политическом полюсе - наиболее надежная гарантия от его отождествления с крупными центрами силы. Последние были и есть как на Западе, так и на Востоке. Тем не менее, международная система и там и тут считалась по крайней мере до начала 90-х годов двухполюсной. В отношениях центров силы в рамках единого полюса возможны и даже неизбежны трения и конфликты, однако, объективно, в конечном итоге, эти центры, исходя из своих важнейших общих жизненных интересов, действуют по большому счету в одной упряжке, выступают на мировой арене как некая целостность. Даже случай с крайне жестким советско-китайским конфликтом не опровергает справедливости данного утверждения. Достаточно сказать, что особенно активная и инициативная в этом конфликте китайская сторона в разгар полемики заявляла: в случае агрессии империализма против социалистических стран КНР будет вместе с ними. Да и тот факт, что отчуждение Китая от социалистического содружества и антиимпериалистического фронта стало уже в начале 80-х годов быстро сходиться на нет, достаточно красноречиво. Определенные трения, хотя и не столь драматические, изначально имели, имеют и будут иметь место в рамках западного глобального политического полюса. Что касается последнего, то это не вело и не ведет к его дезинтеграции, к его мультиполяризации. По определенным причинам глубоко осознаваемые общие интересы входящих в западный полюс держав продолжают превалировать над их частными национально-государственными интере-

сами, подчеркивая тем самым решающее значение главного глобального противоречия для каждой из них.

А оно, это противоречие, как отмечалось выше, связано с вопросом о путях выживания человечества, вопросом, который, к сожалению, решается силой, комплексом ее самых разных ипостасей. Единство же и сплоченность стран, имеющих общие жизненные интересы, безусловно, умножает их силу. Все это — политическая азбука, твердо усвоенная стратегами Запада особенно во второй половине XX века. Увы, похоже, что эту азбуку еще предстоит освоить лидерам стран периферии, которые в последнее десятилетие слишком увлеклись концепцией многополярности.

Согласно этой концепции, ведущей и якобы все более необоримой тенденцией структурирования мирового сообщества является тенденция к многополярности в глобальном и региональных масштабах; тенденция, будто бы наиболее благоприятствующая миру и развитию. Она якобы делает систему международных отношений многополюсной во всех ее частях, и на Западе, и на Востоке, и на Севере, и на Юге. Она изображается как естественное, объективно непреодолимое течение международной жизни, делающее бесперспективными и монополярную и биполярную структуры мирового сообщества.

Россия взяла эту концепцию на вооружение своей дипломатии в апреле 1996 года. И судя по результатам последней (9-10 декабря 1999 г.) российско-китайской встречи на высшем уровне, и Москва и Пекин сохранили верность ей, хотя весьма жесткие антиамериканские выпады президента РФ, молчаливо одобренные китайским руководством, наконец, достаточно прояснили вопрос о том, кто же олицетворяет глобальный гегемонизм, который стимулирует политическую биполяризацию мира и против которого выступают Россия, Китай и периферия мирового сообщества в целом. Но прояснили отнюдь не до конца. За скобками остались мощные центры силы Запада, которые не меньше, чем США, заинтересованы в новом закабалении всего остального мира и соответственно в своем благополучном выживании. В конце концов только слепому или сугубо ангажированному аналитику не видно, что время убедительнейшим образом показало, что западный политический альянс отнюдь не конъюнктурное явление, порожденное жесткой и долгой межсистемной конфронтацией. Последняя как главный фактор мировой политики, ушла в прошлое, а альянс остался и крепнет. Более того, он ныне представляет собой качественно новое международно-политическое явление. Это точно подметил российский ученый с мировым именем А.Зиновьев, констатировавший, что "современный Запад не есть всего лишь сумма стран, но социальное образование более высокого уровня организации"⁵.

И хотя в "Совместном Российско-Китайском заявлении", принятом в ходе неформальной встречи Б.Н.Ельцина и Цзян Цзэминя 9-10 декабря 1999 года, подчеркивается, что стороны "выступают за формирование в XXI веке многополюсного мира", "призывают все страны мира приложить совместные усилия для создания демократического и сбалансированного многополярного мироустройства" и что "взаимодействие сторон в международных делах не направлено против третьих стран", в целом этот документ свидетельствует об определенных сдвигах в представлениях Москвы и Пекина о том, "против кого" и как следует сотрудничать с тем, чтобы воспрепятствовать развитию "таких негативных тенденций, как стремление навязать международному сообществу однополярную модель мироустройства"⁶. Во-первых, в документе, хотя и не поименно, но все же достаточно конкретно названы силы, против которых надо сотрудничать. Это — "те государства, которые инициируют развал основополагающих договоренностей в области разоружения". Во-вторых, и это особенно важно, в документе подчеркнута: "Стороны полагают, что в сложив-

шейся ситуации возрастает необходимость в тесной координации действий по вопросам глобальной стратегической стабильности" и "выражают готовность, вместе с другими странами, выступить против...тенденций, препятствующих становлению справедливой многополярной структуры международных отношений"⁷.

Как отмечалось выше, сама борьба за утверждение одной из двух моделей мироустройства по сути биполяризирует международное сообщество политически, причем не менее эффективно, чем, скажем, борьба между сторонниками мира и поджигателями войны или между глобальными силами социальной справедливости и национальной независимости, с одной стороны, и силами социального и национального порабощения, с другой. И по каким бы то ни было соображениям и мотивам закрывать глаза на это, затушевывать это - значит уклоняться от объективной оценки суровых реалий международной жизни, что в политике никогда не оставалось безнаказанным.

* * *

Концепция многополярности не выдерживает критики ни как научное отражение реальных тенденций политического структурирования современного мирового сообщества, ни как некая стратегия обеспечения мира и развития на планете. В первой своей ипостаси данная концепция по сути игнорирует совершенно очевидный и все более интенсивный процесс политической консолидации центров силы Запада, подавая его как сугубо временный и неустойчивый, поскольку якобы абсолютно неизбывны жесточайшие противоречия и схватки между ведущими капиталистическими державами. Последняя посылка, взятая абстрактно, видимо, имеет некоторый смысл. Но на фоне нового главного противоречия эпохи она, похоже, есть не более чем дань догматизму и схоластике. Небывало острый, сугубо антагонистический характер этого противоречия, которое явно будет определять содержание и ход мирового развития в обозримом будущем, в сочетании с чрезвычайно эффективной и многоплановой интеграцией в рамках западного капитализма делает абсолютно иллюзорной надежду на политическую мультиполяризацию сверхразвитого центра мирового сообщества, т.е. Запада. "Не стоит питать иллюзий в отношении раскола между ЕС и США и развала НАТО", - предупреждает опытный аналитик и признанный специалист по проблемам Запада С.М.Рогов, директор Института США и Канады РАН, в статье "Россия и США на пороге XXI века: новая повестка дня", опубликованной в "Независимой газете" 6 апреля 2000 года. А о том, почему не стоит питать подобных иллюзий, более чем убедительно сказал Ю.Федоров в статье "Критический вызов для России", помещенной в ежеквартальнике "Pro et Contra" (осень 1999. Т. 4. № 4): "Необходимость регулировать транснациональные процессы вступает в противоречие с абсолютным характером государственного суверенитета. Механизмы, способные решать такие задачи, требуют не только сотрудничества между государствами, но и ограничения их суверенитета в пользу общих интересов. Наибольшая готовность к этому свойственна "сообществу демократий" (т.е. Западу.-А.Я.), где издержки ограничения суверенитета смягчает общность стратегических установок и политической культуры". (стр. 8).

Между тем, концепция многополярности исходит именно из надежды на политическую дезинтеграцию Запада. Причем подобная надежда подкрепляется малоубедительной уверенностью в том, что великие державы периферии своей умелой дипломатией способны сеять семена раздора между западными центрами силы, особенно между Западной Европой и Соединенными Штатами. Пекину это видится следующим образом: "Для того, чтобы привлечь на свою

сторону промежуточные силы, Китай активно поддерживает усилия западноевропейских стран по объединению и усилению Европы, так как это отвечает интересам максимального сдерживания единственной сохранившейся после "холодной войны" сверхдержавы и интересам многополярной ориентации мирового развития"⁸. Годы бегут, Европа объединяется и усиливается, и, увы, почему-то упорно идет нога в ногу с единственной сверхдержавой, а отнюдь не с Китаем и не с Россией, стремящимися строить многополярный мир.

(Тут, однако, следует упомянуть позицию Франции, президент которой публично поддержал идею многополярности (см. *Le Mond*. 5 Nov. 1999). Но если учесть, что уже немало десятилетий фрондирующий в рамках НАТО Париж в конечном счете остается не только в принципе надежным членом "большой семерки", но и оказывается в ряде случаев "святое Папы Римского", т.е. Вашингтона, выступая, например, с более жесткими инициативами в отношении России по поводу Чечни, то позиция Ж.Ширака будет выглядеть не иначе, как провокационная, несколько парадоксальным образом, так сказать, работающая на интересы Запада, более всего заинтересованного именно в сохранении рыхлости и политической полицентричности периферии. Эта позиция могла бы вызвать известное доверие, если бы Франция обнаружила хоть какие-то серьезные намерения стать самостоятельным политическим полюсом на Западе. Но по большому счету их нет, и они по всем объективным данным не предвидятся).

Фактически концепция многополярности если и отражает какие-то мировые международно-политические реалии, то более всего одну, а именно - нынешний полицентризм периферии. И подаваемая ее авторами и сторонниками как единственное действенное средство борьбы против так называемой монополяризации системы международных отношений, она в таком ее виде вполне отвечает интересам "большой семерки", поскольку уводит народы периферии от осознания того, что мировое сообщество, объективно разделенное на две части со сталкивающимися жизненными интересами, неумолимо движется к оформлению новой глобальной политической биполярности. Иначе говоря, указанная концепция как своего рода стратегия обеспечения мира и развития для всего человечества идет вразрез с объективным ходом размежевания сил в мире, происходящим на базе главного противоречия переживаемой эпохи - эпохи общего кризиса индустриальной цивилизации, превращения проблемы выживания человечества в центральную проблему мирового сообщества, которая может быть снята в интересах всех народов только в случае, если периферия сумеет в ближайшие десятилетия ответить на растущую политическую консолидацию Запада собственным сплочением и быстрым наращиванием своей комплексной мощи.

Фактор времени ныне явно приобретает решающее значение как для Запада, так и для периферии. Между тем, концепция многополярности, как она сформулирована в Пекине, отодвигает появление "благоприятного" всеохватывающего многополярного мира в какое-то далекое и весьма туманное будущее, хотя нет никаких оснований полагать, что с течением времени условия для его возникновения станут более благоприятными и, что особенно важно, центральное противоречие эпохи, так сказать, "рассосется" само собой, и Запад не будет использовать свое силовое превосходство для подавления экономического роста периферии и усиления своего диктата в отношении нее.

Именно потому, что таких оснований нет, в последнее время критическое отношение к концепции многополярности резко усилилось прежде всего, разумеется, в академических кругах России и даже Китая. Проведенный в начале декабря 1999 г. в Москве "круглый стол" с участием экспертов МГИМО, ИСКАН, ИМЭМО и других научных учреждений пришел к заключению, что

многополярный мир, равно как и однополярный, не могут быть устойчивыми моделями мирового порядка, что их можно рассматривать лишь как временные, переходные ступени мирового развития и что возрождение равновесной двухполюсной системы неизбежно⁹.

Вообще говоря, официальная Москва, по сути дела, фактически признает эту неизбежность. В "Концепции национальной безопасности Российской Федерации", утвержденной В.В.Путиным еще в бытность и.о.президента России, говорится: "После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающих тенденции. Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами... Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права". Уже сама по себе борьба двух "взаимоисключающих тенденций", за которыми стоят две группы государств, свидетельствует о неизбежности политической биполяризации мирового сообщества. Ссылаясь на этот пассаж текста Концепции, политолог В.Максименко в упомянутом выше номере "Pro et Contra" пишет: "Оценка положения в мире, данная в ней (т.е. в Концепции.-А.Я.), в целом, наверное, справедлива. Но есть редакционная деталь, которая требует, на мой взгляд, корректировки. Я имею в виду провозглашенное "окончание эры биполярной конфронтации". Развитие двух отмеченных тенденций – противоположных и "взаимоисключающих" – не может не вести (!) к поиску более взвешенного, более нюансированного подхода к перспективам биполярного мироустройства нового типа в соответствии со свойствами бинарной структуры мира" (стр. 101).

Академические круги КНР, существенно более, чем российские, "повязанные" официальной идеологией, все же стремятся к поиску объективной истины и хотя весьма осторожно, но выражают сомнения в адекватности концепции многополярности современным международно-политическим реалиям, а соответственно и задачам стратегического планирования внешней политики своей страны.

Один из видных китайских международных Юй Суй в статье "Познавать многополярность, способствовать утверждению многополярности", опубликованной в журнале "Сяндай шицзе"¹⁰ и посвященной доказательству необоримости тенденции развития мира в направлении многополярности, вынужден был признать: "Обсуждение вопросов многополярности идет так долго, что уже появились сомнения в ее сути". Но, во-первых, сомнения появились не из-за долгого обсуждения, а из-за слабости аргументации в ее пользу и, во-вторых, они имели место с самого начала, по крайней мере, за пределами китайского научного сообщества.

В последнем же сомнения стали все более заметно проявляться особенно после вооруженной агрессии НАТО против Югославии и более всего после косовской трагедии и принятия этим военным блоком весной 1999 г. новой стратегии, по сути перечеркивающей роль ООН и ее Совета Безопасности в деле поддержания мира на Земле. Указанные события предельно четко высветили подлинно ведущую тенденцию мирового развития после окончания холодной войны. Это и констатировал вполне определенно, хотя и по необходимости в несколько округлой форме, влиятельный в Китае политолог, директор Института Восточной Европы, России и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Ли Цзинцзе. В статье, написанной в середине 1999 г., он от-

метил: "Хотя после окончания "холодной войны" мир и не делится в соответствии с социальным строем и идеологией на две большие противостоящие системы, тем не менее по-прежнему присутствует скрытая опасность нового размежевания"¹¹. Не очень, правда, понятно, почему "скрытая" и почему "опасность". Размежевание это вполне открыто идет со времени так называемого окончания холодной войны. И официальный Пекин указал на данный факт еще в середине 90-х годов. В опубликованной в 1996 г. брошюре, в которой излагался, в частности, взгляд китайского руководства на ситуацию в мире, говорилось: "После завершения "холодной войны" западные страны (а не только США!- А.Я.) обратили свою политику, во-первых, против всего Юга, т.е. развивающихся стран, во-вторых, против социализма"¹². Какая уж тут "скрытая" опасность нового размежевания! Все давно на виду.

Что касается собственно "опасности", то нельзя не сказать, что никто не знает, какие угрозы несет полная глобальная многополярность в новых мировых условиях. Уже упомянутый китайский политолог Юй Суй полагает, что "в условиях многополярности различные силы взаимно сдерживают друг друга, противостоят гегемонизму, что содействует установлению справедливого и рационального мирового порядка"¹³. Но взаимное сдерживание обычно легко и плавно перерастает во "взаимную свару", и "взаимносдерживающим" бывает крайне трудно договориться о сопротивлении какому-либо общему противнику. Кстати сказать, сам Юй Суй вынужден отметить потенциальную способность многополярности играть негативную роль. Эта потенция, по его мнению, ярче всего проявляется в стремлении некоторых стран "под влиянием идеологии с позиций силы разрабатывать ядерное оружие, чтобы вступить в ряды великих держав, стать ядерным "полюсом" в многополярном мире". И все же этот китайский ученый считает ошибочным мнение о том, что существование многополярности "инициирует дестабилизацию" в мире и что в "многоголовом" мире может начаться смута¹⁴. Между тем, история вполне определенно свидетельствует, что многополярность в ее, так сказать, классическом виде, существовавшем на протяжении веков до середины XX столетия, обеспечила человечеству две мировые военные катастрофы, не считая множества локальных вооруженных конфликтов и бесконечных кровавых колониальных войн. Да и последнее десятилетие, которое характеризуется Пекином как начальный этап движения мира к многополярности, отмечено бурным всплеском вооруженных столкновений разных масштабов и интенсивности во многих районах планеты, в том числе в Европе, где в условиях равновесной биполярной системы ничего подобного не случалось, да и не могло случиться.

В высшей степени знаковые события в Косово по иронии судьбы совпали с десятилетием обнародования Пекином своей концепции многополярности. И хотя на официальном уровне она остается непререкаемой, давление со стороны китайского научного сообщества на нее в 1999 г. явно усиливалось. Популярный в КНР журнал "Ляован" провел опрос ряда ответственных работников СМИ и ученых и опубликовал его результаты под общей шапкой "Натовские бомбардировки Югославии вызывают потрясения в международных отношениях". Перевод этого материала на русский помещен в реферативном издании Института Дальнего Востока РАН - "Экспресс-информация"¹⁵.

Ниже следуют наиболее характерные высказывания участников опроса по необходимости в самом кратком изложении.

Ши Луцзя (Агентство Синьхуа): Вашингтон будет делать все, чтобы не допустить возвышения стран, способных бросить вызов единственной сверхдержаве. Среди средств давления на периферию "самым главным остаются военные методы". Нельзя преувеличивать противоречия между США и Западной Европой. Тенденция к многополярности в долгосрочном плане имеет импе-

ративный характер. А "пока суровая реальность состоит в том, что в мире наблюдается разгул гегемонизма и политики с позиций силы"¹⁶.

Люй Цичан (Институт современных международных отношений - ИСМО): "Косовская война, по-видимому, приведет к неравновесию в мире и затруднит развитие тенденции к многополярности". После Косово "международное сообщество утрачивает общепризнанные основополагающие нормы и, очень возможно, соскальзывает в омут политики с позиций силы"¹⁷.

Ван Цзайдэ (ИСМО). Создав помехи развитию многополюсности, "косовский кризис напоминает Китаю, что условия внешней безопасности для нас имеют тенденцию к усложнению". Благоприятная для США ситуация сохранится примерно до 2015 года, а это значит, что они постараются установить контроль над миром до этого года. Война в Косово служит сигналом опасности для многонациональных государств, внутренние националисты-сепаратисты могут вдохновиться косовской войной и усилить раскольническую деятельность.¹⁸ (К последнему замечанию Ван Цзайдэ следует добавить, что еще опасней то, что успешный косовский прецедент подтолкнет западных организаторов развала СФРЮ к активизации своего курса на дезинтеграцию всех крупных государств периферии, особенно России, Китая, и Индии. Нельзя не видеть, что США и их союзники по НАТО с большим удовлетворением восприняли и распад СССР, и развал российского ВПК, и ослабление российской армии, объявили ряд бывших советских республик "зоной своих жизненных интересов" и активно противодействуют тенденциям их сближения с Россией, открывают для некоторых из них путь в НАТО, тайно и явно, прямо и косвенно, морально и материально поддерживают сепаратистские силы в ряде российских регионов и т.д. Едва ли стоит сомневаться в том, что в недрах соответствующих государственных структур Запада прорабатываются планы дезинтеграции Китая и Индии. - А.Я.)

Ма Гуанжэнь (Агентство Синьхуа): "Раньше считалось, что после холодной войны наступила разрядка, и множество малых и средних стран получили иллюзорную безопасность... Мир, в котором утрачено равновесие, является трагедией для слабых и малых государств и народов¹⁹. (Но и для стратегов великих держав периферии такой мир создал острую головную боль, а для их народов - небывало возросшие угрозы суверенитету и безопасности. -А.Я.)

И еще одна цитата. В последнем номере влиятельного китайского журнала "Международные стратегические исследования" за 1999 год опубликована пространная статья, озаглавленная "Влияние войны в Косово на международные отношения". Ее автор многозначительно подчеркивает: "Хотя Косово и невелико, но война там отразила остроту и возможное направление развития различных противоречий между Востоком, Западом, Севером и Югом на международной арене"²⁰.

Приведенные выше суждения китайских политологов, по необходимости весьма осторожные, чрезвычайно важны потому, что именно официальный Пекин и выдвинул современную концепцию многополярности и продолжает всячески популяризировать ее. Китайские же эксперты прозрачно намекают, что по крайней мере в ближайшие десятилетия эта концепция будет противоречить тенденциям мирового развития, вызовам времени, что она не является адекватным ответом на указанные вызовы, поскольку не служит эффективным средством мобилизации международных сил для отпора растущему самоуправству Запада в мировой и региональной политике. Между тем, последний просто не может не наращивать давление на остальной мир, особенно на великие державы периферии. Время жестко подстегивает его, он обязан торопиться, пока ход событий не изменил мировую расстановку сил в неблагоприятную для него сторону, пока остальной мир мешкает с организаци-

онным оформлением второго глобального политического полюса. А промедление в этом деле смерти подобно для последнего. Расчет на быстрое наращивание комплексной мощи китайского миллиарда без всемерной мобилизации стран периферии, особенно без теснейшего сплочения ее великих держав и именно в ближайшее десятилетие XXI века, может обернуться трагическим просчетом, чреватым общим поражением международных антигегемонистских сил, причем на неопределенно долгий срок.

И отнюдь не случайно в последнее время в странах периферии растет осознание необходимости организационного сплочения международных антигегемонистских сил. Неудивительно, что о ней предельно четко и ясно заявило нынешнее руководство Югославии, оказавшееся на руинах еще недавно процветающего и влиятельного на международной арене государства. Данный факт примечателен тем более, что на протяжении почти всего послевоенного периода СФРЮ весьма "продуктивно" лавировала между тогдашними глобальными политическими полюсами, нанеся немалый вред единству мирового антиимпериалистического фронта. Понадобилось, увы, несколько лет прямой и косвенной агрессии со стороны НАТО, чтобы Белград трезво оценил мировую ситуацию, тенденции ее развития и увидел единственно верный и надежный путь к достойному выживанию народов и стран не-Запада. На IV-м съезде Социалистической партии Сербии ее председатель С.Милошевич заявил: "В настоящее время, в особенности когда очевидна опасность глобального насилия, необходимо дать глобально организованному отпор этому насилию"²¹. Острой актуальность, так сказать, антигегемонистского интернационализма была также ярко высвечена в ходе встречи в Багдаде (март 2000 г.) представителей интеллигенции ряда стран, в том числе России и других государств СНГ. На ней было подчеркнуто, что "вместо установления климата взаимопонимания и сотрудничества США и другие западные страны создали такие механизмы, как Международный валютный фонд, Всемирный Банк, Всемирная торговая организация, транснациональные корпорации, которые не позволяют развивающимся странам вырваться из порочного круга бюджетных дефицитов, замедления экономического роста, инфляции и внешних долгов, перекачки ресурсов и тому подобного". Участники встречи — ученые, политики, журналисты — пришли к выводу о том, что "более справедливый мир возможен, если народы объединят усилия против несправедливой гегемонии"²².

Дальнейшее сохранение политической полицентричности незападной части мирового сообщества и тем более поощрение ее к закреплению такого состояния на фоне интенсивной консолидации Запада, к чему объективно и сводится роль концепции многополярности в настоящее время, гарантирует подавляющему большинству народов планеты не движение к миру и развитию, а, напротив, к еще большей незащитности перед лицом гегемонистской "большой семерки", к всплеску локальных военных конфликтов, к экономической и иной деградации. И Запад сделает все, чтобы помочь народам периферии двигаться именно в таком направлении. Подтверждений этому уже более чем достаточно.

Действенную стратегию международным силам антигегемонизма диктуют и вполне очевидное разделение мирового сообщества на две части с жестким антагонизмом их жизненных интересов, и особенно чрезвычайно возросшая роль фактора времени, а не концепция многополярности. И в этой стратегии центральным звеном, безусловно, является формирование треугольника Россия-Китай-Индия как ядра сплочения стран и народов, отвергающих диктат Запада. (Какие формы может принять борьба против этого диктата — отдельная тема).

В реальных условиях нашего времени будущее мирового сообщества может оказаться более или менее благополучным лишь в случае скорейшего оформления двухполюсной системы международных отношений, которая только и может форсировать восстановление равновесного мира, спасительного для рода людского.

Другого, более верного и надежного, пути к такому будущему, как говорится, не дано.

1. НГ-сценарии. 2000. 9 февраля. № 2(47). С.9.
2. См. Правда. 1999. 17 декабря.
3. International Strategic Studies. Beijing. 1998. № 1-2. P.2.
4. Космополис. Альманах 1997. М. С.146.
5. См. Наш современник. 1999. № 5. С.148.
6. Совместное Российско-Китайское заявление // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С.8.
7. Там же. С. 9.
8. Внешняя политика Китая в 90-е годы. Пекин. 1996. С.17.
9. См. Советская Россия. 1999. 15 декабря.
10. Сяндай шицзе. 1999. № 9. С.12-14.
11. Китай на пути модернизации и реформ. М.,1999. С. 588-589.
12. Внешняя политика Китая в 90-е годы. Пекин. 1996. С.15.
13. Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 51.
14. Там же. С.50.
15. Экспресс –информация. ИДВ РАН. М.,1999. № 6.
16. Там же. С.34,35.
17. Там же. С.35,40
18. Там же. С.36,39,40.
19. Экспресс информация. ИДВ РАН. М. 1999. № 6. С.41.
20. International Strategic Studies. Beijing. 1999. № 4. P.3.
21. Правда. 2000. 21-22 марта.
22. Правда. 2000. 21-22 марта.

Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и политика Китая

© 2000

Ф. Хамраев

Глобальной тенденцией современности является сегментация мирового пространства на крупные региональные системы, представляющие собой различные формы политического и экономического взаимодействия государств. Региональное сотрудничество и интеграция на сегодняшний день являются неотъемлемой частью международной жизни. Они оказывают растущее воздействие на различные стороны общественной жизни, являясь действенным механизмом включения отдельных стран и регионов в мировое экономическое и политическое пространство, усиления контактов с остальной частью мира.

Современная Центральная Азия представляет собой вполне самостоятельный регион на Евразийском континенте. Это — пять стран: Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан, общая площадь которых составляет примерно 4 млн. кв. км., а совокупное население — более 55 млн. человек.

Регион Центральной Азии расположен в районе, где сходятся интересы Европы и Азии, и занимает важное географическое положение. Он соединяет Восток с Западом и является местом пересечения целого ряда мировых культур. Однако региональные и локальные конфликты, религиозный экстремизм, терроризм, наркобизнес, применение оружия массового поражения и иных видов оружия, к сожалению, продолжают угрожать стабильности региона. Перманентной угрозой геополитическому равновесию в Центральной Азии является, как известно, гражданская война в Афганистане и ситуация в Таджикистане. Известные события последнего времени в этих, пока еще локальных, конфликтах вызывают крайнюю обеспокоенность руководителей государств Центральной Азии. Если к этому добавить возникновение принципиально новой военно-стратегической ситуации в Южной Азии после проведения ядерных испытаний Индией и Пакистаном, которые непосредственно граничат с центральноазиатским регионом, то, как нам кажется, картина вырисовывается весьма настораживающая.

Вместе с тем, регион находится в непростом геополитическом окружении, а именно, имеет общие границы с мировыми и региональными державами (Россия, Китай, Иран). Вот почему государства региона, осознавая всю сложность переживаемого переходного периода, предпринимают интенсивные поиски долговременных ориентиров, способных не только нейтрализовать негативные факторы ситуации, но и обеспечить свое саморазвитие. Сегодня идет поиск направлений реформирования центральноазиатских государств, которые наиболее эффективно способствовали бы возрождению и процветанию всех

стран региона. С этой точки зрения трансформация в обществе должна определяться не только прошлым и настоящим, но и будущим, причем не с позиций стихийного, а управляемого развития. Должна быть создана такая модель социального развития, которая обеспечила бы на долгосрочной основе высокий уровень развития жизни общества.

Переживаемый Центральной Азией момент является убедительным доказательством взаимозависимости и взаимовлияния проблем окружающей среды и стратегической безопасности в регионе. Он настоятельно требует выработки долгосрочной комплексной программы мероприятий по восстановлению и долгосрочному сохранению стабильности в регионе. Именно с этой целью на совещании Международного фонда спасения Арала, проходившего в г. Алматы в феврале 1997 года, главы пяти центральноазиатских государств "признали необходимым разработку комплексной программы экологической безопасности, включая проблему Арала, создания безъядерной зоны в Центральной Азии и борьбу с утечкой ядерных технологий и сырья" (Алматинская декларация от 28 февраля 1997 г.).

Идея создания зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) в Центральной Азии, является одной из основных внешнеполитических приоритетов Республики Узбекистан, она зародилась сразу после вывоза всех ядерных боеголовок с территории Казахстана и прекращения ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Инициатива создания зоны в регионе впервые была высказана Президентом И.А.Каримовым в 1993 г. на 48-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Эта инициатива нашла свое логическое продолжение в выступлении Президента на Лиссабонском саммите в декабре 1996 г., где обсуждались модели общей и всеобъемлющей системы международной безопасности будущего.

Проблема ядерной безопасности и необходимость ее решения стоит сегодня чрезвычайно остро. Наиболее оптимальный путь ее решения — через региональные структуры, т.е. на региональном уровне, создающим предпосылки в силу определенных рамок действия. В этих условиях появляются возможности для наиболее быстрого и доступного решения вопросов безопасности как основы и стержня создания всеобъемлющей, глобальной безопасности.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 6 ноября 1997 г., призвавшей к созданию ЗСЯО в Центральной Азии на основании Алматинской декларации от 28 февраля 1997 г. и Ташкентского заявления министров иностранных дел республик Центральной Азии от 15 сентября 1997 г., процесс создания ЗСЯО в Центральной Азии обрел характер ее практической реализации.

Начаты работы по проекту Договора и Протоколов к нему на региональном и международном уровнях, учитывающие все аспекты, затрагивающие интересы как самих государств-инициаторов создания ЗСЯО в Центральной Азии, так и граничащих с ней государств. Особое значение страны-инициаторы придают позиции ядерных государств и прежде всего их соседей — России и Китая.

Сразу же после принятия Алматинской декларации узбекская сторона совместно с другими центральноазиатскими республиками начала подготовительную работу над механизмом создания в регионе зоны, свободной от ядерного оружия. Первым, подготовительным этапом в этом направлении явилось проведение в сентябре 1997 г. в г. Ташкенте Международной конференции "Центральная Азия — зона, свободная от ядерного оружия".

В процессе подготовки Ташкентской конференции эксперты стран-инициаторов провели серию консультаций с экспертами ядерных государств и ведущими специалистами различных исследовательских центров. В течение

нескольких месяцев велась напряженная работа над текстами документов, решались организационные вопросы.

Китайская Народная Республика одной из первых поддержала инициативу государств Центральной Азии. В журнале "Дуноу Чжунъя Яньцзю" (1998, № 2) китайские эксперты отметили, что проведение международной конференции по созданию безъядерной зоны является "необходимым и своевременным" и что страны-инициаторы тем самым стремятся обеспечить "безопасность региона". Сама идея о создании зоны была сразу же поддержана официальным Пекином. В ходе подготовки конференции в г. Ташкент в июле 1997 г. приезжала делегация экспертов КНР в составе Фу Чжигана и Ван Сяонина, которые также высоко оценили инициативу государств Центральной Азии и озвучили позицию Китая по этому вопросу.

В апреле 1998 г. на пленарном заседании Комитета ООН по разоружению выступил глава китайской делегации, посол КНР по вопросам разоружения Ли Чанхэ. Он отметил, что создание зон, свободных от ядерного оружия, имеет позитивное значение для продвижения ядерного разоружения и предотвращения распространения ядерного оружия, способствует миру, стабильности и безопасности в мире и в регионе.

Ли Чанхэ заявил также, что создание подобных зон должно отвечать основным целям Устава ООН и общепризнанным нормам международного права. Зоны, свободные от ядерного оружия, должны создаваться заинтересованными странами в соответствии с реальной ситуацией в этих регионах на основе равенства и добровольных консультаций. Их географические рамки не должны включать континентальный шельф и особые экономические районы, а также районы, являющиеся предметом спора относительно территориального суверенитета и морских прав с государствами, не входящими в зону. На статус зон, свободных от ядерного оружия, не должны оказывать воздействия другие механизмы безопасности, страны-участники соглашения не должны ни под каким предлогом, включая и военно-союзнические отношения, отказываться выполнять соответствующие обязательства.

Китай уважает и поддерживает усилия по созданию путем самостоятельных консультаций и добровольного соглашения зон, свободных от ядерного оружия, и безоговорочно обещает не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия в отношении безъядерных стран и зон, свободных от ядерного оружия. Основываясь на этом, Китай подписал и ратифицировал соответствующие протоколы к "Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне", "Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Южной части Тихого океана" и "Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке".

9-10 июля 1998 г. в г. Бишкеке состоялась Консультативная встреча экспертов центральноазиатских стран, ядерных государств, ООН. Основным вопросом встречи стало обсуждение проекта "Основных элементов Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии", представленного странами региона. В ходе его обсуждения экспертами ООН и ядерных государств были даны разъяснения, дополнения и рекомендации к документу, которые были с пониманием приняты экспертами центральноазиатских государств.

Выступая на Консультативной встрече, посол Чен Жунчень отметил: "Являясь дружественным соседом, Китай всегда приветствовал и поддерживал инициативу пяти центральноазиатских государств о создании зоны, свободной от ядерного оружия на территории своего региона, с учетом региональных условий и на основе самостоятельно достигнутой договоренности между этими государствами". Такая позиция Китая является логическим продолжением его политики.

Как известно, 16 октября 1964 г. Китай провел первое подземное испытание ядерной бомбы в Синьцзяне, а 29 июля 1996 г. — последний, сорок пятый ядерный взрыв на полигоне Лобнор. В тот же день в Пекине было объявлено, что с 30 июля 1996 г. вводится мораторий на дальнейшие испытания.

Тем не менее в китайской позиции в отношении создания ЗСЯО в Центральной Азии существуют и потенциально опасные “подводные рифы”, и мы не можем не упомянуть вопрос о полигоне Лобнор. При подготовке Договора о безъядерной зоне в Центральной Азии предполагалось подписание дополнительного протокола, который, по мнению стран-инициаторов зоны, способен в значительной мере улучшить экологическую ситуацию в регионе. В этой связи могли возникнуть дополнительные проблемы с КНР, если бы ее ядерная программа развивалась, а испытания на полигоне продолжались. В этом случае в связи с тем, что полигон Лобнор находится в непосредственной близости от центральноазиатского региона, серьезно ухудшилась бы экологическая ситуация в соседнем Казахстане. Нельзя не учитывать и наличие мощного антиядерного движения в Республике Казахстан, которое, несомненно, использовало бы создание в Центральной Азии ЗСЯО для давления на Китай. Видимо, с этим связано, что Китайская Народная Республика заняла сдержанную позицию в отношении дополнительного протокола к Договору и в конце концов этот документ был снят с повестки дня совещания экспертов.

Другим существенным вопросом является вопрос о границах зоны. КНР, наряду с некоторыми другими ядерными державами, выступает за ее открытость, и позиция Пекина в этом вопросе жесткая. С чем это связано? Ответить на этот вопрос однозначно достаточно сложно. Можно предположить, что Китай опасается, что зона, в случае ее открытости, может расширяться только к югу от Центральной Азии, а это не может устроить Пекин. Это можно объяснить рядом геостратегических причин, но нам хотелось бы ограничиться высказыванием представителя Совета национальной безопасности США Сэмора (март 1999 г.), имеющим, на наш взгляд, отношение к рассматриваемой проблеме. “В результате наших усилий, — заявил он, — Китай перестал оказывать помощь в реализации бесконтрольной пакистанской ядерной программы, прервал сотрудничество в ядерных вопросах с Ираном”.

Нам кажется, что развитие ситуации в отношениях между Пекином и Исламабадом, и, в первую очередь, между Пекином и Тегераном будет иметь продолжение, и приведенная выше оценка американского специалиста характеризует лишь нынешнее состояние отношений между странами.

Сегодня официальный Пекин прилагает серьезные усилия для укрепления своих позиций в Туркменистане, который в свою очередь имеет тесные связи и с Ираном, и с Пакистаном. По всем признакам, Китай продолжит осуществлять свою активную политику в ядерных вопросах, опираясь на сотрудничество именно с Ашхабадом. Таким образом, если зона, свободная от ядерного оружия в Центральной Азии, будет закрыта, то в этом случае взаимодействие по ядерным вопросам приобретет в основном внутри региональный характер.

Мы упомянули лишь о некоторых проблемах в связи с позицией Китая по вопросу создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Эта большая и актуальная тема может и должна получить свое логическое развитие в дальнейшем, когда завершится работа экспертов, и Договор будет готов для принятия и подписания, в том числе и странами ядерного клуба.

Президентские выборы 2000 года на Тайване

© 2000

Л. Гудошников, Э. Батчаев

2000-й год отмечен неординарным событием в жизни Тайваня: на вторых в его истории прямых президентских выборах всем электоратом острова потерпела поражение правившая там в течение полувека Национальная партия, Гоминьдан (ГМД). Президентом был избран Чэнь Шуйбянь – кандидат Миньцзиньдана – оппозиционной Демократической прогрессивной партии (ДПП), которая образовалась менее 15-ти лет тому назад. Рассмотрим причины этого события.

Начнем с того, что ДПП удалось значительно увеличить свой электорат – на этот раз вместо прежних 21,1% за ее кандидата проголосовало 39,3% принимавших участие в выборах избирателей (напомним, что тайваньское законодательство о выборах допускает избрание президента относительным большинством голосов и второй тур выборов не проводится), т.е. число сторонников ДПП возросло более, чем на 18%. Причины такого роста сторонников ДПП различны. Главной из них является, на наш взгляд, разочарование в политике ГМД. Но это, конечно, не единственная причина. Чэнь Шуйбянь очень умело вел предвыборную кампанию. В частности сильным его ходом было выдвижение в качестве напарницы в президентской гонке известной деятельницы тайваньского демократического движения Люй Сюлянь (Аннетт Лу), занявшей пост вице-президента и ставшей таким образом единственной в истории Китая и Тайваня женщиной, которая заняла высокий пост во властной иерархии в результате свободных выборов. Кроме того, реформаторские начинания Чэнь Шуйбяня в качестве мэра Тайбэя, как и молодой для деятелей такого ранга возраст, привлекли к нему симпатии многих молодых избирателей. По оценкам тайваньской прессы, треть поддержавшего Чэня электората составили молодые люди в возрасте до тридцати лет.

Успех Чэнь Шуйбяня был напрямую связан и с занятой им прагматической позицией в чувствительных вопросах о независимости Тайваня и взаимоотношениях с материковым Китаем. Чэнь сумел приглушить в ходе избирательной кампании один из основных лозунгов ДПП – требование независимости Тайваня. Более того, он объявил о своем намерении отправится в Пекин с дружественным визитом в случае победы на выборах и предложил подписать мирное соглашение, предварительно договорившись о гарантиях тайваньским инвестициям на материке и о мерах по укреплению взаимного доверия. Жесткие заявления из Пекина перед президентскими выборами в отношении ДПП как носительнице идеи независимости Тайваня не уменьшили электорат Чэнь Шуйбяня, а, возможно, и способствовали сплочению его сторонников.

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Батчаев Энвер Османович, научный сотрудник ИДВ РАН.

Успеху ДПП способствовало и умелое использование старой ее карты в политической борьбе с ГМД – обвинению его в «черно-золотой» политике, т.е. в связях с криминалом и коррумпированности властных структур. Следует сказать, что на этот раз спектр критики ГМД на этом направлении значительно расширил бывший член его руководства Сун Чуюй, не жалевший в пылу предвыборной полемики своих бывших товарищей по партии.

Избранный президентом Чэнь Шуйбянь был самым молодым кандидатом на этот пост. Он родился на Тайване в 1951 г. По образованию – юрист, имеет степень бакалавра права Государственного тайваньского университета (1974 г.). Ни магистерской, ни докторской диссертаций не защищал, но является носителем почетных степеней доктора юридических наук Кённамского университета Южной Кореи и доктора экономических наук от Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. У Чэнь Шуйбяня большой опыт работы в качестве юриста-практика (1976–1989гг.). Он совмещал работу в адвокатской фирме по международным морским делам с бесплатной защитой в судах участников демократического движения, в частности, он был защитником участников т.н. Гаосюнского инцидента, в котором участвовала его будущая напарница в президентской гонке 2000 г. Люй Сюлянь (в 1980 г. она была осуждена за участие в Гаосюнском инциденте 1979 г. – ожесточенном столкновении между полицией и политическими активистами оппозиции, которые группировались вокруг журнала «Мэйлидао»). С начала 80-х гг. Чэнь активно включился в демократическое движение. В 1981 г. он был впервые избран в состав представительного органа – Тайбэйского городского собрания, членом которого был до 1985 г. В 1987 г., сразу после официальной регистрации ДПП, стал членом ее руководящих органов – Центрального постоянного комитета (ЦПК) и Центрального исполнительного комитета (ЦИК). В 1989 г. он был избран в Законодательную палату, где работал в течение двух созывов до 1994 г. Там он возглавлял фракцию ДПП и комитеты по национальной обороне и по регламенту, одно время был членом юридического комитета палаты. В 1994 г. на первых прямых выборах мэра Тайбэя он собрал большее, чем другие кандидаты количество голосов (43,67% от общего числа голосовавших) и до 1998 г. возглавлял столичную мэрию. Интересно, что перед мэрскими выборами, как и перед недавними президентскими, Чэнь Шуйбянь смягчил позицию своей партии по независимости Тайваня, больше взывая к «тайваньскому самосознанию». На очередных выборах столичного мэра в 1998 г. ему не удалось сохранить свой пост, несмотря на то, что процент голосовавших за него избирателей увеличился более чем на 2% (всего за него было подано 45,91% голосов). По оценкам экспертов, поражение Чэня на вторых мэрских выборах в Тайбэе было вызвано тем, что противостоящего ему кандидата от ГМД (бывшего министра юстиции Ма Инцзю) поддержали сторонники отколовшейся от ГМД Новой партии, не голосовавшие за своего кандидата. Накануне избрания президентом Тайваня Чэнь Шуйбянь не занимал никаких постов в представительных или административных структурах, он был членом ЦИК ДПП и работал как адвокат. Любопытно вспомнить, что вскоре после своего поражения на вторых мэрских выборах он выразил уверенность в победе ДПП на президентских выборах 2000 года¹.

Избранная в паре с Чэнем вице-президент Люй Сюлянь немного его старше (1944 г. рожд.). Как и президент, она уроженка Тайваня и юрист по образованию – выпускница того же Государственного тайваньского университета с той же степенью бакалавра права (1967 г.). Она обладает также двумя магистерскими степенями по праву и сравнительному правоведению престижных американских университетов Иллинойса (1971 г.) и Гарварда (1978 г.). Люй Сюлянь возглавляла секретариат Исполнительной палаты (1971–1974 гг.), была

членом Законодательной палаты и политическим советником президента (1996-1997 гг.). В 1997 г. была избрана главой администрации уезда Таоюань.

Таким образом, новые высшие должностные лица Тайваня не только не новички в политике, но являются политическими деятелями с большим опытом, достаточно известными тайваньской общественности. Кроме того, за плечами победивших кандидатов ДПП важный опыт административного руководства на местных уровнях. В частности Чэнь Шуйбянь проявил себя как реформатор в разрешении ряда проблем Тайбэя. Реформаторские начинания Чэнь Шуйбяня обеспечили ему, как уже отмечалось выше, широкую поддержку молодых избирателей.

С какой программой он выступил перед выборами? Ранее уже говорилось о его готовности вести переговоры с материковым Китаем и отправиться для этого с визитом в Пекин. Он заявлял также, что ДПП открыта для дискуссии с Пекином по вопросу "одного Китая", но лишь на основе принципа паритета и мирного решения проблемы. Чэнь пообещал, что не будет объявлять независимость Тайваня, если только Пекин не попытается захватить остров силой. В одном из предвыборных интервью он заявил, что в отношениях с материком он стоит за изменение позиций Тайваня на более активные. Эти отношения, по его мнению, должны быть институализированы и основаны на пяти принципах:

- 1) Тайвань и материк ведут обсуждения по всем вопросам, в том числе политическим;
- 2) необходимо как можно скорее установить каналы коммуникаций с материком для снижения напряженности и укрепления взаимного доверия;
- 3) создание атмосферы доверия для повышения разумной прозрачности во взаимоотношениях и обмена военной информацией;
- 4) в соответствии с требованиями национальной безопасности Тайвань примет решение при определенных условиях установить прямые транспортные и торговые связи с материком;
- 5) Тайвань пойдет на совместное принятие временного (предварительного) базового закона с материком, который сохранит принцип уважения к равноправию сторон, мирному разрешению конфликтов в соответствии с Уставом ООН, а также открытость внешнему миру.²

Говоря о перспективе отношений с материком и отмечая бескомпромиссную позицию КНР, Чэнь Шуйбянь в предвыборном интервью отметил, что такая позиция лишь вопрос времени, потому что экономическое развитие неизбежно меняет политические позиции. "Тайваньцы, - сказал он, - уже инвестировали более 40 млрд долл США в экономику КНР, объем двусторонней торговли достиг 25 млрд долл США и ежегодно около 100 тыс. людей совершают поездки между Тайванем и материком. При такой ситуации просто необходимы прямые связи. Вступление обеих сторон во Всемирную торговую организацию будет способствовать их быстрому установлению"³. Чэнь обвинил ГМД в запугивании собственных граждан и в использовании страха тайваньцев перед возможностью вторжения НОАК на остров в своих предвыборных целях.

Свое мнение по вопросу об этой возможной угрозе Чэнь Шуйбянь выразил так: «Мы должны поддерживать адекватные оборонные способности, чтобы защитить как демократический политический строй, так и жизни и собственность 22 млн. граждан. Тайвань - это остров, поэтому его приоритет - военно-морские и военно-воздушные силы, противоракетная оборона. Нужно использовать высокие технологии для интеграции этих систем и повышать их взаимодействие... Противоречия между Тайванем и материком должны решаться мирными средствами, а не путем применения военной силы». Он предложил установить «горячую линию» связи между Тайбэем и Пекином и принять другие меры для укрепления взаимного доверия⁴.

Представляют интерес и предвыборные заявления победившего кандидата по внутривластным вопросам с точки зрения возможных его действий в будущем. Указав, что отмена в 1987 г. чрезвычайного положения была лишь первым шагом, давшим гражданам Тайваня возможность участия в политическом процессе, Чэнь Шуйбянь обозначил необходимость второго шага – реформирования государственных институтов. Он обещал установить президентское правление с четким разделением исполнительной, законодательной и судебной властей, которые будут сдержками и противовесами друг другу. Это заявление означает, что прежнее суньятсеновское разделение пяти властей (плюс к названным еще контрольная и экзаменационная) заменяется на трехвластную систему Монтеस्कье, принятую в большинстве демократических государств. Как известно, такая система является давним лозунгом ДПП. Далее, следуя другой установке своей партии, Чэнь Шуйбянь предложил объединение Национального собрания и Законодательной палаты в единый парламент при общем сокращении числа парламентариев. Таким образом, он не является сторонником бытующих на Тайване идей придания Национальному собранию статуса верхней парламентской палаты, а стоит за однопалатный парламент.

Существующее на Тайване неравномерное распределение полномочий между центральным (т. е. общетайваньским) и местными правительствами приводит, по мнению Чэнь Шуйбяня, к административной неэффективности. Он выступил за предоставление большей автономии местным правительствам, одновременно поставив вопрос и о расширении сферы частного предпринимательства. Чэнь Шуйбянь обещал инициировать серьезное расследование фактов коррупции и организованной преступности, принятие законов, направленных на предотвращение проникновения криминала во власть. Победивший кандидат подчеркивал в предвыборных выступлениях, что ДПП – не партия какой-то одной этнической группы, а партия всех тайваньцев. А это означает, что ДПП, первоначально включавшая в свой состав главным образом уроженцев острова, стала общетайваньской партией, представляющей все его население. Источником большой силы он назвал поддерживающих Тайвань зарубежных китайцев, объявив тайваньцами всех, кто идентифицирует себя с Тайванем и поддерживает его суверенитет. Чэнь выступил с предложением объединить комиссию по делам зарубежных китайцев (орган министерского уровня) с министерством иностранных дел в единое министерство по внешним делам. В то же время Чэнь Шуйбянь высказался против работы в правительственных структурах лиц с двойным гражданством. Что касается будущего правительства Тайваня, то он определил его не как правительство одной партии или коалиционное, а как «правительство всех», члены которого будут приглашены по деловым критериям, независимо от партийной принадлежности.

Первые шаги Чэнь Шуйбяня уже в качестве избранного президента Тайваня свидетельствуют о его большом политическом такте и дальновидности и его стремлении выполнить предвыборные обещания. При вручении ему и вице-президенту Люй Сюлянь удостоверений об избрании их на высшие посты он заявил о намерении сохранить прежний статус острова и действующую на нем конституцию. Как он выразился, с его избранием не произошло «никаких трансформаций в небесах» и «династических изменений». Вице-президент Люй Сюлянь также заявила, что она и президент будут управлять островом в соответствии с конституцией. Знаменателен и тот факт, что после отказа Нобелевского лауреата, президента Академии Синика Ли Юаньцэ от предложенного ему премьерства в правительстве (это предложение было скорее жестом благодарности за поддержку в период избирательной кампании) Чэнь Шуйбянь сделал аналогичное предложение министру обороны прежнего кабинета, члену ГМД, генералу в отставке Тан Фэю, который занимал этот пост уже в

качестве гражданского лица. Кадровый военный летчик Тан Фэй прошел все ступени военной карьеры, последняя его должность в вооруженных силах – начальник генерального штаба министерства обороны (высший пост, который в системе обороны Тайваня может занимать военнослужащий действительной службы). Тан Фэй выразил готовность принять предложение при согласии руководства ГМД, которое он получил при условии приостановления членства в партии на время исполнения премьерских обязанностей.

Правительство было сформировано с широким участием членов проигравшего выборы ГМД, но в основном из беспартийных. Из имеющихся на Тайване свыше 80-ти партий в правительство вошли только ДПП и ГМД. Члены кабинета при этом не являются представителями этих партий, а приглашены в правительство в качестве специалистов.

Вице-премьером был назначен Юй Шуйкунь, который был генеральным секретарем ДПП. Накануне инаугурации президента он вместе с самим президентом и другими членами ДПП в правительстве вышел из руководящих органов партии. Далее по правительственной иерархии следуют члены Совета Исполнительной палаты, именуемые в тайваньских публикациях на европейских языках «министрами без портфеля». Некоторые из них возглавляют центральные ведомства неминистерского уровня. Например, один из нынешних членов Совета Исполнительной палаты Лин Бабай, ранее работавший ректором Тайваньского университета управления, возглавил комиссию по общественным сооружениям. Вице-премьер Юй Шуйкунь, как и его предшественник на этом посту, стал во главе комиссии по защите потребителей (административный орган).

Среди шести министров без портфеля кабинета Тан Фэя три члена ГМД, эта партия представлена также среди глав министерств, комиссий министерского уровня и центральных ведомств. Всего на 44-х должностях членов правительства (включая должности по совместительству) 15 членов ГМД и 7 членов ДПП. Остальные ни к каким партиям не принадлежат. В числе видных беспартийных членов кабинета новый министр иностранных дел Тянь Хунмао (1938 г. рожд.), уроженец Тайваня, проживший значительную часть своей жизни в США и до сих пор числящийся профессором Висконсинского университета (он вернулся на Тайвань только 10 лет тому назад). Тянь Хунмао был старшим советником президента Ли Дэнхуэя и входил в его мозговой центр. Он широко известен своими научными трудами по истории социальных и политических преобразований на Тайване, политике США по отношению к материковому Китаю и Тайваню, политике гоминьдановского Китая в 1927–1937 гг. Министерство внутренних дел возглавила беспартийная деятельница Чжан Боя, в недавнем прошлом – мэр города Цзяи. Одновременно она назначена председателем правительства провинции Тайвань, которое, как уже отмечалось выше, входит теперь в структуру центральной исполнительной власти региона.

Кроме премьера Тан Фэя в состав правительства вошли лишь четыре члена прежнего его состава, в том числе управляющий Центральным банком Пэн Хуайнань. Все они являются членами ГМД. Некоторые из новых членов кабинета возглавляли в прежнем правительстве центральные ведомства или были заместителями министров (глав ведомств). Все лица из этой категории высших административных руководителей – также члены ГМД. Среди новых глав министерств (комиссий) и ведомств есть члены Законодательной, Контрольной и Экзаменационной палат, главы администраций уездного и городского уровня. Довольно широко представлены в правительстве руководящие лица высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, профессура. Они составляют большинство в правительстве. Пост министра экономики занял вице-президент компании “Чайна моторс”. Это новый момент

в формировании высшего исполнительного органа – ГМД обычно не привлекал в состав правительств представителей бизнеса.

Предложив пост премьера Исполнительной палаты члену проигравшей выборы партии и введя в состав правительства целый ряд членов этой партии, Чэнь Шуйбянь старается утвердить себя в качестве общетайваньского лидера, стоящего выше узкопартийных интересов и межпартийных противоречий. Не лишне при этом вспомнить, что и ранее, став в 1994 г. мэром Тайбэя, он не занялся разгоном руководящих чиновников мэрии и набором новых из числа своих сторонников, а сразу предложил сотрудничество коллегам по городскому управлению из ГМД. Он и сейчас не может не считаться с тем, насколько велико число членов ГМД среди высших чиновников и технократов, и, как видно, многое делает для налаживания межпартийного сотрудничества. Кроме того, нужно иметь в виду, что, не нуждаясь более в связи с конституционной ревизией 1997 г. в одобрении кандидатуры премьера Законодательной палатой, где ГМД сейчас в большинстве, президент сильно зависим от последней в отношении проведения своей политики, когда это требует законодательного оформления.

Вместе с тем неясны и перспективы самого ГМД. Шок от поражения на выборах вызвал большую растерянность в руководстве партии и резкую, доходившую до насильственных действий на улицах, реакцию части членов партии против ее лидеров. Однако какими бы ни были результаты эмоциональных избирательных боев на острове, вряд ли его электорат напрочь забудет, что ГМД, будучи «монополюс правящей партией в течение долгого времени, смог обеспечить на Тайване высокие темпы экономического развития и значительно повысить жизненный уровень»⁵. Вряд ли совсем изгладится из памяти тайваньцев и то, что установление на острове многопартийного демократического режима прошло под патронажем правящей партии ГМД. Кроме того, ГМД продолжает пользоваться большим влиянием в различных структурах Тайваня, обладает большими финансовыми и иными экономическими возможностями. Думается, что он еще возродится в качестве влиятельной политической партии, но уже партии парламентского типа, ориентированной не на распространение своих идей на весь Китай, а на завоевание симпатий избирателей.

Оценивая результаты президентских выборов 2000 г. в целом, следует их прежде всего считать индикатором устойчивости сложившегося на Тайване политического режима. Переход высшего поста в иерархии властных структур к представителю оппозиции не привел к сколько-нибудь значительным катаклизмам в обществе. Раньше, при доминировании ГМД в высших структурах Китая, специалистами иногда высказывались сомнения в подлинности тайваньской многопартийности, допускались аналогии с существовавшей в Японии в течение ряда десятилетий фактической монополией на власть Либерально-демократической партии. Президентские выборы 2000 г. являются веским доказательством того, что многопартийность на Тайване стала свершившимся фактом.

1. См. Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. Второе дополненное издание. М., 1999. С 181.
2. Free China Review. March 2000. N3. P. 38.
3. Гуанхуа. Apr. 2000. N4. P. 23.
4. Там же.
5. Островский А. Тайвань накануне XXI века. М., 1999. С.92.

Почему Гоминьдан проиграл президентские выборы?

© 2000

А. Ларин

Итак, на президентских выборах 18 марта 2000 г. Гоминьдан потерпел сокрушительное поражение. Толпа его разъяренных сторонников собралась у президентского дворца и, сдерживаемая лишь полицией, в самых резких выражениях потребовала ухода Ли Дэнхуэя с поста председателя партии, возлагая на него ответственность за провал и даже обвиняя в тайном пособничестве оппозиции. Ли Дэнхуэй подчинился. Но это было только начало. В Гоминьдане разразился кризис: возник небывалый разброд, члены партии, даже с депутатскими мандатами, начали переходить в Первую народную партию, созданную отколовшимся от Гоминьдана одним из его лидеров Сун Чуюем.

Теперь первоочередной, всеобъемлющей задачей Гоминьдана стало: остановить распад партии, реорганизовать ее, обновить ее силы, с тем чтобы в недалеком будущем восстановить лидирующее положение в политической системе общества. Как всегда в таких случаях, появилось великое множество разнообразных оценок произошедшего и рецептов на будущее.

«Только революционное мышление и новый облик вкупе с прочными корнями на местах позволят Гоминьдану воспрянуть и вернуть себе доверие избирателей», — заявил видный деятель партии Ху Чжицян¹.

«В настоящее время у Гоминьдана отсутствует идеология», — отметил один из старейших членов партии проф. Бо Цзинчао². По его мнению, партии предстоит поиск своей «души».

Партия должна вырастить плеяду новых политических звезд из молодежи — таков еще один совет.

Сама по себе ситуация, когда проигрывает партия, под давлением обстоятельств отказавшаяся от монополии на власть и совершившая переход к многопартийной системе — явление в мировой политике не единичное. Однако после отмены в 1987 г. чрезвычайного положения, когда на Тайване появилось действительно много — десятки — новых партий и легализовалась главная оппозиционная сила — Демократическая прогрессивная партия, лидер Гоминьдана Ли Дэнхуэй дважды (в 1990 и 1996 гг.) побеждал в борьбе за президентское кресло. И это не удивительно: все это время Гоминьдан проводил достаточно успешную экономическую политику, увеличивался ВВП, рос душевой доход, налицо была социальная стабильность. Иными словами, Гоминьдан явно сумел вписаться в новое общество и сохранить в нем командные высоты.

Почему же в таком случае через десять с лишним лет после установления многопартийного политического строя он проиграл?

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Мы не будем в данной статье анализировать «технические» вопросы — механику избирательной борьбы, использование партиями тех или иных избирательных технологий и т.п. Условимся считать, что влияние этого фактора на итоги выборов — величина более или менее постоянная и при том работающая, скорее всего, в пользу Гоминьдана. Рассмотрим другие факторы.

Да, один из самых авторитетных лидеров Гоминьдана Сун Чуюй противопоставил себя остальной части партийного руководства и, будучи исключенным, увел за собой немало голосов членов партии и ее сторонников. Сработал, так сказать, субъективный фактор. Не будь этого обстоятельства — кто знает, как сложился бы ход выборов.

Да, Ли Дэнхуэй совершил ошибку, сделав ставку на непопулярного Лянь Чжаня вместо более популярного и влиятельного в низовых структурах Сун Чуюя. Еще одно проявление субъективной стихии, потеря чувства реальности.

Можно ли, однако, считать эти события случайными? Думается, нет, поскольку они не были единичными. Например, трудно назвать образцом политического реализма выступление Ли Дэнхуэя в июле 1999 г. с «концепцией двух государств» — предложением рассматривать отношения между континентальной и островной частями Китая как «особого рода межгосударственные отношения», что вызвало резкую отповедь со стороны правительства КНР и привело к ухудшению двусторонних отношений. Вспомним еще, что изгнание Сун Чуюя — это уже второй раскол Гоминьдана: первый, в 1993 г. закончился образованием Новой партии.

Таким образом, набирается целый ряд событий, каждое из которых можно, наверное, считать случайным, но за суммой которых угадывается развитие нездоровых, кризисных явлений в Гоминьдане, таких как келейная выработка решений по ключевым проблемам, обострение фракционной борьбы. В пользу этого вывода говорит и множество других, более мелких фактов, которые мы здесь не будем приводить.

Но и это еще не все. Важнейшую, как нам представляется, роль сыграл еще один фактор, который, к чести тайваньской демократии, был вполне отчетливо отражен в избирательных платформах кандидатов в президенты. Вот что говорили они о деятельности правящей партии.

Чэнь Шуйбянь, лидер ДПП: «Тот факт, что наши политические институты в высокой степени подвержены влиянию взяточников и организованной преступности, является главной причиной недееспособности и коррумпированности администрации, эрозии политической и экономической инфраструктуры»³.

Сун Чуюй, человек, великолепно знающий Гоминьдан изнутри: «Я думаю, что все растущее влияние «черных» и «золотых» сил (т.е. организованной преступности и коррупции) в политике разъело фундамент нашей демократии. Это — тяжелая проблема на долгое время, и нужно вырвать ее корни»⁴. Налицо «ухудшение социального порядка», «консерватизм в решении экономических проблем», «деградация идеалов в образовании молодежи».

Лянь Чжань, на момент выборов — вице-президент: быстрый прогресс страны за последние пятьдесят лет, «говоря откровенно, принес с собой проблемы, некоторые из которых возникают во всех странах в процессе развития. Это — проблемы окружающей среды, жизненных стандартов, социального порядка, нарушения справедливости в политике и экономике... Я полагаю, что нам всем нужна сейчас гуманная, безопасная, честная, высококачественная и надежная жизнь на Тайване»⁵.

Вот здесь и скрывается (вернее, раскрывается) одна из основных, нам кажется, причин поражения Гоминьдана — то, что четко обрисовано у оппозиционера Чэнь Шуйбяня, дано скупыми штрихами у недавнего гоминьдановца Сун Чуюя и еще более сглажено у гоминьдановского кандидата Лянь Чжаня.

Ее, пожалуй, можно считать субстратом внутренних раздоров в Гоминьдане и просчетов его руководства, той почвой, на которой развилась его слабость. Это — коррупция, сплетение власти с криминальным миром, вытекающие из сращивания чиновничества с бизнесом (высшего чиновничества — с крупным бизнесом) и дополняемые бюрократизмом. Лауреат нобелевской премии Ли Юаньцзэ, вернувшийся в 1994 г. по приглашению Ли Дэнхуэя из США на Тайвань и возглавивший там Академию Наук, отказавшись при этом от американского гражданства, был, как сообщают тайваньские источники, поражен неэффективностью работы административного аппарата. Сегодня в Гоминьдане открыто говорят о необходимости очистить партию от теневых влияний и «неэтичного» бизнеса⁶, усматривают причины ее поражения в «чрезмерной бюрократизации и устарелом мышлении»⁷. Короче говоря, за годы пребывания Гоминьдана у власти в условиях демократии произошло падение качества управления, и абсолютное, и относительное, последнее — в том смысле, что рост образовательного уровня общества, распространение в нем гражданских ценностей повысили планку требований общества к работе властей.

Показательно в связи с этим, что значительная часть академической и вузовской интеллигенции относилась к Ли Дэнхуэю достаточно скептически. Не случайно Ли Юаньцзэ, популярнейший в ее среде человек, в дни избирательной кампании демонстративно оставил свой высокий академический пост и сделался политическим советником Чэнь Шуйбяня.

В произошедшем на Тайване разрастании теневых явлений, вообще говоря, нет ничего экстраординарного: пороки, о которых сказано выше, присущи молодым демократиям и изживаются долго и трудно.

Деятельность Ли Дэнхуэя и его сподвижников сопровождалась буквально потоком критики, благо ими же введенные демократические свободы ее не ограничивали, при чем критика в адрес Ли Дэнхуэя, если уж говорить лично о нем, далеко не всегда была серьезной и обоснованной, подчас отличалась поверхностным характером, а иногда была просто нелепой. Президентца порицали за диктаторские замашки, безапелляционность, неумеренное использование ораторского дара, даже за религиозность, которую он и не думал скрывать. Он рассказывал, например, как голос свыше подсказывал ему решение чисто практических проблем, как молитвой ему удалось предотвратить движение тайфуна к Тайбэю. Если все это так, спрашивали оппоненты Ли Дэнхуэя, то кого же слушает всенародно избранный президент: народ или бога, при чем бога одного из религиозных меньшинств Тайваня — христиан?

Выходили книги, в которых президент изображен носителем чуть ли не всемирного зла. Например, с помощью такой софистики. Многократно было предсказано, что XXI век станет веком Китая. И предсказание сбудется, если китайские коммунисты возьмут Тайвань за образец для подражания. Но что произойдет, если Ли Дэнхуэю удастся добиться своего — смять демократию и установить личную диктатуру? «Тогда век Китая, скорее всего, не состоится». Следовательно, «можно смело утверждать, что Ли Дэнхуэй оказывает влияние на судьбу всей нации, на ход событий всей эпохи»⁸.

Однако в центре этой многоголосицы постоянно присутствовала адресованная Гоминьдану как правящей партии критика политической жизни Тайваня. В этой критике сходились и многоопытная ДПП, и молодая Новая партия, и часть приверженцев самого Гоминьдана. Даже христианская церковь, чьим адептом Ли Дэнхуэй себя с гордостью провозглашал, обратилась к нему с увещанием — пространном посланием, в котором говорилось: «Последнее время наша община глубоко озабочена нарастанием проявлений зла в политике и в экономике.

...Возникли такие негативные явления, как утечка доходов, незаконное присвоение привилегий, фальсификация выборов, коррупция, махинации с землей и акциями. Ясно прослеживаются корыстные связи финансовых группировок с правительственными кругами и народными избранниками, между ними возникает круговая порука. Все это подрывает доверие народа к правительству, привязанность к земле, веру масс в демократическую политику”.

Дальше святые отцы призвали президента исправить положение:

“Политика правительства должна быть открытой, понятной для народа, свободной от махинаций”.

“Действия властей должны быть примером в нравственном отношении, лица, облеченные властью, должны отделять себя от финансовых группировок и разного рода групп интересов”.

“Правящая партия ни в коем случае не должна ради победы на выборах идти на соглашения с финансовыми группами, кланами, теневыми структурами, иначе она окажет глубокое негативное влияние на демократическую политическую систему”⁹.

(Здесь, наверное, стоит отметить, что по нынешним российским меркам болезни тайваньского социального организма, богатая пища для самых отчаянных нападок на правительство — это и не болезни вовсе, а легкое недомогание).

Председатель ДПП Сюй Синьян подверг сложившиеся порядки критике с классовых позиций, проводя, впрочем, границу между капиталистами и народом не по Марксу — Ленину, а приблизительно так, как это делал Сунь Ятсен.

“Богатство Тайваня, — писал Сюй Синьян, — создано не капиталистами, они — только потребители, а подлинные его создатели — это предприниматели. Масштабы тайваньских предприятий малы, как правило хозяин предприятия и весь персонал сидят в одной комнате, вместе обдумывают и принимают решения. Вследствие этого хозяин может сам, если надо, заняться черновой работой, а рядовые сотрудники находятся в курсе дел компании. Набравшись опыта, они сами имеют шанс стать предпринимателями. Именно в этом состоит наш секрет успеха.

Мы не хотим, чтобы в тайваньском обществе расплодилось капиталисты, мы хотим, чтобы контроль за экономикой находился в руках предпринимателей”¹⁰.

«Самый главный недостаток Ли Дэньхуэя состоит в том, что он никогда не заботился о народных предприятиях. Став президентом, он направил все свое внимание на налаживание связей с крупными компаниями и финансовыми группами. О малых и средних предприятиях он не имеет ни малейшего представления»¹¹.

Добавим еще, что деятельность разного рода преступных группировок на острове, их влияние на политическую жизнь страны стала объектом множества публикаций¹².

В свое время, при авторитарном режиме тайваньская интеллигенция, поддержанная слоем мелких и средних предпринимателей, настойчиво добивалась демократических свобод — и потому, что без них она не может нормально существовать, осуществлять свои функции в обществе, и потому, что была уверена: демократия позволит избавить общество от коррупции, уменьшить социальную несправедливость. И крупно ошиблась: и коррупция, и несправедливость могут цвести пышным цветом при любом режиме. При относительно либеральном Цзян Цзинго коррупция было больше, а воротилы бизнеса чувствовали себя увереннее, чем при суровом Чан Кайши, когда, по словам американского посла на Тайване Л. Ангера, “Китайская Республика стала образцом чистого государства”¹³ и многие высокопоставленные деятели, в том числе Цзян Цзинго, Чэнь Чэн, министр обороны Юй Давэй подавали пример

своим скромным образом жизни. При Ли Дэньхуэе состоялся брак правительственных кругов с денежными мешками. По крайней мере, такое мнение сложилось в обществе. Заметим, однако, в обществе, привыкшем судить по строгим меркам предыдущего периода. Рядом же со многими другими странами Тайвань и сегодня выглядит царством порядка.

Как бы то ни было, на острове сформировался вызов общества своим руководителям.

Отвечая на этот вызов, правительство включило в число своих задач создание «чистого» правительства и «углубление демократии». Однако как сделать правительство «чистым», как именно углублять демократию, в Гоминьдане, похоже, не особенно задумывались. Как отмечал, например, американский политолог проф. Дж. Робинсон, «многие на Тайване полагают, что успех первых прямых президентских выборов означает завершение процесса демократизации»¹⁴. К этим многим относились в первую очередь действительно многие правительственные деятели, которые в своих выступлениях рисовали тайваньскую демократию едва ли не идеальной, а чтобы сделать ее абсолютно идеальной, оставалось, вроде бы, совсем немного: удешевить избирательные кампании, добиться большей объективности от телевидения и т.п. «Примером явлений, требующих скорейшего устранения, служат нередкие потасовки в парламенте», — вот еще один из пунктов этого недлинного перечня. В грядущем же некоторые правительственные деятели пылко обещали построить «общество безусловной и полной демократии»¹⁵. С явно чрезмерным оптимизмом утверждалось, что на Тайване уже возникло гражданское общество и что «новые организации, особенно те, которые занимаются защитой окружающей среды, активно стимулируют перераспределение власти»¹⁶.

Единственным порывом действительно усовершенствовать демократическую систему управления стал, как это ни парадоксально, шаг к упразднению выборов глав местной администрации (в поселках и волостях). Дело в том, что в трудной борьбе с противниками реформ Ли Дэньхуэй был вынужден опереться на влиятельные местные силы; чтобы заручиться их поддержкой, он, используя партийные ресурсы, помогал их лидерам избираться на административные посты. Это позволило местным группировкам набрать вес и повести себя излишне независимо от центра. А поскольку многие из них были тесно связаны с «денежными мешками» и с криминальным миром, повышение их роли стало оказывать негативное влияние на общественную атмосферу. Чтобы оздоровить ее, Гоминьдан и ДПП в 1997 г. договорились заменить выборы администраторов низшего звена их назначением. Договоренность, однако, не была реализована. (Заметим, что мы говорим здесь именно об усовершенствовании системы управления обществом, а не о борьбе с преступностью полицейскими мерами — такие меры предпринимались. И при том в ряде случаев — весьма жесткие).

Между тем, ДПП в тех местах, где ей удавалось в результате выборов придти к власти, проводила одобрявшуюся избирателями социальную политику, пусть даже с популистской окраской, создавая тем самым реальную альтернативу Гоминьдану. Это обстоятельство стоит отметить особо: отсутствие привлекательной альтернативы на выборах — не многим меньшее социальное зло, чем безальтернативные выборы. В обоих случаях смысл выборов выхолащивается. Контраст с политикой Гоминьдана позволил ДПП выиграть выборы.

Обоснованность вывода о причинах победы ДПП подтверждается тем обстоятельством, что по другому важнейшему вопросу — об отношениях с Пекином позиции основных кандидатов к моменту выборов постепено сблизились и оказались в основном сходными: все они высказались за мирное развитие этих отношений, расширение двусторонних связей, налаживание содержа-

тельного диалога, но только на равноправной основе, все продемонстрировали отрицательное отношение и к провозглашению независимости Тайваня и к объединению по модели «одно государство, два строя».

Зафиксированный в период избирательной кампании консенсус различных политических сил Тайваня в вопросе об отношениях с континентальным Китаем не случаен: он отражает устойчивый баланс сил, сложившийся в треугольнике Тайбэй — Пекин — Вашингтон, и может послужить основанием для придания этим отношениям большей стабильности. Безусловно, это — устойчивость, так сказать, динамическая: баланс сохраняется лишь как результат постоянных усилий сторон. Тайвань оказывается на пересечении двух конкурирующих друг с другом тенденций: с одной стороны это — наращивание военной мощи Китая, с другой — укрепление стратегических позиций США в АТР посредством создания национальной и региональной систем ПРО. Параллельно второй тенденции стремится модернизировать свои вооруженные силы и сам Тайвань. В итоге же обстановка вокруг Тайваня вполне может быть достаточно благоприятной для проведения тех преобразований, с помощью которых Чэнь Шуйбянь хотел бы сделать более «чистой» работу административной системы и всю политическую жизнь страны.

1. Taipei Journal. 21.04.2000. # 15.
2. Taipei Journal. 31.04.2000. # 12.
3. Free China Reviv. 2000. Vol. 50. # 3. P. 38.
4. Ibid. P. 42.
5. Ibid. P. 36.
6. Taipei Journal. 2000. Vol. XVII. # 12.
7. Taipei Journal. 2000. Vol. XVII. # 14.
8. Сюй Хань. Ли Дэнхуэй ды ци ши нянь. Ли Дэнхуэй пинчжуань [Семьдесят лет Ли Дэнхуэю. Критическая биография Ли Дэнхуэя]. Тайбэй, 1994. С. 8.
9. Там же. С. 243 - 244.
10. Сюй Синьян. Тяочжань Ли Дэнхуэй [Вызов Ли Дэнхуэю]. Тайбэй, 1995.
11. Там же. С. 143.
12. Подробнее см.: Завадский М.С. Об организованной преступности на Тайване //Тайвань. Краткие справочные сведения. Вып. VIII / Институт Дальнего Востока РАН. М., 1998.
13. Ли Юнхань. Чжунго Гоминьдан ши яньцзю пинлунь [История Гоминьдана. Статьи и рецензии]. Тайбэй, 1992. С. 324.
14. Свободный Китай. 1996. № 2. С. 11.
15. Свободный Китай. 1994. № 4. С. 30.
16. Свободный Китай. 1997. № 3. С. 23.
17. In Search of A Unified China. Part 2/ Russian Academy of Sciences. Institute of Far Eastern Studies. Moscow, 1997. P. 60.

Экономика

"Экономика знаний": дискуссии в КНР

© 2000

О. Борох

Во второй половине 1990-х годов в Китае развернулись оживленные дискуссии на тему "экономики знаний" (*чжиши цзинцзи*). В 1997-99 гг. были переведены на китайский язык или переизданы основополагающие труды западных специалистов по теории постиндустриального общества, доклады международных экономических организаций, в которых затрагивались проблемы "экономики знаний". Этой теме посвящены сотни статей в китайских политических и научных журналах, десятки монографий, подготовлены энциклопедии, справочные издания и популярные брошюры. Названия опубликованных книг мало отличались друг от друга - "Что такое экономика знаний", "Специалисты об экономике знаний", "Энциклопедия экономики знаний", "Краткое пособие по экономике знаний", "Основные тенденции экономики знаний", "Волна экономики знаний", "Эпоха экономики знаний" и др.

Необычный для нормального хода научной дискуссии всплеск числа публикаций по теме наблюдался в конце 1998 г. Косвенно это позволяет сделать предположение о "заказе" со стороны государства, о том же свидетельствует и состав участников обсуждения. В начальный период влияние профессиональных экономистов на ход дискуссий было незначительным, ведущую роль в ознакомлении китайской общественности с теорией "экономики знаний" играли правительственные чиновники и представители органов пропаганды. Лишь в 1999 г. экономисты активно включились в разработку темы и предприняли попытку рассмотреть теорию "экономики знаний" в контексте реальных проблем современного Китая.

Начало общенациональным дискуссиям положила статья ректора Университета Фудань (г.Шанхай) Ян Фуцзя, опубликованная в декабре 1997 г. в органе ЦК КПК "Жэньминь жибао" под рубрикой "Новые суждения известных ученых"¹ (впоследствии перепечатана в журнале "Синьхуа вэньчжай"²). В этой установочной публикации содержались принципиальные теоретические положения и конкретные факты, отраженные впоследствии в исследованиях ряда китайских авторов. Статья Ян Фуцзя стала "шаблоном", в соответствии с которым строились многочисленные публикации в центральных и провинци-

альных журналах, содержащиеся в ней факты повторялись другими участниками дискуссий.

Ян Фуцзя объяснил свой интерес к проблеме тем, что в 1996 г. услышал термин “экономика, основанная на знаниях” (Knowledge-based Economy), а в декабре 1997 г. был свидетелем высказываний об “экономике знаний” (Knowledge Economy) президента США Клинтона. Это побудило ученого к исследованию “экономики знаний” и ее влияния на будущее развитие Китая и всего мира. Наибольшее впечатление на Ян Фуцзя произвел пример главы компании Microsoft Билла Гейтса, появление которого он расценил как начало формирования “экономики знаний”. По американским оценкам, стоимость продукции Microsoft уже превосходит стоимость продукции трех крупнейших автомобильных компаний США, а источником экономического роста США являются 5000 компаний в сфере программного обеспечения. Все это свидетельствует о растущей роли отраслей, связанных с производством и использованием знаний, и о превращении знаний в важнейший фактор современного хозяйства. Примечательно, что одним из самых убедительных аргументов для многих китайских пропагандистов “экономики знаний” стала продемонстрированная Гейтсом возможность быстрого личного обогащения - “обогатившийся на знаниях Билл Гейтс поднялся на трон самого богатого человека в мире, этот факт заслуживает пристального изучения и осмысления”³.

Особая актуальность темы, по мнению Ян Фуцзя, связана с коренными сдвигами в экономике и обществе, наметившимися в результате развития информационных технологий. Подобно тому, как 200 лет назад индустриальная экономика стала заменять аграрную, сегодня экономика знаний приходит на смену индустриальной экономике. “Это предоставляет исторический шанс, а в том, как использовать этот шанс, заключается вызов”⁴. Если в начале XX века “топливом” для двигателя индустриальной экономики была нефть, то на рубеже третьего тысячелетия “топливом” для двигателя “экономики знаний” становится информация. В отличие от индустриального общества, где люди рассуждали о двигателях, железных дорогах и производственном конвейере компании Ford, в обществе знаний главными темами дискуссий стали полупроводники, микрочипы, диски, компьютеры. Ян Фуцзя отметил, что на чипе размером с ноготь можно разместить содержание “Жэньминь жибао” за два года, а современные технологии связи позволяют полностью передать эту информацию в другое место за одну секунду.⁵

Ян Фуцзя сравнил рост информационных отраслей с “тихой революцией”, коренным образом изменяющей способ производства, способ потребления и образ жизни людей. Он призвал как следует подготовиться к неминуемому наступлению новой эпохи, уделив первостепенное внимание проблемам образования и подготовки кадров. Главный вывод статьи состоял в том, что “экономику знаний” можно сравнить со складывающейся в наши дни “новой экономической формацией”⁶. Подчеркивая важность темы, он призвал “подобно созданному Роденом “Мыслителю” как следует задуматься и подготовиться к будущему”⁷.

Статья Ян Фуцзя вызвала заинтересованную реакцию как правительственных чиновников, так и научной общественности. Влияние этой публикации было столь значительным, что некоторые китайские авторы даже включили ее положения в заголовки своих работ. В частности, выпущенная в 1998 г. книга Ли Цзинвэня называлась “Экономика знаний: новая экономическая формация XXI века”⁸.

Все большее место в разработках китайских авторов стало отводиться изучению происходящих в мире технологических и информационных сдвигов, на первый план выдвинулась проблема отставания Китая от развитых стран. Многие ученые обратились к исследованию теории "общества знаний", в КНР стало формироваться новое научное направление, получившее название "китайской школы экономики знаний" и появилась имеющая национальную специфику "китайская теория экономики знаний".

Главными теоретическими источниками "китайской теории экономики знаний" послужили разработки зарубежных ученых. В первую очередь к ним относятся труды американских исследователей, посвященные проблемам информационных технологий и постиндустриального общества.

Китайские авторы опирались на работы американского экономиста Ф.Махлупа, который еще в 1962 г. ввел в научный оборот термин "индустрия знаний" (Knowledge Industries) и одним из первых проанализировал особенности отраслей, непосредственно связанных с производством и использованием знаний⁹. Его труды заинтересовали китайцев также и потому, что ученый выделил основные отрасли, входящие в индустрию знаний: образование, исследования и разработки, СМИ, информационное оборудование и информационное обслуживание¹⁰. Значительный интерес был проявлен к разработанной М.Поратом в 1977 г. концепции "информационной экономики" (Information Economy). В ней выделялись четыре группы отраслей (сельское хозяйство, промышленность, сектор услуг и сектор информации) и делался вывод о том, что информация и знания превращаются в важнейший сектор экономики¹¹. Особое внимание было уделено теории "постиндустриального общества" американского социолога Д.Белла, наиболее полно изложенной в книге "Пришествие постиндустриального общества" (1973). Необходимо подчеркнуть, что в отличие от российских авторов, уделяющих особое внимание исследованию постиндустриального общества и перспектив постиндустриальной теории, в Китае термин "постиндустриальное общество" используется крайне редко. Участники дискуссий предпочитали писать не о "постиндустриальном обществе" и "постиндустриальной теории", а об "обществе знаний" и концепции "экономики знаний".

Привлекли внимание ученых КНР и работы американских футурологов, прежде всего предсказания информационной эпохи, содержащиеся в книге О.Тоффлера "Третья волна" (1980), а также теория мегатенденций Дж.Найсбитта¹². Высоко оценивался бестселлер признанного специалиста в сфере современного менеджмента П.Дракера "Постэкономическое общество" (1993). В контексте призывов китайских руководителей "не сковывать себя абстрактными спорами о том, под каким именем выступают реформы - капитализма или социализма", особое звучание приобрело данное П.Дракером определение "общества знаний" как "посткапиталистического". Такая характеристика связана с тем, что движущей силой экономического развития в этом обществе становятся не традиционные инвестиции "капиталистов", а человек, применяющий и создающий знания¹³. В развитие этой мысли китайские ученые отмечали, что новое общество будет не только "посткапиталистическим", но и "постсоциалистическим": в отличие от XX века, в котором главной "осью" развития "капитализма" и "социализма" были "капитал" (цзыбэнь) и "фонды" (цзыцзинь)¹⁴, в обществе будущего главным ресурсом станут знания, а основным источником экономического роста - творческое применение этих знаний человеком.

Китайские авторы использовали также программные политические выступления администрации США, в которых затрагивались проблемы “экономики знаний”. Наиболее часто упоминались речь президента США Б.Клинтона (февраль 1997 г.) и выступления о “новой экономике” главы Федеральной резервной системы США А.Гринспэна. Среди использованных обобщающих работ международных экономических организаций особое место занимает доклад Организации экономического сотрудничества и развития (1996г.), переведенный на китайский язык и изданный в КНР в виде сборника. В нем было дано установившееся в КНР определение “экономики знаний” как “экономики, основанной на производстве, распределении и использовании знаний и информации”¹⁵. Многие положения китайской теории “экономики знаний” взяты именно из этого доклада. Часто цитировался доклад Всемирного Банка за 1998/1999 гг. Китайским ученым нравилось приведенное в этом докладе образное сравнение знаний со светом – знания невесомы, их нельзя потрогать, однако они легко перемещаются по миру и приносят человеческой жизни свет¹⁶.

В числе теоретических источников китайской концепции “экономики знаний” некоторые авторы называют труды японских и западноевропейских ученых. В этом можно усомниться, поскольку эти исследования в Китае все еще малоизвестны. Отдельные китайские теоретики видят корни современной концепции “общества знаний” также и в трудах Конфуция, который еще два с половиной тысячелетия назад говорил о знаниях и о “радости”, полученной от учения: “Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость?”¹⁷. Однако это мнение также не получило широкого распространения в научных кругах КНР¹⁸.

Большой популярностью в Китае пользовались истории обогащения американских компьютерных магнатов. Тезис о том, что знания создают богатство, представлялся китайским авторам чрезвычайно важным. На начальном этапе экономической реформы в КНР одной из острых проблем в сфере распределения было так называемое “перевернутое соотношение доходов занятых умственным и физическим трудом”, при котором более высокие доходы получали работники физического труда, а представители интеллигенции зарабатывали крайне мало. В 1980-х годах получили распространение поговорки: “делать атомную бомбу менее выгодно, чем продавать чай”, “пользоваться скальпелем менее выгодно, чем бритвой парикмахера”¹⁹. В середине 1990-х годов ситуация изменилась, и представители интеллигенции получили возможность зарабатывать деньги, используя свои знания. Пример Билла Гейтса должен был подтвердить, что на базе знаний можно создать крупные состояния.

“Национальная специфика” дискуссий об “экономике знаний” проявилась в том, что на первый план выдвинулась идея “исторического шанса” (*цзуйюй*), предоставляемого Китаю новой эпохой. Как справедливо отмечали многие авторы, по уровню развития Китай еще далек от “общества знаний”. Но не стоит из-за этого “беспомощно вздыхать”, считая нереальным сокращение разрыва между Китаем и экономически развитыми странами²⁰. Наступление эпохи “экономики знаний” рассматривалось в большинстве китайских публикаций как “выпадающая раз в тысячу лет возможность” стать полноправным членом этого общества, как редкий шанс для создания новой конкурентоспособной экономической структуры на основе информационных технологий.

Участники дискуссий не были едины по вопросу о сроках предполагаемого перехода Китая и других стран мира к “экономике знаний”. Одни авторы утверждали, что эпоха “общества знаний” скоро наступит, другие считали, что

она уже наступила. Некоторые исследователи описывали новую эпоху весьма романтично и образно - "когда на пересечении веков мы стоим посреди реки истории и вглядываемся в будущее, мы четко видим, как информатизация ведет человечество в новую экономическую эпоху - эпоху общества знаний"²¹.

Другие авторы предлагали конкретные даты пришествия новой эпохи: "По прогнозам многих зарубежных экономистов, в 2010 г. информатика, науки о жизни, производство новых и вторичных источников энергии, новых материалов и другие высокотехнологичные отрасли превзойдут в стоимостном отношении автомобильную, строительную, нефтяную, транспорт, текстильную и другие традиционные отрасли промышленности"²². В ряде статей наступление новой эпохи отодвигалось еще на двадцать лет и утверждалось, что переход к "экономике знаний" произойдет в 2030 г. Такой вывод основывался на прогнозе ООН, подготовленном в декабре 1997 г. Некоторые авторы для "подстраховки" продлевали сроки на двадцать лет, полагая, что человечество полностью вступит в эпоху экономики знаний во второй половине XXI века или в 2050 г.

Все участники дискуссий приветствовали наступление новой эпохи. "В прошлую промышленную революцию по ряду причин мы не использовали исторического шанса, в результате почти целое столетие Китай был отсталым и сталкивался с трудностями. На этом историческом перекрестке мы обязательно должны ухватиться за представившуюся возможность"²³.

Многие исследователи предлагали как можно скорее использовать выпавший Китаю шанс, проявляя при этом излишнюю поспешность. "Теория наверхствывания" (*цзицзао лунь*) стала еще одним специфическим направлением развития "китайской теории экономики знаний". Ученые КНР акцентировали внимание на том, что "шанс нельзя упустить - время больше не придет". Существующие различия в уровне экономического развития стран мира обусловлены главным образом влиянием промышленной революции, однако "экономика знаний" предоставляет всем странам мира шанс заново перетасовать карты, и от того, успеет ли Китай на этот поезд, возможно, будет зависеть его положение в мировой экономике в будущем столетии²⁴. Нынешнее отставание Китая в отраслях, порожденных промышленной революцией и последующей индустриализацией, может быть скомпенсировано, но для этого необходимо поторопиться.

Поспешность отразилась в самих материалах дискуссии. Знакомство с многочисленными публикациями второй половины 1998 г. показывает, что они были подготовлены в короткие сроки и в спешке. Можно согласиться с теми китайскими авторами, которые считают, что многие исследования на тему "экономики знаний" были "состряпаны" (*чаоцзо*)²⁵. Стремление наверстать упущенное проявили не только специалисты-гуманитарии. Некоторые представители научно-технической интеллигенции поставили перед собой задачу скорейшего получения Нобелевской премии и даже разработали соответствующий проект.

Развитием "теории шанса" стала "теория перешагивания" (*жуаюэ лунь*), обосновывающая возможность "перешагнуть" в новую эпоху "общества знаний", сконцентрировавшись на отраслях будущего. Некоторые исследователи подчеркивали, что Китай может войти в новую эпоху своим путем - "в процессе модернизации надо также обращать внимание на экономику знаний, нам совсем не обязательно идти по пути развитых государств Запада"²⁶. Заявлялось, что "экономика знаний" дала Китаю новый шанс, поэтому можно отказаться от модели развития традиционных отраслей и осуществить в некоторых сферах "перешагивающее" ускоренное развитие.

Некоторые участники дискуссий утверждали, что вступление Китая в новую эпоху не будет одномоментным - первыми к “экономике знаний” перейдут районы с наиболее развитыми информационными технологиями. Столичные исследователи полагают, что именно Пекин на основе своих преимуществ в науке и технике должен играть ведущую роль в развитии “экономики знаний”. Эти планы вызвали несогласие шанхайских авторов, полагающих, что наилучшие возможности в сфере развития информационных технологий имеет Шанхай, у которого есть возможность осуществить стратегию “перешагивания” и, минуя этапы, вступить в новую эпоху. Хотя теоретики “экономики знаний” из других городов и провинций пока еще не включились в эти дискуссии, есть все основания ожидать, что под влиянием примера Пекина и Шанхая, они также не захотят оставаться в эпохе “традиционной экономики” и заявят о стремлении войти в эпоху “экономики знаний”.

Рассуждения о последовательности вступления различных городов и провинций Китая в эпоху “экономики знаний” вызывают ассоциации с периодом “большого скачка”, когда устанавливались порядок и сроки вступления в коммунизм (сначала Аньшань, затем Ляонин, Шанхай и т.д.). Хотя нынешние предложения выглядят более аргументированными, они все же мало связаны с экономической стороной проблемы и не учитывают того факта, что в основе перехода к “обществу знаний” лежат успехи индустриализации и достижение высокого уровня жизни населения страны.

С периодом “большого скачка” нынешние дискуссии по “экономике знаний” роднят и завышенные ожидания. Не стоит забывать, что теория “экономики знаний” была разработана в развитых странах с учетом их экономической реальности. Из-за существенных различий в социально-экономической системе, уровне научно-технического развития, политико-правовой структуре, историческом и культурном фоне, на китайской почве концепция “экономики знаний” может оказаться бессильной для объяснения и прогнозирования китайской экономической реальности и будущих тенденций развития.

Существующая в США и других развитых странах “экономика знаний” возникла не только в результате увеличения расходов на науку и технику, подготовки большого числа научно-технических работников, развития компьютерной сети, она явилась продуктом взаимодействия в течение нескольких последних веков экономических, культурных и политических факторов. Полагать, что Китаю для прыжка в эпоху “экономики знаний” достаточно лишь увеличить расходы на науку и технику, создать больше университетов, подготовить больше кадров и произвести больше компьютеров - не более чем “наивная иллюзия”²⁷. Более того, в условиях современного Китая концентрация на развитии высоких технологий может иметь негативные последствия для других отраслей: у страны нет сил и средств развивать все направления одновременно, поэтому увеличение вложений в “экономику будущего” будет идти в ущерб “экономике настоящего”.

Обращаясь к истории, некоторые ученые высказывали опасения, что желание “перешагнуть” в будущее может вновь оказаться несбыточной мечтой, ведущей к краху, как это неоднократно случалось в новой и новейшей политической истории Китая. В середине XIX в. движение “по усвоению заморских дел” окончилось новым военным поражением - для решения проблем были нужны всесторонние реформы, а не закупка передовой зарубежной техники. В начале XX в. китайские политики пытались механически перенести в китайские условия опыт русской революции, что привело к поражению советского движения в начале 30-х годов. В середине столетия слепое преклонение

перед экономической моделью СССР вывело экономическое строительство на извилистый путь. Из этого следует, что многократные попытки Китая заимствовать из-за рубежа передовые науку и технику, идеи и модели далеко не всегда имели успех. По мнению Цзя Баохуа, "хотя "экономика знаний" - это действительно "хорошая" вещь, в Китае у нее могут две разные судьбы, если мы будем возлагать на нее слишком большие надежды, нас, возможно, постигнет еще большее разочарование"²⁸.

Идеализация "экономики знаний" связана и с тем, что многие ее пропагандисты не имели опыта длительного проживания за рубежом и не занимались специально изучением политики, экономики, науки и культуры развитых стран Запада. Они часто не имели адекватного представления об исторических условиях, в которых была разработана данная теория.

Например, в китайских публикациях часто упоминалась известная книга О.Тоффлера "Третья волна", переведенная на китайский язык еще в 1984 г. В ней были выделены три фазы в развитии человечества - первая, вторая и третья волна "цивилизации" (т.е. аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество). Для обоснования так называемой "теории перешагивания" в Китае часто использовались слова О.Тоффлера о том, что третья волна "цивилизации" открывает бедным и богатым странам возможности для обновления и освобождения - в соревновании по бегу в следующее столетие богатые и бедные страны стоят на одной стартовой полосе. Однако далее О.Тоффлер разъяснял, что теории, разработанные в странах с высоким уровнем технологического развития, не могут решить проблем "развивающегося мира". Он считал ошибочными предложения "развить" страны первой волны, навязывая им методы второй волны. По мнению ученого, сторонники такого подхода упускают из виду важный момент - для того, чтобы эти меры оказались действенными, необходимо разрушить традиционную семью, брачные обычаи, религию, органы управления, искоренить прежнюю культуру.

Через 15 лет в работе "Создание новой цивилизации: политика третьей волны" (переведена на китайский язык в 1996 г.) О.Тоффлер более не упоминал о "единой стартовой линии". Напротив, книге подчеркивалась важность одновременных преобразований в различных сферах. Согласно концепции ученого, "третья волна" относится не только к технике и экономике, но и к морали, культуре, представлениям, системе и политической структуре. Но этот позднейший вывод О.Тоффлера привлек в Китае меньшее внимание, чем его ранние рассуждения об "единой стартовой полосе". Китайские сторонники "экономики знаний" не проявили интереса и к идеям О.Тоффлера о преодолении материальной мотивации в условиях общества будущего. Это вполне объяснимо, поскольку внутри Китая крайне важен тезис о том, что "экономика знаний" предоставляет новые возможности для обогащения.

Помимо односторонней "избирательности" в подходе к западным теориям, китайских теоретиков "экономики знаний" критиковали также за неоправданное приукрашивание общества будущего. Мало кто пытался проанализировать негативные последствия перехода Китая на новую стадию развития. Господствовало мнение, что взять из опыта развитых стран можно только хорошее. И Пэйцян (Хунаньский педагогический университет) полагал, что "экономика знаний" позволит решить проблему имущественной дифференциации и усовершенствовать социальную структуру китайского общества. "Если богатые не овладеют знаниями, информацией, технологиями, навыками управления, то они могут потерять свое богатство и оказаться среди низших слоев, а люди из низших и средних слоев, обладая знаниями, информацией, техноло-

гиями, умением управлять производством, смогут обогатиться и подняться в верхние слои... Увеличится численность среднего класса в обществе, уменьшится разрыв между богатыми и бедными. Социальная структура в форме пирамиды, существующая сегодня, будет заменена новой структурой социальной организации”²⁹.

У этой идеализированной точки зрения в Китае нашлись противники, предполагавшие, что в результате перехода к “экономике знаний” могут обостриться внутренние экономические проблемы и социальные конфликты. По их мнению, многие в Китае уже осознали, что индустриализация принесла не только удобства, но и трудности – экологические проблемы, демографический взрыв, транспортные пробки. Обострились социальные противоречия – увеличился разрыв между бедностью и богатством, возросло число уволенных и безработных, огромные масштабы приобрела коррупция. “Экономика знаний” также принесет не только новые преимущества, но и новые противоречия, новые преступления, новую напряженность. Достаточно прямо было сказано о том, что если китайские пропагандисты этой концепции “будут лишь с радостью говорить о редком “шансе” и заманчивых “достоинствах” [“экономики знаний”], и не станут своевременно предупреждать о возможных трудноразрешимых противоречиях и досадных “недостатках”, то их теория будет не только односторонней, но и неправдивой”³⁰.

Теоретики “общества знаний” критиковались также за отрыв от насущных проблем современного Китая. Выдвигаемые ими цели были высоки и прекрасны – развитие информационных технологий, совершенствование системы высшего образования, подготовка высококвалифицированных научно-технических кадров, увеличение ассигнований на исследования, перемещение КНР на более высокое место в мире по научно-техническому потенциалу, и даже получение китайскими учеными Нобелевских премий. Оппоненты призывали их трезво взглянуть на реальность и уделить первостепенное внимание современным социальным и экономическим проблемам. Дело в том, что в условиях ограниченных средств, напряженной ситуации с ресурсами, ухудшения экологии, роста безработицы, научно-техническая и промышленная политика должны быть нацелены на решение проблем, связанных с повседневной жизнью людей. Иными словами, сторонников “экономики знаний” упрекали в ошибочной расстановке приоритетов. “Надо ли прежде всего решать проблемы “традиционных отраслей” или вкладывать средства в “экономику знаний” – информатику, генную инженерию? Надо ли сначала построить в стране высококачественные мосты, дороги, здания, плотины или же создавать “районы освоения высоких технологий” и “улицы электроники”? Надо ли в первую очередь распространять знания и технику в сельском хозяйстве и промышленности, или же развивать и пропагандировать знания и технику, относящиеся к “экономике знаний”? Надо ли прежде всего искать пути решения проблем уволенных, безработных и избыточного населения в деревне, или же воспитать несколько богатых людей, подобных Биллу Гейтсу?”³¹.

В конце 1998 г. некоторые известные ученые выступили с критикой “китайской школы экономики знаний”. Президент Инженерной академии Китая Сун Цзянь подчеркивал, что нельзя слепо и односторонне стремиться к развитию информационных отраслей, забывая о насущных проблемах развития современного сельского хозяйства и базовых отраслей. “Мы должны повысить бдительность, чтобы нас не ввели в заблуждение и не повели в ошибочном направлении эти писатели, занимающиеся пустословием”³².

Примерно в то же время авторитетный экономист Фань Ган подчеркнул, что “этапы экономического развития можно сократить, однако нельзя перепрыгнуть через этап”, Китаю необходимо пройти урок “индустриализации и урбанизации”, нельзя “сидеть в соломенном шалаше и играть в компьютерные игры”³³. Поскольку в Китае насчитывается 900 млн. крестьян, невозможно добиться увеличения занятости и доходов, опираясь исключительно на техноёмкие производства - эти цели могут быть достигнуты только в результате развития трудоёмких отраслей и осуществления в конечном счете индустриализации и урбанизации. По мнению Фань Гана, только так можно создать спрос, то есть “точки роста”. Ученый предостерегал, что чем более развит город в экономическом отношении, тем легче поставить задачу “догоняющего развития”, тем проще переоценить свои возможности. Однако в действительности надо сосредоточить внимание на самом базовом спросе и овладеть базовым рынком, и, учитывая реальную ситуацию, сначала пройти “основной урок”³⁴.

Сходной позиции придерживался Се Ди (проректор Института экономики и управления, Цзилиньский Университет), справедливо отметивший, что без развития первичного и, в особенности, вторичного сектора, информационный сервис будет всего лишь “воздушным замком”³⁵. В ситуации незавершенной индустриализации Китай должен не только стремиться овладеть командными высотами “экономики знаний”, но и как можно быстрее использовать новейшие информационные технологии для оснащения ими всей экономики, и прежде всего отраслей обрабатывающей промышленности, ускорить процесс индустриализации, повысить уровень модернизации промышленности и ее конкурентоспособность. Такой выбор ученый считал более реалистичным³⁶.

Критические замечания высказывались и на научной конференции “Экономика знаний и управление” (октябрь 1998 г. Сиань). О том, что Китаю необходимо не только развивать индустрию знаний, но и “пройти пропущенный урок” “индустриализации” и “маркетизации”, говорил на конференции профессор Хэйлуцзянского Университета Сюн Инъю³⁷. Гун Вэйпин (Цзинаньский Университет) подчеркнул, что “экономика знаний” реально еще не существует, и китайские ученые обсуждают лишь прогнозы и гипотезы, сделанные на основе современных тенденций экономического развития. “Поэтому “экономика знаний” - это в значительной степени категория футурологии, а не категория экономической науки в строгом смысле слова”³⁸. Ху Ичэн (Академия общественных наук провинции Шэньси) также призывал быть бдительными к “утопиям знаний” (*чжиши утобан*)³⁹.

Отмечая отставание Китая от крупнейших экономических держав мира, многие исследователи призывали искать причины этого в проблемах самой китайской индустрии знаний⁴⁰. Было отмечено, что за годы реформ в стране произошли позитивные перемены в отраслях, непосредственно связанных с производством и использованием знаний - увеличилось число занятых в сфере образования, были разработаны и начали проводиться в жизнь научно-технологические проекты, созданы научно-производственные центры, на некоторых направлениях научных исследований Китай приблизился к мировому уровню⁴¹. Однако в индустрии знаний, являющейся “локомотивом” модернизации, сохраняются нехватка высококвалифицированных кадров, низкая инновационная активность предприятий, отставание в информационных отраслях, недостаточные ассигнования на образование, науку, культуру и их неэффективное использование⁴². В новую рыночную эпоху темпы реформирования китайской индустрии знаний отстали от реформ в других отраслях⁴³. Немало

трудностей возникло из-за слабого правового обеспечения “экономики знаний”, отсталости системы прав интеллектуальной собственности⁴⁴.

Были и другие причины - развитию индустрии знаний в Китае препятствовал низкий уровень оплаты труда занятых в научно-технической сфере: в начальный период реформы умственный труд часто оплачивался хуже, чем физический, “диплом о высшем образовании превратился в вазу для цветов”⁴⁵. Сохранялось уравнильное распределение, работники независимо от уровня их подготовки имели равный доступ к получению жилья и медицинскому обслуживанию, социальное обеспечение играло более важную роль, чем доходы, получаемые в форме заработной платы. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в Китае на протяжении долгого времени высоко ценилась должность чиновника, а занятия наукой воспринимались многими как этап на пути к этой должности⁴⁶. Не случайно современные китайские авторы предлагали изменить систему общественной оценки, чтобы повысить престиж научной и инновационной деятельности⁴⁷.

Наряду с оттоком специалистов из сферы науки в другие сектора экономики, с 1980-х годов в Китае прогрессировала внешняя миграция научных кадров. Внешняя “утечка умов”, образно называвшаяся в Китае “воробьи улетают за море”, “красивые девушки выходят замуж за других”, также существенно сократила возможности научных разработок в Китае. По китайской статистике, за период 1978-1994 гг. из 71144 китайских студентов, обучавшихся за рубежом, в Китай вернулись лишь 44%⁴⁸, что ослабляет научно-технический потенциал страны⁴⁹.

Свою негативную роль сыграли и идеологические барьеры. На основе концепций “ставить иностранное на пользу Китая”, “отбросить шелуху, взять квинтэссенцию” в КНР не раз предпринимались попытки “фильтровать” знания с помощью идеологии. В ряде случаев не только отбрасывалась “шелуха”, но и утрачивалась “квинтэссенция”⁵⁰. Влияние идеологического фактора проявлялось и в том, что для определенных групп людей, занятых в сфере идеологии, воспроизводство имеющихся у них знаний стало максимизируемым ресурсом. Поэтому они продолжали отстаивать свои взгляды даже в том случае, если их знания уже устарели, и не были заинтересованы в распространении новых знаний⁵¹.

Работы китайской школы “экономики знаний” критиковались и за поверхностность рассуждений о влиянии наступающей эпохи на развитие экономической теории. Тезис о том, что новая эпоха бросает вызов традиционным экономическим концепциям, в большинстве публикаций не развивался - авторы ограничивались постановкой общих вопросов и декларативными заявлениями. Инь Шицзе (Институт экономики потребления при Хунаньском педагогическом университете) отмечал, что в условиях “экономики знаний” изменится объект исследования экономической науки и первостепенное значение приобретет изучение роли знаний, цель исследований будет состоять не в изучении вещей, а человека, методы исследования будут отличаться комплексностью и т.д.⁵² В его статье были перечислены вопросы, на которые должна обратить особое внимание экономическая наука: Как оптимально разместить ресурсы знаний? Каким образом в новых условиях будет играть свою роль “невидимая голова”, которая придет на смену “невидимой руке”? Какие изменения произойдут в отраслевой структуре в эпоху “экономики знаний”? Как в новой ситуации проводить государственное регулирование? Станет ли тенденцией прогрессирующий рост эффективности? Какой будет ситуация в сфере распределения? Будет ли в условиях экономики знаний увеличиваться диф-

ференциация? Автор не давал ответов на эти вопросы, а лишь предлагал усилить исследования “экономики знаний”, призывал выйти из кабинетов и углубиться в практику, не ограничиваться “разговорами об экономике ради экономики”, вести комплексные исследования и все время непрерывно учиться⁵³. В заключении статьи Инь Шицзе цитировал слова Цзян Цзэминя о необходимости создания национальной инновационной системы.

Эта статья достаточно представительна для начального периода увлечения “экономикой знаний”, когда выступления участников дискуссий вносили мало нового в разработку проблем экономической теории, ибо состояли из абстрактных вопросов и общих рассуждений о необходимости пересмотреть концептуальные основания экономической науки. Хотя многие китайские авторы предлагали “переписать учебник экономической теории”⁵⁴, в материалах дискуссий речь шла не столько о содержании этого “нового учебника” и о свойствах знания как особого экономического ресурса, сколько о непригодности многих принципиальных положений современной экономической науки. По нашему мнению, некоторые китайские обществоведы проявили повышенный интерес к концепции “экономики знаний” также и потому, что обращение к этой теме позволяло им оправдать свое непонимание современной западной экономической мысли, прежде всего неоклассической теории. В их выступлениях прослеживалась мысль о том, что поскольку с вступлением в эпоху “экономики знаний” от многих фундаментальных принципов этой теории все равно придется отказаться, то ее не обязательно изучать. Этот второстепенный фактор также способствовал повороту к концепции “экономики знаний” значительной части китайских обществоведов, не овладевших современной экономической теорией и испытывавших страх перед математикой.

Другие ученые отвергли предложения полностью “переписать учебник экономической теории”⁵⁵. Обратившись к теориям транзакционных издержек и экономических циклов, Се Ди не соглашался с тем, что развитие информационных сетей позволит решить проблему асимметричной информации и значительно сократит транзакционные издержки (то есть издержки, связанные с поиском партнера, переговорами, подписанием договоров, решением споров и др.). Прогресс информационных технологий не сможет решить проблем оппортунистического поведения и ограниченной рациональности, “поэтому асимметрия информации останется вечной темой экономической науки”⁵⁶. Более того, в новых условиях могут появиться новые формы транзакционных издержек - как на Западе, так и в Китае были раскрыты многочисленные факты преступной торговой деятельности с использованием компьютерных сетей. По мнению Се Ди, для сокращения транзакционных издержек необходимо прежде всего обновить институты, поэтому тема институциональных преобразований также еще долгое время будет оставаться в центре внимания экономистов⁵⁷.

В условиях “экономики знаний” сохранятся и циклические колебания. Современные тенденции в экономике развитых стран свидетельствуют об изменении их основных параметров - временных рамок, амплитуды колебаний и т.д., а не об отсутствии цикличности, поэтому теория циклов также должна исследоваться экономистами⁵⁸. Как заключал Се Ди, необходимо избегать “сфер заблуждений” при обсуждении этой темы и вместо того, чтобы “стряпать” многочисленные статьи об “экономике знаний”, нужно обратить первостепенное внимание на реальные задачи, связанные с переходом к новой стадии развития. Главные усилия должны быть сосредоточены на формировании институтов, способствующих инновациям, совершенствовании системы прав интеллектуальной собственности, создании культурной среды, благоприятствующей

подготовке квалифицированных кадров, реформировании системы образования, повышении инновационной активности предприятий⁵⁹.

Предложения перейти от “стряпания статей” и “пустых разговоров” об “экономике знаний” к “трезвым и строгим размышлениям” выдвигались многими участниками дискуссий.⁶⁰ Во второй половине 1998 г. и, особенно, в 1999 г., к разработке темы активно подключились известные профессиональные экономисты. Ход дискуссии начал меняться – проблемы “экономики знаний” стали рассматриваться в более тесной связи с китайской действительностью и с учетом мирового теоретического и практического опыта.

Размышляя об “экономике знаний”, ведущий китайский экономист У Цзинлянь (Центр исследований развития при Госсовете КНР) поднял вопрос о существующих в понимании этой темы “сферах заблуждений”. Он заметил, что китайское правительство подчеркивает необходимость развития высоких технологий уже двадцать лет, но высокотехнологичные отрасли по-прежнему развиваются недостаточно успешно. У Цзинлянь увидел ошибку в господствовавших в Китае на протяжении долгого времени представлениях, согласно которым мобилизация ресурсов и их целенаправленное использование для освоения и заимствования новых технологий позволят обеспечить быстрое развитие высокотехнологичных отраслей. Главная мысль ученого состояла в том, что “институты важнее, чем технологии”⁶¹ – успех развития высокотехнологичных отраслей зависит в первую очередь от того, способствуют ли существующие институты инновациям⁶².

В ходе кампаний по выходу на мировой уровень науки и техники в КНР основное внимание уделялось разработке планов научно-технических работ, привлечению значительных людских ресурсов для освоения новой техники, организации новых производств. При этом не прилагались усилия для того, чтобы создать институты, способствующие раскрытию творческих возможностей людей и инновациям. Темпы внедрения научных достижений оставались низкими, предприятия по-прежнему не стремились к обновлению технологии. Насущные проблемы пытались решить с помощью призывов “повысить инновационное сознание”, “выполнить планы научных исследований”, “усилить контроль над показателями научно-технического прогресса”, а не путем реформирования предприятий. Многие усилия оказывались напрасными, а ситуация не улучшалась⁶³.

Особое внимание У Цзинлянь обращал на ошибочные понимание в Китае проблемы соотношения технологических изменений и институциональных перемен. При анализе проблемы он ссылаясь на книгу Д.Норта и Р.Томаса “Подъем западного мира: новая экономическая история”, в которой отмечалось, что в XVIII в. в Западной Европе успешное экономическое развитие и рост доходов населения стали возможными прежде всего потому, что у западноевропейских стран были более эффективные экономические организации и система законов, обеспечивающих защиту индивидуальных прав собственности. Хотя ученые и считали технологические изменения важным фактором экономического развития, однако эти факторы рассматривались ими лишь как важная составляющая процесса роста. Ключом к экономическому росту, по мнению Д.Норта и Р.Томаса, являлась эффективная организация экономики. У Цзинлянь обращался и к исследованиям технологических изменений известного американского экономиста Н.Розенберга – особый интерес китайского ученого привлек тезис о том, что одним из важнейших факторов начала промышленной революции в Европе стало развитие рынка. Ссылаясь на исследования американских экономистов, он заключал: “Если мы хотим развивать в Китае

высокотехнологичные отрасли, то необходимо прежде всего проводить реформы и создавать институты, благоприятствующие развитию высоких технологий и связанных с ними отраслей. Такие институциональные установления станут самым мощным стимулом технического прогресса и развития высокотехнологичных отраслей"⁶⁴.

У Цзинлянь критиковал распространенные в КНР "заблуждения" относительно функций правительства в период перехода к новой стадии развития. Ученый критиковал точку зрения, согласно которой правительство должно заниматься непосредственной организацией научно-технических работ и производства продукции высоких технологий. По его мнению, главной функцией власти должна стать подготовка институциональной среды, соответствующей развитию высоких технологий. Опираясь на опыт японского Министерства международной торговли и промышленности (MITI), У Цзинлянь заключал, что роль правительства не следует переоценивать: чтобы способствовать развитию высоких технологий в Китае, правительство должно четко уяснить свои функции, уменьшить вмешательство в научно-исследовательскую и производственную деятельность и как следует выполнять работу в пределах своей компетенции"⁶⁵.

По мнению ученого, больших инвестиций в научно-исследовательские работы, создания многочисленных научных учреждений и университетов, а также современных средств транспорта и связи уже не достаточно для того, чтобы стимулировать развитие техники. Поскольку новые передовые отрасли отличаются от традиционных и ключевую роль в них играют специалисты, обладающие знаниями, в новых условиях первостепенное значение приобретает вопрос о том, будут ли существующие институты благоприятствовать развитию человеческого капитала и творческих способностей специалистов. Ссылаясь на опыт создания Силиконовой Долины (США), У Цзинлянь подчеркивал: "Если мы хотим, чтобы в данном районе развивались высокие технологии, нельзя обращать внимание только на материальный капитал и технику, надо сосредоточиться на создании экономической системы и социально-культурной среды, способствующих развитию человеческого капитала"⁶⁶. Обращая внимание на важность создания механизма финансирования, способствующего инновациям, ученый призывал внимательно изучать имеющийся в этой области зарубежный опыт, а также использовать различные формы финансирования инновационного бизнеса. Но он выступал против того, чтобы рассматривать рискованные фонды как единственное "чудодейственное средство" для продвижения инноваций.

С 1999 г. при обсуждении проблем "экономики знаний" китайские экономисты стали все чаще обращаться к зарубежным теоретическим разработкам и практическому опыту развития высокотехнологичных отраслей. Особый интерес в КНР вызвали работы старшего вице-президента и главного экономиста Всемирного Банка Дж. Стиглица, доклад которого "Государственная политика для экономики знаний" (Лондон, январь 1999 г), был переведен на китайский язык и в сокращенном виде опубликован в журнале "Цзинци шэуэй тичжи бицзяо"⁶⁷. Дж. Стиглиц попытался рассмотреть проблему "экономики знаний" с позиций экономической науки; он обратил внимание на отличие знаний от других благ и показал, что знание обладает многими основными свойствами, присущими общественному благу. Отмечалось, что в условиях "экономики знаний" монополизация будет представлять большую опасность, чем в индустриальной экономике. В докладе были высказаны предположения, что переход к "экономике знаний" заставит переосмыслить некоторые основ-

ные экономические показатели и что политика правительства в новых условиях будет иметь существенные отличия от проводившейся в предшествовавший период⁶⁸.

Выступления Дж.Стиглица и ранее привлекали внимание в Китае из-за созвучия его идей представлениям многих китайских экономистов. В опубликованном в КНР докладе Дж.Стиглица об “экономике знаний” были отобраны для дословного перевода те положения, которые разделялись большинством ученых КНР. К ним можно отнести интерес к феномену Билла Гейтса, особое внимание к проблеме институциональных преобразований, критику упрощенных экономических моделей, пренебрегающих несовершенством информации. В китайском переводе нашли отражение выводы о том, что перенос “моделей из учебников” на местную почву без учета всего комплекса экономических, политических и культурных факторов не будет иметь успеха и что процесс “трансплантации” этих моделей не может быть спланирован в Вашингтоне. Однако все “лишнее” было отсечено - например, в китайский вариант доклада не вошел тезис Дж.Стиглица о политической открытости как важнейшем условии успешного перехода к “экономике знаний”.

В дискуссии на смену общим утверждениям о “необходимости переписать учебник экономической теории” пришли рассуждения о том, чем наступающая эпоха отличается от предшествующей, какие экономические законы действуют в “экономике знаний” и какие задачи встают перед государством в новых условиях. В специальных экономических журналах появились публикации, посвященные Силиконовой Долине в США и научно-индустриальному парку в Синьчжу (Тайвань)⁶⁹. Отметим, что при изучении опыта Силиконовой Долины особое внимание уделялось роли китайских эмигрантов. Ученые КНР также заинтересовались тайваньской политикой развития индустрии высоких технологий, содержащей ценный для континентального Китая опыт создания научно-индустриальных парков. Важными в тайваньском опыте признавались повышенное внимание к развитию людских ресурсов, создание эффективного механизма внедрения новых технологий, коммерциализация технологических разработок⁷⁰.

К настоящему времени дискуссии об “экономике знаний” в Китае еще не закончились, однако анализ материалов обсуждения позволяет высказать некоторые предварительные соображения. Хотя китайские исследования “экономики знаний” основаны на концепциях и прогнозах современных западных авторов, развитие этого научного направления в КНР уже обрело заметную “китайскую специфику”. Подобно тому, как в 1980-е годы в Китае возникал ажиотажный интерес к теории прав собственности, акционированию, системе современных предприятий, с конца 1997 г. господствующей “горячей темой” стала “экономика знаний”. Китайские авторы отмечают, что споры в этой сфере связаны с поиском “чудодейственных рецептов” развития страны⁷¹.

Поворот китайских ученых к проблемам знания и информации имел не только научные, но и политико-идеологические корни. На наш взгляд, об этом свидетельствует поддержка дискуссий об “экономике знаний” китайским руководством. Оптимистичная картина будущего информационного общества призвана одновременно дополнять и замещать официальные идеалы КПК. В заимствованной на Западе концепции “экономики знаний” отсутствуют политические компоненты (например требования приватизации, демократизации и многопартийности), что делает ее совмещение с официальной идеологией достаточно бесконфликтным.

Важно отметить, что повышенный интерес к проблемам “экономики знаний” проявил председатель КНР Цзян Цзэминь. Тезис о наступлении новой информационной эпохи присутствует практически во всех его выступлениях последних лет. Эта тема поднималась Цзян Цзэмином еще в 1998 г. на праздновании столетия Пекинского Университета⁷². В докладах на сессиях ВСНП и на рабочих совещаниях ЦК КПК Цзян Цзэминь также неоднократно обращался к вопросам развития информационных технологий⁷³. Выступая на сессии ВСНП в марте 2000 г. Цзян Цзэминь не только посвятил этой теме значительную часть своей речи и предложил увеличить инвестиции в развитие информационных технологий, но и призвал провинциальных кадровых работников освоить Интернет⁷⁴. Знакомство с выступлениями Цзян Цзэминя позволяет заключить, что проблемы информационного общества занимают в них одно из главных мест. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в отличие от эпохи Дэн Сяопина, который вошел в историю как автор концепции “социализма с китайской спецификой”, эпоха Цзян Цзэминя вплоть до настоящего времени не ассоциируется с какой-либо теоретической концепцией. По некоторым сообщениям и сам Цзян Цзэминь отмечал, что у поколения Мао Цзэдуна была теория революционного социализма, у поколения Дэн Сяопина - теория “социализма с китайской спецификой”, а третье поколение (то есть поколение Цзян Цзэминя) еще не наложило идеологического отпечатка на политику⁷⁵. Можно предположить, что теория “экономики знаний” целенаправленно рассматривается сегодня в идеологических кругах КНР как одна из ключевых теоретических концепций, которая в будущем сможет характеризовать эпоху Цзян Цзэминя.

В условиях КНР теория “экономики знаний” оказалась особенно привлекательной в связи с тем, что призывы к созданию предпосылок для перехода к информационному обществу путем развития высшего образования и подготовки научно-технических кадров соответствовали традиционной ориентации китайской культуры на учебу и знание. Легкость восприятия китайскими учеными этой концепции объяснялась также и тем, что центральное место среди факторов производства в “экономике знаний” отводилось фактору научных знаний и информации. На наш взгляд, содержащийся в трудах теоретиков “экономики знаний” вывод о превращении знаний и информации в главную движущую силу прогресса вполне соответствовал китайским традиционным представлениям о важности человеческого фактора, что послужило одной из причин устойчивого интереса к этой концепции ученых КНР.

Предложения теоретиков “экономики знаний” развивать образование столь же органично вписывались в контекст китайской традиции. Вложения в образование и сегодня рассматриваются многими китайскими семьями как приоритетные. Согласно результатам проведенного в Шанхае выборочного обследования 1000 семей, по приоритетности расходов 68% процентов семей поставили расходы на образование на первое или второе место, как цель сбережений образование находилось на первом месте и значительно опережало такие цели, как обеспечение старости и покупка жилья⁷⁶. По нашему мнению, акцент “экономики знаний” на совершенствовании образования и повышении качества “человеческого капитала” способен положительно повлиять на развитие не только китайской экономики, но и общества в целом.

Теория “экономики знаний” может оказаться привлекательной и для той части китайского общества, которая готова поддержать националистически истолкованный лозунг “особого пути” Китая к информационной стадии развития. Как было показано ранее, в китайском варианте концепции “экономики

знаний” содержится идея скачкообразного выхода Китая в мировые экономические лидеры, соответствующая настроениям сторонников национально-патриотических взглядов.

Популярность этой концепции на Западе повышает ее авторитет в глазах китайской интеллигенции. Важнейшая особенность общественной мысли современного Китая заключается в том, что она тонко улавливает новые тенденции и направления развития научных исследований за рубежом, поэтому повышенное внимание западных ученых к проблемам информационного общества способствовало увлечению “экономикой знаний” в научных кругах КНР.

Для китайской интеллигенции “экономика знаний” представляет и практический интерес. “Коммерциализация” знаний позволила части интеллигенции значительно увеличить свои доходы. В отличие от периода 1980-х годов, когда представители интеллигенции могли работать по специальности только в университетах и научно-исследовательских институтах, не получая за это должного вознаграждения, в 1990-е годы в Китае появились многочисленные фирмы в сфере высоких технологий и квалифицированные специалисты получили возможность работать на этих фирмах в качестве высокооплачиваемых консультантов. “Экономика знаний” способна привлечь и китайскую молодежь, поскольку настойчиво тиражируемые истории о богатстве Билла Гейтса вполне соответствуют деловым ожиданиям молодого и среднего поколений.

1. Ян Фуцзя. Таньтань “чжиши цзинцзи” (Поговорим об “экономике знаний”) // Жэньминь жибао. 1997. 19 декабря.
2. Ян Фуцзя. Таньтань “чжиши цзинцзи” (Поговорим об “экономике знаний”) // Синьхуа вэньчжай. 1998. № 3. С.62-63.
3. Там же. С.62. Интерес китайских исследователей к феномену Билла Гейтса заметно возрос после визита главы компании Microsoft в Пекин в декабре 1997 г. (South China Morning Post. 1997. 12 декабря).
4. Ян Фуцзя. Таньтань “чжиши цзинцзи” // Синьхуа вэньчжай. 1998. № 3. С.62.
5. Показательно, что специфика нового “общества знаний” была продемонстрирована на примере хранения и передачи информации центральной партийной газеты. Пример чипа, на котором можно разместить информацию газеты “Жэньминь жибао” за два года, не раз повторялся другими участниками дискуссии. См. напр.: И Пэйцян. Чжиши цзинцзи чулунь (Начальная теория экономики знаний) // Синьхуа вэньчжай. 1998. № 7. С.61-64. [перепечатано из: Хунань шифань дасюэ сюэбао. 1998. № 2].
6. Ян Фуцзя. Таньтань “чжиши цзинцзи” // Синьхуа вэньчжай. 1998. № 3. С.63.
7. Там же.
8. Ли Цзинвэнь. Чжиши цзинцзи: 21 шицзи дэ синь цзинцзи синтай (Экономика знаний: новая экономическая формация 21 века). Пекин, 1998.
9. Там же. С.145; Цзя Баохуа. Чжунго чжиши цзинцзи лунь: лайюань, цзучэн юй цюэсянь (Школа экономики знаний в Китае: истоки, составляющие и недостатки) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1999. № 4. С.96.
10. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.145.
11. Чжоу Сян. Чжиши чанье дуй Чжунго сяньдайхуа цзиньчэн дэ чжиюэ (Ограничения для процесса модернизации Китая со стороны отраслей, связанных со знаниями) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1999. № 4. С.2; Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.149.
12. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.96.
13. Цуй Чжюань. “Чжиши цзинцзи” юй “юнхэн дэ саньцзяосин” (“Экономика знаний” и “вечный треугольник”) // Ду шу. 1999. № 4. С.71.
14. Там же. С.73.
15. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.1; Цзо Сяошунь. Чжиши цзинцзи: Чжунго дэ циюй юй тяочжань (Экономика знаний: шанс и вызов Китаю) // Цзинцзисюэ дунтай. 1998. № 7. С.22.
16. Чжоу Сян. Указ. соч. С.2.
17. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.2.

18. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.96.
19. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.8.
20. Там же. С.1.
21. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.97.
22. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.97.
23. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.97.
24. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.97.
25. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.96.
26. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.98.
27. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.99.
28. Там же.
29. И Пэйцян. Указ. соч. С.63.
30. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.101.
31. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.101.
32. Цит. по: Цзя Баохуа. Указ. соч. С.100.
33. Тяочжэн. Гайгэ. Цзэнчжан - Фань Ган тань цзинци жэдянь (Урегулирование. Реформа. Рост. Фань Ган о горячих точках экономики) // Я Тай цзинци шибао. 1999. 28 января.
34. Там же.
35. Се Ди. Чаоюэ гуаньюй чжиши цзинци дэ цзигэ жэньши уцюй (Преодолеть несколько сфер заблуждений в понимании экономики знаний) // Цзинцзисюэ дунтай. 1998. № 12. С.31-32.
36. Там же. С.32.
37. Чжан Хунфан, Пу Чунхуа. Чжиши цзинци юй гуаньли яньтаохуй цзуншу (Обобщение [итогов] совещания об экономике знаний и управлении) // Цзинцзисюэ дунтай. 1999. № 1. С.38.
38. Там же.
39. Там же.
40. Чжоу Сян. Указ. соч. С.4.
41. Там же. С.4-5.
42. Там же. С.5-10; Чжан Хун. Чжиши цзинци юй вого ин цайцюй дэ дуйцэ (Экономика знаний и политика, которую должна проводить наша страна) // Цзинци лилунь юй цзинци гуаньли. 1998. № 6. С.65-66.
43. Чжоу Сян. Указ. соч. С.12.
44. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.188; Се Ди. Указ. соч. С.34.
45. Чжоу Сян. Указ. соч. С.11.
46. Се Ди. Указ. соч. С.34.
47. Там же.
48. Чжоу Сян. Указ. соч. С.11.
49. См.: Zweig D. China's Brain Drain to the United States: Views of Overseas Chinese Students and Scholars in the 1990s. Berkeley, 1995; Internal and International Migration. Chinese Perspectives. Ed. by Pieke F. and Mallee H. Richmond, Surrey, 1999.
50. Чжоу Сян. Указ. соч. С.12.
51. Там же.
52. Инь Шицзе. Чжиши цзинци юй дандай цзинцзисюэ яньцзю (Экономика знаний и современные исследования экономической науки) // Цзинцзисюэ дунтай. 1998. № 12. С.20.
53. Там же. С.22.
54. См.: Се Ди. Указ. соч. С.33.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же.
58. Там же. С.33-34.
59. Там же. С.34.
60. См.: Чжан Хунфан, Пу Чунхуа. Указ. соч. С.37; Цзя Баохуа. Указ. соч. С.101.
61. У Цзинлянь. Чжиду чжуньюй цзишу (Институты важнее, чем технологии) // Чжунго цзинци шибао. 1999. 21 мая.

62. У Цзинлянь. Чжиду чжунъюй цзишу - Лунь фачжань вого гаокэцзи чанъе (Институты важнее, чем технологии. О развитии высокотехнологических отраслей Китая) // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 1999. № 5. С.1.
63. Там же.
64. Там же. С.2.
65. Там же. С.5.
66. Там же. С.3.
67. Сыдигэлици Юесэфу [Дж.Стиглиц]. Чжиши цзинцзи дэ гунгун чжэнцэ (Государственная политика для экономики знаний) // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 1999. № 5. С.20-28.
68. Там же. С.20.
69. Сакэсэнъниань Анна Ли [Саксениан Анна Ли]. Гуйгу юй Синьчжу дэ лянъси: цзишу туанъти юй чанъе шанцзи (Связь между Силиконовой Долиной и Синьчжу: технологические группы и повышение технологических стандартов в промышленности) // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 1999. № 5. С.49-60; Цинмучанъянь [Аоки М.] Гуйгу моши дэ синъси юй чжили цзегоу (Информация и управление в модели Силиконовой Долины) // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2000. № 1. С.18-27; Цянь Инъи. Гуйгу дэ гуши (История Силиконовой Долины) // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2000. № 1. С.28-35.
70. См.: Lin O. Science and technology policy and its influence on economic development in Taiwan // Behind East Asian Growth. The political and social foundations of prosperity. Ed. by H.Rowen. London - New York. 1998. P.185-208.
71. Цзя Баохуа. Указ. соч. С.95.
72. Ли Цзинвэнь. Указ. соч. С.1.
73. У Цзяпэй. Синъси шэхуэй дэ цзинцзи жухэ чэнвэй (Как назвать экономику информационного общества?) // Цзинцзисюэ дунтай. 1998. № 7. С.20.
74. South China Morning Post. 2000. 5 марта.
75. См.: Fewsmith J. Jockeying for Position in the Post-Deng Era // Current History. Vol. 94. № 593 (September 1995). P.252-258.
76. Цит. по: Дин Дацзянь. Чжунго цзюе вэньти яньцзю (Исследование проблем занятости в Китае). Пекин, 1999. С.18.

Глобализация и регионализация как источник научно-технической реконструкции в КНР

© 2000

И. Наумов

В КНР возлагаются большие надежды на активизацию внешнеэкономических, научно-технических и финансовых отношений в достижении выдвинутых целей до 2010—2020 гг. и до середины XXI века. По существу, в Китае не мыслится реализация прогнозных проектов без глубокого внедрения китайской экономики в интегрирующееся мировое хозяйство. "Непоколебимое проведение политики открытости является основополагающей политикой государства, направленной на возрождение Китая. Стратегическим курсом КНР на длительную перспективу должно быть ускорение шагов по развитию открытости и дальнейшего подъема ее уровня",¹ — пишет известный китайский профессор Дун Фужэн. Сколь энергичное и масштабное предполагается внедрение КНР в мировую экономику, видно из следующих прикидок китайских экономистов роста внешнеторгового оборота (в млрд. долл. США):

Годы	Общий товарооборот		Экспорт		Импорт	
1990	115,4	100,0	62,1	100,0	53,3	100,0
1995	280,9	243,4	148,8	239,6	132,1	247,8
2000	400,0	346,6	200,0	332,1	200,0	375,2
2010	800,0	693,2	400,0	644,1	400,0	750,5
2020	1200,0	1039,9	600,0	966,2	600,0	1125,7

Источники: Тунци няньцзянь. 1998. С. 620; Май сян 2020 няньды Чжунго, С. 221.

В КНР в солидных изданиях публикуются и более оптимистические прогнозы темпов роста внешнего товарооборота (в %):

Годы	Экспорт	Импорт
1996—2000	12,0	11,2—12,2
2001—2010	13,0—15,0	12,5—15,1

Источник: Куа шици чжунда гунчэн цизишу цзинци луньчжэн. Пекин, 1977. С. 172.

В данном случае речь идет об использовании глобальных ресурсов передовой техники, высоких технологий, мировых достижений в науке и технике, природных ресурсов, капиталов, квалифицированных кадров как источни-

Наумов Иван Николаевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 99-02-00287а.

ка подъема народного хозяйства Китая на новый научно-технический уровень, осовременивание его.

В 80—90-е годы Китай произвел радикальный переворот во внешнеторговом обороте, переводя его на индустриальную базу и наращивая его масштабы. В то же время и в этой сфере происходят и будут происходить перманентные изменения и преобразования экспорт и импорт внутренне тесно увязаны между собой, но перед каждым из них стоят свои отличные проблемы и задачи.

Для Китая увеличение экспорта имеет многоцелевое назначение. Во-первых, это получение валюты, от размеров которой зависит импорт и сальдо торгового баланса. Во-вторых, с активным переходом к товарно-денежным отношениям и хаотическим развитием мелкой промышленности с середины 80-х годов стала резко нарастать проблема реализации, использования производственных мощностей, занятости, оплаты труда. В результате всплеска свободного строительства в 80-е и первой половине 90-х годов в Китае в ряде отраслей были созданы огромные избыточные мощности. Согласно третьей переписи промышленности, из 94 важных групп промышленных товаров мощности производства 33 групп товаров (35,1%) использовались на 80% и выше, производства 26 групп товаров (27,7%) — на 65—80%, производства 17 групп товаров (18,1%) — примерно на 50% и ниже 50% использовались мощности производства 48 групп товаров (19,1%). В машиностроении станочный парк использовался на 46,2%, в автомобилестроении мощности использовались на 44,3%, в производстве цветных телевизоров — на 46,1%, стиральных машин — 43,4%, масляной краски — на 78,6% и т.д.² В конце 1997 г. в хранилищах оставалось 13,7% продукции к общему (оптовому и розничному) объему реализации³.

В весьма накаленной внутренней социальной и политической обстановке внутри страны, с нарастанием проблем на мировом рынке в Министерстве внешней торговли и экономического сотрудничества КНР на перспективу до 2010 г. была сформулирована и обнародована «стратегия всесторонней реализации «большой экономики и большой торговли»⁴. Ее суть выражена в том, чтобы:

— стимулировать активное участие производственных предприятий НИИ, университетов, предприятий торговли и других хозяйственных организаций во внешнеэкономической деятельности; активно внедрять и реализовывать многообразие форм внешней торговли;

— переходить от административных методов управления к экономическим и правовым, от административного макрорегулирования к экономическому;

— обеспечить в проведении во внешнеторговой политике согласованность и единство китайских партнеров, нормативность и прозрачность торговых операций; формировать равноправно упорядоченную конкурентную среду;

— содействовать отечественным предприятиям проявлять свои преимущества во внешней торговле; развивать на основе разделения труда многообразие форм хозяйствования и как можно скорее увеличивать масштабы хозяйствования;

— в центре внимания торговых организаций должна быть экономическая эффективность и конкурентоспособность качества продукции;

— всесторонне совершенствовать структуру внешней торговли, включая структуру товаров, рынков, предприятий, кадров;

— проводить в жизнь интенсификацию внешнеторгового оборота, повышать вклад внешней торговли в развитие национальной экономики.

Наиболее трудной проблемой в реализации стратегии внешнеэкономических отношений является проблема источников экспорта. Стратегия «большой экономики и торговли» нацеливает на тотальное включение во внешнеэкономическую деятельность как можно большего числа хозяйственных единиц, на поиски и мобилизацию источников экспортных товаров. По-видимому, сейчас в КНР нет министерства, компании, провинции, уезда, отрасли, деревни, которые не имели бы перспективных программ, планов развития, а в них — разделов по производству экспортных товаров, трудовых услуг и т.п.

Основная ставка в развитии экспорта, как и прежде, делается на продукцию промышленности, причем на более качественную, высокого класса, с углубленной переработкой материала, значит, и более дорогостоящую. Авангардная роль в структуре промышленности останется за машиностроением, транспортным оборудованием, электромеханическим производством. Стоимость экспорта последнего в 1997 г. превысила 59,3 млрд. долл., что составило почти треть (32,5%) всего экспорта и 37,4% экспорта промышленных изделий. Очень крупной статьёй экспорта была продукция судостроения. За поставку 18668 судов было получено 16,2 млрд. долл. Будут наращивать экспорт электронная, химическая отрасли промышленности, промышленность строительных материалов. Большие планы в развитии внешнеэкономических связей строят работники поселково-волостных предприятий. В 1996 г. на их долю приходилась треть экспортной выручки (50 млрд. долл.). Предполагалось, что в 2000 г. экспорт этих предприятий достигнет 1 трлн. ю., или 120 млрд. долл. Руководители текстильной промышленности рассчитывали увеличить экспорт отрасли с 38 млрд. долл. в 1995 г. до 55,0 млрд. долл. в 2000 г. Руководители легкой промышленности в 1996—2000 гг. планировали поднять среднегодовые темпы прироста экспорта до уровня 12% и получить от него в 2000 г. 70 млрд. долл., а в 2001—2010 гг. поддерживать темпы прироста на уровне 10% и получить в 2010 г. 180 млрд. долл. Рассчитывают на увеличение заказов компании, ведущие строительные работы за рубежом. В 1991—1995 гг. ими были выполнены подрядные работы на 22 млрд. долл. В 2000 г. планируют реализовать объем подрядов на 10 млрд. долл., а в 2001—2010 гг. надеются ежегодно выполнять заказы на 16 млрд. долл.

Однако, по утверждениям более трезвых аналитиков в КНР, для того чтобы реализовать намеченные планы, необходимо произвести крупные изменения в структуре экспорта. Пока же в нем преобладает второ- и третьеклассная продукция с низкой добавленной стоимостью. На этой структуре экспорта, по их мнению, Китай в сфере внешней торговли вскоре столкнется с большими трудностями. Структура экспорта в КНР в значительной степени схожа со структурой экспорта развивающихся стран. Поэтому на этом поле торговли Китай встретится с жесточайшей конкуренцией. По оценке китайских специалистов, на действующей структуре экспорта Китай не сможет увеличить экспорт до желаемых 200, 300 и тем более 400 или 600 млрд. долл. в 2000—2010—2020 гг. Ее сохранение таит в себе кризис внешней торговли, а, следовательно, и кризис всей экономики и срыв прогнозных проектов. Чтобы избежать надвигающегося кризиса во внешней торговле, требуется коренное преобразование структуры экспорта, а это значит и его основы — структуры производства, решительно поднять конкурентоспособность товаров. Для реализации этого замысла намечается переход на производство комплектной и наукоемкой продукции. В народном хозяйстве для этого уже созданы определенные материальные условия. В разряд этих товаров входит продукция машиностроения, энергетической, судостроительной, электронной, фармацевтической, текстильной, легкой отраслей промышленности, производство строительных материалов и др.

Новое направление в структуре экспорта - это выход на мировые рынки научно-технических результатов, которые в настоящее время быстро наращиваются. Однако как реконструкция структуры народного хозяйства и экспорта, подъем их на новый научно-технический уровень, так и торговля результатами научно-технических исследований в КНР теснейшим образом связаны с импортом новой техники и высоких технологий. В КНР связь экспорта и импорта имеет ту особенность, что, по выражению китайских специалистов, "экспорт вскармливает импорт, а импорт ускоряет экспорт".

В прогнозный период до 2020 г. на импорт возлагаются особо ответственные стратегические задачи. Во-первых, импорт должен набирать силу как один из главных источников и рычагов научно-технической реконструкции ма-

териально-технической базы народного хозяйства, модернизации обороны и науки. Без массового ввоза передовой зарубежной техники не может идти и речи о подъеме экономики КНР на новых передовой технический уровень и о значительном сокращении отставания КНР от экономически развитых стран. Во-вторых, с ростом производства, особенно промышленности, будут увеличиваться потребности в энергоносителях, минеральном сырье, источники которых истощаются. В-третьих, хотя Китай обеспечивает свои основные потребности в зерне, но потребности населения не ограничиваются основным уровнем, а возрастают, увеличивается его численность. Производительные же возможности выращивания сельскохозяйственных продуктов ограничены земельным фондом, уровнем развития производительных сил и науки. Поэтому импорт продовольствия КНР в значительных размерах исключать нельзя.

Господствующее положение в настоящее время в стратегии импорта занимает импорт современной техники, высоких технологий, научно-технических достижений, включая импорт знаний и специалистов. Сколь большое значение придается этому направлению в экономической политике, можно видеть из следующих высказываний китайских ученых. “В полную меру следует понять необходимость и настоятельность усиления работы в области импорта техники, — пишет Ли Чжицзюнь. — Импорт техники и технологий является важнейшим содержанием политики открытости Китая, важнейшей составной частью внешнеэкономических и внешнеторговых отношений”⁵.

Начав, по существу, с нулевого уровня развития индустрии, естественно-технических наук, китайский народ после 1949 г. много получил от импорта зарубежной техники и технических знаний. Основы современной промышленности, естественно-технического образования, управления в 50-е годы закладывались при активном содействии Советского Союза. Переориентация на западную технику и западные рынки началась уже в годы “культурной революции”, но массовый характер импорт иностранной техники и технических знаний приобрел в последние 20 лет.

Особые надежды на импорт передовой зарубежной техники, передовых технологий, научно-технических и управленческих знаний, капиталов, технических специалистов строятся на период осуществления прогнозных программ. Если приведенные выше прогнозные наброски состоятся, то наплыв зарубежной техники в КНР примет огромные масштабы. В 2010 г. на закупку новой техники может быть затрачено более 300 млрд. долл., в 2020 г. — более 500 млрд., не считая прямых вложений иностранных инвесторов. Основные цели использования этих средств известны — это:

- технический подъем и развитие производительных сил, увеличение совокупной и обороной мощи;
- всемерное развитие инфраструктуры и базовых отраслей (транспорт, энергетика) и их научно-техническая реконструкция;
- сформированное развитие группы опорных отраслей, включая машиностроение, электронику, нефтехимию, автомобилестроение, строительную индустрию, которые в КНР рассматриваются как локомотив НТП и ускорения темпов роста;
- перевод традиционно инерционной ресурсорасточительной, затратной экономики в русло ресурсосберегающей, науко- и капиталоемкой, эффективной экономики;
- на основе новой техники быстрое наращивание объемов национального производства, преобразование его структуры и структуры занятости;
- преодоление на основе внедрения новой ресурсосберегающей техники разрушительного экологического кризиса и оздоровления среды обитания;
- развитие и наращивание передовых научно-технических знаний, подготовка творчески мыслящих ученых, специалистов и управленцев.

Китайские экономисты оценивают современную международную экономическую обстановку как благоприятную для решения поставленных задач:

быстро развиваются глобальные рынки техники, технологий и научно-технических достижений; в то же время в развитых странах развивается тенденция перенакопления капитала и наращивания избыточных мощностей производства современной техники.

Несмотря на очевидные успехи в импорте, освоении и использовании зарубежной техники, в этой сфере деятельности выявилось немало острых проблем, которые с ростом масштабов импорта могут углубляться и разрастаться. Среди самых острых из них называются:

- слабость и недоработанность общей стратегии импорта техники, непонимание общего состояния экономики, в результате чего произошел разрыв между структурой импорта техники и структурой национальной экономики, отсутствовала согласованность между наличием в стране ресурсов и ввозимыми мощностями обрабатывающей промышленности;

- проявление макрополитической и макрорегулирующей вялости в управлении импортной ситуацией; в упоре на импорт комплектных производственных линий, жесткого аппаратного обеспечения в ущерб закупкам техники с программным управлением и инновационных мощностей;

- недостаточное внимание руководящих кадров к изучению, освоению и адаптации импортной техники, медленное освоение производственных мощностей; неспособность многих научно-инженерных работников эффективно участвовать в работе по изучению и усвоению импортной техники, уровень производственного освоения которой не отвечает нуждам экономики;

- массовые факты сумбурного, "слепого" и хаотичного импортирования техники, следствием чего явилась развернувшееся дублирование в строительстве и возведение избыточных мощностей по производству цветных телевизоров, холодильников, стиральных машин, велосипедов, радиоприемников, других предметов домашнего обихода и средств производства⁶.

Учитывая крупные просчеты в импортной политике, китайские специалисты стали проявлять повышенное внимание к отбору техники, технологий, научно-технических проектов. В первую очередь ими рекомендуется закупать за рубежом производственное оборудование, производственные комплексы для производства продукции, имеющей спрос на внутреннем и внешнем рынках; технику, необходимую для упорядочения структуры народного хозяйства и создания пионерских, зарождающихся производств; системы, необходимые для управления производственными процессами и конструированием; базисные разработки новейших технических систем, процессов, ключевые узлы технических систем и линий, имеющие важное значение материалы.

Импортируемая техника должна обладать способностью производить техникоемкую с высокой добавленной стоимостью продукцию, быть современной, сориентированной на лучшие образцы и тенденции развития глобальной экономики в XXI веке. В то же время завезенная техника должна встраиваться в производственные линии базового отечественного производства. Особенно это относится к высокотехнологичному, специализированному, контрольно-измерительному оборудованию и приборам. В соответствии с общей ситуацией в Китае (огромное население, слабая ресурсо-природная база, несбалансированность развития производительных сил и др.) предлагается выборочно закупать высокотехнологичную и точную технику, одновременно имея ее "на прицеле", внимательнейшим образом изучать, вникать в нее, "неустанно штурмуя" научно-техническую крепость. В настоящее время, по словам китайских ученых, Китай в области техники находится на позициях "преследующего штурма". Сейчас Китай должен закупать и развивать технику, отвечающую отечественному уровню промышленной базы, ресурсным условиям с тем, чтобы быстрее сделать поворот в направлении производственных сил и экономической эффективности, к перестройке условий для перехода к высоким технологиям.

Как важная составная часть в сферу импортной политики включается изучение опыта, научных методов, подготовка кадров управляющих, разработ-

ка политики внедрения НТП в производство, управление производственными технологиями, качеством продукции и контроль за ним.

Как уже говорилось, импортная политика включает в себя импорт знаний, научных кадров и специалистов. Обстановку в мире в этой сфере китайские ученые оценивают также благоприятной для проведения технической реконструкции своего народного хозяйства. Во многих странах подготовлено, воспитано большое количество образованных, технически грамотных, трудолюбивых, творчески активных специалистов и ученых. В их среде также идет конкуренция. Чем дальше, тем движение кадров в мире будет усиливаться. Новая техника, особенно импортная, требует и новых кадров. Естественно, чтобы привлечь этих специалистов, необходимо создавать соответствующие благоприятные условия.

Импорт зарубежной техники, по словам китайских экономистов, является главным достижением политики открытости. Внешнеэкономическая торговля техникой и новейшими технологиями должна стать ключом в реализации прогнозных программ по переводу Китая на новый технический уровень и в изменении способа экономического роста. Главные надежды в достижении выдвинутых сверхсложных задач возлагаются на реализацию и огромный рост следующего кругооборота: импорт передовой техники и высоких технологий → изучение и усвоение их → обновление и адаптация к условиям КНР → производственное освоение и массовое национальное производство → экспорт и реализация продукции внутри страны, получение валюты → начало нового цикла. Причем каждый последующий цикл должен быть более масштабным в материальном и финансовом отношении. Налаживание и реализация данного кругооборота для Китая имеет стратегическое значение. Китай все глубже будет внедряться своей промышленной продукцией и избыточными трудовыми ресурсами в мировое хозяйство, взамен — обеспечивать себя новой и новейшей техникой, научно-техническими разработками, дефицитными и истощающимися природными ресурсами и материалами.

Накоплен значительный положительный и отрицательный опыт формирования такого кругооборота и функционирования его механизма. В каждом звене этого нарастающего по объему кругооборота выявились острые проблемы. В ряд первых проблем уже выдвинулась как внутри страны, так и на мировых рынках проблема реализации своей промышленной продукции (потребительских товаров и средств производства). На конец 1997 г. на складах КНР скопилось нереализованной продукции на 754,5 млрд. юаней, что составило 13,7% к объему продукции, предназначенной к реализации. Ущерб понесли предприятия всех форм собственности, но особенно государственной и коллективной: соответственно не было реализовано 15,5 и 14,4%. В общем объеме нереализованной продукции на долю государственных предприятий пришлось 65,1%, на долю коллективных — 25,9%. Крупный сбой в реализации продукции произошел в 1998 г. на мировых рынках, вызванный финансовым кризисом в ЮВА. Самый главный показатель реализации — экспорт — увеличился всего на 0,5% по сравнению с 1997 г., в первые месяцы 1999 г. имело место его снижение. Сейчас уже стоит вопрос о достижении плановых показателей экспорта в 2000 г. — 200 млрд. долл.

В ответственных кругах это событие вызвало новый прилив энергии в поисках новых рынков и новых источников экспорта. Большое внимание обращается на поиски своей ниши в международном разделении труда, на внедрение в международные торговые, научно-технические и тому подобные союзы, корпорации, центры, объединения, на тщательное изучение рынков конкретных товаров во всех странах мира. О другой проблеме — проблеме состыковки импорта техники, технологий, сырья с реальными внутренними потребностями, финансовыми и другими возможностями КНР уже говорилось.

Следующей весьма непростой проблемой, как показал опыт, является адаптация и "китаизация" импортируемой техники к местным условиям, получение от ее использования скорейшего эффекта. По предложениям специалистов, "китаизация" импортируемой техники (импорт, изучение, усвоение, обновление, внедрение в производство и организация национального производства) должна быть выделена в особую отрасль. К этой работе предлагается подключить ученых университетов, вузов, специальные НИИ. На крупных предприятиях для этих целей предлагается организовать специализированные центры, одновременно преобразуя при этом производственные, конструкторские отделы, отделы снабжения и торговли. Средним и мелким предприятиям рекомендуется либо объединяться для создания аналогичных центров, либо заключать договоры с уже действующими научно-производственными структурами. Генеральная задача этих мер — скорейшее освоение импортируемой техники, организация национального производства, повышение эффективности работы предприятий, выход с высококачественной продукцией на внутренний и внешние рынки, добывание иностранной валюты. Далеко не последней целью "китаизации" западной техники является общий подъем научно-технического потенциала страны, обучение на западных образцах техники и высоких технологий собственных научно-технических кадров и неистовое стремление преодолеть таким образом "пресс превосходства" и диктата развитых стран в этой решающей сфере экономики.

На реализацию прогнозных замыслов подъема народного хозяйства на новый научно-технический уровень будут оказывать большое воздействие внешние условия. Конечно, западным и японским транснациональным монополиям, с одной стороны, выгодно поправлять свои дела за счет экспорта в Китай производимой ими техники, технологии, но, с другой, — весьма стойкими сохраняются опасения вырастить на своей технике мощнейшего в недалеком будущем конкурента, содействовать строительству невиданной по масштабам мастерской мира.

Уже сейчас приток техники, сырьевых ресурсов, материалов огромен. еще более велик экспорт китайских товаров. В 1992—1997 гг. КНР импортировала на средства, полученные от экспорта, различного оборудования на 288 млрд. долл. Если к этой сумме добавить оборудование непосредственно ввезенное в счет прямых инвестиций на 268 млрд. долл., то в целом стоимость ввезенного в Китай оборудования за 6 лет составит 556 млрд. долл.

Учитывая столь колоссальное нарастание специалистами выдвигаются предложения о тщательной разработке стратегии, принципов, единого плана в отношении экспорта и импорта, единой льготной политики, четкого разделения прав и обязанностей в этой сфере деятельности между государственными органами и предприятиями, которые должны превратиться в правомочных субъектов во внешнеторговых операциях. Девизом, по мнению специалистов, должно стать правило для всех: "единый план, единые и совместные действия в зарубежье"⁷, чтобы исключить конкуренцию предприятий КНР между собой.

Достижение поставленных целей по преобразованию отсталого облика Китая до 2020 г. в кругах, отвечающих за развитие народного хозяйства, не мыслится без привлечения в крупных масштабах *иностранных инвестиций*. В предшествовавшие 20 лет (1979—1998) в Китай форме кредитов, ссуд и прямых вложений было принято более 407 млрд. долл., в том числе 138 млрд. в форме кредитов, ссуд и 267,3 млрд. в виде прямых инвестиций. Особенно быстро нарастал поток иностранного капитала в 90-е годы. За шесть лет (1993—1998) в КНР было реализовано 308,4 млрд. долл. На эти средства возводились в Китай целые отрасли промышленности — электроника, нефтехимия, современная связь, воздвигались электростанции и т.п. Сколь значителен вклад иностранных инвестиций в экономику КНР видно из следующих данных. В 1979—1998 гг. среднегодовой вклад в экономический рост составлял 14,5%, в отдельные годы эта доля поднималась до 30%, а в 1990, 1994, 1997 гг., соответственно, составляла 55,6, 40,7 и 38,4%. Высок был вклад предприятий с ино-

странным капиталом в темпы прироста внешнеторгового оборота. В 1979—1997 гг. он в среднем составлял 14,5%, а в отдельные годы превышал 20%. В 1985, 1990, 1991, 1992, 1994 гг. он, соответственно, равнялся 39,2, 20,2, 27,8, 22,8 и 31,5%.

Однако ситуация как с источниками инвестирования, так и его механизмом неординарна и нуждается в пояснении (см. табл.).

Страны и районы — главные источники прямого инвестирования экономики КНР в 1979—1998 гг.

Страны и районы мира	Кол-во видов продукции, произведенных с помощью импортных инвестиций		Размер непосредственных инвестиций	
	шт.	%	млн. долл. США	%
Всего	324620	100	267312	100
Сянган	178922	55,12	138434	51,79
Япония	17602	5,42	21912	8,20
США	26674	8,22	21433	8,02
Тайвань	41017	12,64	21265	7,96
Сингапур	7997	2,46	12177	4,56
Р.Корея	11179	3,44	7562	2,83
Вергинские острова	1536	0,47	6736	2,52
Великобритания	2324	0,72	6540	2,45
ФРГ	1932	0,60	3438	1,29
Аомынь	6164	1,90	3328	1,24
Франция	1473	0,45	2698	1,01
Малайзия	1780	0,55	1746	0,66
Канада	3984	1,23	1734	0,65
Голландия	646	0,20	1659	0,62
Таиланд	2631	0,81	1641	0,61
Другие страны и районы мира	18759	5,78	14991	5,61

Из таблицы следует, что более 163 млрд, или почти 61% иностранных инвестиций, вложены китайцами-хуацяо, проживающими на территории КНР, в Сянгане, Аомыне и на Тайване. Если сюда еще добавить инвестиции из Сингапура и Малайзии, откуда главными инвесторами являются также китайцы, то общий объем иностранных инвестиций этнических китайцев поднимется до 176,95 млрд. долл. США, или до 66,2%. И этот итог не является еще окончательным, поскольку не показаны более мелкие вложения китайцев, проживающих в других странах. В данном случае патриотизм, конечно, играет определенную роль, но главным двигателем огромных капиталов в Китай является выгода, экономический интерес, условия, созданные в КНР для притока капитала. Из развитых стран самые большие вложения имеют Япония — 8,2% и США — 8,02%, а включая другие развитые страны — 21,62%.

Характер источников обуславливал качество капитала. Инвестиции, как правило, использовались для образования совместных, кооперативных, местных, а также предприятий полностью на иностранном капитале. В 1997 г. в КНР насчитывалось 42881 предприятие, основанное на иностранном капитале и капитале инвесторов из Сянгана, Аомыня и Тайваня. Наряду с положительным вкладом их в развитие экономики КНР в экономической литературе отмечаются и значительные проблемы. Очень редко иностранные инвесторы

вкладывают свой пай в совместные предприятия живыми деньгами, предпочитая вносить импортное оборудование, порой завышая его цену и занижая цену китайского оборудования. Причем в большинстве случаев завозят второразрядную технику в трудоемкие мелкие и средние предприятия. Бывают случаи импорта морально устаревшего оборудования, что наносит ущерб производству продукции. Технокоёмкое и высокотехнологичное оборудование внедряется в производство сравнительно редко. Инвестиции транснациональных США, Канады и стран Европейского Союза пока невелики⁸.

Учитывая и проблемы, вызываемые импортом иностранных инвестиций, в научных и руководящих кругах считают, что политика массового привлечения иностранного капитала в Китай будет продолжаться. В конце нынешнего века и в предстоящие 10—20 лет XXI века, заявляет вице-президент Академии общественных наук Ван Лолинь, использование Китаем иностранных инвестиций по-прежнему будет расти сравнительно высокими и стабильными темпами⁹.

Огромные суммы денег, особенно в иностранной валюте, были и будут нужны повсеместно, во всех областях экономического и социального развития, в том числе для:

- проведения рыночных реформ, создания системы современных предприятий, транснациональных, трансрегиональных компаний, глобализации экономики КНР;

- осуществления следующего этапа индустриализации и глубокой научно-технической реконструкции народного хозяйства, наращивания импорта новейшей техники и современных технологий;

- строительства взаимосвязанных грандиозных систем инфраструктуры;

- создания современных отраслей народного хозяйства (автомобилестроение и др.);

- широкого развития фундаментальных и прикладных наук, НИОКР, подготовки кадров инженеров, конструкторов, управленцев, ученых всех необходимых для страны специальностей;

- глобализации экономики, внедрения ее в мировое разделение труда и т.д., и т.п.;

- укрепления обороноспособности, развития космонавтики и космических исследований.

Предшествующие 20 лет реформ выявили одну из неизвестных ранее черт китайской экономики — способность поглощать колоссальную массу иностранных инвестиций в форме зарубежной техники, оборудования, технологий, научных знаний и т.д., колоссальную емкость внутреннего рынка для иностранной техники. В публикациях даются данные по отдельным отраслям КНР потребности в иностранных инвестициях. Выше уже говорилось, что Китай за 5 лет смог бы освоить на сооружение инфраструктуры 750 млрд. долл. Серьезные надежды возлагают на иностранные инвестиции ведомства по возведению и развитию автомагистралей, железных дорог, электроэнергетики, авто- и авиастроения, электроники, современной связи, информатизации, космонавтики и т.п. Так, бывшее министерство электроэнергетики, превращенное в 1998 г. в компанию, на 9-ю пятилетку планировало довести долю иностранного капитала в инвестициях с 10 до 20%. Строители автомагистралей в те же 5 лет рассчитывали получить из-за рубежа 30 млрд. долл., а ведомство, занимающееся электроникой, — 6 млрд. долл. Транспортники просчитали, что в совокупных инвестициях, вкладываемых в отрасль в 1996—2000 гг. иностранные инвестиции должны составить 9,1%, в 2001—2010 гг. — 9,2%, в 2011—2020 гг. — 9,7%¹⁰. На завершение строительства скоростной железной дороги Пекин—Шанхай требуется 10 млрд. долл.

Отслеживая ситуацию на мировых фондовых рынках, китайские специалисты оценивают ее весьма благоприятной для Китая. В последние годы, по их подсчетам, транснациональные инвестиции равнялись 320 млрд. долл. США, ежегодный оборот денежного капитала превышал 800 млрд. долл., а в 1995 г. достиг 995 млрд. долл. Отсюда делается вывод о том, что ссудный процент будет сравнительно низким. С точки зрения емкости рынка капиталов, экономического роста, уровня грамотности рабочей силы, уровня заработной платы, состояния социально-политической ситуации в стране Китай имеет преимущества перед другими странами. Поэтому у Китая есть возможность продолжать в крупных размерах привлекать иностранный капитал.

Несмотря на большие надежды в долгосрочной перспективе на получение крупных иностранных инвестиций в китайскую экономику, китайские экономисты и хозяйственники весьма трезво учитывают новую обстановку в этой сфере как на мировых финансовых рынках, так и внутри страны. Финансовый кризис в ЮВА серьезно затронул и экономику КНР в сфере внешней торговли и в сфере внешних инвестиций. 80% поступающих в КНР инвестиций приходится на страны Восточной (Япония, Республика Корея, Тайвань, Сянган) и Юго-Восточной Азии и только 15—20% на страны Западной Европы, США и Канаду. Поэтому ожидалось сокращение инвестиций из Японии, Республики Корея, Тайваня, Сянгана и Сингапура. Новую струю в мировую финансовую сферу должно внести появление евроденег.

Существенные изменения происходят и в экономике КНР. Раньше регионы и предприятия безоглядно стремились использовать иностранные инвестиции для упрочения своего экономического положения. Но с переходом к созданию крупных объединений предприятий, трансрегиональных и транснациональных компаний стала быстро нарастать потребность не в средних и малых по величине капиталах, а в крупных вложениях, которые можно получить только от крупных иностранных монополий и банков. Причем непременным условием получения кредитов является обеспечение их необходимой современной техникой и новейшими технологиями. Поэтому общим местом среди ученых-экономистов и практиков стали высказывания, что Китай должен продолжать активно использовать иностранный капитал, как можно скорее преобразовать свой отсталый технический облик, через транснациональные инвестиции импортировать передовую технику, что должно стать эффективным каналом повышения собственных потенциальных возможностей технического развития и освоения. Считается, что не входя в международное сотрудничество этот скачок КНР трудно осуществить¹¹.

Эволюционирует официальная политика в отношении к иностранным предприятиям. Правительством ставится задача шаг за шагом уравнивать в экономическом отношении (налоги, сертификация продукции, защита окружающей среды и др.) иностранные предприятия с национальными. Это в первую очередь затронет получаемую на иностранных предприятиях прибыль и, естественно, интересы иностранных инвесторов. И политики, и экономисты в КНР, отмечая большие заслуги в развитии экономики, приобретение опыта хозяйствования и управления привлекаемого мелкого и среднего иностранного капитала, приходят к выводу, что предприятия, созданные на "распыленном" ("малом") капитале не смогут решить проблемы своего существования и развития, лишившись привилегий¹². И впредь, как полагают некоторые экономисты, мелкие и средние капиталы в КНР в таких огромных масштабах не будут востребованы. Иностранные инвестиции должны соответствовать изменениям на китайском рынке.

В общем виде официальная политика в отношении к иностранным инвестициям была изложена в докладе председателя Государственного Комитета

по планированию развития КНР Цзэн Пэйяня на 2-ой сессии ВСНП 9-го созыва (март 1999 г.). В отношении привлечения иностранного капитала в докладе говорится о необходимости применять общепринятые на мировых рынках правила и нормы:

- всемерно открывать новые каналы финансирования;
- постепенно уравнивать подходы к зарубежным и отечественным производителям;
- активно привлекать капиталы от транснациональных корпораций;
- оптимизировать структуру зарубежных инвестиций;
- поощрять их вложения в центральные и западные районы, агросферу, гидромелиорацию, транспорт, энергетику, добычу сырья, защиту окружающей среды;
- постепенно трансформировать режим управления зарубежными инвестициями, переходя от утверждения инвестируемых объектов к направляющей политике;
- улучшать инвестиционную среду;
- совершенствовать управление ценными бумагами, контролировать их размеры, структуру; углублять прогнозирование и плановое управление займами, используемыми кредитами, долгами и их обслуживанием.

Стратегия открытости предполагает не только глобализацию китайской экономики, но и ее регионализацию. Последняя в прогнозный период должна проводиться в двух направлениях — внутреннем и внешнем. В первом случае весь Китай делится на 7 экономических районов, которые должны специализироваться на определенных видах промышленного производства и интегрироваться в единую народнохозяйственную систему с единым общенациональным рынком.

Стратегия глобализации китайской экономики подразумевает вхождение китайской экономики в целом в мировое хозяйство, в мировой рынок, независимо от того, где тот или иной сегмент рынка находится, будь то в Европе, Азии, Америке и т.д. Стратегия регионализации имеет конкретную региональную направленность. Теоретическим ее обоснованием стали расхожие принципы: "экономика и наука без границ", "взаимодополняемость экономик". Суть концепции регионализма вкратце заключается в создании региональных интернациональных экономических районов, в которые входили бы, с одной стороны, приграничные провинции Китая, а с другой, — приграничные районы сопредельных государств. Таких зон вокруг Китая создается шесть. Первая зона с центром в Тяньцзине обращена в сторону Бохайского залива и двух корейских государств, вторая с центром в Шанхае направлена на Японию; объектом третьей зоны с центром в Гуанчжоу является ЮВА, четвертой с центром в Куньмине — районы Южной Азии.

Два региональных интернациональных экономических района создаются на границах СНГ. Один с центром в Харбине. В него должны войти провинции Хэйлуньцзян, Цзилинь, северная часть пров. Ляонин и восточная часть Внутренней Монголии, а со стороны России — районы Забайкалья и Приморья. Другой район с центром в Урумчи должен включить со стороны Китая пров. Шэньси, Ганьсу, Цинхай, автономные районы Нинся, Синьцзян, западную часть Внутренней Монголии, а со стороны СНГ Казахстан и республики Средней Азии — Киргизию, Узбекистан, Таджикистан, Туркмению. В совокупности все эти районы должны образовать "Большой Запад".

Китайские руководящие и научные круги вынашивают большие замыслы в отношении России, Сибири и республик Средней Азии. Развал Советского Союза многими в Китае был воспринят как редкий шанс для него, которым необходимо непременно воспользоваться. По существу, образование ин-

тернациональных экономических районов означает интеграцию их своими ресурсами в быстро набирающую силу и испытывающую возрастающий дефицит энергии и сырья китайскую экономику. Во исполнение этих планов заключено уже не одно соглашение о строительстве нефтяных и газопроводов, переброске электроэнергии как из России, так и из республик Средней Азии. Завершается строительство "Нового шелкового пути" — железнодорожной магистрали от г.Ляньюньгана (севернее Шанхая) до г.Роттердама длиной в 10,9 тыс. км., при этом включаются построенные ранее Турксиб, железнодорожная сеть Средней Азии и Закавказья протяженностью более 20 тыс. км. С окончанием строительства Китай выходит на просторы Казахстана и Средней Азии, Южного Урала, богатые энергетическими и минеральными ресурсами. Весьма благоприятные условия складываются для Китая: деиндустриализация России и других стран СНГ, превращение гигантского агропромышленного комплекса нередко с новейшими заводами и электростанциями в огромные груды искоженного ржавого железа среди обширных картофельных полей. Самоуничтожение промышленности СССР означало устранение конкурента не только для Запада, но и для Китая.

Известно из докладов ученых, представителей правительства, что в Китае прорабатывается план, как использовать сложившуюся ситуацию. Китайская промышленность выросла и быстро растет. В докладе на сессии ВСНП в марте 1999 г. Цзэн Пэйянь говорил о *необходимости развития производства за рубежом на давальческих материалах, способствуя тем самым экспорту оборудования, сырья и услуг (т.е. рабочей силы)*. Еще яснее эту идею развивал в своем докладе в Отделении экономики РАН в сентябре 1999 г. начальник управления внешних отношений проф. Пэй Чжанхун. По его словам, в настоящее время в КНР появились инвестиционные ресурсы в виде избыточного оборудования, машин, приборов, которые можно экспортировать за границу, создавать производство, используя местные ресурсы. Готовые изделия могут как реализовываться на месте, так и экспортироваться в третьи страны. "Россия представляет идеальное место для Китая, где можно создавать [китайское] производство и развивать торговлю", — утверждал докладчик.

1. Май сянь 2020 няньды Чжунго (Китай идет к 2020 году). Пекин, 1997. С. 221.
2. Кэцзи цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа (Научно-технический прогресс и модернизация Китая). Пекин, 1998. С. 263.
3. Чжунго тунцзи няньцзянь (Китайский статистический ежегодник). Пекин, 1998. С. 599.
4. Чжунго 21 шицзи цзинцзи цзоусян (Китайская экономика на пути в XXI век). Пекин, 1997. С. 314-325, 594.
5. Кэцзи цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа (Научно-технический прогресс и модернизация Китая). Пекин, 1998. С. 263.
6. Там же. С. 263-264.
7. Там же. С. 303.
8. Там же. С. 264.
9. Май сянь 2020 няньды Чжунго (Китай идет к 2020 году). Пекин, 1997. С. 328.
10. Там же. С. 121.
11. Там же. С. 236.
12. Цзинцзи жибао. 1998. 11 мая.

Сельские предприятия Китая на новом этапе развития

© 2000

А. Круглов

В предыдущих публикациях нашего журнала на эту тему уже подробно рассказывалось о сельских предприятиях, их характерных чертах, особенностях развития¹. Повторим кратко, что под сельскими предприятиями понимаются так называемые волостные и поселковые предприятия (далее - ВПП), то есть мелкие, как правило, предприятия, созданные в волостях и поселках (включая подведомственные деревни), а также в пригородах и занимающиеся в основном неаграрной деятельностью, хотя и оказывающие поддержку сельскому хозяйству и преимущественно использующие капиталовложения деревенской коллективной экономики или крестьян.

В силу целого ряда причин, объективных и субъективных, и под воздействием комплекса факторов - политических, социально-экономических, демографических, исторических, национальных, традиционных и т.д. - они получили столь быстрое и широкомасштабное распространение, что стали одной из наиболее примечательных черт современного этапа развития экономики не только деревни, но и страны в целом.

В итоге двадцатилетнего периода осуществления реформ и политики открытости на их долю ныне приходится: 1/4 ВВП, 2/3 добавленной стоимости общественного продукта деревни и 45% - промышленности (в 8-й пятилетке - 50%), 2/5 валютной выручки от экспорта, 1/5 финансовых доходов бюджета, 1/3 доходов крестьян.

Современное состояние сельских предприятий характеризуется следующими данными (на конец 1998 г.):

	Количество предприятий				Численность рабочих и служащих				Добавленная стоимость	
	млн	млн	%	%	млн	млн	%	%	млрд юан	%
Всего	20,04		100		125,37		100	100	2218,6	100
коллективные	1,07		5,3		48,29		38,5		997,1	44,9
частные	2,22		11,1		26,2		20,9			
индивидуальные	16,75	18,97	83,6	94,7	50,87	77,07	40,6	61,5	1221,5	55,1

Источник: Чжунго цзинцзи няньцзянь, 1999. Пекин. С. 731.

Итак, коллективные предприятия составляют лишь немногим более 5% общего количества сельских предприятий (далее - СП); на их долю приходится почти вдвое меньшее количество трудоустроенной рабочей силы. Уступают они

и по объему произведенной добавленной стоимости. Иными словами, преобладающая роль все еще сохраняется за индивидуальными и частными сельскими предприятиями.

Изначально и на протяжении всего двадцатилетнего периода реформ, сельские предприятия представляли собой сектор народного хозяйства, где наиболее отчетливо проявились тенденции развития рыночной экономики в Китае.

Вместе с тем по мере углубления реформ и усиления рыночных начал в экономике сельские предприятия в последние два года переживают определенные трудности. Это - следствие изменений в характере китайского рынка, что, в конечном счете, отражает общее усложнение экономической ситуации в стране под влиянием целого комплекса факторов, внешних и внутренних.

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает проблема падения спроса на всем внутреннем рынке Китая. Здесь сказалось влияние азиатского финансового кризиса, а также антиинфляционные меры правительства, приведшие к существенному сокращению денежной массы и, соответственно, потребительского спроса. Этому способствовало также пришедшееся на последние два года резкое углубление реформы государственных предприятий, что ведет к значительному сокращению количества работающих и, соответственно, платежеспособного спроса.

В итоге взаимодействия отмеченных выше и некоторых других факторов на китайском рынке произошло кардинальное изменение конъюнктуры - от "благоприятствующей продавцу" к "благоприятствующей покупателю", т.е. упрощенно говоря, от ситуации, при которой спрос превышает предложение, - к прямо противоположной, когда предложение превышает спрос. В условиях, приближенных к рыночной экономике, это неизбежно ужесточает конкурентную борьбу, в которой позиции сельских предприятий трудно оценить оптимистично.

Это предопределяется, во-первых, тем, что, несмотря на происходящий под воздействием рыночных факторов процесс концентрации производства, в целом для них характерны мелкий масштаб и расплывенность производства. Так, на начало 1999 г. в Китае насчитывалось немногим более 20 млн. СП, на которых было занято 125,4 млн. рабочих и служащих, с совокупным объемом основных фондов около 2 трлн. юаней. Иными словами, в среднем на одно предприятие приходилось 6,3 чел. занятых и примерно 100 тыс. юаней основных фондов; добавленная стоимость в 1998 г. в среднем составила менее 110 юаней.

Отрицательно влияет на конкурентоспособность СП и то обстоятельство, что по мере продвижения реформ они лишились подавляющего большинства привилегий, которыми пользовались прежде. Больше того, имеются примеры дискриминационных мер в их отношении. Например, вместо имевшего место стартового освобождения от налогов для начинающих деятельность СП, ныне практикуется дополнительное налогообложение - "на развитие сельского хозяйства", хотя это не распространяется на предприятия, не относящиеся к категории сельских (волостных и поселковых).

В новых рыночных условиях (а в более широком смысле - с переходом от экстенсивного к интенсивному методу достижения экономического роста) прежние относительные преимущества сельских предприятий - производственная гибкость, обусловленная небольшими масштабами, и др., - обернулись весьма серьезными недостатками - дефицитом кредитования, низким качеством продукции и, в конечном счете, недостаточной конкурентоспособностью.

В новых условиях становилась все более очевидной противоречивость установки на создание "мелких, но универсальных" предприятий: их легче создавать, удовлетворяя первичные потребности даже в некачественных товарах, но очень трудно профилировать для укрупнения и реконструкции производства. Сюда же относится получившее широкий размах дублирование

строительства, а также крайне запутанная ситуация в области имущественных прав, совмещения административных и хозяйственных функций на этих предприятиях.

Следствием указанных и некоторых других факторов явилось снижение (уместнее сказать: "падение") эффективности СП; так, в 1997 г. по сравнению с 1995 г. (завершающим 8-ю пятилетку) убытки этих предприятий в масштабах всей страны возросли на 70%. Одновременно происходило постепенное, но неуклонное снижение роста (в расчете по добавленной стоимости): 1996 г. - 21, 1997 г. - 17,7, 1998 г. - немногим более 16%.

Ухудшению производственно-хозяйственной ситуации на сельских предприятиях в немалой степени способствовало также снижение цен на продукцию сельскохозяйственных подсобных промыслов. По данным обследования части провинций и городов, СП со сравнительно хорошей эффективностью составляют примерно 20% их общего количества; с трудом поддерживают производство 50%, на грани остановки - 30%.

Укрупнение производства СП также связано с трудностями. К примеру, в 1998 г. количество СП сократилось на 912 тыс.² Сам по себе этот факт легко объясним в свете процесса концентрации, особенно реформ, в ходе осуществления которых широко прибегают к методам слияния, поглощения (аннексии) предприятий, а также приостановки деятельности и объявления банкротства. Однако этот процесс сопровождается сокращением числа занятых рабочих и служащих на 5,13 млн. человек. Это - уже тревожный сигнал, свидетельствующий о снижении способности сельских предприятий к абсорбции избыточной сельскохозяйственной рабочей силы.

Однако изложенные выше факты отнюдь не означают утраты роли и места сельскими предприятиями в стратегии экономического развития страны. Об этом свидетельствуют другие тенденции, например возрастание добавленной стоимости за тот же период на 17,3% (это почти на 10 процентных пунктов больше, чем в целом по стране). Об этом же говорит и увеличение первоначальной стоимости основных фондов СП на 11%.

В сложившихся условиях одним из основных направлений макроэкономического курса реформ стало новое усиление внимания к роли средних и мелких предприятий, львиную долю которых, как известно, составляют сельские предприятия. Речь идет, естественно, не просто о ренессансе мелкого производства, безудержном развитии трудоемких отраслей народного хозяйства и т.п. Законы рыночной конкуренции диктуют необходимость повышения органического состава капитала, простора процессам концентрации и т.д. Иными словами, перед СП логикой продолжения и углубления реформы, как говорится, "самой жизнью" в повестку дня поставлена неотложная задача - путем научно-технической реконструкции занять свое место в историческом переходе экономики страны на рыночные рельсы.

Действительно, за долгие годы реформ проблем у СП накопилось с избытком. Начать хотя бы с того, что вплоть до настоящего времени у них не сложилось самостоятельной, специфической производственной структуры. Соотношение трех сфер производства в народном хозяйстве трудно назвать оптимальным, оно подобно чудовищному флюсу в сторону 2-й сферы (промышленности и строительству) в ущерб 1-ой (сельскому хозяйству) и 3-й сфере (торговля, средства сообщения, индустрия услуг и т.п.). В 1996 г. это соотношение добавленной стоимости выглядело как 2 : 79,6 : 18,4%. В соответствии с макроэкономическим курсом правительства заметно изменилась структура капиталовложений. В 1997 г. в сельское хозяйство (т.е. 1-ю сферу они были увеличены почти на 24%) в 3-ю, соответственно, на - 7%. Одновременно произош-

ло снижение капиталовложений в промышленность и строительство (т.е. во 2-ю сферу).

Тем не менее, несмотря на предпринятые меры, соотношение трех сфер производства в 1997 г. изменилось на 2,1 : 84,7 : 13,2%. При незначительном повышении доли сельского хозяйства резко упал удельный вес 3-й сферы, играющей ключевую роль в обслуживании системы обращения, а в более широком смысле - всей инфраструктуры. Иными словами, указанное соотношение стало еще менее оптимальным. И лишь в 1998 г. произошло заметное увеличение доли 3-й сферы при одновременном снижении удельного веса промышленности и строительства: 1,6 : 78 : 20,4%.

Зато внутри самой промышленности (имеется в виду СП коллективной собственности) произошли определенные сдвиги в сторону оптимизации соотношения легкой и тяжелой (в расчете добавленной стоимости). С 51,2:48,8 в 1996 г. оно изменилось в 1997 г. в пользу легкой промышленности на 53,3:46,7. Кроме того (и это представляется более важным), начался процесс смягчения традиционной для СП проблемы слабости сырьевой и энергетической базы. Об этом свидетельствует отраслевая структура промышленных сельских предприятий коллективной собственности (1997).

Объем добавленной стоимости	- 100
Легкая промышленность	
1. Предприятия, для которых сырьем является сельскохоз. продукция	- 28
2. Предприятия, для которых сырьем является несельскохоз. продукция	- 25,3
Тяжелая промышленность	
3. Горнодобывающая отрасль	- 7
4. Сырьевая отрасль	- 8,9
5. Обработывающая отрасль	- 30,8

Источник: Чжунго гунье фачжань баогао. П., 1999. С. 371.

В свою очередь среди отмеченных отраслей соотношение (по добавленной стоимости, принимаемой за 100%) было следующим: горнодобывающая - 15, сырьевая - 19 и обрабатывающая - 66%.

Вместе с тем преобладающее место (в добавленной стоимости) в промышленных отраслях СП коллективной собственности продолжают удерживать традиционные виды продукции; на долю новейших и высокотехнологичных приходится всего 6,5%.

На развитии во все большей степени сказывается влияние научно-технического прогресса, особенно в условиях дефицитной экономики и "вялого" рынка. По расчетам китайских экономистов, коэффициент такого влияния, иными словами, коэффициент вклада НТП в развитие СП за период с начала 90-х годов по 1997 г. (включительно) вырос с 35 до 45%.

Предъявляемые рынком требования повышения качества продукции предопределили более пристальное внимание к подготовке квалифицированных технических и управленческих кадров на СП. К началу 1998 г. количество инженерно-технических работников на них достигло примерно 6,5% от общего количества рабочих и служащих. Этот процесс, естественно, требует определенного времени; пока же удельный вес персонала с высшим образованием составляет примерно 1,6%.

При всей важности и актуальности отмеченных выше процессов и мероприятий в свете большего соответствия требованиям рыночной экономики наиболее значимым и принципиально существенным, на наш взгляд, следует признать курс на коренную реформу имущественных прав на СП. Именно обстановка крайней запутанности и неопределенности на СП в этом вопросе пре-

вратилась по мере перехода к рыночной экономике в существенную преграду дальнейшего развития производительных сил.

В целях смягчения этой проблемы уже в середины 80-х годов в экспериментальном порядке начался процесс реализации имущественных прав путем распределения акций среди членов коллектива данного сельского предприятия. Иначе говоря, было положено начало превращению предприятий коллективной собственности в акционерные, а еще в большей степени - в акционерно-"кооперативные". Помимо отмеченной акционерной системы (с диапазоном акционерно-"кооперативных" типов предприятий) широкое развитие получили многие другие эффективные организационные формы (и методы) хозяйствования, ориентированные на соответствие законам обобществленного производства и содействие развитию производительных сил. Среди них - создание консорциумов и холдингов, объединение, присоединение (т.е. фактическая аннексия), банкротство, выкуп, системы подрядов и аренды и т.д., а также их многообразные сочетания. По данным Управления волостными и поселковыми предприятиями Министерства сельского хозяйства на начало 1998 г. реформу имущественных прав осуществили 56,6% общего числа сельских предприятий. Причем из этого количества (т.е. осуществивших реформу): перешли к акционерно-"кооперативной" системе 37,5%; к акционерной - 3,7%; на систему подрядов 24%, аренды - 17%; осуществили выкуп 9,2%; присоединено 1,6%; вошли в консорциумы и холдинги 0,7%, обанкротились 0,4%, осуществили объединенное хозяйствование по поручительству и другие формы - 5,9%.

Хотя реформа имущественных прав на СП делает первые шаги, но последствия уже весьма ощутимы. Только на предприятиях, перешедших к акционерной и акционерно-"кооперативной" системе, производительность труда превысила в 1997 г. среднюю по стране почти в 4 раза, а норма прибыли оказалась выше на 1,1 процентный пункт.

На основании изложенного можно, как представляется, прийти к выводу о том, что и в новых условиях СП, несмотря на перипетии усложнившейся экономической обстановки, не утратили своей роли. По-прежнему они представляют собой важный фактор развития производительных сил, повышения благосостояния крестьян, увеличения валютных и налоговых поступлений, а также трудоустройства избыточной сельскохозяйственной рабочей силы, подготовки квалифицированного персонала и т.д. и т.п. Конечно, произошло в большей или меньшей степени сокращение параметров, некоторое смещение акцентов, но в целом этот тезис не вызывает сомнений. Больше того, в последние годы СП выступают в новой "ипостаси" - как метода для смягчения остроты проблемы региональной экономической дифференциации.

В настоящее время в Центральной и Западном Китае сосредоточено 2/3 населения всей страны, в том числе 60% - сельского; между тем на их долю приходится всего 1/3 валового внутреннего продукта. Решением Госсовета КНР предусмотрено развитие ВПП превосходящими темпами именно в Центральном и Западном Китае.

Темпы роста основных показателей сельских предприятий в Восточном, Центральном и Западном Китае (1996) выглядят следующим образом:

Район	Добавленная стоимость	Доходы от деятельности	Прибыль	Налоги
Восточный	6,4	10,4	8,3	4,4
Центральный	13,6	18,3	25,2	24,2
Западный	36,4	42,6	43,1	24,7

Источник: Чжунго сяньжэнь цзе няньцзянь. П., 1997.

Влияние этого процесса еще не слишком заметно. И потому, что он только в начале своего развития, и в силу отмеченной выше не урегулированной еще окончательно проблемы имущественных отношений на сельских предприятиях коллективной собственности. По оценке китайских экономистов, средний размер основных фондов производственного назначения китайской семьи составляет в настоящее время 2 тыс. юаней; следовательно, в целом, по стране это составляет сумму, примерно равную 470 млрд. юаней, что значительно превосходит объем капиталовложений в 1998 г. в основные фонды коллективной (372 млрд. ю.) или индивидуальной (364 млрд. ю.) экономики. Однако реализация этих потенциальных ресурсов для создания новых волостных и поселковых предприятий наталкивается на опасения крестьян вкладывать принадлежащее им имущество в коллективные формы хозяйствования из-за возможности (как это уже не раз было в прошлом при кооперировании) "размывания", а то и полной утраты их имущественных прав.

Как показывает накопленный опыт, в деле смягчения экономической дифференциации регионов все более заметную роль начинает играть создание совместных, то есть межрегиональных сельских предприятий на имущественной основе, а также на принципах взаимодополняемости и взаимной выгоды. Одновременно получают развитие различные формы сотрудничества между сельскими предприятиями восточного региона, с одной стороны, и центрального и западного - с другой (далее сокращенно Восток - Запад). Такое экономическое сотрудничество логически оправдано, поскольку позволяет использовать относительное преимущество Запада (включая центральный район) в запасах природных ресурсов и резервах дешевой рабочей силы. С другой стороны, в условиях, когда в восточных районах происходит постепенный, но неуклонный рост издержек на заработную плату и ресурсы, намечается тенденция передачи трудоконцентрирующих производств на Запад и переноса акцента в производственной деятельности сельских предприятий приморских провинций в сторону сравнительно более высоких технологий.

Анализ состояния сельских предприятий позволяет прийти к выводу о том, что происходящие процессы не носят временный характер, скорее это новый этап развития. Больше того, на наш взгляд, можно утверждать, что под влиянием законов рыночной экономики произошли изменения в самой стратегии развития сельских предприятий. Доминировавший два десятилетия лозунговый принцип "оставляя сельское хозяйство - не покидать землю, поступая на завод - не перебираться в город" сменился на прямо противоположный. В условиях сравнительно развившихся рыночных отношений стало очевидным, что реальные затраты, связанные с перемещением рабочей силы намного ниже, чем создание нового сельского предприятия. К тому же рынок и научно-технический прогресс оказывают растущее влияние на темпы абсорбции избыточной рабочей силы в деревне сельскими предприятиями. В конце 80-х годов затраты на создание одного рабочего места составляли 6,7 тыс. юаней; десятилетие спустя эта сумма многократно возросла, превысив 70 тыс. юаней. По подсчетам китайских экономистов, возможности трудоустройства на сельских предприятиях в этой связи снизились до 8% от прежнего уровня.

Другой аспект изменений в стратегии развития СП связан с тем, что с расширением сферы рынка и открытости усиливается влияние процесса глобализации экономики. Сопутствующие процессу глобализации факторы - дальнейшая открытость рынка и финансового обращения, повышение специализации производства и уровня обобществления - бросают вызов сельским предприятиям и ставят их перед необходимостью повышения конкурентоспособности как безальтернативного условия выживания в новой обстановке. Это предполагает эффективный и быстрый подъем уровня информатизации СП,

профессионализма управленческих структур, качества выпускаемой продукции при снижении себестоимости. А главное - возможность в определенной степени предвидеть направление развития в условиях в целом непредсказуемой мировой экономики.

Повышение конкурентоспособности сельских предприятий в существующих условиях, по мнению китайских экономистов, не может быть достигнуто иначе, чем путем укрупнения масштабов производственно-хозяйственной деятельности. Только так в условиях отсутствия инвестиционного бума можно обеспечить перевод не только традиционных отраслей промышленности, но и сельского хозяйства на рельсы высоких технологий.

Обобщение изложенного позволяет прийти к выводу о том, что сложившаяся под влиянием разнообразных факторов экономическая ситуация в стране обусловила специфические черты стратегии развития сельских предприятий. С одной стороны, в отношении их официально провозглашена политика поддержки, поскольку, как отмечалось, они представляют собой в большинстве средние и мелкие предприятия, создаваемые, как правило, без затраты государственных средств, и сосредоточены в трудоконцентрирующих отраслях. С другой стороны, их недостаточная конкурентоспособность в условиях все более очевидного процесса глобализации экономики обуславливает принятие макроэкономических мероприятий по укрупнению масштабов их производственно-хозяйственной деятельности. Причем, характерно, что в силу отмеченных выше причин это сливается с упомянутым выше процессом реформирования имущественных прав. Как уже отмечалось, все большее развитие получают методы разнообразных объединений, союзов, различных форм взаимного проникновения предприятий (включая государственные). Соответственно, растет число предприятий, относящихся по характеру скорее к акционерной (паевой) либо к "кооперативной" системе. Идет процесс нормализации их и превращения в акционерные предприятия (или компании) с ограниченной ответственностью.

В целом, следует признать, что в настоящее время сельские предприятия переживают, как и китайская экономика в целом, не лучшие времена. Вместе с тем и сейчас и на долгосрочную перспективу сохраняется роль и место этих предприятий как органичной части народного хозяйства, играющей важную роль в развитии производительных сил, подъеме жизненного уровня крестьян, смягчении проблемы трудоустройства и, в конечном счете, в поддержании социальной стабильности в стране.

1. См. подробнее: А.Круглов. Сельская промышленность Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3; Его же. Промышленность села в новых условиях // Там же. 1990. № 5; Его же. Развитие сельских предприятий — стратегический выбор Китая // Там же. 1998. № 2.
2. Рассчитано по: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1999. С. 731.

Мерцающий свет на горизонте (Проблемы выхода Японии из кризиса)

© 2000

Л. Ходов

1. От кризиса и стагнации к надеждам на оживление

Состояние японской экономики оценивается в мире по-разному. В российских и зарубежных средствах массовой информации стали появляться оптимистические оценки, вплоть до прогнозов нового хозяйственного подъема. Действительно, кризисное падение производства, инвестиций и экспорта рано или поздно должно закончиться.

Оживление экономики в странах-соседах, важных торговых партнерах Японии — Республике Корея и Таиланде, также, как и Япония, оказавшихся в конце 90-х годов в тяжелом экономическом положении, позволяет предполагать, что трудные времена для Юго-Восточной Азии позади.

Каково же действительное положение и перспективы народного хозяйства Страны восходящего солнца до конца 2000 г.?

Наиболее авторитетным исследовательским центром в области хозяйственной конъюнктуры в Японии является Исследовательский институт Мицубиси. Его директор, Ш.Обара, считает, что 1999 г. был для Японии годом депрессии, т.е. стабилизации на кризисном уровне. Валовой внутренний продукт за год сократился на 0,6%, но к концу года его падение прекратилось. Предыдущий же 1998 г. был кризисным; так, ВВП уменьшился на 2,8%¹.

Директор Института Мицубиси называет перспективы на 2000 г. "мерцающим светом на горизонте", прогнозируя, что этот показатель, вероятно, возрастет в 2000 г. на 0,4%, т.е. останется, в расчете на душу населения, примерно на уровне предыдущего года². Специалисты института считают утешительным, во-первых, что падение прекратилось и скорее всего не возобновится; во-вторых, что в Республике Корея и в Таиланде оживление переходит в подъем; в-третьих, что темпы роста экономики Китая, несмотря на некоторое снижение, остаются довольно высокими.

В то же время для особой эйфории по поводу ближайших перспектив хозяйственного роста в стране нет оснований. До сих пор не просматриваются действенные факторы, которые могли бы обеспечить подъем японской экономики. Как видно из приведенной динамики ВВП, к началу 2001 г. по этому показателю Япония не достигнет уровня 1996 г.

Рассмотрим перспективы спроса на японские товары на внешнем и внутреннем рынках.

Ходов Леонид Григорьевич, профессор Всероссийской Академии внешней торговли, зав. кафедрой Международного университета внешней торговли.

2. Состояние и перспективы японского экспорта.

Экспорт в течение всех послевоенных лет был главным двигателем развития экономики страны, прогрессивных изменений в ее хозяйственной структуре, стимулировал научно-технический прогресс и повышение хозяйственного уровня населения. В 1998 г. вывоз товаров сократился на 5,3, в 1999 г. — еще на 6,5% — сильнее, чем уменьшился валовой внутренний продукт. Особенно заметно упал экспорт электронных изделий и автомобилей³.

Состояние экономики ведущих торговых партнеров Японии — развитых стран Северной Америки и Западной Европы — не дает оснований для надежд на расширение экспорта. Длительный подъем в США закончился. В 2000 г. темпы прироста в этой стране сократятся по сравнению с предыдущим годом более чем в 4 раза — с 3,7 до 0,9%. По прогнозам Института Мицубиси, аналогичной будет тенденция в конъюнктуре ведущих западноевропейских государств: сокращение прироста в Германии с 1,5 до 0,6%, во Франции — с 2,4 до 0,9%, в Италии — с 1,3 до 0,8% и в Великобритании — с 0,7 до 0,6%⁴. Несколько снизились темпы хозяйственного роста в Китае. По-прежнему нет надежд на расширение экспорта в Россию до уровня доперестроечных лет. Рынки России, и так ограниченные в результате продолжительного и глубокого кризиса, защищены то ползучей, то скачкообразной девальвацией рубля лучше, чем любыми возможными тарифными или нетарифными ограничениями.

Даже заметный прирост вывоза в Южную Корею и Таиланд не может изменить общей картины ослабления экспорта Японии, и тем более стать мотором оживления ведущих отраслей экономики страны. Прекращение японской экспансии на мировых рынках в течение последних трех лет и сокращение экспорта примерно на 1/8 привело к потере инерции наступления. На ряде рынков товары традиционного импорта из Японии замещаются продукцией собственного производства (например на рынке электроники в Бразилии) или изделиями из других стран.

“Япония за последние годы потеряла часть своих господствующих позиций на мировых рынках. Чтобы выдержать конкуренцию, мы должны буквально обуздать свои издержки”, — пишет Ш.Обара.

3. Безработица и потребительский спрос.

Нынешнее поколение японцев до недавнего времени не испытывало на себе безработицы. В течение десятилетий в условиях благоприятной конъюнктуры Япония принимала рабочих-иностранцев. Сокращение производства и экспорта вызвало устойчивую безработицу в 4-5% от численности самодельного населения. Этот показатель по сравнению с США и странами ЕС невысок. Но, во-первых, японские рабочие и служащие, да и государственные органы социального обеспечения были совершенно не готовы к безработице; а во-вторых, вскоре выяснилось, что она не случайный эпизод в жизни, а вероятнее всего — хроническое явление.

В программе правительства Оуши на 1999-2000 гг. впервые в послевоенной истории Японии борьба с безработицей была названа одной из важнейших задач государства. В июне 1999 г. численность официально зарегистрированных безработных снизилась на 0,2% и составила 4,6% от самодельного населения. Министр финансов К.Миязава заявил, что “отрадное известие еще не означает перелома в тенденции”. Руководитель государственной службы планирования высказался еще яснее: “Сказать правду, перед нами в дальнейшем будет постоянно серьезная проблема — безработица”.

Психологическую неподготовленность японского общества к безработице подчеркивает Ш.Обара. Он пишет: “Люди у нас воспринимают безработицу как болезнь. Трудлюбие, дисциплина, высокая степень самоотдачи и трудовая мо-

раль нашего народа привели к убеждению, что работа — это главное в жизни. Потеря работы — это для многих потеря смысла жизни”.

Психологическое восприятие безработицы усугубляет ее отрицательное воздействие на потребительский спрос. Страх перед безработицей ведет к сокращению расходов японцев на потребление и стремление беречь деньги. “Каждое сообщение об увольнениях и росте числа безработных вызывает массовую панику. После этого иены застревают в карманах у японцев”, — пишет Ш.Обара.

4. Внутренние и иностранные инвестиции.

Сокращение экспорта и потребительских расходов населения отрицательно сказывается на капиталовложениях. Несмотря на неслыханно низкую учетную ставку в 0,25% и реальную кредитную ставку в 2%, которая лишь ненамного превышает показатели инфляции, в 1999 г. ожидается сокращение инвестиций не менее чем на 3%, а в 1998 г. они уже уменьшились по сравнению с предыдущим на 12,2%. Таким образом, капиталовложения за два года упали по сравнению с уровнем 1997 г. на 15%, т.е. сократились сильнее, чем производство и экспорт⁵.

“Предприятия вкладывают средства только в ремонт и замену оборудования и только в случае, если это жизненно необходимо”, — говорится в докладе Института Мицубиси⁶.

Еще хуже обстоят дела с иностранными инвестициями. В 1998 г. они были ниже, чем в 1997 г. на 13,9%, а в 1999 г. сократились еще на 9,5%, т.е. за два года упали более чем на 20%. Иностранные инвестиции не играют в экономике такой роли, как в странах Западной Европы или Северной Америки, но во время последнего кризиса именно на них возлагаются большие надежды. Предполагалось, что ряд крупных фирм электронной и автомобильной промышленности будет санирован зарубежными инвесторами, а самая большая проблема нынешней японской экономики — стоящие на грани разорения банки, которые будут частично приобретены иностранными финансовыми институтами.

5. Итоги.

1. Японская экономика начинает выходить из кризиса, но ситуация в стране не дает оснований говорить о начале подъема.

2. Нет действенных факторов восстановления традиционных для Японии высоких темпов роста ни на внутреннем рынке потребительских товаров, ни на внешних рынках.

3. Японские и иностранные инвесторы не видят побудительных мотивов для массового финансирования капиталовложений. Отечественные и зарубежные вложения были в 1999 г. существенно ниже докризисного уровня.

4. Оживление японской экономики продолжится, но оно будет вялым, болезненным, противоречивым. Докризисный уровень инвестиций и экспорта в лучшем случае будет достигнут к 2002 г.

1. Asia Magazine. 1999. № 2. С. 3.

2. Nippon Press Bull. 1999. № 2. С. 18.

3. Neue Züricher Zeitung. Febr. 2000.

4. Nippon Press Bull. 1999. № 12. С. 17.

5. Asia Magazine. 1999. № 2. С. 3.

6. Ibid.

Использование стратегий полюсов роста для ускорения регионального развития (на примере Японии, Кореи, и Китая)

© 2000

В. Сыркин (г.Хабаровск)

Страны Восточной Азии вступили в период ускоренной индустриализации своих национальных экономик еще в 60-е годы. Лидером этого процесса являлась, безусловно, Япония, которая уже к началу 60-х показывала высокие темпы роста, достигнутые в результате эффективной промышленной политики, соединенной со специфической системой японского индикативного планирования¹. Япония, затем Корея² и Малайзия³ широко использовали элементы стратегии полюсов роста. Позднее Китай применил эту стратегию для развития специальных экономических зон в прибрежных регионах.

Япония.

Индустриальный процесс в Японии в 60-х характеризовался тремя заслуживающими внимания аспектами регионального развития. Во-первых, в этот период был сделан акцент на развитие тяжелой и химической промышленности. Учитывая, что страна бедна природными ресурсами и должна экспортировать значительную часть своей продукции, она вынуждена была обратить особое внимание на развитие прибрежных районов.

Хотя многие заводы, производящие продукцию машиностроения, создавались во внутренних районах страны, но и они поставляли продукцию на экспорт и импортировали сырье. Естественно, они тоже стремились строить свои заводы или на побережье или близко к портам. Этот процесс привел к тому, что районы, связанные с углехимией, электрохимией и металлообработкой, начали терять свой приоритет.

Во-вторых, как и во многих странах, где основной целью периода индустриализации являлся высокий темп роста, в Японии происходила концентрация промышленности, инвестиций и трудовых ресурсов в ограниченном числе регионов. Более того, происходила централизация экономических функций (управления, выработки информации, инноваций) в двух крупнейших мегаполисах - в Кейхин (Токио-Йокогама) и Хансин (Осака-Кобе).

В-третьих, в связи с широкомасштабной урбанизацией наблюдался относительный дефицит инфраструктурного капитала, так как инвестиции были связаны с бурно развиваемой промышленностью в "перегруженных районах". Для контролирования за процессом урбанизации был принят ряд соответствующих законов.

В системе регионального планирования в то время выделяли три типа регионов⁴: перегруженный, приспособляющийся и развивающийся регионы.

Сыркин Владимир Иванович, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономических исследований ДВО РАН. Статья написана при поддержке "The Japan Foundation".

Особый интерес для нас представляет политика относительно развивающихся районов, так как именно они могли и должны были принять эстафету роста от перегруженных районов и имели более высокий потенциал развития по сравнению с приспособляющимися регионами.

Для реализации целей региональной политики в группе развивающихся регионов были выделены следующие структурные элементы:

- ядра большого масштаба для промышленного развития, для создания которых в 1962 г. был принят Закон о новом индустриальном городе, а уже в 1963 г. в 15 округах были выделены 65 таких ядер;

- ядра большого масштаба для продвижения процесса урбанизации и четыре специальных города-полюса регионального развития (Саппоро, Сендай, Хиросима и Фукуока);

- ядра малого масштаба для промышленного развития;

- малоразвитые районы (71+33 округа в период 1962-66 гг.); ядра малого масштаба по типу продвижения урбанизации – 16 городов.

Так как к началу 70-х годов условия экспортной экспансии стали ухудшаться, был скорректирован курс экономической политики: (а) вместо поощрения только экономического развития больше внимания стали уделять социальному аспекту развития) (б) стали создаваться условия для продвижения децентрализованного и поляризованного развития в малых городах и средних местных центрах; (в) вместо нового строительства – модернизация развития существующих городов и консервация окружающей среды. В политике при размещении предприятий и фирм стала полнее использоваться стратегия совмещения национальных и региональных интересов.

Одним из примеров применения такой стратегии является формирование полюса роста в виде индустриального комплекса в местечке Мицусима в регионе Хасин. В процессе создания этого комплекса стратегия полюсов роста была адаптирована к Закону о новых индустриальных городах. В соответствии с четвертым разделом этого закона предполагалось, что рассредоточение развития (децентрализация) вводится в экономический процесс, чтобы продемонстрировать, что полюса роста не обязательно должны формироваться в уже развитых регионах. То есть поляризация и децентрализация развития не являются противостоящими феноменами, но могут трактоваться как разные фазы процесса развития⁵.

К особенностям формирования комплекса можно отнести следующие моменты:

- географически он находился рядом (120 км) с высокоразвитым регионом Осака-Кобе;

- первоначально представлял собой не более чем рыбацкий поселок;

- создавался в соответствии с законом 1962 г.;

- учитывая его благоприятное географическое положение и поддержку правительства, лидирующие фирмы Японии создали здесь более 90 отделений фабрик, связанных с черной металлургией, нефтепереработкой, нефтехимией, автомобильной промышленностью, энергетикой;

- расположен на побережье, т.е. потенциально был удобен для экспортно-импортных операций;

- комплекс был создан в условиях растущего спроса на свободные земли для промышленного строительства.

Таким образом, в этом случае японские власти очень эффективно использовали и естественный потенциал, и экономическую конъюнктуру в реализации стратегии поляризации и децентрализации.

К особенностям организации и внедрения этого проекта следует отнести следующие признаки⁶.

“Mizushima Industrial Complex” (“MIC”) не был независимой программой в том смысле, что он реализовывался не как прецедент, но как элемент широкой государственной экономической политики; он не имел особой формы

бюджетной поддержки и финансирования, т.е. не создавались специальные программные органы; такая форма организации выполнения программы связана с особенностями японского планирования с очень строгой вертикальной иерархией правительственных организаций вместо горизонтальной координации связанных проектов на региональном уровне.

Финансирование такого проекта и его реализация обеспечивались не только местными органами, но и соответствующими министерствами на национальном уровне. При этом администрация префектуры была включена в процесс координации проекта. Однако координация проекта осуществлялась таким способом, что финансирование программных затрат и стимулирование отраслевой активности производились центральным правительством. Администрация префектуры отвечала за полное планирование и координацию развития округа, который ограничивал юрисдикцию комплекса. Создание и частичное финансирование инфраструктуры обеспечивалось соответствующими министерствами центрального правительства. В финансировании энергетической инфраструктуры проекта участвовали администрации некоторых близлежащих округов, муниципалитет, а также частный сектор.

Для того чтобы стимулировать приток частного капитала, а также частично возместить общественные финансы, были предприняты усилия для формирования привлекательности данного района. Была создана корпорация ОДРС для приобретения земель для промышленного использования. Затраты на подготовку индустриальных зон и порта осуществлялись через специальный бюджетный счет, финансируемый префектуральными облигациями.

Прямые общественные финансы (центрального, префектурального и городского правительств) реализовывались по трем направлениям: (а) в промышленную инфраструктуру; (б) в городскую инфраструктуру) (в) в корпорацию с разной степенью интенсивности (табл. 1).

В реализации проекта применялась смешанная система финансирования. В отличие от инвестиций в промышленную и городскую инфраструктуру, финансируемых посредством обычных налогов и доходов, подготовка промышленных зон и затраты на строительство каналов финансировались следующим образом. Сначала было осуществлено прямое финансирование затрат в рекламу земель и строительство каналов. Когда же у потенциальных инвесторов сформировался определенный интерес к этому проекту, был открыт независимый счет для финансирования этих работ через выпуск префектуральных облигаций. Первоначальные затраты компенсировались за счет продаж земель фирмам. В итоге был получен примерный баланс затрат и доходов⁷.

Таблица 1

Динамика и структура инвестиций в развитие полюса роста (млн. иен)

	До 1957 г.	1958-62 гг.	1963-69 гг.
Промышленная инфраструктура	556	13,380	20,716
	91,7%	60,6%	61,1%
Городская инфраструктура	50	4,200	11,609
	8,3%	18,8%	32,7%
	-	4,552	2,102
	-	20,2%	6,2%
Всего	606	22,132	33,927

Источник: Fu Chenlo. *The Growth Pole Approach to Regional Development: a Case Study of the Mizushima Industrial Complex*. 1978. P. 29.

Рост региональной экономики в случае реализации данного проекта является типичным примером, когда за начальной крупной волной государствен-

ных инвестиций в промышленную и городскую инфраструктуру следуют частные инвестиции в обрабатывающую промышленность, которые генерируют увеличение количества производимых продуктов и занятости.

Развитие комплекса оказало влияние на развитие префектуры Окаяма в следующих направлениях:⁸

- на первой стадии стимулирование некоторых ключевых отраслей в комплексе сформировало систему взаимосвязанных отраслей;
- последовательный рост индустриального комплекса привел к значительным структурным изменениям в регионе, росту продукции обрабатывающих отраслей и занятости;
- через некоторое время рост в третичном секторе, особенно в отраслях услуг, был расширен обслуживанием обрабатывающего сектора;
- далее, рост производства в комплексе и префектуре в целом привел к увеличению доходов и потребления во всей префектуре;
- рост потребления, в свою очередь, опять генерировал производство и занятость.

Общий эффект этого проекта и его влияние на регион можно оценить по темпам роста производства за 1961-71 гг.: промышленное производство в полюсе роста увеличилось в 10,7 раза, в префектуре - в 3,6 раза, в то время как в Японии в целом - в 2,43 раза. При этом оценка влияния комплекса на развитие экономики префектуры с помощью мультипликативного анализа показала, что в этот период его влияние на агрегированный доход и занятость были даже больше, чем на агрегированный выпуск. Это объясняется структурой экономики префектуры и уровнем производительности труда⁹.

Элементы теории полюсов роста применялись в Японии также при разработке социальной политики регионального развития, политики децентрализации, при создании промышленных региональных центров. Этот опыт показывает, что стратегия регионального развития, основанная на теории полюсов роста, может быть успешной только при условии, что она тесно взаимодействует с национальной политикой промышленного размещения.

Республика Корея.

Анализ показывает, что индустриализация в большинстве развивающихся (и не только) стран вызывает значительные сдвиги в пространственной структуре экономики¹⁰. Инвестиции концентрируются в ограниченном количестве районов; большая часть остальных регионов отстает в развитии. На определенной стадии такая центрo-периферическая модель становится серьезным ограничением для его роста. Многие развивающиеся страны использовали для преодоления такой диспропорции планирование национального и регионального развития. Оно должно создать такую пространственную структуру и организацию, которые смогли бы поддержать процесс индустриализации. Корея оказалась классическим примером такого сценария развития.

После второй мировой войны почти вся экономическая активность в этой стране была сосредоточена в Сеуле. Инвестиции направлялись, в первую очередь, на развитие текстильного отобранных стратегических секторов для поддержания экспортной экспансии. Однако до 60-х годов в Корею не было систематического планирования, и экономика развивалась неуверенно. В начале 60-х появились первые свидетельства серьезного участия правительства в экономическом развитии. Оно осуществило бюджетную, налоговую и денежную реформы, ввело контроль иностранной валюты¹¹.

Одним из средств решения проблемы роста и регионального развития стало создание специального промышленного парка в Ульсане, где в середине 60-х годов было начато строительство нефтеперерабатывающего завода. Впо-

следствии подобные экспортоориентированные индустриальные комплексы были созданы еще в двух местах. Однако этот период является периодом частичного территориального развития. Активность по-прежнему концентрировалась в основном в Сеуле. В 1971 г. был принят Первый национальный план территориального развития, базирующийся на идеях теории полюсов роста: акцент делался на экономическую эффективность, но не на сбалансированность регионального развития.

Региональная политика и пространственное планирование реально получили сильное развитие в 70-е годы, когда был принят ряд основополагающих законов об управлении процессом использования земли, о местном промышленном развитии и возрождении городов. В основе региональной экономической политики Кореи, как и в Японии, лежит система районирования территории.

В соответствии с корейской системой зонирования были выделены приоритетные регионы и субрегионы:¹²

- 4 главных региона, богатых природными и водными ресурсами;
- 8 промежуточных однородных регионов;
- 17 субрегионов, которые содержали, по крайней мере, один город - полюс роста.

Такая система зонирования показывает, что необходимо найти определенный уровень территориальной иерархии, на котором допускается поляризация, т.е. там, где она реально эффективна: (а) не так сильно (в масштабе) могут проявиться диспаратеты; (б) где изначальная поляризация может потом самоуничтожаться.

Организация регионального развития в начале 70-х годов была такой, что центральное правительство разрабатывало планы только для 8 промежуточных однородных регионов. Более того, только планы для развития Сеульского метрополитенского региона и региона Кванчжу комплектовались им полностью.

Получив начальный результат, центральное правительство в конце 70-х годов сформулировало IV пятилетний план (1977-1981), в котором проблема гармонизации экономического развития с учетом пространственных факторов формулировалась в виде следующих установок.¹³

- развитие новых региональных полюсов роста вокруг индустриальных комплексов и снижение концентрации населения и экономической активности в крупнейших районах;
- организация центрo-периферийной структуры пространственной экономики на базе новых полюсов роста;
- рост инвестиций в социальную инфраструктуру;
- экстенсивное развитие ареалов 4-х главных речных бассейнов, чтобы эксплуатировать различные местные ресурсы и увеличить сельскохозяйственное производство;
- продвижение программы, связывающей сельское хозяйство с промышленностью, и развитие сектора услуг (например туризма);
- увеличение эффективности трансферта товаров, услуг и информации путем развития современной системы транспорта и коммуникаций, совместимой с новой пространственной структурой экономики.

Такая стратегия развития, явно учитывающая необходимость более сбалансированного развития, была реализована с помощью таких инструментов центрального правительства, как контроль; постоянные цены на земли, предназначенные для индустриального строительства; налоговые льготы, займы фирмам, которые хотели бы размещаться в индустриальных зонах; повышенные налоги на строительство в Сеуле.

Новые полюса роста сыграли свою положительную роль в процессе индустриализации Кореи. Однако опыт их функционирования является неодно-

значным. Выделяют три уровня проблем последующего развития на примере полюса роста в Ульсане: национальный, межрегиональный и внутрирегиональный¹⁴.

Национальный уровень:

– Ульсанский индустриальный комплекс не был способен генерировать обратные положительные импульсы на периферийные районы ни в самом регионе, ни в других крупных районах, так как его специализация в решающей степени была связана с импортом сырья и большого количество промежуточных продуктов для нефтеперерабатывающего завода;

– местный рынок не мог поддержать масштаб функционирования заводов в таких размерах, которые помогают фирмам других регионов увеличивать размещение в данном полюсе роста.

Межрегиональный уровень:

– штаб-квартиры всех заводов были расположены в Сеуле; фирмы, использующие материалы, произведенные в Ульсане, и изготавливающие конечные продукты, не располагались в нем; мультипликационные эффекты проявлялись скорее в крупных ареалах, чем в самом Ульсане, так как местные отрасли имели мало шансов получить выгоду от индустриализации, что стимулировало их дальнейшую концентрацию в крупных городах;

– дефицит квалифицированной рабочей силы серьезно ограничивал расширение производства в Ульсане, потому что мобилизовать квалифицированных рабочих можно было только из крупных городов, что трудно было сделать;

– распространение эффектов индустриализации в тыл региона было ограниченным, так как технический уровень, система управления местных предприятий и их спрос не вполне соответствовали основной специализации Ульсанского индустриального комплекса.

Внутрирегиональный уровень:

– инфраструктура, энергетика, водоснабжение (особенно) являлись факторами, ограничивающими расширение мощностей;

– система взаимоотношений между Ульсаном, крупными городами и внешним рынком была сформирована таким образом, что его порт только обслуживал отрасли, которые импортировали сырье из-за границы или из других районов страны, а также импортировал технологические материалы в главные крупные регионы, но не экспортировал продукцию;

– отраслевые связи, созданные внутри индустриального комплекса, стали ограничивать развитие заводов внутри таких же индустриальных комплексов, потому что каждый отдельный завод не может осуществить свое развитие без соответствующего расширения других заводов, которые поставляют ему промежуточные материалы;

– не были реализованы необходимые условия для привлекаемых специалистов, так как Ульсанский индустриальный комплекс не обладал достаточной степенью разнообразия экономической структуры, чтобы обеспечивать различными товарами, рабочей силой и информацией и стимулировать размещение вспомогательных отраслей в нем.

Опыт использования стратегии поляризованного развития в 70-80-х гг. в Корее показал, что он был в целом успешным, но проблем было не меньше, чем успехов. Он подтвердил, как и в Японии, что основные успехи сосредоточены скорее в промышленном секторе и в ареалах, расположенных близко к крупным городам, чем в периферийных сельскохозяйственных ареалах, что снизить перенаселенность в столичном регионе не удалось, а расширение местной промышленности не привело к большим выгодам для других отраслей местной экономики.

Китай.

Китайская версия использования элементов теории полюсов роста в экономической политике отличается от японской и корейской версий¹⁵. В Японии и Корее основой стратегии являлось предположение, что поляризация и децентрализация развития позволяют снизить нагрузку на перегруженные районы и гармонизировать пространственную систему национальной экономики. В Китае стратегия поляризованного развития была использована для запуска высоких темпов роста. Для этого намеренно допускалась региональная поляризация. В Японии и Корее полюсами роста послужили предельно компактные территории. В Китае происходила поляризация в виде не только компактных свободных экономических зон. Полюсом роста должна была стать огромная территория прибрежных районов Китая.

В 80-х годах в Китае была радикально изменена стратегия развития национальной экономики и в том числе региональная стратегия. В маоистской стратегии развития можно выделить два ключевых элемента: (1) политику выравнивания регионального развития (или политику экстенсивного развития), и (2) упор на собственные силы в развитии. В региональном контексте это означало, что, несмотря на то, что естественный лидер - приморские регионы - показал более эффективные результаты, государственные инвестиции перераспределялись во внутренние регионы. В результате реализации такой стратегии развития можно извлечь следующие уроки:¹⁶

- попытка создания промышленности во внутренних районах без развития старой базы приморских районов была нереалистичной, так как инвестиционный переток происходил за счет модернизации приморских регионов, и препятствовал развитию обоих регионов и реализации национальных интересов;

- маоистская идея опоры на собственные силы не соответствует базовой концепции развития на основе сравнительных преимуществ. Если бы внутренние районы развивались на базе сравнительных преимуществ, то не возник бы кризис предложения сырья и материалов в 80-х годах, когда страна перешла к стратегии ускоренного роста.

Первый урок строго доказывает, что в условиях реализации стратегии, когда один регион развивается за счет другого, общего выигрыша не происходит.

Новая стратегия неравномерного развития предполагала, что должны быть реализованы региональные преимущества; допускаются региональные диспаритеты как неизбежные, стимулирующие межрегиональные и международные экономические взаимодействия; следует поощрять технологические инновации¹⁷. В соответствии с этой стратегией отдавалось предпочтение приморским регионам перед внутренними. Предполагалось, что такая концепция развития соответствует высшему национальному приоритету, что опережающее развитие приморских регионов будет катализатором модернизации всей страны. Действительно, хотя внутренние регионы развивались быстро, но приморские регионы еще быстрее.

В новой стратегии национального и регионального развития можно выделить четыре главные компоненты:

- она определяла каждому региону (были выделены три суперрегиона - Приморский, Центральный и Западный) особую роль, строго базирующуюся на относительных преимуществах;

- вначале приморским регионам был создан режим, стимулирующий привлечение больших иностранных инвестиций, современных технологий и менеджмента;

- это была более прагматическая стратегия относительно бедных регионов, стимулирующая развитие за счет собственных усилий;

– предполагалось использовать эффекты диффузии роста приморских регионов на другие регионы.

Стратегия предполагала также, что взаимоотношения между регионами будут строиться на базе кооперации, которая возникает не принудительным, а добровольным путем на базе взаимных выгод. Вместо традиционных субсидий или денежных пособий, которые распределялись между административными органами, центральное правительство стало стимулировать развитие бедных регионов в форме организации бизнеса, а также использовало низкопроцентные займы из Фонда развития и помощи малоразвитым районам, а также льготный налог на доход в Центральный бюджет. Центральное правительство “подталкивало” приморские районы кооперироваться с внутренними районами, но исключительно на базе взаимных выгод, на базе эффектов диффузии. В то же время реализация этой стратегии натолкнулась на определенное сопротивление администраций и руководителей фирм неприоритетных районов¹⁸. Это сопротивление в 90-х гг. получило теоретическое обоснование в ходе борьбы идей.

Стратегия неравномерного развития формировалась при противоборстве двух базовых доктрин, которые отражали противоположные идеи и интересы регионального развития¹⁹. Первая доктрина отражала необходимость последовательного распространения развития от конкурентоспособного Приморского региона к менее развитым регионам. Вторая доктрина выражала идеи последователей преимущественного внимания к слаборазвитым регионам или идеи создания более равных экономических условий.

В соответствии с первой стратегией первый шаг и усилия должны были сначала концентрироваться на развитии Приморского региона. Только после того, как этот регион становится значительно развитым, делается попытка развивать Центральный, а затем Западный регион. Логика такого последовательного развития заключается в следующем.

Приморский регион всегда обладал промышленной “квалификацией”, и поэтому его легче поставить в центр развития сырьевой экспортной базы Китая. К тому же он легче мог абсорбировать импортные продвинутые технологии и развивать свои возможности по усвоению технических и экономических инноваций. Затем Приморский регион должен был распространять технологические и другие инновации не только в свою экономику, но и в другие регионы. Основной смысл такой доктрины – постепенная диффузия из развитого центра к периферии. В соответствии с этой стратегией многие города должны были стать “моторами роста”, или “полюсами роста”. Защитники этой стратегии апеллировали в своей логике к национальным интересам, подчеркивая эффективность своей гипотезы с национальных экономических позиций. При этом они не отрицали важность социального фактора развития. Так как Китай рассматривался ими как социальная система, они предполагали, что есть возможность сделать процесс развития гладким и выгодным для всех.

Вторая доктрина содержала две исходные позиции:

– внутренние районы должны получить некоторый приоритет, наряду с Приморским регионом. Только в этом случае они могут полнее использовать свои ресурсы и помочь Приморскому региону в развитии;

– внутренние районы всегда отстают в своем развитии от приморских, так как последние всегда получали специальные привилегии для приоритетного развития. Если будет сохраняться такая тенденция, то разрыв между ними будет увеличиваться; большой разрыв будет противоречить интересам нации, так как способность внутренних регионов помогать Приморскому региону будет ограничена. Следовательно, необходимо развиваться “нога в ногу”, иначе развитие будет несогласованным и неоднородным.

Как известно, центральное правительство поддержало первую стратегию, стимулируя создание открытых городов, свободных и других зон ускоренного развития. Оно принимало во внимание, что невозможно ликвидировать диспаритеты за ограниченное время, что относительные преференции развитым регионам необходимы, чтобы гарантировать национальный рост.

При этом, прислушиваясь к аргументам второй доктрины, центральное правительство поддерживало региональную кооперацию между Приморским и Центральными регионами. Например, седьмой пятилетний план развития содержал специальный раздел межрегиональной кооперации и развития экономической сети взаимосвязанных предприятий различных регионов (в основном усилиями администраций и предприятий Центрального региона и косвенно - центрального правительства). Разрабатывались специальные кооперационные соглашения, так как некоторые регионы отказывались от поставок сырья и материалов без адекватной компенсации²⁰. В этом заключается одна из основных особенностей китайского градуализма в реализации стратегии полюсов роста - это не только развитие от региона-лидера к отсталым регионам, но и мягко "принуждаемая" и поощряемая кооперация лидера с отстающими регионами.

Другая важнейшая характеристика постмаоистского периода реформ заключается в децентрализации (которая находится под жестким контролем и периодически модернизируется как система) принятия решений. В экономическом смысле это привело к растущим доходам администраций низших уровней управления, поощрению частного и коллективного бизнеса на базе местных условий.

Следует отметить, что поляризованное развитие на начальном периоде заключалось не столько в разрыве в темпах роста производства, сколько в инвестиционной политике. За 1981-1987 гг. среднегодовой темп прироста промышленности составил в Приморском регионе - 1,2%, в Центральном регионе - минус 2,5%, в Западном регионе - минус 0,2%²¹. Имела место небольшая дифференциация. В то же время Приморский регион, используя естественные сравнительные преимущества и прогрессивные институциональные преобразования, за период 1979-1987 г.г. принял в себя преимущественную долю иностранных инвестиций - 93%²². При этом даже внутри Приморского региона районы развивались неравномерно. Наибольшими темпами развивалась провинция Гуандун. Темп роста в некоторых провинциях Приморского региона был ошеломляющим. В 1985 г. четыре СЭЗ в этой провинции и в провинции Фуцзянь зарегистрировали рост на 70%²³.

Естественно, новая региональная политика не могла гарантировать полную гармонию интересов регионов. Она концентрировалась на первоначальном развитии "естественного" полюса роста²⁴, которым являлся Приморский регион, и предпосылке "передачи" роста от него в другие регионы и на национальный уровень в целом, вплоть до придания национальному развитию лидирующих позиций на мировой арене. Последняя идея вряд ли реализуема: выходит, что Приморский регион должен самостоятельно бороться за лидерство в Восточной Азии.

Трансмиссия роста и развития - это не автоматический процесс и не равномерный процесс²⁵. По Дж.Фридману²⁶, условия, особенно благоприятные для инноваций, в основном формируются в больших и быстро растущих урбанизированных системах. В этом смысле неравномерность развития - объективный процесс: инновационные центры всегда доминируют над периферией и находятся в центре внимания. Тем временем новые желания и разочарования отстающих регионов будут расти. Это может привести к конфликту с Центром, что прежде имело место в развитии Китая. Поэтому центральное правительство не только надеялось на продвижение роста из Приморского региона в дру-

гие районы, но стимулировало межрегиональную кооперацию через инвестиции и технологические трансферты. Поэтому различия в темпах роста не были большими, по крайней мере, на уровне крупных регионов. В то же время различия между провинциями наблюдались более значительные.

Несмотря на растущий спрос и рыночные механизмы в предложении сырья и материалов, местные администрации регулировали процессы на своих территориях, что создавало условия для децентрализации экономической власти²⁷. В конце 80-х - начале 90-х в межрегиональных экономических отношениях сформировался специфический режим торга, который возникал при реализации приоритетных и рентабельных проектов. Но иногда взаимоотношения между развивающимися и отстающими регионами и провинциями строились очень жестко. Так, Шанхай был вынужден в 1986 г. инвестировать 110 миллионов юаней в железорудную шахту и в 6 шахт по добыче руд цветных металлов в слаборазвитый район Ляншань в обмен на поставки болванок стали, цинка и меди²⁸. Торг между Центральным и местным правительствами был своеобразной оплатой за стратегию неравномерного развития в пользу Приморского региона и борьбой за более благоприятную политику в других регионах. С другой стороны, режим торга и неадекватное предложение сырья в Приморский регион явились одними из важнейших причин, в соответствии с которыми Приморский регион вынужден был адаптировать стратегию своего развития. Предприятия этого региона стали охотнее импортировать сырье и потом осуществлять реэкспорт конечных продуктов.

В результате произошло некоторое усиление процесса дифференциации темпов роста в пользу более эффективного Приморского региона (табл. 2), особенно когда сыграли свою роль структурные сдвиги, т.е. развитие вторичного и особенно третичного секторов.

Таблица 2.
Динамика роста промышленного производства и ВВП, %

	Приморский регион	Центральный регион	Западный регион
Промышленный выпуск			
1985	60.3	26.9	12.7
1995	66.0	23.8	10.2
ВВП			
1985	52.8	30.9	16.3
1995	58.3	27.5	14.1

Источник: Maruata T., Hayashi H. *Regional Economic Development and Structural Changes// Regional Economic Development and Policy in China*. Tokyo :IDE, 1997. P. 22.

Безусловно, региональное развитие Китая несвободно от проблем, но все же региональная политика была и остается достаточно эффективной для развития национальной экономики в целом. Достаточно неожиданным уроком из китайского опыта, который может быть полезным при разработке региональной политики в России, является механизм возникновения и разрешения проблемы согласования национальных и региональных (провинциальных) и межрегиональных противоречий. Казалось бы, что в стране с жесткой системой государственного управления эта проблема либо не возникает вообще, либо нивелируется на уровне разработки политики. Однако рыночные механизмы достаточно сильно корректируют поведение всех участников принятия решений по поводу развития. Можно предположить, что в России, с ее федеративным устройством, сформулировать эффективную региональную политику бу-

дет еще сложнее из-за сильного стремления регионов не столько к эффективному, сколько к равноправному развитию. В то же время опыт режима торга между провинциями и почти принудительное инвестирование региона другим регионом требует более тщательного анализа с точки зрения соотношения выгод и отрицательных эффектов, проявляющихся и на региональном, и на межрегиональном, и на национальном уровнях.

* * *

Опыт азиатских стран показывает, что стратегии регионального развития базирующиеся на теории полюсов роста, являются привлекательными по трем основным причинам:

– формирование агломерационной экономики, которая увеличивает концентрацию эффективных отраслей в регионах, имеющих преимущества и при некоторых внешних усилиях становящихся привлекательными для частного капитала;

– агломерационная экономика способствует минимизации цен и накоплению потенциала для последующего саморазвития урбанизированных ареалов;

– предполагается, что быстрый рост урбанизированных ареалов со временем увеличит распространение положительных эффектов на периферию данного региона.

Последнее предположение многие ученые считают своеобразным политическим паллиативом²⁹, который предлагает “плату” за первоначальную дискриминационную политику. Эта “плата” представляет собой потенциальное расширение роста через диффузию, когда полюс роста интегрирует все части региональной (и даже национальной) экономики в плане долгосрочной выгоды.

1. Hishifuji N. Respective of Regional Development Planning in Japan: Japan Centre for Area Development Research. Tokyo, 1970; Growth Pole Strategy and Regional Development Policy: Asian Experience and Alternative Approaches / Fu-Chen Lo and Salih K. (eds.): Pergamon Press, 1978; Konno Sh. Exchange of Regional Development Policy in Japan // Applied Aspects of Geography. (Ed. by Tanabe H.) Proceedings of the Symposium on Applied Geography at Yokohama. Tokyo, 1978.
2. Kim Au-Jae. Industrialization and Growth Pole Development in Korea: a Case of the Ulsan Industrial Complex // Growth Pole Strategy and Regional Development Policy: Asian Experience and Alternative Approaches / Fu-Chen Lo and Salih K. (eds.): Pergamon Press, 1978.
3. Hansen N., Higgins B. and Savoie D. Regional Policy in a Changing World. Plenum Press. New York, 1990.
4. Okuda Y. A Comparative Viewpoint on the Regional Development in Japan and European Countries // Applied Aspects of Geography. (Ed. by Tanabe H.) Proceedings of the Symposium on Applied Geography at Yokohama. Tokyo, 1980. P. 13.
5. Fu-Chen Lo. The Growth Pole Approach to Regional Development: a Case Study of the Mizushima Industrial Complex // Growth Pole Strategy and Regional Development Policy: Asian Experience and Alternative Approaches (Ed. by Fu-Chen Lo and Salih K.): Pergamon Press, 1978. P. 25.
6. Ibid. Pp. 28-29.
7. Ibid. P. 31.
8. Ibid. Pp. 32-33.
9. Ibid. Pp. 34-43.
10. Crueger O. Political Economy of the Policy Reform in Development Countries: The MIT Press. London, 1993; Macroeconomic Stabilization in Transitional Economies. (Ed. by Screev M.) Cambridge: Camb. Univ. Press., 1997; Friedmann J. Urbanization, Planning and National Development: SAGE Publications, 1973; Chisholm M. Regions in Recession and Resurgence. London: Hyman, 1990.

11. Кюн-Сим Ким. Региональная политика и благосостояние: южнокорейский опыт // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27. Вып. 4. С. 700.
12. Kim Au-Jae. Op. cit. P. 53.
13. Kim Au-Jae. Op. cit. P. 65.
14. Kim Au-Jae. Op. cit. Pp. 76-77.
15. Chan Roger CK. The Pearl River Delta Region // Development in Southern China. (Ed. by Cheng J., Macpherson S.) Singapore, 1995; Lardy N. Economic Growth and Distribution in China. Cambridge: Camb. Univ. Press., 1978; Daily Y. Patterns of China Regional Development Strategy // China Quarterly. 1990. # 122. Pp. 230-257; Maruiama T. and Hayashi H. Regional Economic Development and Structural Changes // Regional Economic Development and Policy in China. Tokyo: IDE, 1997. Pp. 19-32.
16. Daily Y. Op. cit. P. 230.
17. Chiu Latherine CH. The Reform Strategies of the Four Little Tigers of Guangdong: Dongguan, Nanhai, Shunde and Zhongshau // Development in Southern China. (Ed. by Cheng J., Macpherson S.). Singapore, 1995. P. 25.
18. Lee Pak K. Local Economic Protectionism in China's Economic Reform // Development Policy Review. Vol. 16. # 3.
19. Daily Y. Op. cit. Pp. 244-246.
20. Daily Y. Op. cit. P. 246; Lee Pak K. Op. cit. Pp. 74-76.
21. Daily Y. Op. cit. P. 249.
22. Daily Y. Op. cit. P. 247.
23. Daily Y. Op. cit. P. 247.
24. Hirschman A. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press, 1958.
25. Ibid. Pp. 183-201.
26. Friedmann J. Regional Development Policy: a Case of Venezuela. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1966; Friedmann J. and Alonso W. Regional Policy: Reading in Theory and Applications. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1975.
27. Daily Y. Op. cit. P. 253.
28. Daily Y. Op. cit. P. 254.
29. Growth Pole Strategy and Regional Development Policy: Asian Experience and Alternative Approaches. (Ed. by Fu-Chen Lo and Salih K.): Pergamon Press, 1978.

История

Летописный свод "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее": извивы судьбы

© 2000

Г. Смолин

В востоковедении давно и с полным на то основанием общепризнано особое место и значение в китайской хронистике, да и в историописании в целом летописного свода "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее" ("Цзы чжи тун цзянь"), составленного к исходу 1084 г. по инициативе, под руководством и при прямом участии ученого, литератора, политического мыслителя и государственного деятеля Сыма Гуана (1019-1086). Подтверждений, которые такая репутация этого свода обрела и в самом Срединном государстве, и за его пределами, предостаточно, и одно из них - многие сотни посвященных "Всепроницающему зеркалу" и его авторам монографий, сборников, статей, сообщений и иных публикаций на всех основных языках мировой синологии. А между тем судьба этого исторического труда познала всякое, включая и ситуацию крайнюю, когда оказался он на грани исчезновения, мог вот-вот кануть в безвестность.

Начатую еще в конце 1050-х годов работу над хроникой Сыма Гуан вплоть до середины февраля 1066 г. осуществлял, по его собственному определению, "самолично", т.е. не в качестве придворного деесписателя, вне рамок каких-либо из существовавших в ту пору служб государственного историописания¹. Иначе говоря, сочинение, которое Сыма Гуан подготавливал тогда, в котором языком хрониста поведал о жизни Срединного государства в 403-207 гг. до н.э., которое назвал "Всепроницающим обозрением" ("Тун чжи") и которому привелось послужить завязкой "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего", автор мыслил детищем историописания частного².

С весны 1066 г., однако, статусная основа работы над хроникой стала меняться. 14 мая, откликаясь на адресованное сунскому императорскому двору тремя месяцами раньше уведомление Сыма Гуана о завершении "Всепроницающего обозрения" и о своей готовности представить сей опус на "августейшее рассмотрение", тогдашний Сын неба, Чжао Шу (Ин-цзун, 1032-1067; царствовал с 1063 г.), в высшей степени положительно оценил замысел и почин автора "Всепроницающего обозрения" и счел нужным ввести эту работу непосредственно в рамки официального историописания, а значит, в сферу соответствующих государственных структур.

Более того, Чжао Шу взял подготовку свода под свое личное покровительство. Налицо, кстати сказать, отнюдь не первый и далеко не последний в китайском прошлом факт протекции такого - наивысшего, со стороны самих Сынов Неба - уровня в отношении историков и их трудов. Что касается данного случая, то, весьма важная сама по себе, происшедшая тогда статусная метаморфоза, как будет показано ниже, стала, без преувеличения, судьбоносной для "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего", и впрямь предопределившей его будущность.

14 мая 1066 г. Чжао Шу специальным распоряжением повелел Сыма Гуану продолжить начатое дело и "написать о былых деяниях государей и подданных прежних поколений"; в помощники Сыма Гуану - не без подсказки с его стороны - были назначены Лю Шу (1032-1078), а несколько позднее Лю Бинь (1023-1089) и Фань Цзуюй (1041-1098)³, и таким образом сложился костяк авторской коллегии будущего "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего". В их распоряжение, по указанию Чжао Шу, предоставлялись соответствующие книги (как рукописные, так и ксилографические), другие материалы из дворцовых, т.е. самых богатых, книго- и архивохранилищ, без чего не удалось бы сотворцам свода-хроники достичь той, как никогда прежде, высокой степени информативной содержательности, коя их детище отличает⁴. Так или иначе, но инициатива Сыма Гуана обрела благословение и поддержку на самом "верху".

Полтора года спустя, в ноябре 1067 г., только что - месяцем с небольшим раньше - вззошедший на императорский трон Чжао Сюй (Шэнь-цзун, 1048-1085) вслед за своим родителем-предместником на престоле, Чжао Шу, взял подготовку и издание труда Сыма Гуана со товарищи под собственный патронаж. При этом молодой венценосец, склонявшийся, подобно своему отцу, к проведению разносторонних преобразований в стране и к поддержке приверженцев таких преобразований⁵, руководствовался стремлением уяснить мнение Сыма Гуана и как государственного деятеля и политического мыслителя, и как одного из самых авторитетных тогдашних историков - мнение не только и даже не столько в самом общем виде о путях и средствах "благоустройства Поднебесной", сколько конкретно об опыте и уроках, "плюсах" и "минусах" реформ, когда-либо прежде проводившихся в стране, будь то инициированные Шан Яном (390-338 до н.э.) в царстве Цинь в 359-348 г. до н.э. или Ян Янем (727-781) в империи Тан в 780 г.⁶ О таком своем стремлении Чжао Сюй не раз давал Сыма Гуану понять, а на одной из аудиенций "августейше повелел" ему подробнейшим образом высказаться по этой проблеме. Как бы в ответ на запрос верховного властителя страны Сыма Гуан и представил трону рукопись "Всепроницающего обозрения", а немного спустя в резиденции Чжао Сюя в присутствии последнего прошла (в несколько "туров") читка сего опуса, сопровождавшаяся авторскими комментариями⁷.

Сын Неба высоко отозвался на творении историка и поддержал намерение Сыма Гуана продолжить написание хроники. Тогда же Чжао Сюй, по его словам, во исполнение воли отца, Чжао Шу, еще в середине мая 1066 г. высказавшего желание "пожаловать" будущему коллективному детищу свое, отличное от предложенного Сыма Гуаном, название, "августейше даровал" грядущему сводному труду весьма выразительный - столь же лестный, сколь вместе с тем и откровенно обязывающий - заголовочный титул: "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее". Одновременно император "одарил" будущую летопись собственноручно написанным предисловием⁸.

Вот это-то краткое (всего-навсего около 600 иероглифов), появившееся за 17 лет до полного завершения свода предисловие вседержавного владыки Срединной империи и послужило впоследствии для хроники своего рода ох-

ранной грамотой, сделало возможным уберечь жизнь данному памятнику китайского средневекового историописания. А угроза кануть в Лету над "Всепроницающим зеркалом, управлению помогающим" некоторое время спустя действительно нависла.

С одной стороны, казалось бы, появление предисловия, написанного не кем иным, а Сыном Неба, да еще и благовременно, равно как и сам по себе факт собственноличного шефства властелина Поднебесной над подготовкой и изданием летописного свода, открывали Сыма Гуна со товарищи "зеленую улицу". И действительно, "августейший патронаж" свое дело на протяжении последующих 17 лет продолжал делать.

Правда, даже тогда без "сбоя" все-таки не обошлось. Подоснова же его, а равно и прочих злоклучений, выпадавших и позднее на долю "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего" и его сотворцов во главе с Сыма Гуаном, крылась в неутихавших идейно-политических коллизиях вокруг реформ. В частности, весной 1071 г., в пору своего рода апогея "новой политики" Ван Аньши и его приверженцев, Сыма Гуан оказался вынужденным на время отойти от открытой политической борьбы. То отнюдь не было, однако, ни самоотстранением, ни, тем паче, самоотречением от своих убеждений и устремлений, что подтверждается его последующими деяниями. Но центр тяжести этих деяний переместился теперь (вплоть до конца 1084 г.) в сферу историописания, преимущественно - подготовки "Всепроницающего зеркала" либо так или иначе в связи с ним. В мае 1071 г. произошло - тоже вынужденное - перебазирование работы над хроникой из главной (Восточной) столицы империи, Кайфэна, в Западную (Лоян). За без малого 15 лет "лоянского сидения" удалось сосредоточиться всецело на научно-исторических, включая источниковедческие и историографические, разысканиях. При этом не менялся основной вектор, обозначенный в самом "заданном" в ноябре 1067 г. "сверху" названием "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего".

Что примечательно, тотчас по завершении основной работы над хроникой, т.е. с самого начала 1085 г., Сыма Гуан возобновил весьма активную политическую и административную деятельность, хотя еще с осени 1082 г. столь тяжело хворал, что счел уже уместным подготовить адресованное трону так называемое "предсмертное обращение-завещание" (и бяо)⁹.

Как бы то ни было, к исходу 1084 г. основная работа над летописным сводом завершилась, а 1 января 1085 г. при императорском дворе, в присутствии Чжао Сюя, состоялось - не без помпезностей - официальное представление хроники, увенчавшееся ее августейшей апробацией. Еще более полутора лет понадобилось для окончательного редактирования и корректуры текста, а 22 ноября 1086 г., т.е. спустя почти полтора месяца со дня кончины Сыма Гуана, вышло специальное распоряжение Сына Неба, теперь уже Чжао Юна (Чжэ-цзун, 1076-1100; царствовал с 1085 г.), сына и преемника Чжао Сюя на сунском престоле, об опубликовании "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего". Пятью с половиной годами позже, весной 1092 г., первое издание хроники (в суммарном объеме без малого 3 млн. иероглифов) увидело свет¹⁰.

Казалось бы, после "лоянского сидения", по завершении свода все складывалось и протекало в высшей степени благоприятно для детища Сыма Гуна со товарищи, да и их самих. Как говорится, еще бы... Однако на самом деле уже через два года, а гораздо ощутимей - через пять, но особенно угрожающе - спустя 10 лет после ее первой публикации над хроникой стали сгущаться злые тучи.

Суть того, что тогда стряслось, можно предельно кратко изложить следующим образом. Еще на исходе весны 1094 г. одно из высших должностных лиц империи Чжан Дунь (1035-1105), а также сановники Лю Хуэйцин (1032-

1111) и братья Цай Цзин (1047-1126) и Цай Бянь (1058-1117)¹¹ - истовые поборники "новой политики" Ван Аньши начали разворачивать кампанию за ее возрождение и за дискредитацию ее противников - нареченных "сообществом негодяев/преступников" (цзянь дан) приверженцев курса Сыма Гуана, будь то еще здравствовавшие или, как сам Сыма Гуан, уже усопшие. В ход пускались средства самые разные¹². На старте 1097 г. кампания стала набирать еще большую силу¹³. В частности, предлагалось все и всякие письменные творения, что в разное время вышли из-под кисти Сыма Гуана, равно как и Фань Цзуюя, а также Су Ши и их политических сподвижников, собрать воедино и "истребить дочиста"¹⁴. Императору адресовались, наряду с прочими, требования уничтожить и имевшиеся экземпляры первого издания "Всепроницающего зеркала", и деревянные доски-клише, на которых был выгравирован текст хроники для его печатания, а, по-своему примечательно, среди выдвигавших такие требования были лица, представлявшие придворные службы историописания (как, например, Цай Бянь и Цзянь Сюйчэнь).

Исходившие от "верхов" с какого-либо их "фланга" намерения и настояния подобного рода, да и их практическая реализация имели место в Сунской империи касательно других случаев и раньше, и позднее данного, хотя едва ли не каждый раз носили все-таки исключительный, экстраординарный характер, определявшийся, как правило, высокой "температурой" идейно-политических коллизий в правящих кругах. Тогдашние законоположения вообще-то предусматривали определенные ограничения прав и запреты на издание, а также на распространение (включая торговлю) тех или иных конкретных книг либо сочинений тех или иных конкретных авторов¹⁵. Прямое свидетельство тому - официальный проскрипционный список, озаглавленный "Реестр названий запрещенных книг" ("Цзинь шу му лу"). Появился он, должно стать, в самом конце XI - начале XII в., т.е. как раз в пору гонений на "сообщество негодяев"; во всяком случае, в одном из приведенных Су Чэ документов он в определенной связи фигурирует¹⁶. Однако до нынешних времен реестр не сохранился ни в каком виде, и названия включенных в него сочинений остаются для нас неизвестными, а стало быть, судить с полной уверенностью, входило ли в этот перечень "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее", сейчас едва ли возможно¹⁷.

Так или иначе, не может не привлечь к себе внимание, что, к счастью, находились люди наподобие государственного деятеля, ученого и литератора Чэнь Гуаня (ок. 1060-1124), кто противился намерению Цай Бяня, Цзянь Сюйчэня и иже с ними касательно "Всепроницающего зеркала", а в подкрепление своей позиции напоминал, что и создание, и опубликование летописного свода в свое время обрело благословение прежних сунских Сынов Неба, один из коих даже удостоил хронику собственноручно написанным лестным предисловием, и было бы в некотором смысле кощунством чинить расправу над таким творением Сыма Гуана и его коллег. Весьма нехотя и отнюдь не сразу братья Цай, а равно Цзянь Сюйчэнь и их единомышленники соглашались с этими доводами, и тем не менее они "не осмеливались более помышлять об уничтожении" ни печатных досок, ни ксилографов с текстом "Всепроницающего зеркала"¹⁸.

Своей кульминации затеянная в 1094 г. кампания достигла в 1102-1103 гг, когда одним из самых главных должностных лиц империи стал уже упоминавшийся Цай Цзин - ярый приверженец курса Ван Аньши, да к тому же и сродник последнего¹⁹. Среди "мишеней" и на этой фазе гонений против "сообщества негодяев" числились прежде всего Сыма Гуан, а также Су Ши и Су Чэ, равно как и соавторы "Всепроницающего зеркала" Лю Бинь, Лю Шу и Фань Цзуюя, сын Сыма Гуана, Сыма Кан (1050-1090), немало подсобивший отцу в работе над хроникой, писатели и ученые Хуан Тинцзянь (1045-1105),

Чжан Шуньминь (ок. 1034 - ок. 1110), Чао Бучжи (1053-1110), еще помогавшие на заключительной стадии работы над летописным сводом, при подготовке его текста к опубликованию²⁰.

3 июня 1103 г. вышел указ Чжао Цзи, которым предписывалось "немедленно предать огню" на то время наличествовавшие как в столичных городах, так и во всех провинциальных центрах доски-клише для печатания произведений (включая литературно-художественные) Су Ши, его отца Су Сюня (1009-1066) и брата, Су Чэ, а также Лю Биня и Фань Цзуюя, Хуан Тинцзяня, Чжан Шуньминя и Чао Бучжи, равно как и еще немало числа других членов "сообщества негодяев". Словом, лица, имевшие непосредственное касательство к рождению свода-хроники, в этом "черном списке" обойдены не были²¹.

Репрессии в отношении "сообщества негодяев", не исключая и Сыма Гуана, и его соавторов по "Всепроницаемому зеркалу, управлению помогающему", на том отнюдь не прекратились. Одно из наглядных свидетельств тому - датированное 6 августа 1123 г. предписание одной из высших административных инстанций империи "сжечь печатные доски" с текстами сборников сочинений Су Ши и Сыма Гуана.

И все же не может вместе с тем не обратить на себя внимание отсутствие в указе Чжао Цзи от 3 июня 1103 г. упоминаний и имени сыма Гуана, и названия самого главного его, как историка, детища - "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего". И действительно, эта книга Сыма Гуана и его соавторов осталась-таки в неприкосновенности, а была она обязана этим тому самому краткому предисловию к ней, которое еще на исходе 1067 г., т.е. более чем за треть века до появления "сжигательной" директивы Чжао Цзи, написал собственноручно его отец, Чжао Сюй, и которым последний как бы засвидетельствовал преемственность установленного уже его родителем и предметником на сунском престоле, Чжао Шу, августейшего шефства над "Всепроницающим зеркалом". Хотел он того или нет, но и Чжао Цзи пришлось все же в конце концов посчитать и сообразоваться с волеизъявлением трех своих предшественников в "ранге" Сынов Неба. И, конечно, нельзя не воздать должное Чэнь Гуаню и тем ему подобным, кто в обстановке учиненных "сверху" гонений на Сыма Гуана и других сотворцов хроники, занесенных в реестр "сообщества негодяев", отваживался-таки вставать на защиту этого детища историописания, благо у них имелся такой сильный довод, как апелляция к "слову и делу" прежних вседержителей Поднебесной, одаривших летописный свод знаками своего внимания, будь то патронаж над созданием и изданием этого труда, а также наделение его столь выразительным заголовочным титулом и предисловием.

Первые признаки грядущей "оттепели", а затем и реабилитации для хроники и ее сотворцов пришлось на начало 1106 г.²² Два десятилетия спустя, 1 марта 1126 г., сменивший Чжао Цзи на сунском престоле его сын Чжао Хуань (Цинь-цзун, 1096-1156; царствовал в 1125-1127 гг.) снял запрет на издание книг участников "сообщества негодяев". Другой сын Чжао Цзи, взошедший на трон в 1127 г. Чжао Гоу (Гао-цзун, 1107-1187; царствовал до 1162 г.), так, по свидетельству его младшего современника литератора Чжан Дуаньши (1179-ок. 1250), лаконично, но выразительно отозвался о Сыма Гуане как государственном деятеле, а вместе с тем и как историке - главном сотворце "Всепроницающего зеркала", да и о самом летописном своде: "Проштудировав, Всепроницающее зеркало, управлению помогающее, понял, что Сыма Гуан заслуживал быть первым министром (цзайсяном)"²³. Так сказано, словно и не было столь долгих и злокозненных гонений на того (вкуче с его приверженцами) и на то, о ком и о чем это высказывание.

Как бы то ни было, в ближайшие после упоминавшейся отмены табу на издание сочинений "негодяев" семь лет "Всепроницающее зеркало" публиковалось трижды. Всего же за полуторавековой период Южной Сун (1127-1279) хроника издавалась 26 раз²⁴ - показатель сам по себе многозначительный, запечатлевший высокую востребованность летописного свода.

Между тем известностью и целенаправленным интересом пользовался тогда свод и у соседей Сунского Китая. Из разного свойства свидетельств на сей счет не могут не привлечь внимание, например, такие. Когда в январе 1127 г. воинство чжурчжэньского государства Цзинь (1115-1234) завладело тогдашней главной китайской столицей Кайфэнгом, цзиньская верхушка потребовала предоставить в ее распоряжение, среди прочего, и эту хронику. А цзиньский ученый, писатель и политический деятель Юань Хаовэнь (1190-1257) поведал, как старательно штудировал и высоко оценивал "Всепроницающее зеркало" чжурчжэньский император Ваньянь Улу (Ши-цзун, 1123-1189; царствовал с 1161 г.)²⁵. На рубеже XI-XII вв. детище Сыма Гуана со товарищи получило известность в корейском государстве Корё (918-1392), а затем, пусть не столь же скоро, примерно в середине второго из указанных столетий, и в Японии и начало оказывать определенное влияние на историописание обеих стран²⁶.

После того, как Китай к исходу 70-х годов XIII в. был завоеван монголами и наступил столетней продолжительности период владычества чингисидской династии Юань (1271-1368), высокая востребованность "Всепроницающего зеркала" не утратилась. Оно издавалось тогда 10 раз²⁷.

Согласно свидетельству ученого Ван Паня (1202-1293), автора предисловия к одной из самых ранних тогдашних публикаций хроники, совсем вскоре по воцарении династии Юань "Всепроницающее зеркало" стало "первой из первых" среди надобных для "распространения в Поднебесной" книг, будь то канонические памятники, включая конфуцианские, или какие бы то ни были труды по истории, а объяснение этому усматривалось в том, что сей летописный свод "давал возможность постичь насущные потребности дней текущих и разобраться, какие первоочередные меры надлежит предпринять"²⁸. Другое дело, что столь высокая востребованность творения Сыма Гуана и его коллег исходила в ту пору - с определенно противоположными устремлениями - от двух разных сторон. Во-первых, "сверху", от чужеземных правителей, а того больше - от их советников и прочих подручных из числа собственно китайцев или же аккультурированных киданей вроде Елюй Чуцая (1190-1244), тившихся адаптировать стратегию и тактику юаньских властей в завоеванной стране к традиционным исконно китайским методам управления. С другой, противостоявшей этой, стороны - от тех групп либо отдельных представителей собственно китайской духовной элиты, что несли в себе патриотический, антиюаньский "заряд" и зывали к прошлому своей отчизны, к его героике, запечатленной в творениях историописания, особенно в таких из них, как "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее"; наглядный пример тому явили Ван Инлинь (1223-1296) и Ху Саньсин (1230-1302) - одни из самых первых исследователей и комментаторов детища Сыма Гуана со товарищи²⁹.

Уже с конца XI в., т.е. еще в пору весьма острых злоключений в связи с хроникой и вокруг нее, но в гораздо большем числе - со следующего столетия стали появляться дополнения, продолжения и подражания "Всепроницающему зеркалу", а также относящиеся к коллективному творению Сыма Гуана, Лю Биня, Лю Шу и Фань Цзуюя комментаторские и аналитические труды³⁰. Мало того, есть достаточно оснований констатировать инициированный созданием "Всепроницающего зеркала" зачин нового, значительно более высокого этапа в эволюции китайской исторической хронистики, надолго наперед определивший во многом ее главным векторы³¹.

О высокой репутации свода может свидетельствовать и такой факт, относящийся еще к третьей четверти XII в. Знаменитый Чжу Си (1130-1200), ученый-энциклопедист, главный представитель сунского неоконфуцианства, определенно не случайно обратился именно к "Всепроницающему зеркалу" и воспользовался материалами детища Сыма Гуана со товарищи, дабы оно было, по словам акад. В.М.Алексеева (1881-1951), "доработано"... до конфуцианского как бы катехизиса"³². Имеется в виду книга "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее" в сжатом изложении и с комментариями ("Цзы чжи тун цзянь ган му"), написанная по инициативе и при ведущем участии Чжу Си. В самом отборе сведений из творения Сыма Гуана и К, а тем более в пафосе комментариев к ним книга Чжу Си и его соавторов по-своему последовательно выдержана в духе освещения и оценки исторических событий и персонажей с позиций присущего тогдашнему неоконфуцианству социально-этического универсализма. Недаром она надолго стала для образовательных учреждений в Китае учебным пособием о прошлом своей страны.

Как едва ли не общепризнано, масштабностью и емкостью познавательной-исторической информации, другими достоинствами труд Сыма Гуана со товарищи, без преувеличения, намного превосходит книгу Чжу Си и его коллег. Другое дело, что обретение чжусианством в Китае с XIII-XIV вв. статуса официальной идеологии, а в то же время высокая степень "конфуцианизированности" такой информации в труде Чжу Си и К и, конечно же, использование его в качестве учебно-вспомогательного руководства по истории Срединного государства обернулись для "Всепроницающего зеркала" тем, что оно оказалось до поры до времени сколько-то задвинутым в тень, оставалось менее востребованным. Причем это дало знать о себе отнюдь не только в самом Китае, но и в некоторых соседних (во Вьетнаме, Корее и Японии), да и не в одних лишь соседних странах. Именно книга Чжу Си и его соавторов, а также ее типологически выдержанные продолжения по-своему воздействовали на возникновение и последующую эволюцию в данном звене вьетнамского историописания, начиная с XIV в., неоконфуцианского, по определению П.В.Познера, направления³³, а наиболее явственно это обнаруживается в идеологическом оснащении и структуре составленных в XV в. под руководством Нго Ши Лиена "Исторических записок о Великом Вьете, полное описание" ("Дай Вьет ши ки тоан тхы") и в XIX в. под началом Фан Тхань Зяна "Всепроницающего зеркала истории Вьета, в сжатом изложении и с комментариями" ("Вьет шы тхонг зям кьон му"). Нго Ши Лиен, например, прямо ссылаясь на книгу Чжу Си со товарищи как на образец при создании своего труда³⁴.

В данном контексте нельзя не напомнить о 13-томной "Сводной истории Китая" (*Histoire gonorale de la Chine*) французского священника-иезуита Ж.Майя (1669-1748), созданной в 1731-1737 гг. на основе китайского и маньчжурского текстов творения Чжу Си и К. Речь идет о труде, явившемся первой на Западе столь полной для своего времени книгой о Китае древних и средних веков и не только получившем в Европе известность, а и надолго оказавшемся главным источником информации по истории Китая для нескольких поколений западных синологов. Но это - с одной стороны. А с другой, - труд этот стал таким источником со всеми воспринятыми от его первоосновы - книги Чжу Си со товарищи - очень существенными изъянами и недостатками фактографического и фактологического свойства; не случайно В.М.Алексеев причислил труд Ж.Майя наряду с творением Чжу Си и К к тем, которые "никогда не были авторитетными источниками" и "к науке историков относились мало", тогда как детище Сыма Гуана со товарищи он назвал "блестящим трудом", оказавшимся в свое время способным удовлетворить "потребность в связной истории"³⁵.

В самом Китае определенное оттеснение сочинения Сыма Гуана и его соавторов "заидеологизированным" опусом Чжу Си и его коллег на второй план выразилось, помимо всего прочего, в спаде "темпов" опубликования "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего" - спаде весьма ощутимом по сравнению с приводившимися выше показателями за южносунский и юаньский периоды: в течение почти трех веков царствования династии Мин (1368-1644) свод издавался только 11 раз и за примерно такой же по длительности цинский период (1644-1912)³⁶ и того меньше - лишь 9 раз³⁷.

Разумеется, это вовсе не равнозначно утрате живого, заинтересованного внимания к "Всепроницающему зеркалу" со стороны венценосных правителей и высших должностных лиц Среднего государства. Не стали исключением и маньчжуро-цинские "верхи": такое внимание проявляли, например, императоры Канси (Шэн-цзун, 1654-1722; царствовал с 1661 г.), Цяньлун (Гао-цзун, 1711-1799; царствовал в 1735-1795 гг.), Гуаньской (Дэ-цзун, 1871-1908; царствовал с 1874 г.) и некоторые другие³⁸.

Подобное имело место отнюдь не только в столь давние времена. В этой связи, думается, небезынтересен такой факт: когда Мао Цзэдун (1893-1976) в марте 1949 г. переезжал в Пекин, он счел необходимым, наряду с прочими вещами и аксессуарами, взять с собой "Всепроницающее зеркало"³⁹ - книгу, которую, по воспоминаниям очевидцев, штудировал до конца дней своих⁴⁰.

XX век оказался во вступившей в десятое столетие истории издания хроники как никогда "урожайным". В первой его половине "Всепроницающее зеркало" выходило в свет (по-прежнему посредством ксилографии) 7 раз: сперва в 1917-м, а последний раз - в 1945 г. После же образования КНР, начиная с 1956 г., летописный свод (как правило, в полном виде, но иногда - в выборках) публиковался (теперь уже типографским способом) полтора десятка раз, и то - не считая тайваньских публикаций. В общей сложности к началу XXI в. насчитывается, таким образом, свыше 80 изданий хроники.

Явлением воистину знаковым стал выход из печати в Пекине, начиная с 1984 г., невиданным когда-либо раньше тиражом (до 20 тыс. экземпляров) 72-томного "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего" в переводе на байхуа ("Байхуа ибэнь, Цзы чжи тун цзянь")⁴¹ - в версии тайваньского ученого Бо Яна, увидевшей свет (в 36 томах) чуть раньше, с 1983 г., в Тайбэе. Само по себе появление такой публикации способно сказать о многом. Налицо своего рода триумф в долгой и непростой, познавшей самое разное "биографии" выдающегося произведения китайского историописания. И это не говоря уже об обширной (до полутора сотен названий) литературе на всех основных языках мировой синологии, увидевшей свет в 1980-х годах, преимущественно в их середине - накануне и в пору 900-летия создания "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего".

1. Цзы чжи тун цзянь (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее) / Сост. Сыма Гуан и др. Пекин, 1986. Т. 20. С. 9607; Лю Шу. "Цзы чжи тун цзянь" вай цзи (Хроника, дополняющая "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее"). Послесловие. С. 36 // Сы бу цун кань (Собрание книг, [классифицированных] по четырем разделам). Отд. История. Т. 48. Шанхай, 1929; Ли Дао. Сюй "Цзы чжи тун цзянь" чан бянь (Подборка материалов, продолжающих "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее"). [Ханчжоу], 1881. Цз. 209. С. 26.
2. Подробнее о "Всепроницающем обозрении" см.: Смолин Г.Я. О сочинении Сыма Гуана, ставшем зачином "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего" // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVII. СПб., 1997. С. 172-181.

3. Об этих соавторах Сыма Гуна, а также о посвященной им литературе см.: Смолин Г.Я. 1) Китайский историк XI в. Лю Шу и его труды // 18-я научная конференция "Общество и государство в Китае" (далее - НКОГК). Ч. 2. М., 1987. С. 51-55; 2) "Господин Танское зеркало": О китайском историке XI в. Фань Цзуюе // 23-я НКОГК. Ч. 1. М., 1991. С. 125-131; 3) "Был занят всецело историей Хань": о китайском ученом и литераторе XI в. Лю Бине // 25-я НКОГК. М., 1994. С. 51-60.
4. Цзы чжи тун цзянь. Т. 20. С. 9607; Ли Дао. Указ. соч. Цз. 208. С. 26; Сун Ши (История Сун). Сост. Токтага и др. Шанхай, 1958. Цз. 336. С. 22552.
5. Начиная со второй трети XI в. в Сунской империи разворачивались напряженные идейно-политические столкновения вокруг социальных, экономических, административных и военных преобразований, и Сыма Гуан являлся активным участником тех баталлий. См.: Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40-70-е годы XI в.). М., 1970. Причем следует, вопреки издавна ставшим расхожими представлениям о нем, особо подчеркнуть: Сыма Гуан отнюдь не был истовым противником всех и всяческих реформ, ярким ретроградом в политике и идеологии. Да, с весны 1069 г., а еще более решительно - спустя два года он действительно разошелся во взглядах и практических устремлениях с Ван Аньши (1021-1086) и сторонниками последнего, выступал против их курса. Став 19 марта 1086 г. высшим должностным лицом государства (шоусяном), добился полной отмены так называемой "новой политики" Ван Аньши. Однако суть расхождений Сыма Гуана и его последователей (включая соавторов "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего") с группировкой Ван Аньши состояла не в отрицании необходимости и целесообразности нововведений, а в том, что и как реформировать, какими должны быть модель преобразований и их темпы. Иными словами, налицо, как едва ли не везде и не всегда в сколько-то аналогичных ситуациях, разные подходы и установки относительно реформ, а их ошибки между собою наглядно засвидетельствовали и немалочисленность, и, главное, неоднородность стана поборников преобразований. Между прочим, все это напрямую касается оценки Сыма Гуана и как историка, его реноме в этом качестве. См.: Смолин Г.Я. Был ли Сыма Гуан антиреформатором? (О новой тенденции в историографии) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XV. СПб., 1995. С. 160-177.
6. О характеристике и оценке Сыма Гуаном и Фань Цзуюем этих реформ см.: Смолин Г.Я. 1) Сыма Гуан о Шан Яне и его реформах // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тезисы докладов V Международной научной конференции "Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Ч. II. М., 1994. С. 16-21; 2) "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее" о реформах Ян Яня // Китай и АТР на пороге XXI в. Тезисы докладов IX Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Ч. II. М., 1998. С. 129-133.
7. Незадолго перед тем Сыма Гуан получил назначение на должность придворного чтеца (шиду сюэши) в составе императорской Академии (Ханьлинь юань), а в обязанности его входило, помимо всего прочего, исследование августейшим персонам конфуцианской канонической, а равно исторической и иной литературы. См.: Гу Дунгао. Сыма Вэнь гун нянь пу (Погодное жизнеописание Вэньского гуна Сыма). Сюйчан, 1987. Цз. 4. С. 121-122.
8. Ли Дао. Указ. соч. Цз. 208. С. 26; Сун Ши. Цз. 14. С. 18641; Би Юань. Сюй "Цзы чжи тун цзянь" (Продолжение "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего"). Шанхай, 1957. Цз. 65. С. 1602-1605, 1608, 1609.
9. Правда, направлять этот документ адресату Сыма Гуан тогда не стал. Гу Дунгао. Указ. соч. Цз. 6. С. 215.
10. Сверх основного корпуса свода (294 цзюаня), публикация включала 30 цзюаней возвращенного "Оглавления" ("Мулу") и такое же количество цзюаней выполненного Сыма Гуаном источниковедческого "Исследования разночтений" ("Као и").
11. Цай Бянь был зятем Ван Аньши.
12. Так, в отношении уже почивших, а в первую очередь - Сыма Гуана как вожака "сообщества негодяев" замышлялось заручиться санкцией императорского двора на уничтожение надгробных стел с описаниями заслуг покойников, и не стала исключением плита у могилы Сыма Гуна с эпитафией, автор которой - знаменитый литератор и политический деятель Су Ши (1037-1101). Зачинщики репрессий покуша-

- лись даже на эксгумацию и последующее обезглавливание трупов "негодяев" (Гу Дунгао. Указ. соч. С. 307-308; Би Юань. Указ. соч. Цз. 83. С. 2115-2122, 2125-2126). Аннулировались почетные имена-титулы (ши), которые Сыма Гуану и другим "негодьям" были посмертно дарованы как признание их прижизненных заслуг. Тех же лиц из причастных к "сообществу негодяев", включая, например, соавтора "Всепроницающего зеркала" Фань Цзуюя или Су Ши и его брата Су Чэ (1039-1112), кому в ту годину довелось еще здравствовать, понизили в должностях либо вовсе сместили с занимавшихся ими постов и лишили почетных титулов. Гу Дунгао. Указ. соч. С. 306-308; Би Юань. Указ. соч. Цз. 83. С. 2115-2122, 2125-2126.
13. Например, в поступавшей Сыну Неба от ревнителей "новой политики" разного рода документации участились обвинения Сыма Гуана и других "лиходеев" в былых сочтенных противоправными проступках, в злопыхательстве в отношении двора, в оговорах и клевете по адресу лояльных двору лиц. Гу Дунгао. Указ. соч. С. 308-309; Би Юань. Указ. соч. Цз. 85. С. 2161-2164.
14. Чжоу Хуэй. Цинбо цза чжи (Разные заметки [приютившегося близ ханчжоуских городских ворот] Цинбо). Цз. 9. С. 83 // Цуншу цзичэн (Библиотека серий). Вып. 2774. Шанхай, 1939; Гу Дунгао. Указ. соч. С. 308-309; Би Юань. Указ. соч. Цз. 85. С. 2161; Е Дэхуэй. Шу линь цин хуа (Скромные суждения о книжных собраниях). [Б. м.], 1920. Цз. 10. С. 86-9а.
15. Лю Сэнь. Сун дай кзинь шуцзи фа чу тань (Опыт исследования законов сунского периода о ксилографическом книгопечатании) // Чжунго ши яньцзю, 1990, № 1. С. 27-30.
16. Су Чэ. Луньчэн цзи (Луаньчэнский сборник). Цз. 45. С. 389 // Сы бу бэй яо (Полная подборка важнейшей литературы по четырем разделам). Т. 316. Шанхай, 1936. См. также: Ли Шэндо. Шуму чан бянь (Подборка материалов о каталогах). Пекин, 1928. Цз. 2. С. 16а.
17. Ср.: Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. X-XIII вв. М.-Л., 1959. С. 128-132, 305.
18. Юй хай (Море самоцветов) Сост. Ван Инлинь. [Б. м., б. г.] Цз. 49. С. 25а-25б; Сун ши. Цз. 345. С. 22 649; Гу Дунгао. Указ. соч. С. 309. Чэнь Гуань - один из родоначальников аналитической и комментаторской литературы о "Всепроницающем зеркале, управлению помогающем", чему свидетельством егоopus "Тун цзянь'юэ шо" ("Несколько суждений о 'Всепроницающем зеркале'"). См.: Юй хай. Цз. 47. С. 37а. К настоящему времени этотopus утрачен.
19. Цай Цзин всячески домогался возрождения "новой политики" и одновременно уже сточения репрессий в отношении "сообщества негодяев", не исключая тех егоучастников (а в первую очередь, как и прежде, Сыма Гуана), что уже уснули вечным сном. Был составлен сводный реестр участников "сообщества". 7 октября 1102 г. специальным указом императора не только еще не успшим к тому времени из числа включенных в этот реестр, но даже их братьям, детям и внукам запрещалось занимать какие-либо должности в центральных управленческих структурах. Цай Цзину вкуче с его сторонниками удалось добиться у заступившего на престол в 1102 г. на смену Чжао Юну его брата, молодого Чжао Цзи (Хуэй-цзюэн, 1082-1135; царствовал до 1125 г.), появления 26 мая 1103 г. указа об изъятии изображений ряда причастных к "сообществу негодяев", включая, конечно же, Сыма Гуана, из своего рода портретной галереи заслуженных государственных мужей, располагавшейся в одном из императорских дворцов в Кайфэне. А чуть более года спустя, 10 июля 1104 г., другим указом Чжао Цзи предписывалось имена 309 числившихся виновными в принадлежности к "сообществу негодяев" видным политических деятелей, ученых и писателей высечь "в назидание потомкам" на "позорных" каменных таблицах. Таблицы эти размещались в кайфэнском "заповедном городе" императорских чертогов, а кроме того, надлежало найти им место в административных зданиях областных и уездных управ. Среди "возглавлявших" камнеписные реестры, разумеется, значился и Сыма Гуан. Наряду с ним запечатлены были на этих таблицах имена многих из людей, так или иначе "замешанных" в создании и издании "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего". Гу Дунгао. Указ. соч. С. 310; Би Юань. Указ. соч. Цз. 88. С. 2249-2251.
20. Имеются в виду занимавшиеся : "доводкой:" данного исторического сочинения уже после кончины Сыма Гуана.

21. Гу Дунгао. Указ. соч. С. 310; Би Юань. Указ. соч. Цз. 88. С. 2252, 2260; Цз. 89. С. 2271-2273; Е Дэхуэй. Указ. соч. Цз. 10. С. 86-9а.
22. Сун Хуэй яо цзи гао (Вчерне сведенный избороик важнейших материалов [династии] Сун). Сост. Сюй Сун и др. Пекин, 1957. Цз. 165. С. 6539.
23. Самым ранним таким признаком явилась вопреки резким возражениям Цай Цина осуществленная по распоряжению Чжао Цзи от 17 февраля 1106 г. ликвидация "позорных" камнеписных реестров лиц, обвинявшихся в принадлежности к "сообществу негодяев". Тем из таких лиц, кто был в 1094 г. лишен посмертных почетных имен-титолов, последние вернули. Гу Дунгао. Указ. соч. С. 310; Би Юань. Указ. соч. Цз. 89. С. 2291-2292.
24. Гу Дунгао. Указ. соч. С. 311; Би Юань. Указ. соч. Цз. 96. С. 2515; Чжан Дуань. Гуй эр цзи (Сб. "Достоверные слухи"). Цз. 1. С. 3 // Цуншу цзичэн. Вып. 2783.
25. Гао Чжэньдо. "Цзы чжи тун цзянь" канькэ чубань као (Исследование [истории] печатных изданий "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего") // Сыма Гуан юй "Цзы чжи тун цзянь" (Сыма Гуан и "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее"). Чанчунь, 1986. С. 257-262.
26. Юань Хаовэнь. Ишань сяньшэн вэнь цзи (Сборник сочинений г-на Ишаня). Цз. 36. С. 1а-16 // Сы бу цун кань. Отд. сборники. Т. 625. Шанхай, 1928; Е Дэхуэй. Указ. соч. Цз. 10. С. 9а; Флуг К.К. Указ. соч. С. 235; Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. - 1234). М., 1983. С. 223; Tao Jihg-shen. The Jurchen in Twelfth-century China. A study of sinicization. Wash., 1976. P. 99.
27. Ли Чуньгуан. "Цзы чжи тун цзянь" чуаньжу Жибэнь цзи ци инсян (Проникновение "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего" в Японию и его влияние) // Шэхуэй кэсюэ яньцзю, 1988. № 3. С. 107-110.
28. Гао Чжэньдо. Указ. соч. С. 262-265.
29. Цзы чжи тун цзянь. Т. 1. С. 31.
30. Там же. С. 27-30. Ван Инлинь так - явно не без упоения - отзывался о хронике: "С той поры, как заимелись письма, не было чего-либо подобного ,Всепроницающему зеркалу, управлению помогающему" (Юй хай. Цз. 47. С. 366-37а).
31. С легкой руки Ху Саньсина уже с конца XIII в. начал входить в научное употребление термин "школа ,Всепроницающего зеркала" ("Туцзяньсюэ"). См.: Цзы чжи тун цзянь. Т. 20. С. 187. За истекшие столетия термин этот прочно вошел в синологию.
32. Смолин Г.Я. "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее" и взлет китайской исторической хронистики // Востокоеведение и мировая культура. К 80-летию акад. С.Л.Тихвинского. Сб. статей М., 1998. С. 148-160.
33. Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С. 37.
34. Познер П.В. Освещение древней истории Вьета в средневековых вьетских хрониках - летописных сводах // Народы Азии и Африки, 1976. № 1. С. 84-94.
35. Там же; Познер П.В. Древний Вьетнам: Проблемы летописания. М., 1980. С. 124, 130, 136.
36. Алексеев В.М. Указ. соч. С. 36 334.
37. Самая ранняя публикация "Всепроницающего зеркала" при Цинах относится к 1761-му, а последняя - к 1888 г. Гао Чжэньдо. Указ. соч. С. 267-268.
38. Там же. С. 265-268, 271.
39. Там же. С. 267-268.
40. Как и "Исторические записки" ("Ши цзи") Сыма Цяня (ок. 145-87 до н.э.).
41. Эхо планеты. 1993. № 42. С. 18. Еще одно из свидетельств интереса Мао Цзэдунa к "Всепроницающему зеркалу", а также связанным с этой хроникой сочинениям см.: Мао Цзэдун. Ду вэнь ши гу цзи пийюу цзи (Сборник помет с суждениями о старинных книгах по литературе и истории при их чтении). Пекин, 1997. С. 289-337.

Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906-1914 гг.)

© 2000

Д. Новиков

После русско-японской войны 1904-1905 гг. весьма остро встала проблема защиты мировых и региональных экономических, внешнеполитических, оборонных приоритетов России. В первую очередь это относилось к Дальнему Востоку. В военном отношении дальневосточные территории оказались беззащитны перед Японией. Экономическая экспансия других стран грозила потрясениями русского рынка в Маньчжурии, Монголии, Приамурье, Приморье и других областях. На Дальнем Востоке снижалась численность коренного населения и возрастало число иммигрантов (корейцев и китайцев).

В результате формирования в стране многопартийности, создания Государственной думы, расширения свободы слова и печати на официальный курс дальневосточной политики стал оказывать воздействие новый фактор - общественное мнение. Причем наибольший конструктивизм принадлежал либералам. Они представляли широкий социальный спектр России от интеллектуальной элиты (кадеты) до опытных и компетентных кругов крупного чиновничества и торгово-промышленной буржуазии (прогрессисты и октябристы). Виднейшие ученые-теоретики и политики поднимали дальневосточные проблемы на страницах прессы, в научных исследованиях, докладах и лекциях, Государственной думе. Среди них кадеты П.Б.Струве, П.Н.Милюков, С.А.Котляревский, прогрессист М.П.Федоров, октябрист А.И.Гучков.

Их подчас противоречивые оценки официального правительственного курса являлись отражением объективных и субъективных трудностей, стоящих на пути осуществления комплексной программы, которая включала мероприятия по обороне, экономическому подъему и в конечном счете полной интеграции в социально-экономические и политические структуры России ее далекой дальневосточной окраины. К первоочередным проблемам, подлежащим обязательному решению либералы относили строительство Амурской железной дороги, целесообразность порто-франко, иммиграционную политику, колонизацию дальневосточных окраин.

Строительство Амурской железной дороги протяженностью 2150 верст началось в 1907 г. Она должна была соединить Забайкалье с Хабаровском, способствовать дальнейшему развитию Приамурского края, его обороне и колонизации. Необходимость сооружения этого пути отстаивал сам П.А.Столыпин. В апреле 1908 г. законопроект о сооружении Амурской дороги был утвержден в Думе большинством голосов правых и октябристов. Против голосовали кадеты и левые партии. Разногласия по этому вопросу среди либералов были не

слишком принципиальны. Кадеты считали, что на Дальний Восток пока не следует отвлекать значительные силы и средства. Целесообразнее ограничиться поиском союзников в регионе, прежде всего в лице Соединенных Штатов и Китая. Новая железная дорога безусловно призвана сыграть огромную роль в будущем развитии края, "как и железные дороги, пролагавшиеся американцами через пустыни дальнего запада". Однако строительство нужно отложить на несколько лет¹. Сооружение дороги затянулось и было завершено лишь в годы первой мировой войны.

В тесной связи с проблемами экономического развития Дальнего Востока находился вопрос об отмене "порто-франко" (беспошлинного ввоза иностранных товаров, установленного еще в 50-х гг. XIX в.). Это касалось в первую очередь пограничной торговли с Китаем. 10 июня 1900 г. был принят закон, согласно которому устанавливалось применение общего таможенного тарифа к иностранным товарам, ввозившимся в Приамурский край через порты, лежащие в устье Амура, или к югу от него, а также сухим путем. Беспшлинный ввоз был сохранен лишь для продукции машиностроения, строительных материалов, некоторых промышленных и пищевых товаров².

Действие этого закона продолжалось 3 года и 4 месяца. Однако за такой короткий срок русская экономика не смогла перестроиться в соответствии с новыми условиями. Русские предприниматели привыкли к получению высоких доходов за счет перепродажи иностранных товаров и правительственных субсидий, предоставляемых для поддержки конкурентоспособности отечественной торговли. Ежегодно выплачивались крупные суммы русским пароходным компаниям, осуществляющим "срочные сообщения" по рекам Амуру и Шилке, между Владивостоком и портами Охотско-Камчатского побережья и Чукотки, между Владивостоком и портами Китая, Кореи и Японии. В 1903 г. дальневосточные промышленники потребовали либо восстановить "порто-франко", либо создать такие условия, при которых товары местного производства успешно конкурировали бы с иностранными³. В сентябре 1905 г. московским купечеством был возбужден вопрос об окончательном закрытии "порто-франко". При наличии беспошлинного ввоза заграничных товаров оно было не в состоянии сохранить за собой рынки Приамурского края⁴.

Вопрос о судьбе "порто-франко" вызвал споры в Государственной думе между либералами различных направлений. Кадеты были противниками отмены "порто-франко". Их доводы сводились к следующему. Русские предприниматели из Центральной России оказывались подчас не менее опасными конкурентами для дальневосточной легкой промышленности, чем иностранцы. С помощью таможни вряд ли возможно будет серьезно ослабить конкуренцию со стороны китайских рабочих, которая по мнению некоторых торгово-промышленных и официальных кругов также тормозила развитие местной экономики. Снижение численности рабочих-китайцев немедленно скажется на состоянии местной промышленности, для которой выгодна дешевизна рабочих рук. Подорожание производимых предметов потребления приведет к массовым разорениям, так как увеличение торгового капитала для покрытия дополнительных расходов на производство под силу только крупным фирмам. Правда введение таможни увеличит бюджетные доходы на 10-15 млн. руб. в год, однако, дальневосточный рынок при этом серьезно проиграет⁵.

Октябристы расходились с кадетами в оценке курса экономической политики в регионе. С профессиональной точки зрения их доводы в пользу отмены "порто-франко" были достаточно весомы и нашли широкую поддержку в правительственных кругах. Условия климата на Дальнем Востоке не позволяли интенсивно развиваться сельскому хозяйству, а, следовательно, дать работу значительной части крестьян-переселенцев из Центральной России. Поэтому экономический баланс рано или поздно сдвинется в пользу развития промыш-

ленности и торговли, где занято пока лишь 13% населения края. Неизбежно встанет вопрос о таможенной защите местного производства. Ни одна страна в мире не достигла высокого уровня промышленного развития полностью открыв двери для иностранной торговли, писал рупор октябристов журнал "Промышленность и торговля". А пока что Дальний Восток существовал в значительной степени за счет других регионов России. Дотации составляли в среднем 29 млн. руб. в год⁶. В 1909-1914 гг. казна получала доход от Приамурского генерал-губернаторства в размере 15 млн. руб. в год. Расходы же на этот край возросли с 55 млн. до 105 млн. руб. в год. Много средств шло на эксплуатацию КВЖД.

Октябристы не были согласны с тем, что закрытие "порто-франко" выгодно лишь московскому купечеству. Они считали это важнейшей национальной задачей. России не следовало помогать "мирному" завоеванию иностранцами какой бы то ни было части своей территории, а стремление сохранить дружественные отношения с соседними государствами не должно идти в ущерб ее экономике. Существование "порто-франко" вредно сказалось на экономическом развитии Дальнего Востока. В Амурской и Приморской областях за 50 последних лет население достигло едва ли 520 тыс. чел. Для сравнения в пограничной Маньчжурии в течение 3-4 лет поселилось 5 млн. китайцев. За все время владения краем Россия не создала там большинства промышленных отраслей. Исключение составили золотодобывающая, мукомольная и каменно-угольная отрасли. Рабочий класс в городах и на приисках в значительной степени пополнялся китайскими иммигрантами. Торговля находилась в руках иностранцев: 2/3 товаров, поступающих на рынок, иностранного производства⁷.

Отмена "порто-франко" имела бы большое значение для развития отечественной промышленности, морского и железнодорожного транспорта. Следствием закрытия "порто-франко" стали бы экономический подъем края, ликвидация безработицы, повышение жизненного уровня рабочих, рост населения городов. Все это могло оказать благотворное влияние и на развитие сельского хозяйства. Сохранение "порто-франко" и свободная торговля на русско-китайской границе противоречили решению строить Амурскую железную дорогу, цель которой обеспечение экономической независимости Дальнего Востока. Таким образом, вопрос о таможенной защите дальневосточных территорий имел не узко-классовый, а общегосударственный характер⁸.

Законопроект о ликвидации "порто-франко" был внесен на рассмотрение Государственной думы в ноябре 1908 г. и принят в начале 1909 г. С 1 (14) марта 1909 г. закон вступил в силу в Приамурском крае⁹. Режим "порто-франко" сохранялся в Камчатской области, на Северном Сахалине, в портах тихоокеанского побережья к северу от устья Амура, где в то время невозможно было установить таможенную охрану. Кроме того, продолжали действовать русско-американский торговый договор 1824 г. и русско-английский договор 1825 г., по которым гражданам этих двух государств разрешалась беспошлинная торговля с туземным населением крайнего северо-востока Сибири. После отмены "порто-франко" октябристы отмечали благоприятное влияние этого факта на экономическое развитие края. Импорт товаров в Приамурье через Владивосток и Николаевск-на-Амуре, а также по железной дороге из Маньчжурии увеличился. Начала развиваться местная промышленность. Закрытие "порто-франко" совпало с началом сооружения Амурской железной дороги, которое привлекло капиталы из Европейской России, создало новые потребности для переселенцев, повысило покупательную способность населения¹⁰.

Быстрому развитию экономики Дальнего Востока способствовала возросшая после русско-японской войны иммиграция корейцев и китайцев. Они в основном и составляли рынок дешевой рабочей силы. Вместе с тем у русских официальных властей и в торгово-промышленных кругах крепло убеждение в необходимости ограничить наплыв рабочих - иностранцев, который в будущем

мог обернуться реальной военной и национальной угрозой. Россия давно уже вела борьбу против этого явления, принимая меры законодательного характера, которые, однако, не давали положительных результатов. Либералы полагали, что причину следовало искать в отсутствии целостной программы колонизации края. По численности первое место в Приамурье среди иностранцев занимали китайцы. Официально их было зарегистрировано около 90 тыс. чел. Наплыв китайцев возрастал в разгар сезонных сельскохозяйственных работ. Бывали годы, когда их число на 35% превышало численность постоянного населения городов. Китайцы не брезговали воровством и браконьерством в золотодобыче, рыбном и лесном промыслах. Борьба с этим злом представляла серьезные трудности из-за больших расстояний, бездорожья, недостатка личного состава и средств для надзора. Корейская иммиграция представлялась властям менее опасной. В 1891 г. началась ее официальная регистрация и корейцы были уравнены в правах с русскими переселенцами-крестьянами; они могли брать землю в аренду и получать денежные субсидии, необходимые для начала хозяйственной деятельности. Главными мерами борьбы с усилившимся наплывом иностранных рабочих кадеты считали систему паспортных сборов, издание общего иммиграционного закона, увеличение состава и средств некоторых частей управления Приамурского края¹¹. Удовлетворение либералов вызвало начавшееся переселение на Дальний Восток рабочих из Европейской России. Однако оно было не в состоянии заменить дешевый китайский труд; местные промышленники потерпели бы большие убытки в случае его запрещения¹².

Начало китайской и корейской иммиграции пришлось на 1901-1902 гг., когда вступили в строй Забайкальская железная дорога и КВЖД. С этого времени правительство пыталось решить проблему "желтой опасности" путем организации переселения из центральных губерний России. Оно, однако, так и не дало положительных результатов. Несмотря на рост числа русских переселенцев иммиграция иностранцев не только не снижалась, но и увеличивалась, причем втрое быстрее обычного. Зажиточная часть прибывших русских крестьян сразу же начинала использовать дешевый труд иностранных батраков. Судьба русской переселенческой программы зависела от победы в России конституционного строя, от увеличения бюджетных ассигнований на развитие экономики региона¹³. Октябристы признавали необходимым ввести лишь некоторые ограничения для корейской и китайской иммиграции на Дальнем Востоке. Такие как воспреещение в пределах Приамурского края сдачи в аренду казенных земель оброчных статей, казенных подрядов и поставок лицам, состоящим в иностранном подданстве, исключение практики найма на казенные работы иностранцев¹⁴.

В рассматриваемый период времени в официальных кругах и в прессе широко дебатировался вопрос о путях скорейшего заселения и экономического подъема русского Дальнего Востока. Это позволило бы приобрести новые рынки, решить проблему аграрного малоземелья в Центральной России, повысить роль России в международных делах региона. В июле 1909 г. Совет министров рассмотрел вопрос о подготовке к колонизации района Амурской железной дороги и постановил создать Комитет по заселению Дальнего Востока. Его председателем стал П.А.Столыпин, а членами представители основных министерств, генерал-губернаторы Приамурья и Иркутска, губернаторы Приморской и Амурской областей. В апреле 1910 г. Николай II утвердил решение комитета об использовании для крестьянской колонизации громадных массивов пустующих земель, отведенных в свое время Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам, но оставшихся незанятыми. Были установлены льготы для крестьян, направлявшихся на Дальний Восток. Крестьянское переселение в эти области стало составной частью столыпинской аграрной политики, но внешнеполитические соображения побуждали уделять указанному направле-

нию особое внимание. Целью правительственной программы являлась также и колонизация русских владений на крайнем северо-востоке Азии. Для этого в 1909 г. была образована камчатская область. Однако за 1909-1911 гг. на Камчатку удалось переселить лишь небольшое число крестьян.

Либералы постоянно держали в поле зрения все мероприятия, касающиеся переселенческой политики. По их мнению России необходимо было постоянно укреплять свои экономические позиции на тихоокеанском побережье. Для этого следовало ускорить колонизацию Приморской области. Наиболее удобной в климатическом отношении являлась ее южная часть - от устья Амура до корейской границы, а в стратегическом — прибрежная и восточный берег Камчатки, куда предполагалось перенести стоянку военно-морского флота из Владивостока. Успех колонизации был невозможен без развития путей сообщения, тщательного отбора кандидатов на переселение широкой и разумной помощи государства¹⁵.

Большой прилив переселенцев на Дальний Восток - около 200 тыс. чел. наблюдался в 1907-1911 гг. Эта цифра превысила численность коренного населения в 1,5 раза. вместе с тем государственная организация землеустройства переселенцев оставляла желать лучшего. В крае не хватало плодородных земель, оказываемая государством помощь была недостаточной¹⁶. Конкретными пунктами программы улучшения экономической ситуации на Дальнем Востоке были: учреждение колониационного банка, средства которого были бы направлены на содействие развитию сельского хозяйства, горного, лесного, рыбного и других промыслов, а также обрабатывающей промышленности, судостроения и судоходства; изменение характера золотого промысла, облегчение лежащей на золотопромышленности податной льготы, путем предоставления доступного кредита; сооружение новых железнодорожных линий, соединивших бы Амурскую и Уссурийскую железные дороги с тихоокеанским побережьем; улучшение состояния существующих шоссейных дорог (около 1800 верст)¹⁷.

Российское законодательство, касающееся Дальнего Востока продолжало оставаться крайне архаичным. Масса земельных участков, выделенных переселенческим управлением больше подходили не для крестьянского хозяйства, а для промышленного скотоводства и земледелия. Несмотря на это земель наделялись в первую очередь именно переселенцы-крестьяне. Кроме того землю на Дальнем Востоке нельзя было приобрести в собственность, а лишь краткосрочную аренду. Это не устраивало промышленников и торговцев, основывавших свою деятельность на финансовых операциях с недвижимостью. Для приобретения земли в аренду необходимо было пройти все местные инстанции, ряд инстанций в Петербурге и, наконец, добиться Высочайшего утверждения своего ходатайства. На это обычно уходило от 3 до 5 лет. Получить плодородный земельный надел в Уссурийском крае было сложно, так как земля там принадлежала казачьему войску. Наряду с крестьянским переселением краю необходимо было и рабочее. В первую очередь требовалось отменить закон о наделении землей на Дальнем Востоке преимущественно крестьян. Из-за отсутствия в деревнях переселенцев-рабочих ремеслами и торговлей там занимались почти исключительно китайцы. Существенным недостатком экономической политики на Дальнем Востоке были ведомственные трения, имевшие место при всех дальневосточных администраторах. Различное толкование законов создавало массу мелких и крупных столкновений. При этом возлагались большие надежды на проект создания дальневосточного наместничества. Наместник, назначаемый императором являлся главой военной и гражданской власти. Он осуществлял функции надзора над всем аппаратом управления и суда в наместничестве, разрешал вопросы, связанные с применением законов. Ему подчинялись местные генерал-губернаторы и губернаторы. Наместник смог бы ускорить утверждение Петербургом новых законов для Дальнего Востока¹⁸.

Дальневосточная буржуазия, представлявшая местные октябристские круги, высказывалась против вложения капиталов в экономику Маньчжурии в ущерб коренным русским территориям. Опыт русско-японской войны показал, что необходимо в первую очередь заняться развитием собственной окраины. Это отвечало как политическим, так и стратегическим интересам России и не мешало дальнейшему расширению торговли с Китаем¹⁹. Либералы призывали власти строже подходить к отбору кандидатов, желающих переселиться в Приамурский край, отдавая предпочтение деловым и зажиточным крестьянам. Пока же значительная часть переселенцев не оседала на земле, не работала на золотых приисках, на рыбных и лесных промыслах, железнодорожном строительстве, в фабричной промышленности, а искала легких заработков в городах (извозчики, дворники, прислуга). В результате этого, несмотря на рост переселенческого движения в Приамурье, ввоз туда продовольствия не сокращался, а увеличивался. Необходимо было придти к определенному решению относительно целесообразности столыпинской политики переселения крестьян на Дальний Восток. Продолжая ее, потребовалось бы организовать переезд в Приамурье не менее 1 млн. крестьян из Европейской России и оказать помощь в развитии скотоводства. Можно было, однако, признать, что продовольственной базой для Приамурья надолго, а может быть и навсегда, останется Маньчжурия. В этом случае Приамурью отводилась бы роль исключительно промышленного района²⁰. Тогда следовало сделать упор на организацию переселения туда рабочих из Европейской России, предоставить местным предпринимателям возможность заводить промыслы явочным порядком, содействовать привлечению в Приамурский край свободных капиталов.

Следовало всемерно ускорить процесс экономического развития Дальнего Востока, принимая во внимание усилившуюся там экономическую экспансию других стран. Приамурье и Приморье должны были стать составными частями России "не только по имени, но и по существу", а любое покушение на краевые интересы извне встретило бы стойкий и единодушный отпор. Так писала центральная газета "Союза 17 октября" (октябристов) "Голос Москвы". Кроме тщательного отбора кандидатов на переселение необходима была широкая государственная помощь в создании крупных фермерских хозяйств, почти не встречавшихся в центральных губерниях России. Следовало выработать по крайней мере на ближайшие 20-30 лет планомерную систему управления и развития края. Переселенцы нуждались не только в денежных пособиях, но и хороших дорогах, быстрой медицинской помощи. Для разумной эксплуатации природных богатств требовались расходы на проведение научных исследований, на краевую администрацию, на энергичный и честный надзор, способный эффективно бороться с воровством и браконьерством. Однако, с помощью одного лишь переселения невозможно было создать на Дальнем Востоке многочисленный рабочий класс. Он мог сформироваться только из местного населения. При решении "рабочего" вопроса следовало учитывать как интересы местных предпринимателей, так и государственные. Не отказываться, где можно, от дешевого китайского труда, но при обязательном условии, чтобы "мы были господами, а они - китайцы - нашими слугами", а не наоборот. По мере роста местного рабочего населения, следовало, постепенно отягчать условия проникновения в край китайских рабочих²¹.

В целом либералы характеризовали экономическое положение на Дальнем Востоке в рассматриваемый период времени как нестабильное. Основные средства шли на сооружение железнодорожных магистралей, портов. После русско-японской войны начал расти приток капиталов в край. Быстро наживались крупные состояния, торговля достигла небывалого подъема. Вместе с тем в эти же годы повысился спрос на иностранные товары, наблюдался огромный наплыв переселенцев (в Уссурийском крае только в 1907 г. они составили 30%

населения, чего не знала ни одна европейская страна). К 1914 г. в торговле и промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока наметились признаки кризиса. Распространенной стала несостоятельность мелких и средних торгово-промышленных фирм. Это явление было тем более опасно, что крупная индустрия на Дальнем Востоке была слабо развита; на 9/10 край жил привозными товарами²².

Будущая политика развития Дальнего Востока представлялась либералам в виде комплекса взаимосвязанных мероприятий, направленных на экономический, политический и культурный подъем этой далекой окраины России. Эффективная реализация большинства из них была невозможна без коренного реформирования политической системы страны. Экономический подъем Дальнего Востока должен был способствовать реализации плана обороны Забайкалья, Приамурья и Приморья, повысить международный престиж России в регионе. Либералы отмечали необходимость создания на Дальнем Востоке мощной экономической базы, проведения гибкой таможенной, национальной и колонизационной политики. Их программа была рассчитана на десятилетия. По объективным причинам (ограниченный исторический срок, сложная внутриполитическая ситуация в стране, отсутствие необходимого опыта у российской бюрократии) она не могла дать ощутимых результатов к началу первой мировой войны.

1. Речь. 1908. 15 февраля.
2. Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Томск. 1965. С. 281.
3. Там же. С. 282.
4. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906-1910 гг. М., 1961. С. 176.
5. Россия. Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 2-я. Стенографические отчеты заседаний. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 1778-1783.
6. Промышленность и торговля. 1908. Т. 2. № 2. С. 77-78.
7. Россия. Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 2-я. Стенографические отчеты заседаний. СПб., 1908. Ч. 1. С. 1459.
8. Голос Москвы. 1908. 12 июля.
9. Правительственный вестник. 1909. 22 февраля.
10. Промышленность и торговля. 1911. Т. 1. № 14. С. 46-48.
11. Речь. 1911. 4 июля.
12. Речь. 1912. 15 марта.
13. Московский еженедельник. 1908. № 10. С. 34.
14. Голос Москвы. 1909. 3 июня.
15. Голос Москвы. 1907. 23 декабря.
16. Речь. 1911. 2 апреля.
17. Речь. 1913. 3 мая.
18. Утро России. 1913. 8 августа.
19. Голос Москвы. 1909. 14 февраля.
20. Голос Москвы. 1910. 30 ноября.
21. Голос Москвы. 1912. 15 марта.
22. Промышленность и торговля. 1914. Т. 1. № 1. С. 66.

Контакты русских и корейцев (1860-е годы)

© 2000

А.Селищев

В 1805 году первый русский кругосветный мореплаватель И.Ф.Крузенштерн, следуя на судах "Надежда" и "Нева" к северу от острова Кюсю через пролив, прибавил некоторые подробности к морским картографическим данным о Корейском полуострове и исправил некоторые неточности в наблюдениях Лаперуза и Броутона¹. Это событие можно считать одним из самых первых контактов русских и корейцев морским путем.

Полвека спустя, в 1854 году, русская экспедиция графа Е.В.Путятина, следуя на судне "Паллада" из японских вод на север вдоль восточного корейского берега, дополнила и исправила ранее произведенные съемки, открыла и описала залив Лазарева.

20 апреля (2 мая по новому стилю) 1854 года произошла одна из первых непосредственных встреч русских и корейцев в самой Корее, описанная очевидцем И.А.Гончаровым (1812-1891): "...Смотреть нечего: все пустынные берега, кое-где покрытые скудной травой и деревьями. Видны изредка деревни. Кое-где по берегу бродят жители. На море много лодок, должно быть, рыбацкие. ...Один из наших катеров приставал к берегу: жители забегали, засуетились, ...собрались на берег с дубьем, чтобы не пускать, и расступились, когда увидели у некоторых из наших ружья. Они написали на бумаге по-китайски: "Что за люди? Какого государства, города, селения? Куда идут?" На катере никто не знал по-китайски и написали им по-русски имя фрегата, год, месяц и число. Жители знаками спрашивали, не за водой ли мы пришли. Отвечали, что нет. Так и разошлись"².

16(28) мая 1858 года граф Н.Н.Муравьев (1809-1881) подписал Айгунский договор с Китаем, по которому Приамурье признавалось принадлежащим России и тем самым Россия и Корея становились соседними государствами де-юре. Заключенный 2(14) ноября 1860 года Пекинский договор не только подтверждал условия трактата, но и признавал Южно-Уссурийский край русским владением. На основании этого договора в 1861 году было завершено разграничение Южно-Уссурийского края с Китаем. Начальник экспедиции по установлению границы полковник К. Будгосский уже в 1861 году попытался связаться с корейским пограничным начальником, но тот уклонился от встреч под предлогом, что Корея не обязана исполнять трактаты Китая³.

Основателем и первым начальником пограничного с Кореей Новгородского поста был капитан Чернавский. Он с большой симпатией относился к корейцам, отдавая им предпочтение перед маньчжурами и китайцами. Зимой, когда покрылась льдом бухта Экспедиции, на пост начали приходить корейцы

из пограничного города Пянлянчен*, и очень дешево продавали скот, а один или два человека поселились на российской территории и просили местные власти разрешить иммиграцию из Кореи⁴. Однако капитан Чернавский не решился дать на это позволение.

С конца 1863 года новым начальником Новгородского поста стал поручик Резанов, который позволил одному корейцу, уже длительное время проживавшему на российской территории, привести свое семейство и несколько других соотечественников и поселить их по реке Тизинхэ, притока Лю Чихэд-ве, впадающей в бухту Экспедиции⁵. Тем самым было положено начало корейской эмиграции в Россию⁶.

Российские власти с самого начала весьма благожелательно отнеслись к этому процессу, исходя из следующих соображений. Во-первых, трудолюбивые и законопослушные переселенцы способствовали оживлению малонаселенной окраины. Во-вторых, корейцам отдавалось явное предпочтение перед маньчжурами, в иммиграции которых российские власти усматривали угрозу стабильности в регионе. Эта мысль постоянно присутствует как в служебной переписке местных и центральных властей, так и в открытой печати тех лет⁷. Примечательно, что благожелательное отношение к корейцам со стороны русского общества сохранялось и десятилетия спустя. К примеру, писатель Н.Г.Гарин-Михайловский, побывавший в Корее в 1898 году, не скрывал своих симпатий к корейскому народу, выделяя корейцев среди прочих жителей Дальнего Востока⁸.

Однако среди некоторых слоев русского общества порой встречались случаи негативного отношения к корейским иммигрантам. Иногда это вызывалось чувством обыкновенной зависти, так как среди пришельцев были люди весьма зажиточные. Особенно ярко это проявилось, в частности, на Втором съезде губернаторов и сведущих людей Приморского края, который состоялся в январе 1886 года в Хабаровске. Некоторыми выступающими среди отличительных черт характера корейцев отмечались лживость, трусливость, апатичность, недружелюбие. Газета "Владивосток" тех лет писала: "Новая характеристика корейского населения, сделанная хабаровским съездом, настолько неожиданна, настолько расходится с литературными отзывами, что невольно возбуждает сомнение своей достоверностью"⁹. Вместе с тем показательно, что редакция газеты отнеслась к этому новому мнению весьма сочувственно.

С середины 1860-х годов российские власти начали проявлять обеспокоенность по поводу активизации политической деятельности Англии и Франции на Дальнем Востоке вообще и в Корее, в частности. Так, в письме директору Азиатского департамента МИД П.Н.Стремоухову от 1 июля 1865 года русский посланник в Пекине А.Г.Влангали отмечал, что английские и особенно французские миссионеры в Корее стремятся убедить корейцев, что русские пытаются поглотить Корею¹⁰. В письме к генерал-губернатору Восточной Сибири М.С.Корсакову от того же числа Влангали предлагал активизировать сбор информации о Корее¹¹.

В 1865 году военного губернатора Приморской области П.В.Казакевича (1814-1887) заменил контр-адмирал Фуругельм, что было использовано российскими властями для очередной попытки установления отношений между двумя странами. В канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова (1826-1871) было подготовлено официальное письмо от Фуругельма на китайском языке пограничному губернатору Кореи, в котором говорилось: "Получив назначение Всемилостивейшего Государя моего на долж-

* Здесь и далее транскрипции китайских названий даны по цитируемым документам. — Прим. Ред.

ность Губернатора пограничной с Као-ли (Кореей - С.А.) области, я первым делом своим считаю во имя дружбы, существующей между нашими государствами и народами скрепить эту дружбу личными, Почтеннейший правитель, сношениями, которые бы послужили на пользу соседних народов, вверенных нашему управлению доверием наших монархов"¹².

Данное послание М.С.Корсаков поручил доставить корейским властям штабс-капитану П.А.Гельмерсену. "Я считаю, - писал генерал-губернатор 11 июня 1865 года, - полезным командировать Ваше Высокоблагородие в гавань Посьета в том, чтобы Вы, в сопровождении переводчика и одного или двух чинов отправились бы в корейские владения, к ближайшему пограничному областному правителю, от имени Военного губернатора Приморской области"¹³. Помимо этого Гельмерсену предписывалось собирать географическую, этнографическую, статистическую и экономическую информацию о Корее.

30 октября 1865 года П.А.Гельмерсен в письме к А.Г.Влангали сообщил о двух своих неудачных попытках связаться с представителями корейских властей: "На днях я приехал из пограничного корейского города Канхын, не получив разрешения идти в губернский город Хамун.

Прием, оказанный мне был довольно хорош, но начальник города решительно противился моей дальнейшей поездке, упирая на закон, запрещающий кому бы то ни было вход в Корею, но обещался уведомить о моем пребывании губернатора.

Дав ему 15-ти дневный срок на получение ответа, я возвратился в Посьет. Проехать силою, против желания или без ведома властей нет никакой возможности"¹⁴.

В том же письме Гельмерсен предлагал отправить к берегам Кореи военную эскадру, а также попытаться вступить в контакт с корейскими властями через иммигрантов.

По результатам поездки П.А.Гельмерсен опубликовал в "Известиях" географического общества "Заметки о Корее"¹⁵, в которых приводил некоторые географические сведения о Корее со слов некоего Па Шюдури. Кроме того, Гельмерсеном была составлена неопубликованная записка "О торговле в южной части Уссурийского края", в которой рассматривались перспективы развития торговли и промышленности в регионе и утверждалось, что данный район будет быстрее всего развиваться в Амурском крае. Гельмерсен предлагал всемерно развивать морскую торговлю и местную экономику в целом "как в Америке, Австралии", превратить Приморье в торговый центр подобно Гонконгу и Сингапуру¹⁶.

Проживая в 1865 году около Посьета, Гельмерсен взял на воспитание корейского мальчика Еджимуни (Евгения) Когаю (примерно 1851 года рождения), которого увез с собой в Петербург, где дал ему образование с целью подготовки его к переводческой деятельности. В своем письме от 6 июня 1871 года полковник генерального штаба П.А.Гельмерсен просил генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П.Синельникова (1805-1894) оказать покровительство Когаю и предоставить ему должность переводчика. Брат П.А.Гельмерсена - Л.А.Гельмерсен перевез молодого корейца из Петербурга в Иркутск, и в декабре 1871 года Еджимуни был определен переводчиком к полковнику Черняеву¹⁷.

Первым корейцем, поступившим на российскую службу, вероятно, был некто Хан Энгучи. Вот что писал о нем 26 октября 1867 года военный губернатор Приморской области Фуругельм в своем письме генерал-губернатору Восточной Сибири М.С.Корсакову: "Один из перешедших в настоящем году в наши пределы корейцев, по имени Энгучи Хан, оказался знаком, кроме корейской грамоты, и с китайскими письменами, на которых в Корее производится

переписка между правительственными лицами"¹⁸. В письме говорилось также о том, что Хан Энгучи проживает в пограничном Новгородском посту уже полгода и с большим успехом занимается изучением русского языка. По просьбе начальника поста подполковника Дьяченко Хан Энгучи был принят на службу переводчиком с окладом 20 рублей в месяц¹⁹.

По наблюдениям наших соотечественников, путешествующих по Корее во второй половине XIX века, "особым почетом у корейцев пользуются люди, учившиеся у русских. Нельзя было не заметить... с каким уважением относились к переводчику, бывшему с русскими и будто бы учившемуся в русской школе: даже высшие чиновники с подобострастием жали ему руки и настойчиво приглашали к себе в гости"²⁰.

Летом 1867 года в Уссурийский край выехал М.Н.Пржевальский (1839-1888). В октябре того же года он безуспешно попытался связаться с корейскими властями, посетив пограничный город Кэган-Пу в 25 верстах от Новгородской гавани, встретившись с мэром города Юн Хабом²¹.

В конце 1867 года новым начальником пограничного Новгородского поста стал упоминаемый уже подполковник Дьяченко. При приеме документации поста он обнаружил в делах канцелярии документ на китайском языке. Коллежский секретарь С.Трахтенберг, будучи проездом в Николаевске по пути в Хакодатское консульство, сделал перевод документа, из которого следовало, что правительство Кореи предоставляло русским право посещать территорию страны: "Русские желают проникнуть в провинцию Шань-юй и города ее, мало им известные. Принимая в соображение, что в этом ничего подозрительного нет, то им, в сопровождении местных чиновников, можно разрешить проникать вне пределов этой провинции"²².

Можно вообразить, какую сумятицу в рядах российских чиновников вызвал этот документ, открывая радужные перспективы к установлению официальных отношений между двумя соседними странами. Увы, перевод оказался, мягко говоря, не вполне квалифицированным. В связи с этим драгоман 6-го класса, коллежский советник Азиатского департамента МИД, опытный китаевед Д.А.Пещуров (1833-1913) сделал новый перевод. Как оказалось, документ представлял собой инструкцию для корейских пограничных властей, предписывающую не допускать русских в пределы Кореи, задерживать их на границе, а все бумаги, которые они пожелают вручить корейским властям, передавать корейским чиновникам²³. Очевидно эта инструкция для корейских пограничных властей была составлена в конце 1865 года в связи с упомянутым визитом П.А.Гельмерсена.

После отъезда П.А.Гельмерсена с Дальнего Востока в Петербург делами корейских иммигрантов было поручено заниматься чиновнику особых поручений при военном губернаторе Приморской области Ф.Ф.Буссе²⁴.

В своем отчете военному губернатору Приморского края о переселении корейцев от 6 марта 1867 года Ф.Ф.Буссе отмечал: "7 января с.г. я прибыл в пост Новгородский и, согласно предписанию Вашего превосходительства от 12 июля м.г. за № 1934, приступил к переписи корейцев"²⁵. В данном документе Ф.Ф.Буссе описывает противодействие корейских властей переселению своих граждан в Россию, подвергающихся грабежу и издевательствам. Довольно подробно описываются также способы ведения корейцами сельских и ремесленных работ, отмечая при этом, что "об обычаях, нравах и правилах нравственности у корейцев я не мог узнать почти ничего по незнанию языка и кратковременности моего пребывания у них"²⁶.

Незнание восточного языка Ф.Ф.Буссе послужило причиной того, что вскоре упомянутые обязанности были возложены на переводчика маньчжур-

ского языка Макарова, занявшего должность заведующего корейским населением в Суйфунском районе.

Между тем иммиграция корейцев в Россию начала принимать драматические размеры. Летом 1869 года в Корее произошло крупное наводнение, а в ночь с 30 на 31 августа ударили сильные холода, уничтожившие практически весь урожай. Стране угрожал голод. В сентябре 1869 года начался массовый переход корейскими беженцами российской границы, и к 8 октября их было около 1850 человек²⁷. На увещевания начальника Новгородского поста подполковника Дьяченко, корейцы объявили, что скорее решатся умереть с голоду, чем вернуться на родину.

Вот что писал по этому поводу в рапорте от 5-го февраля 1869 года военный губернатор Приморской области Фуругельм генерал-губернатору Восточной Сибири М.С.Корсакову: "Переход корейцев начался с последних чисел сентября. Сначала корейцы прибывали мелкими партиями, но в конце ноября - начале декабря вдруг перешло до 4500 душ. Переход их совершался большею частью через маньчжурскую границу, преимущественно ночью и в разных местах, так что пограничные караулы - корейские, маньчжурские и наши, по своей ограниченности, не имели никакой возможности воспрепятствовать этому переходу. Впрочем, маньчжурские солдаты, по словам корейцев, заявляли свою деятельность тем только, что пользуясь безвыходным положением последних, грабили их насколько возможно, отнимали одежду, деньги и даже женщин, а иных и убивали. Корейские же солдаты поступали еще бесцеремоннее - убивали поголовно всех мужчин и детей мужского пола, оставляя в живых только женщин. Но, несмотря на это, переход корейцев в наши пределы все-таки продолжался и остановился только вследствие несчастного события, случившегося на нашем пограничном корейском карауле, о чем буду иметь честь донести отдельно"²⁸. Речь идет, по-видимому, о следующем происшествии, о котором поведал В.И.Вагин (1823-1900). Четырнадцать корейцев (семь мужчин и семь женщин) пришли к нашему караулу и остались ночевать в караульном помещении. Ночью солдаты, бывшие в караульне, начали приставать к корейкам. Когда за них заступились мужья, солдаты всех перестреляли. Спаслась лишь одна женщина, получившая тяжелые ранения. Однако местные власти сумели замять инцидент²⁹.

Несколько раньше, весной 1869 года произошло еще одно событие, омрачившее отношения между двумя странами (если таковые существовали вообще). 13 апреля русская канонерская лодка "Соболь", следующая из Шанхая в Тяньцзинь, бросила якорь около лесистого острова Канхва, на котором возвышалась древняя крепость. Командир корабля капитан-лейтенант Усов не имел карты этого берега. Вот что писал по этому поводу русский посланник в Пекине А.Г.Влангали генерал-губернатору М.С.Корсакову в письме от 11 мая 1869 года: "Офицеры, посылавшиеся на берег для наблюдений, неизбежно входили в сношения с жителями, выходившими к ним навстречу из деревни; они весьма дружески обращались с ними, и согласно желанию их не входили в деревни, и сами корейцы отказывались идти на наше судно, знаками объясняя, что их за это казнили бы"³⁰.

Один из подчиненных капитана Усова лейтенант Любичский так повествует о первой встрече с местными жителями: "Капитан сказал мне и механику выйти на берег. Я взял сахару, варенья, джин, коньяк, вещи. Нас окружила толпа, которая кричала и махала руками, показывая не приставать к берегу, а вернуться на судно. Но мы сошли. Они расстелили циновки, пригласили на них сесть. ...Водку пили с удовольствием, на сахар и варенье бросались с жадностью так, что старики били детей... Боялись принимать у нас вещи, которые нельзя тут же съесть. Смеялись от души, глядя как мы зажигаем спички. Но

не взяли их"³¹. Лейтенант Любичский сообщал также о том, что русская шлюпка, в которой находились мичман Мальцев, подпоручики Глебовский и Шушков, пыталась найти устье реки Ханган. Корейцы при помощи различных уловок постарались заманить шлюпку на мель, но русские вовремя догадались в чем дело и повернули назад³².

17 апреля в 9 часов утра мичман Мальцев и матрос Шипаев отправились на берег на охоту за птицами. Как отмечает в своем рапорте мичман Мальцев, в 10 часов 30 минут из крепости вышло около 60 человек. "Они начали на нас наводить ружья. Мы думали, что они нас пугают. Я начал знаками показывать, что мы уходим на судно. Корейцы по нам стали стрелять. Пули не попадали. Мы пошли в брод к судну. Корейцы бросились вдогонку. Я был в больших сапогах и не мог поспеть за матросом Шипаевым. Один из корейцев приблизился ко мне на 10 шагов. У него ружье было на счастье не заряжено. Я выстрелил в него картечью, он упал и начал отползать. Я ранил его в правую ногу. Тут начали стрелять с судна из бомбического орудия"³³.

В письме от 11 мая 1869 года из Пекина А.Г.Влангали писал М.С.Корсакову о том, что капитан-лейтенант Усов выпустил по корейскому берегу 15 ядер, 10 бомб и 40 снарядов из нарезных орудий. Стрельба велась только по крепости, но не по прибрежным деревням. В 4 часа дня "Соболь" снялся с якоря и вышел из залива, так как туда начало входить множество джонок³⁴.

Русское правительство весьма беспокоилось по поводу происшедших инцидентов. В связи с этим в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова было подготовлено письмо "В центральное правительство Государства Чаосянь" (название Кореи в кит. чтении), в котором говорилось о том, что одно из русских судов было обстреляно корейцами из ружей. "Такой поступок, писал М.С.Корсаков, со стороны подданных Высокого государства не согласен с теми дружескими отношениями, в которых находятся наши два соседних государства"³⁵. Корсаков выражал сожаление по данному поводу, уверял в отсутствии злых намерений с российской стороны и предлагал установление дружеских отношений³⁶.

Данное письмо было отправлено 12 февраля 1870 года с чиновником особых поручений М.П.Луцилло (1845-1889)³⁷ пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае князю Н.П.Трубецкому с тем, чтобы последний передал документ корейским властям.

Встреча представителей двух государств состоялась 4 мая 1870 года. Вот что писал по этому поводу в своем донесении от 23 мая князь Трубецкой: "Пытался передать письмо в пограничном городе Кэгэн начальнику Кэгэнского округа. Он объяснил мне, что принимать письма от иностранцев на имя высшего правительства запрещено под страхом смертной казни. Что за нарушение этого закона был казнен его предшественник. Это подтвердил состоящий при мне переводчик Энгучи Хан. Тогда я предложил корейскому начальнику написать прошение хэгэнскому губернатору о том, что пакет важный. Просить разрешение переслать ему пакет"³⁸. Однако и эта попытка оказалась безрезультатной.

Летом 1870 года в Южно-Уссурийском крае побывал с инспекцией генерал-губернатор Восточной Сибири М.С.Корсаков. Проблема корейских иммигрантов привлекла самое пристальное его внимание. По его распоряжению во время пребывания в Посьете и Новониколаевском урочище были взяты на воспитание пять корейских детей, которым были даны русские имена и фамилии: Алексей Захаров (14 лет), Платон Гаврилов (10 лет), Елена Степанова (14 лет), Екатерина Степанова (8 лет) и Александра (Фурани) Степанова (12 лет). Переводчику маньчжурского языка Гомбеву было поручено доставить их в Иркутск и определить младших в приют, а старших - в ремесленную школу³⁹.

Трое детей к этому времени были уже крещены по православному обряду, а 26 сентября священник Иркутской Архангельской церкви Федор Попов совершил крещение Александры и Екатерины, о чем было сообщено в иркутских газетах того времени⁴⁰. К сожалению, пока ничего не удалось выяснить о дальнейшей судьбе этих пятерых детей.

Таковыми были контакты русских и корейцев в 1860-е годы. На наш взгляд, общее состояние отношений весьма удачно отражено в депеше русского посланника в Пекине Государственному канцлеру России от 14 июля 1871 года за № 21. Посланник писал, в частности, следующее: "В заключение долгом считаю присовокупить, что на вопрос мой, почему корейское правительство не хочет вступить с нами ни в какие сношения, китайские министры ответили, что оно не хочет отступить от принятого им искони веков правила замкнутости, что хотя оно и не находится в официальных сношениях с нами, но знает имена пограничных чиновников и генерал-губернатора Восточной Сибири, и что едва ли оно вызовет нас на какую-либо ссору.

Все это привело меня к заключению, что пограничные сношения наши с Кореей удовлетворительны, насколько это позволяет политическое положение этой страны; что неофициальные ответы, получаемые от корейских властей нашими пограничными властями, заменяют официальные и требуют настоятельно перемены этого положения было бы в настоящее время излишним, ибо вооружило бы против нас и сделало бы враждебным нам корейское правительство. Доброе соседство очень ценится всеми этими жителями Крайнего Востока и они дорожат им и исподволь подчиняются его влиянию. Если желательно развить торговлю, то можно в местностях близ границы заводить ярмарки в известные времена года. Корейцы сами будут приходить туда покупать наши товары и продавать свои. Без сомнения, все это делается не вдруг, а когда они привыкнут к этим порядкам, и таким образом отношения сами собой завяжутся. Многие найдут, что не достойно столь великой державе как Россия держаться такой скромной политики относительно такой малой страны как Корея, но тогда нужно иметь всегда наготове войско и уже поддерживать все требования силою оружия.

Наконец, я полагаю, что до поры до времени нам выгоднее смотреть на Корею, как на страну более или менее вассальную Китаю. В важных вопросах это нам поможет, потому что как ни говорят здешние министры, что китайское правительство не имеет никакого влияния на корейское, но добрый совет, им данный, часто может иметь и свои последствия"⁴¹.

1. Описание Кореи. СПб., 1900. С. 62-63.
2. Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 311-312.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 28.
4. Там же, л. 27 об.
5. Там же.
6. См.: Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993. С. 15-62.
7. См. напр. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1937. С. 90-95.
8. См.: Гарин-Михайловский Н.Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 90-91, 110-111, 196.
9. Владивосток. 1886. № 31. С. 8.
10. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 56.
11. Там же, л. 53-54.
12. Там же, л. 49-50.
13. Там же, л. 33. Петра Александровича Гельмерсена (?-1877), вероятно, можно считать первым отечественным корееведом. Он являлся ближайшим родственником известного ученого-геолога Г.П.Гельмерсена (1803-1885).

14. Там же, л. 92-93.
15. Известия императорского русского географического общества. СПб. 1869. Т. V. N 5. С. 202-204.
16. См.: ГАИО, ф. 24., оп. 11/1, д. 121, к. 1646, л. 26.
17. К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить дополнительных сведений об этом первом корейце, получившем образование в Петербурге.
18. См.: ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 122.
19. Там же.
20. См.: Владивосток. 1890. № 1. С. 7. Летом 1871 года на Энгучи поступила жалоба от соотечественников, будто бы он вымогает с иммигрантов взятки. В сентябре того же года генерал-губернатор Восточной Сибири распорядился провести следствие; в результате переводчик был отдан под суд. См.: ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 202, л. 178, 195.
21. См.: Пржевальский Н.М. Указ. соч. С. 90-115, 237-238.
22. См.: ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 116-117.
23. Там же, л. 149.
24. Буссе Федор Федорович (? - 1897), сын известного петербургского математика и педагога - Буссе Федора Ивановича (1794-1859) и двоюродный брат Буссе Николая Васильевича (1828-1866), военного губернатора Амурской области в 1858-1866 годах.
25. ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 23, к. 2099, л. 17-25.
26. Там же, л. 23 об.
27. См.: Вагин В. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Вып. 2. СПб. 1875. Т. 1. С. 3.
28. ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 202, л. 34-34 об.
29. См.: Вагин В. Цит. соч. С. 4-5.
30. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 153-153 об.
31. Там же, л. 178 об.
32. Там же.
33. Там же, л. 174-175.
34. Там же, л. 154-154 об.
35. Там же, л. 194-195.
36. Там же.
37. Там же, л. 196-198. Подробнее о Михаиле Павловиче Пуцилло см. в следующих работах автора: Первый русско-корейский словарь М.П.Пуцилло // ПДВ. 1994. № 1. С. 151-153; Их судьбы - как история планет // Комсомольская правда. 1994. 29 января. С. 2; Михаил Пуцилло, сын отечества // Восточно-сибирская правда [Иркутск]. 1994. 29 января.
38. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 24, к. 2636, л. 203.
39. ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 68, к. 2102, л. 1-19.
40. См.: Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857-1880. Иркутск, 1914. С. 259.
41. ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 61, к. 1635, л. 12-13 об.

Гибель корейской королевы Мин (1895)

© 2000

Б. Пак

После окончания японо-китайской войны 1894-1895 гг. Япония не собиралась останавливаться на достигнутых результатах. Провозглашенную Симонсекским мирным договором независимость Кореи она рассматривала в качестве первого шага к установлению своего протектората над этим государством.

22 июня 1895 г. состоялось заседание кабинета министров с участием вызванного из Сеула японского посланника Иноуэ Каору, которое приняло решение о возвращении к "твердой" политике в Корее. Такое решение было продиктовано требованиями военных кругов Японии, выступавших за принятие немедленных мер для окончательного решения корейского вопроса в пользу Японии. Одновременно было одобрено и предложение Иноуэ о замене его на посту посланника в Корее сторонником решительных действий Миурой Горо. Но Иноуэ было предложено оставаться в Сеуле до приезда нового посланника, чтобы подготовить почву для предстоящей работы своего преемника, усыпив бдительность политических противников Японии в Сеуле. Иноуэ удалось, не раскрывая действительные цели Японии, продемонстрировать ее "добрые" намерения, а себя изобразить сторонником обеспечения независимости Кореи и проведения прогрессивных реформ.¹

Последний на словах отрицательно отзывался об отце и бывшем регенте вана Коджона тэвонгуне, придерживался умеренной позиции в вопросе об оставлении японских войск в Корее. Во время прощальной аудиенции он заверил вана, что Япония обязательно выведет войска из Кореи и предложил даже немедленно уменьшить их количество до 800 человек².

Особое внимание Иноуэ уделял тому, чтобы добиться расположения супруги вана Мин Мён Сон, известной своими антияпонскими взглядами. Он настойчиво стал добиваться у нее аудиенции. Получив отказ королевы³ принять его, он все же добился согласия на встречу с ней при содействии близкого ко двору секретаря американской миссии в Сеуле Хораса Аллена. В ходе беседы, в ответ на заверения Иноуэ, что он готов сотрудничать с королевой, последняя указала, что она стремилась к сотрудничеству с Японией, но сами японцы не захотели этого и поддержали ее врага тэвонгуна, устранив ее от политики и угрожая ее личной безопасности. Но Иноуэ заверил супругу вана, что ей нечего опасаться, так как японское правительство оказало бы семье вана помощь даже вооруженной силой⁴.

Миура прибыл в Сеул в качестве нового посланника 2 сентября 1895 г. По прибытии в Корею он сразу же заявил Коджону, что намеревается "удержать все японские караулы, расположенные для охраны телеграфных линий". При этом Миура потребовал, чтобы ван сам обратился к Японии с просьбой об оставлении японских войск⁵. Но главной целью "дипломатии" но-

вого японского посланника было физическое устранение от власти в Корее всех противников Японии, и, прежде всего, уничтожение главы антияпонской партии – Мин Мён Сон. Для достижения этой цели Миура, совместно с секретарем японской миссии в Сеуле Сугимура и японским советником корейского военного министерства Окамото Рюноске, стал готовить государственный переворот в Сеуле, рассчитывая в ходе его убить королеву, а затем сформировать марионеточное правительство, которое во всем следовало бы указаниям из Токио.

Чтобы придать вес будущему правительству, Миура привлек к заговору тэвонгуна. Предполагалось силой захватить дворец вана и препроводить туда тэвонгуна. Для нападения на дворец было решено использовать отряды хуллёндэ – корейских солдат, обученных японскими инструкторами, а также находящихся в Сеуле японских солдат и наёмных убийц – соси.

В ночь на 8 октября 1895 г. сотрудники японской миссии в Сеуле во главе с Миурой организовали вооруженное нападение отрядов хуллёндэ и соси на ванский дворец и убийство Мин Мён Сон. До сих пор не установлено точное время трагической гибели корейской королевы, не известно в точности, как это происходило и кто был главным зачинщиком и исполнителем убийства, какова была степень участия японского правительства в этом преступлении. Говоря о трудностях, встающих перед исследователями дела об убийстве королевы Мин, российский исследователь Ким Ре Хо объясняет их тем, “что многие исторические документы, не устраивавшие колониальные власти, уничтожены, или, надо полагать, до сих пор остаются тайной за семью печатями... До недавнего времени исследователи данной темы опирались в основном на японские и американские источники, реже на корейские”⁶.

В последние годы стали достоянием гласности многие документы Архива внешней политики Российской империи Историко-дипломатического департамента МИД России, которые позволяют восстановить в деталях картину трагедии, разыгравшейся в ночь с 7 на 8 октября 1895 г. во дворце корейского вана. Это – донесения российского поверенного в делах в Сеуле К.И. Вебера, свидетельские показания других невольных участников трагических событий – самого Коджона, бывшего министра земледелия и торговли Ли Пом Чина, ноты корейского министра иностранных дел К.И. Веберу и ответные ноты Вебера по делу об убийстве Мин Мён Сон, протоколы встреч иностранных представителей в Сеуле, заявлявшие об ответственности японской миссии в Сеуле за совершенное преступление и др. Все эти документы позволяют не только воссоздать объективную картину государственного переворота и убийства королевы Мин, но и показать борьбу российских дипломатов за привлечение к ответственности главных организаторов этого убийства – Миура и сотрудников японской миссии.

Согласно показаниям корейского подполковника Ли Хак Юна, одного из начальников дворцовой стражи, около 4 часов утра 8 октября несколько японских солдат и вслед за ними около 200 корейских солдат полка хуллёндэ подошли к северо-восточным воротам дворца вана и в 4 часа 30 минут стали рваться в ворота. Ли Хак Юн сразу же побежал во дворец, чтобы предупредить вана. Первым его вопросом было: “Где королева?”. Коджон успокоил его, сказав, что она в безопасности, и приказал ему принять меры к предупреждению кровопролития, а корейским солдатам велел стрелять лишь в крайнем случае. Вскоре раздались выстрелы, и японцы при помощи лестниц стали перелезать через южную стену дворца. Спрыгнув со стен и отворив ворота, они вместе с сообщниками овладели частью дворца. 5 или 6 японцев, вооруженных саблями, бросились к дому, где находились ван Коджон и его приближенные⁷.

Перед началом атаки дворца, когда там уже пробили тревогу и стало известно, что дворец окружен японскими и корейскими солдатами, Коджон

приказал Ли Пом Чину бежать в американскую и русскую миссии и просить помощи. В разорванном платье прислужника Ли Пом Чин прибежал в русскую миссию и передал, что “японцы производят резню во дворце, вероятно, с целью убить королеву, и что король умоляет русского и американского представителей поспешить на помощь”. Вот как описан этот эпизод в свидетельских показаниях самого Ли Пом Чина:

“Лишь только во дворце пробили тревогу и стало известно, что мы окружены японскими и корейскими солдатами, король приказал, не теряя минуты, бежать в американскую и русскую миссию просить о помощи. Взобравшись на западную стену, я увидел, что все пространство перед нею полно солдат. У южных ворот то же самое. Видя, что тут невысказанно спуститься со стены невозможно, я взобрался на башенку на юго-западном углу стены и здесь увидел, что это место охраняется снаружи лишь двумя японскими солдатами. Я подождал, пока они немного удалились, и, спрыгнув с высоты около 15 футов, бросился бежать. Первые выстрелы я услышал, когда был уже у американской миссии. В течение дня я узнал, что вместе с солдатами в южные ворота вошли тай-вен-кун (тэвонгун-Б.П.) и почти одновременно с ним японский посланник Миура”⁸.

Однако помощь со стороны русской и американской миссии не могла быть оказана своевременно, ибо, со слов Ли Пом Чина, до того, как стало известно о нападении на дворец вана, напавшие уже рыскали по дворцу и оцепили резиденцию вана. На дворцовой площади началась стрельба, возникла паника. Толпа бежавших отгеснила американского генерала Дая, командовавшего дворцовой стражей, в сторону от площади, а дворцового архитектора, русского подданного А.Середина-Сабатина⁹, дежурившего в то утро вместе с генералом Даем во дворце – во внутренний двор дворца, где находились покои Мин Мён Сон.

Что происходило дальше во дворе дворца подробно описано в свидетельских показаниях Середина—Сабатина, который был единственным среди европейцев очевидцем кровавой драмы, разыгравшейся в ночь на 8 октября 1895 г.

По свидетельству А.Середина-Сабатина, оказавшись во внутреннем дворе ванского дворца, он “сразу же заметил несколько японцев в партикулярном (штатском) платье, бегавших взад и вперед, как будто ища кого-то. Посреди двора стоял отряд в 40 человек корейских солдат и японский офицер; кроме того, по два японских солдата стояли у каждой из двух дверей, ведущих одна в парк, другая – во внутреннюю часть дворца... Двор, в котором помещался флигель королевы, был полон японцев, всех их могло быть 20–25 человек; они были одеты в партикулярное платье и вооружены саблями, которые у некоторых были обнажены. Распоряжался ими какой-то японец, вооруженный длинным кинжалом, по-видимому, их предводитель. Часть японцев бросилась шарить и искать в закоулках дворца и разных пристройках; другая, ворвавшись на половину королевы, бросилась на находившихся в ней женщин, которых за волосы влачили по земле, расспрашивая о чем-то”.

А Середин-Сабатин видел, как японцы переворачивали все вверх дном в помещении королевы. В это время во двор вошел один знакомый ему кореец, служащий во дворце в качестве писца или секретаря, и, увидев его “в столь необычной обстановке и самом центре передраги”, передал японцам, что Середин-Сабатин “далеко не архитектор только”, а служит во дворце и потому “хорошо знаком с его расположением и обитателями”. Тогда японцы схватили Середин-Сабатина и потащили к дому Мин Мён Сон, требуя, чтобы он указал, где она спряталась. Один из японцев не переставал повторять по-английски: “Где королева? Покажите нам королеву!”. А другой японец, кото-

рого Середин-Сабатин называет "предводителем" напавших на дворец японцев, резко сказал: "Мы не можем найти королеву. Вы знаете, где она. Покажите нам, где она скрылась!". Середин-Сабатин объяснил, что не только не знает, где находится королева, но что, благодаря затворничеству корейских женщин высших классов, он ни разу не видел ее и сам в первый раз находится в ее отделении во дворце. Тогда японцы отпустили его и вывели из дворца. Проходя "мимо большой залы, - писал Середин-Сабатин в заключение своих показаний, - я заметил, что она окружена сплошною стеною японских солдат, офицеров и корейских мандаринов, но что там происходило, мне неизвестно".¹⁰

Итак, из показаний, которые давал А.Середин-Сабатин К.И. Веберу 8 октября 1895 г., явствует, что возле помещения Мин Мён Сон во дворце он увидел четырех японских солдат, стоящих на страже у двух дверей, и одного офицера. Кроме того, там находились 40 корейских солдат из полка хуллэндэ и 20-25 японцев. Среди них был один японец, одетый в европейское платье, говорящий по-английски. По словам Середина-Сабатина, он был "предводителем", ибо распоряжался и командовал японцами. Есть основания предполагать, что это был Окамото Рюноске, который хорошо знал расположение дворца вана, по его команде японцы и совершили убийство королевы Мин. По этому поводу есть свидетельские показания самого вана Коджона. В них говорится, что "на его глазах японцы Окамото, Судзуки и Ватанабэ ворвались во внутренние покои дворца с обнаженными саблями, первые двое схватили королеву. Здесь он лишился сознания и больше ничего не помнит. Наследный принц видел затем, как королева бросилась бежать и оба упомянутых японца погнались за нею, но он полагал, что королеве удалось спастись. Третьего японца, Ватанабэ, Коджон видел бегущим с обнаженной саблей"¹¹.

Дополнением к показаниям Коджона служат свидетельства его второго сына, который со слов одной из фрейлин дворца передавал: "Японцы ворвались в комнату, где находились королева и дамы. Министр двора бросился им навстречу, стал между ними и королевою и поднял руки, прося пощады. В эту минуту ударом сабли ему отрубили обе руки и он упал, истекая кровью. Японцы бросились к женщинам, крича: "Где королева?". Старшая фрейлина и все другие фрейлины отвечали, что королевы здесь нет. В это время королева побегала по коридору, за нею бежал один японец, который и успел схватить ее. Он бросил ее на пол, вскочил ей на грудь и, три раза подавив ногами, убил (заколел). Старшая из фрейлин закрыла королеве лицо платком и через некоторое время японцы унесли ее в ближайшую рощу. Более фрейлина ничего не могла видеть, но один из придворных служителей говорил ей, что видел, как японцы затем сожгли королеву"¹².

Ознакомившись со всеми вышеприведенными материалами об убийстве Мин Мён Сон, посетивший в начале 1896 г. Сеул полковник генерального штаба Карнеев, в своих дневниковых записях оставил подробное описание трагедии во дворце вана в ночь на 8 октября 1895 г., которое завершалось словами: "Так кончилась кровавая драма 26 сентября (8 октября по новому стилю-Б.П.) 1895 года Совершилось событие беспрецедентное в истории по своей безграничной наглости". При этом Карнеев весьма лестно отзывался о Мин Мён Сон. "Покойная королева, - писал он, - по восточным понятиям, получила хорошее образование и считалась наилучшим знатоком китайских иероглифов не только в Корее, но и, пожалуй, на всем Востоке. Вместе с тем она сочувственно относилась к введению в Корее европейской цивилизации и реформ, но не при посредстве японцев. Понятно, что решительная и умная королева не могла быть по сердцу японцам, желавшим управлять бесконтрольно Кореей по своей воле, и они не остановились пред гнуснейшим злодеянием, подробности которого во время нашего пребывания в Сеуле еще не были окончательно выясне-

ны. Несомненно одно: убийство совершено исключительно японцами в ночь с 25 на 26 сентября 1895 г.”¹³

Вскоре после убийства королевы Мин во дворец прибыл Миура. Вместе с тэвонгуном, который уже находился во дворце, он явился к вану и потребовал от него, чтобы он подписал указ об отрешении Мин Мён Сон от титула королевы. Японии нужно было представить ее недостойной своего высшего звания и тем самым умалить значение совершенного преступления. Но Коджон категорически отказался подписать подготовленный указ, заявив, что “пусть ему отрубят пальцы, но он не сделает этого”. Эти сведения подтверждаются и показаниями Ли Пом Чина, данными К.И. Веберу 8 октября 1895 г.: “Вместе с солдатами в южные ворота вошли тэвонгун и почти одновременно с ним японский посланник Миура; они немедленно отправились к королю и, по показанию евнуха, присутствовавшего при этом, представили ему для подписи прокламацию о свержении королевы; король, однако, не поддался их настояниям и угрозам”¹⁴. Затем, по настоянию Миура, Коджон все-таки вынужден был подписать указ о назначении министром двора старшего сына тэвонгуна Ли Чо Мёна, согласиться на вывод из дворца своей охраны и замену ее отрядами хуллёндэ. Тогда же вана принудили дать согласие на реорганизацию всего правительства, куда вошли прояпонски настроенные Ким Хон Чип в качестве премьер-министра, Ким Юн Сик – министра иностранных дел, О Юн Чун – министра финансов. С этого времени Коджон фактически стал пленником в собственном дворце.

Новое корейское правительство уже 8 октября, разослало иностранным представителям в Сеуле ноту с уведомлением о событиях прошедшей ночи. “Несколько дней тому назад, – говорилось в ноте, переданной в русскую миссию, – произошло столкновение между вновь обученными солдатами и местной полицией. Некоторые из чинов последней были убиты, другие ранены. Случай этот вызвал в столице временное волнение, причем распространился слух, что виновные в беспорядке войска, по отобранию у них оружия, будут распущены. Слух этот вызвал между ними сильное недовольство и, опасаясь за свою судьбу, они стали собираться в кучки, упорно отказываясь разойтись. Сегодня на рассвете они ворвались в дворцовые ворота, громко выражая свои претензии и жалуясь на несправедливость. Возбуждение их, однако, было остановлено справедливою прокламациею Его Величества короля и скоро спокойствие было водворено во дворце”¹⁵.

В 8 часов 30 минут утра 8 октября во дворец вана прибыли К.И. Вебер и американский временный поверенный в делах в Сеуле Аллен. Затем съехались во дворец и все другие иностранные представители. “Когда мы, – доносил Вебер о том, что увидел во дворце, – предварительно заехав за виконтом Миура, но не застав его (Миура в это время уже находился во дворце – Б.П.), прибыли во дворец, первая тревога уже улеглась. Когда я обратился к нему (Миуре–Б.П.) с запросом о происшедшем, он начал вдаваться в совершенно не идущие к делу рассуждения о бывшем ранее столкновении между новыми корейскими солдатами и полицией и после наших возражений согласился, по общему настоянию, принять нас у себя в 3 часа 30 минут пополудни”. Затем К.И. Вебер и Аллен потребовали встречи с Коджоном. Только что назначенный новым министром двора сын тэвонгуна пытался не допустить свидания, заявив, что ван настолько потрясен всем происшедшим, что не может никого принять. Только после замечания, что состояние вана не было принято во внимание, когда его посетили Миура и тэвонгун, свидание состоялось. Перепуганный, находившийся на грани истерики Коджон, забыв о всяких этикетах, в отчаянии жал руки Веберу и Аллену, умоляя, чтобы они его не покидали. Ни-

чего другого от него нельзя было добиться, ибо Миура и тэвонгун, не отходя от него ни на шаг, не позволяли начать откровенную беседу¹⁶.

Вернувшись в миссию, оставшееся до начала совещания в японской миссии время, Вебер использовал для выяснения истинной картины убийства супруги вана. Прежде всего он взял показания у А.Середина-Сабатина, которые позволили ему занять твердую позицию на совещании представителей иностранных держав, в котором, помимо Миура и Вебера, приняли участие представители США, Англии, Германии и Франции. Совещание должно было, как записано в его протоколе, "выслушать объяснение Миура относительно произошедших событий". Но Миура Горо, по свидетельству Вебера, начал "говорить бесконечную речь, в которой, насколько не касаясь дела, стал опять распространяться о столкновении между новыми корейским солдатами и полицией", которое будто бы вызвало "все эти волнения во дворце". Он объяснял, что японские солдаты были посланы во дворец по желанию вана уже после начала перестрелки, но, к сожалению, они явились "слишком поздно".

От имени присутствующих на совещании иностранных представителей Вебер остановил Миуру, указав, что "во дворце никаких полицейских не было", "по неизвестным и недопустимым причинам там оказались японцы", и что "именно они и производили убийства". Миура пробовал уклониться от разговора, сославшись на то, что "по японскому обычаю при войсках могли действительно оказаться несколько конюхов" и что "этому не стоило придавать решительно никакого значения". Тогда Вебер пустил в ход показания Середина-Сабатина и энергично заявил японскому посланнику, что "дело шло не о нескольких конюхах, а о целой шайке в 30-40 человек, прилично одетых и вооруженных японцев, которых видели свидетели, и настолько хорошо, что, в случае надобности, могли бы даже описать некоторых и узнать в лицо". Вебер задал Миуре вопрос: "Кто же эти лица, кричавшие, что ищут королеву? Офицерская прислуга?" При этом Вебер сослался на свидетеля-европейца, чье показание "не вызывает сомнений", и обратил внимание Миуры на то, что иностранные представители ожидают от него выяснения, во-первых, "личностей японцев, произведших бесчинства и убийства во дворце" а, во-вторых, "участия японских войск как в дворцовых происшествиях, так и в появлении тэвонгуна, который, как говорят, был приведен из своего загородного дома не одними корейскими", а японскими солдатами".

В конечном итоге, припертый к стене вопросами и свидетельствами Вебера, Миура вынужден был согласиться записать в протокол совещания заявление о необходимости расследовать вопрос о роли японских солдат и лиц гражданской форме в событиях ночи с 7 на 8 октября и тем самым признать косвенно возможность их участия в них. Но в последующие дни, чтобы убедить иностранных представителей в том, что японцы не принимали участия в государственном перевороте и убийстве Мин Мён Сон, был даже инсценирован обмен нотами между японским посланником в Сеуле и корейским министром иностранных дел. В ноте от 10 октября Миура, сообщая, что за границей распространились "не заслуживающие доверия слухи" об участии японцев в нападении на дворец, просил министра "подтвердить, является ли упомянутая версия правильной или нет". Как и ожидал Миура, Ким Юн Сик сообщил, что, по заключению военного министра, "ни один японец во время беспорядков не присутствовал"¹⁷. Кроме того, японская миссия в Сеуле и новое корейское правительство распространили слух о том, что Мин Мён Сон жива и где-то скрывается. Провокация эта имела целью преуменьшить виновность участников мятежа, поскольку, в этом случае, естественно, отпадал пункт обвинения в ее убийстве, и, во-вторых, организаторы хотели очернить Мин Мён Сон, якобы покинувшей в трудную минуту своего супруга – вана. 11 октября Ким Юн Сик

передал Веберу ноту, в которой извещал, что 10 октября ван Коджон объявил "своим подданным акт развода" с Мин Мён Сон. К ноте был приложен указ вана о низложении Мин Мён Сон "в разряд простых женщин".

"Королева из фамилии Мин, - говорилось в указе, - постоянно навязывала мне своих родичей и, наконец, совершенно окружила меня ими. Им удалось затмить мое зрение и создать непроницаемую преграду между мною и моими подданными. Пользуясь моим неведением, они притесняли народ, запутывали толкование законов, продавали места и должности, искали только наживы и неоднократно вызывали народные восстания и смуты, грозившие гибелью государству". Далее в указе отмечалось, что ван надеялся, что "королева раскается в своих поступках, но ошибся", что она продолжала "своевольно вводить в заблуждение своих единомышленников, которым наказывала шпионить за малейшими его действиями, подслушивать совещания министров, смущать солдат разными, будто бы от вана исходящими, приказами", что королева покинула его "в критическую минуту и.. скрылась бегством". "Я принял все меры к отысканию ее, - было записано в конце указа, - но связи оказались тщетными, она не вернулась. Преступив таким образом свои священные обязанности, она недостойна далее носить высокий титул королевы, а ее имя - находиться в храме предков. Желая искупить свои прошлые ошибки, я сим лишаю ее королевского титула и низвожу на степень женщины простого класса"¹⁸.

Однако опубликованный указ не был скреплен ни именем Коджона, ни государственной печатью, ни малой именной печатью вана. Он имел только печати министров, некоторые из которых подписались под указом, уступая силе, а затем подали в отставку. 12 октября у вана состоялась аудиенция иностранных представителей по поводу низложения Мин Мён Сон. Вебер описал ее следующим образом: "Король громко говорил посланникам то, что ему было приказано; потом, пока переводчик передавал его слова, он отступал на один шаг и, пользуясь тем, что наблюдавшие за ним аргусы не могли его видеть за выступавшей немного вперед ширмой, энергично показывал знаками свое недовольствие и несогласие с тем, что говорилось"¹⁹.

Все иностранные представители в Сеуле решили в энергичной форме потребовать от корейского правительства расследования преступления. В ноте К.И. Вебера министру иностранных дел Кореи было сказано:

"...Упорно держащееся мнение об этих событиях вкратце таково, что толпа солдат вломилась во дворец сообща с какими-то людьми, также вооруженными, но одетыми в партикулярное платье, под прикрытием отряда солдат, которые были в форменной одежде с командовавшими офицерами, направилась к помещениям Его Величества, где перерыв все, найдя Королеву, зверским образом умертвила ее вместе с некоторыми из ее фрейлин и приближенных. Министр двора был в числе погибших от руки убийц.

Я надеюсь и убежден, что Ваше Превосходительство, имея в виду безопасность Его Величества и всего королевского дома, а также и мир и благосостояние Кореи, в состоянии уведомить меня также, что обстоятельства дела, согласно изложенным мною выше взглядам, в правильности которых никто не имеет ни малейшего сомнения, расследуются со всею тщательностью, и его зачинщики и исполнители гнусного преступления уже разыскиваются и будут подвергнуты законной ответственности"²⁰.

Однако правительство заговорщиков-изменников не собиралось серьезно расследовать дело об убийстве королевы Мин. Наоборот, после 8 октября в Сеуле начались гонения на всех корейцев, известных своей преданностью Коджону или принадлежавших к партии Мин Мён Сон. "Многие корейцы, - доносил в связи с этим Вебер, - разбежались и семьи их поспешили добро-

вольно покинуть столицу. Бывший министр земледелия и торговли Ли Пом Чин и подполковник Ли Хак Юн, принеся по приказанию короля в нашу миссию известия о происшедшем, до сих пор не решаются уйти, дрожа за свою жизнь. В американской миссии укрылись семь человек, у многих миссионеров также, в том числе и второй сын короля". Положение в Сеуле Веберу казалось настолько обостренным, что он 10 октября вызвал по телеграфу десант с канонерской лодки "Кореец", а на другой день отправил в Петербург телеграмму, где высказал тревогу по поводу того, что низложение Мин Мён Сон – это "первый шаг к устранению законного наследника престола, ее сына, и назначению наследником внука тэвонгуна". Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский немедленно отправил Веберу телеграмму с указанием: "Постарайтесь позаботиться о безопасности королевского семейства. Впредь до этого не может быть и речи о приказании чего бы то ни было"²¹.

Получив телеграмму Лобанова-Ростовского, Вебер отправился в Министерство иностранных дел Кореи и, повторив еще раз в весьма решительной форме содержание своей ноты, обратил внимание Ким Юн Сика на тот факт, что "на дворец было произведено вооруженное ночное нападение с явной целью – убить королеву". Вебер выразил "крайнее недоумение" по поводу совершенной безнаказанности, в которой нынешнее корейское правительство оставило лиц, совершивших убийство королевы и других. В заключение российский дипломат заявил, что он не может признавать существующего порядка вещей до тех пор, пока не будет, во-первых, произведено строжайшее следствие, во-вторых – наказаны убийцы и заговорщики и, в третьих, – удалены те, которых следует считать зачинщиками всего дела. Перейдя затем к указу о разжаловании Мин Мён Сон и упомянув при этом "о его возмутительном характере", Вебер указал Ким Юн Сику, что если Мин Мён Сон находится еще в живых, то с ее стороны "вполне естественно укрыться от убийц"; если же она действительно убита, то "умерла королевою и ни о каком низложении ее не может быть речи". "Что же касается виновных, – заявил в конце беседы Вебер, – то виновны главным образом офицеры, имена коих общественное мнение и указывает, а затем – те высшие, которые должны быть Вам хорошо известны и которые, вместе с зачинщиками всего дела, держат теперь в своих руках бразды правления. Я не могу не протестовать поэтому против действий, которые исходят от правительства, составленного именно из этих лиц. Не только по долгу службы, но и как человек, принимающий близко к сердцу судьбы Кореи, я должен указать на опасность, которою грозит ей дальнейшее следование по избранному ныне пути"²².

Натолкнувшись на противодействие российской дипломатии, токийское правительство попыталось смягчить отрицательную реакцию России на государственный переворот и убийство Мин Мён Сон. 12 октября 1895 г. японский посланник в Петербурге Ниси передал российскому Министерству иностранных дел два письменных уведомления. В первом из них повторялась версия о чисто внутреннем характере переворота 8 октября в Сеуле и непричастности к нему японцев. Утверждалось, что порядок в Сеуле восстановлен японскими войсками, а "местопребывание королевы неизвестно". Однако во втором уведомлении японское правительство было вынуждено признать возможность участия в событиях 8 октября отдельных японцев и сообщало, что для проверки слухов об участии японцев в этих событиях отдан приказ о проведении расследования и что, в случае установления вины кого-нибудь из японских поданных, с ними "будет поступлено должным образом". Еще раньше, 10 октября, заместитель министра иностранных дел Сайондзи передал российскому посланнику в Токио М.И. Хитрову, что для проведения расследования в Сеул

командируется начальник политического отдела департамента Министерства иностранных дел Комура²³.

Все эти шаги японской дипломатии были направлены к тому, чтобы свести на нет активные выступления российской дипломатии против японцев, которые, мол, не причастны к событиям 8 октября. Однако в конечном итоге японское правительство, оказавшееся в изоляции перед лицом единых действий иностранных представителей в Сеуле, которые отказались признать новое прояпонское правительство Кореи и эдикт о низложении Мин Мён Сон, вынуждено было признать участие в событиях 8 октября отдельных японцев. 24 октября японское правительство признало участие в заговоре 8 октября и самого японского посланника в Сеуле Миура, который вместе с большей частью японского посольства в Сеуле вскоре выехал в Японию и по прибытии в Симоносеки был арестован. Новым японским посланником в Сеуле назначили Комура Дзютаро. Вслед за этим в Сеул в качестве специального представителя японского императора отправился Иноуэ для вручения вану письма императора с выражением "искреннего сочувствия по поводу произошедшего во дворце 8 октября"²⁴.

В январе 1896 г. над арестованными Миура Горо, Судзуки Фукати, Окамото Рюноске и еще более 40 японцами, отправленными из Сеула в Симоносеки, была разыграна комедия судебного процесса. В "Постановлении японского суда по предварительным следствиям" от 20 января признавалось, что Миура и другие сотрудники японского посольства, подготавливая нападение на ванский дворец в Сеуле, решили помочь тэвонгуну вернуться во дворец и, кроме того, в ходе нападения убить Мин Мён Сон. Около 30 японцев, говорилось в постановлении, были назначены телохранителями тэвонгуна при его вступлении во дворец, более 10 японцев получили задание покончить с женой вана. "К рассвету 8 октября весь отряд вошел во дворец через ворота Куанхуа и тотчас же направился во внутренние покои". На этом перечисление фактов, связанных с нападением на дворец и убийством Мин Мён Сон, обрывалось и далее указывалось: "Несмотря на все эти факты, не хватает доказательств, что кто-либо из обвиняемых совершил ранее задуманное им преступление. Доказательства слишком ничтожны, чтобы обвинять их в каком бы то ни было участии в этом деле (убийстве-Б.П.). Поэтому обвиняемые, все и каждый, сим оправдываются согласно 165-й статьи кодекса уголовного судопроизводства"²⁵.

Таким образом, японский суд оставил без наказания всех участников и организаторов государственного переворота и убийства Мин Мён Сон в ночь на 8 октября 1895г.

1. Именно таким деятелем изображают японские историки Иноуэ Каору. См., например: K.Asakawa. *The Russo-Japanese Conflict, Its Causes and Issues*. N.Y., L., 1970. P.257-258.
2. Донесение поверенного в делах в Сеуле Вебера министру иностранных дел Лобанову -Ростовскому от 8/20 и 19/31 августа 1895 г. Архив внешней политики Российской империи (далее -АВПРИ). Фонд Японский стол., оп. 493, д. 6, л. 34-36, 44-47.
3. Во всех русских дипломатических документах правитель Кореи "ван" именуется "королем", а его супруга - "королевой".
4. F.H. Harrington, God, Mammon and the Japanese. Dr. Horace Allen and Korean-American Relations 1884-1905. Wisconsin, 1944. P.261-262.
5. Донесение Вебера Лобанову -Ростовскому от 25 сентября/7 октября 1895 г. АВПРИ, ф. Японский стол., оп. 493, д. 182, л. 32-33.
6. Ким Ре Хо. Гибель королевы Мин. Новая версия. Корея/ сб. статей. К восьмидесятилетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. М., 1998. С.124.

7. Показания подполковника дворцовой стражи Ли Хак Юна. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д.6, л.69-70.
8. Показания бывшего министра земледелия и торговли Ли Пом Чина. Там же, л.68.
9. Середин-Сабатин А. приехал в Корею в 1883 г. из Шанхая по предложению агента корейского правительства по найму иностранцев на службу к вану Кореи. Он окончил мореходное училище, имел диплом штурмана, но будучи одаренным человеком, работал служащим в таможне в Инчхоне, журналистом, а также архитектором и принимал участие в строительстве Европейского дома при новом дворце в Сеуле. С августа 1895 г. он находился на службе корейского правительства "в качестве, - по словам российского вице-консула в Чифу, - телохранителя короля или, лучше сказать, дворцового сторожа". Сам Середин-Сабатин по поводу этого назначения писал, что в 1894 г. ван Коджон, находясь фактически в плену у японцев, пригласил во дворец генерала Дая, полковника Нинстедта и его (Середина-Сабатина) "в виде как бы благородных свидетелей того, как японцы распоряжаются во дворце". Они объявлены были по очереди, в течение четырех ночей в неделю пребывать во дворце. Ким Ре Хо. Гибель королевы Мин...С.124-129.
10. АВПРИ, ф. Японский стол. оп. 493, д.215, л.151-155; Ким Ре Хо. Гибель королевы Мин...С.124-128.
11. АВПРИ, ф. Японский стол. оп. 493, д.6, л.66. См. также: Ким Ре Хо. Гибель королевы Мин...С.129.; The Korean Repository.1896.Vol.3. P.120-142.
12. АВПРИ, ф. Японский стол. оп. 493, д.6, л.6; Ким Ре Хо. Гибель королевы Мин...С.134.
13. См.: По Корею. Путешествия 1885-1896 гг. М., 1953. С.180-181.
14. АВПРИ, ф. Японский стол. оп. 493, д.6, л.61-62, 68.
15. Копия ноты корейского министра иностранных дел от 26 сентября 1895 г. Там же, л.83.
16. Донесение поверенного в делах в Сеуле Вебера от 30 сентября/ 11 октября 1895 г. Там же, л. 90-94.
17. The Korean Repository.1896.Vol.3. P.129-130.
18. Указ короля, опубликованный без его подписи и печатей 28 сентября 1895 г. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д.6, л.96-96 об.
19. Цит. по: Нарочницкий. А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М., 1956. С.802.
20. Ку Хангук вегё мунсо (Сборник дипломатических документов старой Кореи). Т.17. Часть 1. Сеул, 1969. С.333-334.
21. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д.6, л.87, 100, 104.
22. Донесение Вебера Лобанову -Ростовскому из Сеула от 13 октября 1895 г. Там же, л. 113-114.
23. Там же, л.98-99.
24. Письмо японского императора корейскому королю от 24 октября 1895 г. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д.6, л.167-168.
25. Второе следствие по поводу убийства корейской королевы. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф.226, оп. 1, д. 2, л.6-23.

Русские в Китае

Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции

© 2000

Л. Гудошников, П. Трощинский

В этом году исполняется 60 лет известному китайскому ученому-русисту, заведующему Отделом России и руководителю Центра славяноведения Института Европы и Азии Шанхайской академии общественных наук Ван Чжичэну. В 1963 г. он окончил Шанхайский университет иностранных языков, первоначально основанный как Шанхайский институт русского языка. С момента создания Института Советского Союза и стран Восточной Европы, переименованного затем в Институт Европы и Азии, Ван Чжичэн трудится в этом институте, занимаясь в качестве главного научного сотрудника широким спектром проблем, включающим историю российской и других эмиграций в Китае, историю Русской духовной миссии, славяноведение, международные отношения на Дальнем Востоке. Основной же темой его исследований в течение целого ряда лет была история российской эмиграции в Шанхае, изучение которой вылилось в обширный труд энциклопедического характера объемом в 610 тысяч иероглифов, состоящий из трех частей и 27 глав (831 стр. текста).

Как отмечалось в рецензии на этот труд, опубликованной в журнале "Шэхуэй кэсюэ" (1995, № 2), "Исследовать данную область по идеологическим и другим причинам считалось опасным. За рубежом соответствующих трудов, посвященных исследованию истории русской эмиграции, также крайне мало, в большом количестве есть только мемуары, написанные некоторыми русскими эмигрантами". Рецензент не счел значительными успехи проведенных исследований в этой области в 80-е годы учеными Советского Союза и поэтому тема, к которой приступил Ван Чжичэн, может называться "целинной". Китайский ученый работал над книгой "История российской эмиграции в Шанхае" десять лет. Им были изучены литература и пресса на китайском, русском и английском языках более, чем за полувековой период (1898-1952 гг.), всего обработано и систематизировано свыше 3-х тысяч источников. Исследования, начатые в Китае, продолжились за рубежом в период научной командировки в Россию (1990 г.) и стажировки в Стэнфордском университете США (1992-1993 гг.). Во время исследований, проводимых в Калифорнии, Ван Чжичэн был избран почетным членом Музея русской культуры в Сан-Франциско и назначен совет-

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Трощинский Павел Владимирович, юрист.

ником музея. Обогащенная материалами, собранными за рубежом, книга была выпущена в свет книготорговой фирмой "Санълянъ" в конце 1993 г.

Первая часть книги посвящена этапам истории шанхайской ветви российской эмиграции. Она и называется "История развития русской эмиграции в Шанхае". Здесь представлена вся история поселения русских и русскоязычных выходцев из России в Шанхае - от появления первых русских жителей еще в дореволюционный период, затем резкого роста русского населения во время и сразу после гражданской войны в России до экономического и культурного расцвета русского Шанхая в 30-е годы и исхода русских из города в конце 40-х и начале 50-х гг.

Первые русские в Шанхае появились в середине XIX-го века. Это были купцы-чаеоторговцы, для которых Шанхай стал важным перевалочным пунктом импорта чая в Россию. Тогда русских, постоянно проживающих в Шанхае, было немного. Однако и в то время там побывало немало русских путешественников и коммерсантов. Кроме того, в Шанхайский порт постоянно заходили русские корабли. Поэтому уже в 1860 г. в Шанхае появился нештатный русский консул, а в 1896 г. было учреждено штатное Российское императорское генеральное консульство. В том же году открылось Шанхайское отделение Русско-Китайского Банка, первого совместного финансового учреждения двух стран. Затем стали появляться представительства крупных торговых компаний из России. В дальнейшем, уже в начале XX-го века, "Российским добровольным флотом" была установлена регулярная пароходная линия Владивосток-Шанхай. Численность русских жителей Шанхая увеличилась в это время примерно до 350 человек (данные 1905 г.) и в предреволюционный период существенно не менялась, составляя приблизительно 3% от общего числа иностранцев в городе. Существенные изменения произошли с началом гражданской войны в России. Уже в первые месяцы 1918 г. в Шанхае появилось около тысячи российских беженцев. В декабре 1922 г. русское население Шанхая резко увеличилось с приходом в устье Янцзы эскадры адмирала Старка, которая на устаревших военных судах, не приспособленных для перевозки пассажиров, вывезла тысячи беженцев из России, в том числе белых эвакуантов из войск генерала Глебова и дальневосточных казаков. В Шанхае русских стало больше 6-ти тысяч. В дальнейшем количество их росло за счет переселенцев из Маньчжурии (в основном из Харбина). В середине 30-х гг. русских и русскоязычных в Шанхае проживало более 20 тысяч (в одной из сносок на русскую газету "Шанхайская заря" от 1 марта 1934 г. говорилось даже о 25 тысячах эмигрантов из России)¹. Русские были тогда самой большой иностранной колонией на территории Шанхая. Они селились в основном на территории Французской концессии и одна из ее центральных улиц — Авеню Жоффра (современное название: Хуайхай чжунлу) в местном просторечьи называлась Русской, а сама Французская концессия — Русской, т.к. там проживало русских в четыре раза больше, чем французов.

20-е годы характеризуются Ван Чжичэном как наиболее тяжелые для русских эмигрантов. Этому периоду истории русской эмиграции в Шанхае посвящена отдельная глава книги. Следует сказать, что попавшие в тяжелое материальное положение русские не гнушались никакими совершенно непристижными для "белых европейцев" работами и многие из них, скопив тяжким трудом какие-то средства, начинали свое дело, а некоторые весьма преуспели в коммерции. С 1926 по 1928 г. только на Авеню Жоффра русские открыли около 20 универмагов, 10 продовольственных магазинов, 30 магазинов готового платья, десятки других торговых заведений. Благодаря им эта улица стала самой оживленной в Шанхае после Нанкинской (Наньцзин лу). В 1933 г. русским принадлежало более тысячи торговых и других предприятий.

С улучшением материальных условий жизни появилась забота о сохранении и развитии русской культуры. Тридцатые годы характеризуются автором как период расцвета русской культуры в Шанхае. В городе начали работать русский драматический театр, балетная школа, состоящий в основном из русских Шанхайский муниципальный оркестр, первоначально называвшийся оркестром Французской концессии. В Шанхай перебрался из Парижа А. Вертинский. Здесь гастролировал Ф. Шаляпин. В столетнюю годовщину смерти А. С. Пушкина на средства шанхайских русских на пересечении улиц Фэньян лу и Таоцзян лу был сооружен памятник поэту.

С началом войны на Тихом океане (декабрь 1941 г.) Япония оккупировала территорию Международного селттельмента и Французской концессии, а после войны начался исход русских из Шанхая, одна часть которых репатрировалась в СССР (8 тыс. человек), а другая (7 тыс. человек) при помощи Международной организации по делам беженцев эвакуировалась на Филиппины, а в дальнейшем рассредоточилась по третьим странам (в основном осела в США). На этом история русского Шанхая закончилась.

В последующих частях книги Ван Чжичэном рассмотрены различные аспекты жизни и деятельности русских эмигрантов в Шанхае. Во второй части анализируются их правовое и социальное положение, в том числе взаимоотношения с меняющимися в городе властями, отношение к СССР на различных этапах истории (об этом подробнее далее), вопросы занятости и жизненного уровня разных слоев эмиграции и т.д. Одна из глав второй части посвящена положению русских женщин, другая — русским цыганам, а заключительная — обычаям русских эмигрантов. В последней главе, в частности, содержатся довольно подробные сведения о соблюдавшихся эмигрантами религиозных праздниках и некоторых светских, как например, Татьянин день, День русской культуры (отмечался в день рождения А.С.Пушкина), День Российского флота (19 ноября), Праздник русских бойскаутов (6 мая) и другие.

Половину общего объема книги составляет ее 3-я часть, которую автор назвал "Обзор всех кругов русской эмиграции в Шанхае". Этот обзор начат главой о русской православной церкви в городе. В ней рассказано об истории всех православных храмов в Шанхае, включая домовые церкви, от освящения первого из них — Богоявленской церкви (1903 г.) до Храма архангелов Михаила и Гавриила, заложенного в 1942 г. Всего сделан обзор 12-ти учреждений православной церкви, включая Подворье пекинского Покровского женского монастыря. Все эти храмы и иные учреждения функционировали под эгидой Русской зарубежной православной церкви, которая не признавала Московского патриарха и связывала законную власть в России с Великим князем Владимиром Кирилловичем. Своего епископа в Шанхай зарубежная церковь назначила в 1929 г. Некоторые русские культовые строения сохранились в Шанхае до наших дней: Кафедральный собор во имя Божией Матери-Споручницы грешных (Свято-Богородицкий собор) и Свято-Николаевский храм ("Памятник Царю-мученику Императору Николаю Второму и его Августейшей семье"). Оба культовых сооружения охраняются как памятники архитектуры Шанхайским муниципалитетом (городским народным правительством), однако уже используются не по прямому назначению (например, в Свято-Богородицком соборе разместились биржа и ресторан). Глава содержит также подробные сведения обо всех заметных православных духовных деятелях Шанхая и православных обществах (в том числе и о Китайском православном братстве), их международных связях и изданиях.

Далее в книге Ван Чжичэна рассказывается о других организациях российских эмигрантов в Шанхае, в том числе нерусских по национальности и неправославных по вероисповеданию, как, например, о Мусульманской духовной общине (имеются в виду российские мусульмане) и Сообществе русских

евреев. Над большинством эмигрантских организаций главенствовал Русский эмигрантский комитет. Председатель комитета и его заместитель назначались мэром Большого Шанхая. Комитет содержался на средства самообложения эмигрантов и имел в своем составе ряд отделов и других структурных частей. Кроме того, время от времени возникали различные объединения, претендовавшие на представительство интересов русских эмигрантов. Это, например, Русская национальная община (была создана в 1929 г.), включенная затем в Совет объединенных российских организаций. В Совет наряду с общиной вошли 37 организаций или представителей функциональных и национальных групп, в числе которых Русское благотворительное общество, Русское медицинское общество, Русское гимнастическое общество "Сокол", пять казачьих союзов, Русская секция Еврейской религиозной общины, представители осетин, представители российских торговцев и товаропроизводителей. Автор рассматривает и другие объединения эмигрантских организаций и групп.

Еще в одной из глав книги говорится о некоторых видах существовавших в Шанхае русских эмигрантских организаций, среди которых выделены отдельными параграфами следующие: а) политические организации, в том числе Трудовая крестьянская партия, Дальневосточный филиал Российской всенародной националистической партии (росснаци), Общество помощи бегущим из СССР (также называлось Комитетом помощи бегущим из Советской России), Российский фашистский союз (позже - партия с таким же названием), Общество "За веру, Царя и народ" и другие; б) организации военнослужащих белых армий: Дальневосточный филиал Российского общевойскового союза, Союз офицеров Российской армии, Союз служивших в армии и флоте России, Шанхайский союз русских военных инвалидов, Шанхайский казачий союз и другие; в) благотворительные организации и учреждения: Русское благотворительное общество, Русское общество медицинской взаимопомощи (с 1931 г. - Общество врачебной помощи малоимущим русским эмигрантам), Русский дом милосердия (первоначально назывался Русским ночлежным домом), Детский приют им. Св. Тихона Задонского, Общество помощи престарелым русским эмигрантам, Армянское благотворительное общество и другие; г) молодежные, студенческие и женские организации: Российский студенческий союз, Кружок русской молодежи, Лига русских женщин, Союз русской национальной молодежи, Общество русских студентов и абитуриентов. Автором приводятся данные о персональном составе руководства этих организаций и некоторых моментах их деятельности

Как ни относиться к политическому лицу эмигрантских организаций, нельзя не признать, что они помогали выжить соотечественникам в трудных условиях заграничного житья, наполнить его каким-то содержанием и смыслом.

Более скудны в книге сведения об эмигрантских землячествах и союзах. Они ограничиваются персоналиями руководителей этих объединений, не всегда называются даты их образования, а в отдельных случаях упоминаются лишь их адреса (возможно потому что речь идет в основном об объединениях лиц нерусских национальностей). Все же мы упомянем Шанхайскую ассоциацию латвийских эмигрантов, возникшую в 30-х гг. сначала под названием Национального общества латышей в Китае, Шанхайскую ассоциацию литовцев; Шанхайский украинский эмигрантский комитет, заметка о котором мелькнула в газете "Шанхайская заря" в мае 1942 г. (в книге Ван Чжичэна только его адрес - квартира в одном из домов на нынешней Янань лу); Шанхайское грузинское общество, данные о персональном составе руководства которого приводятся на май 1939 г.; Кружок петербуржцев, основанный в 1942 г. Кроме того, в разное время существовали землячества переселившихся в Шанхай русских эмигрантов из Маньчжурии (в том числе отдельное харбинское) и Шаньдуна.

Немногим более подробны сведения о научно-технических русских эмигрантских обществах, к которым автор относит также и возникшие в 1940 г. Общество русских филателистов и Общество изучения японского языка, закрывающие список этой категории общественных организаций. Ранее всех других научных и технических обществ в Шанхае было создано Русское военно-научное общество, которое вело историю от возникшего еще в 1920 г. кружка по военному самообразованию. В работе этого общества, взявшего девиз "Самостоятельно изучать, развивать военную науку", кроме русских и китайцев, принимали участие англичане, немцы, итальянцы, японцы, французы и американцы. В 1930 г. в Шанхае было создано Русское техническое общество. В числе его членов наряду с русскими были проживавшие в Шанхае японцы, англичане, другие иностранцы и небольшое количество китайцев. В 1935 г. переместившиеся в Шанхай востоковеды из Харбинского института Св. Владимира организовали Шанхайское общество русских ориенталистов, сыгравшее определенную роль в распространении востоковедных знаний среди русских эмигрантов в Шанхае.

Последний параграф главы посвящен эмигрантским клубам. Здесь краткие справки об Офицерском собрании, Клубе общества русских торговцев, Казачьем доме, Шанхайском еврейском клубе, Шанхайском русском аэроклубе, Шанхайском русском общественном собрании, Русском доме.

Четвертая глава 3-й части книги Ван Чжичэна названа "Русские школы и вопросы получения образования русскими эмигрантами". Прежде всего отмечено, что система образования для детей русских эмигрантов создавалась с нуля. Процесс ее создания шел по двум линиям: организация русских школ и учеба русских детей в иностранных школах (в том числе в группах обучения на русском языке, которые, например, были во французской муниципальной школе Реми). В налаживании обучения эмигрантских детей и молодежи большую роль сыграли общественные организации в области просвещения и работы с детьми. Первой организацией такого рода являлось Русское просветительное общество, начавшее свою деятельность в 1921 г. Именно его усилиями в том же году была открыта первая русская школа в Шанхае. В 1926 г. было создано Общество помощи неимущим русским учащимся французского муниципального коллежа, в 1932 г. - Общество друзей русской школы, в 1933 г. — Общество родителей и друзей школы Реми, в 1938 г. — Союз русских педагогов.

Кроме упомянутой первой школы в системе общего образования русских функционировали Первое реальное училище им. А.С. Пушкина (основано в 1937 г.), Женская гимназия Лиги русских женщин, Свято-Андреевская церковно-приходская школа.

К учебным заведениям профессионального образования, в которых обучались шанхайские русские, относились: Коммерческое училище Русского православного братства, Радиотехнические курсы, Радиотелеграфные курсы французского муниципалитета, Первая русская музыкальная школа, Средняя техническая школа им. Н.И. Пирогова, Женская профессиональная школа и некоторые другие. Среди русских профессиональных учебных заведений Шанхая были также эвакуированные сюда эскадрой адмирала Старка два кадетских корпуса - Первый сибирский императора Александра Первого и Хабаровский графа Муравьева-Амурского. Всего в Шанхай прибыло около 700 кадетов, в основном сирот, в возрасте от 12 до 18 лет. Корпуса находились в городе до 1924 г., после чего были переправлены в Югославию, где им покровительствовал король Александр.

В Шанхае русские эмигранты могли получить и высшее образование в Русской высшей коммерческо-юридической школе, Русском техническом институте французской концессии, Русском коммерческом институте.

Кроме упоминавшихся выше учебных заведений, существовали и заведения иностранные. Помимо названных выше Французского муниципального коллежа и Французской муниципальной школы Реми русские учились еще в одиннадцати иностранных учебных заведениях (французских, англо-американских, немецком) и Университете Аврора. В последнем по данным на 1943 г. из 1807 обучавшихся было около 180 русских студентов. При этом до 1932 г. здесь был только один русский студент, но в последующие годы их число постоянно росло. К сожалению, в книге не указывается по каким специальностям велось обучение в Университете Аврора.

В следующей пятой главе книги Ван Чжичэн представил русскую прессу Шанхая, книгоиздательские и книготорговые фирмы, библиотеки и радиовещание. В приведенном им перечне 24 газеты и 27 журналов, в том числе и периодические издания, существовавшие краткий период. Указываются и тиражи некоторых из них в 30-е гг. Например, "Шанхайская заря" выходила тиражом 6 тысяч экземпляров, газета "Слово" — 5 тысяч. Подробнее всего рассказано именно об этих наиболее популярных среди шанхайских русских газет. В числе их авторов упомянуты А. Амфитеатров, И. Бунин, Н. Рерих, Саша Черный и другие известные литераторы и ученые эмиграции. О ряде газет приводятся лишь сведения о датах основания и главных редакторах. Из периодических изданий, выпускавшихся советскими учреждениями, названы выходившие на английском языке "Дэйли Ньюс" и "Совет Уикли". К местным изданиям просоветского толка на русском языке отнесены "Шанхайский день" и "Новая жизнь". Из русских издательств наибольшее внимание уделено издательству "Слово", выпускавшему одноименную газету. Весьма внушительен для эмигрантского издательства приводимый в книге перечень книг, изданных "Словом" в середине 30-х гг. Он включает 52 мемуарных и художественных произведения (от "Оренбургского казачьего войска в борьбе с большевиками" Акулинина и "Бога войны барона Унгерна" Макаева до "Рассказа присяжного поверенного" и "Двух надежд" Амфитеатрова), восемь учебных книг (от "Букваря" до "Отечественной истории"), множество книг для детей (в том числе произведения Корнея Чуковского "Тараканище" и "Крокодил"), адресные и справочные книги. В числе радиовещательных станций наряду с русской упомянута татарская. В работе русского радиовещания из Шанхая принимал участие А.Вертинский.

Из русских библиотек относительно подробные сведения приведены о восьми, в том числе и о совмещавших библиотечное дело с книготорговлей (например, книжный, писчебумажный магазин и библиотека Н. Щербакова "Русское Дело"). Кроме того, названы десять других библиотек, включая библиотеки при общественных организациях и учебных заведениях.

Особый интерес представляет 7-я глава третьей части книги, посвященная развитию русской культуры в Шанхае. Уже в самом заголовке подчеркивается ее значение, она названа половиной (полцарством) международной культуры города. По схеме предыдущих глав автор прежде всего знакомит читателя с организациями в области культуры и народного творчества, многие из которых с харбинскими корнями. Это литературные содружества "Понедельник" и "Вторник", Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов (ХЛАМ), Литературно-художественный кружок при Еврейском клубе, Шанхайская Чураевка, Литературно-художественное содружество "Восток", Объединение "Искусство и творчество" (включало в себя Артистический клуб и Музыкальный комитет), Русское профессиональное театральное общество, Товарищество украинских артистов, Украинское культурно-просветительное общество им. Н. Лысенко, Пушкинский комитет и другие. Далее приводятся сведения о русских писателях и поэтах Шанхая. Тридцати пяти литераторам посвящены заметки с указанием произведений и периодиче-

ских изданий, в которых они участвовали, и еще тридцать два автора, по всей вероятности не жившие тогда в Шанхае, упомянуты только по фамилиям (в том числе и известный писатель-эмигрант А. Амфитеатров).

В следующих параграфах главы довольно подробно говорится о русских театральных и музыкальных коллективах Шанхая, а также самодеятельных коллективах Русского общественного собрания и Шанхайского еврейского клуба. Приводятся фамилии наиболее известных исполнителей и репертуар профессиональных коллективов. Наибольшее внимание в книге уделено Русскому театру в Шанхае, первоначально (1932-1933 гг.) именовавшемуся Русским камерным театром (в его репертуаре преобладала русская классика) и Шанхайскому муниципальному оркестру, который в те годы считался самым сильным коллективом на Дальнем Востоке. Не обойдены вниманием казачьи и церковные хоры, а также немногочисленные русские художники, которые создавали студии и художественные салоны, расписывали храмы (в частности Свято-Николаевский храм расписан художниками А. Харитоновым и Н. Задорожным).

Две небольшие главы посвящены русским адвокатам и врачам. Первых объединяло Русское юридическое общество, называвшееся также Обществом русских адвокатов Шанхая (Шанхай эго люйши сехуэй). Оно было создано в 1929 г. Всего русских адвокатов было немного, однако, по своей численности они занимали третье место после англичан и американцев среди адвокатов-иностранцев. В книге приводится список практиковавших в Шанхае адвокатов российского происхождения, которых в 1936 г. было всего 12. В дальнейшем дела вели еще 20 адвокатов, также представленных в книге отдельным списком. Все они одновременно были членами Китайской коллегии адвокатов (Чжунго люйши сехуэй), без принадлежности к которой они не могли бы выступать в китайских судах. При этом надо отметить, что в то время шанхайская адвокатура на 70% состояла из китайцев. Автор называет адреса пяти русских адвокатских контор.

Врачей российского происхождения объединяло Шанхайское общество русских врачей. Первый врач из России поселился в Шанхае еще до революции. С началом послереволюционной эмиграции в городе оказалось 12 врачей из России. К 1932 г. их число увеличилось до 32-х, а в последующие годы еще больше возросло. В 1941 г., накануне вступления Японии в войну на Тихом океане, в Шанхае практиковало около 80 врачей из России. Из приводимой в книге таблицы явствует, что российские эмигранты, работавшие в Шанхае в качестве врачей, уступали по численности только немецким врачам. Среди русских медицинских объединений (кроме вышеупомянутого Шанхайского общества русских врачей) и учреждений в книге отмечены Шанхайское общество русских доноров, Шанхайский союз сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, Госпиталь Русского православного братства и ряд медицинских учреждений, в которых работали русские врачи, оставившие о себе хорошую память в Шанхае.

Много внимания в книге уделено российским торгово-промышленным кругам города. Еще до Октябрьского переворота в России, в мае 1917 г. в Шанхае образовалась Русская торговая палата, а в 1925 г. — Шанхайский союз русских торговцев, в 1932 г. — Ассоциация русских промышленников и торговцев. Далее довольно детально представлены Русско-Китайский и Русско-Азиатский банки, перечислены работавшие в Шанхае русские промышленные и торговые (включая внешнеторговые) предприятия, кредитные общества и кооперативы, приведена статистика, характеризующая их деятельность. Все это создает довольно впечатляющую картину русского эмигрантского бизнеса в "Париже Востока", как иногда именовали Шанхай.

В последней главе книги рассказывается о русских служащих в иностранных учреждениях города. Главным образом о службе русских эмигрантов в охране предприятий, Русском волонтерском отряде, создававшемся в 1927 г. для защиты иностранных концессий от войск Чан Кайши, Русском вспомогательном отряде французской полиции², других охранных структурах.

Автор не завершает книгу обычным в таких случаях заключением, предоставляя читателю самому оценить собранный и систематизированный им обширный материал. Его исследование строго объективно, никакие точки зрения им не навязываются, что делает книгу Ван Чжичэна особенно ценным историческим материалом. Упомянувшиеся в ней русские фамилии даны с их китайской транскрипцией, названия шанхайских улиц обозначены по-французски или по-английски, здесь же приводятся старые и современные китайские наименования (например, Авеню Фош — Фуской лу — Янань лу).

Трудно переоценить проделанную китайским исследователем работу. История российской эмигрантской колонии в Шанхае как бы оживает под пером автора. В рамках журнальной статьи невозможно должным образом представить титанический труд Ван Чжичэна. Поэтому нам пришлось ограничиться кратким экскурсом по его книге. Этот труд при выходе в свет получил высокую оценку в китаеведческих кругах России, США и других стран. В упоминавшейся выше рецензии на книгу в журнале “Шэхуэй кэсюэ” (1995, № 2) сказано: “По выходе “Истории русской эмиграции в Шанхае” в свет книга вызвала сравнительно большое количество откликов международных научных кругов. Когда автор книги Ван Чжичэн посетил в 1990 г. бывший Советский Союз, московское телевидение сделало об этом специальную передачу”. Кроме того, “ученые из десяти стран, приезжая в Китай или в письмах, дали высокую оценку научному значению “Истории русской эмиграции в Шанхае”, считая, что эта книга позволила китайскому ученому “занять место первооткрывателя в области международных исследований русской эмиграции”. Рецензия не обходит вниманием и некоторые недостатки книги, отнеся к ним, в частности, сравнительно слабое освещение жизни русской эмиграции в Шанхае начала 40-х гг., что связывается с японской оккупацией и безвозвратной утерей ряда материалов.

Неоднократно ставился вопрос о переводе книги шанхайского исследователя на русский язык. Более того, один из часто сменявшихся министров культуры РФ обещал во время визита в Шанхай издать книгу в России, однако, найти соответствующие средства для перевода и публикации пока не представлялось возможным. В США уже осуществлен сокращенный перевод книги, но средств для его издания тоже пока не нашлось. Остается надеяться на будущее позитивное решение этого вопроса. Издание этой книги на русском языке особенно важно. Так или иначе, история шанхайской эмиграции — это и кусочек российской истории, в том числе и истории культуры, истории взаимоотношений народов России и Китая.

Капитальный труд Ван Чжичэна — не единственная его публикация по истории русской эмиграции в Шанхае. Другой значительной его работой на эту тему является опубликованная к 50-ой годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне статья “Русская эмиграция в Шанхае и Великая Отечественная Война Советского Союза”, опубликованная в “Шэхуэй кэсюэ” (1995, № 11) как один из “выдающихся научных трудов пятилетки”.

В истории отношения русской эмиграции к советской стране автор выделяет три периода: в первый из них (1917-1933) в эмигрантской среде преобладали антисоветские настроения, определенные не только событиями гражданской войны, но и тем, что СССР в своем развитии не был притягательным примером; во второй период (1933-1941) возникает другое отношение в среде эмиграции к СССР, обусловленное ростом его государственной мощи и между-

народного авторитета. В эти же годы стало подрастать новое поколение эмигрантов, не отягощенное предвзятым отношением к послереволюционной России старшего поколения эмиграции; оно стало испытывать интерес к незнакомой Родине, сочувствовало ей — именно в эти годы появились организации, не скрывавшие своих симпатий к новой России (в их числе Младорусская партия, Союз возвращенцев) ; в третий период (с 1941 г.) русская эмиграция претерпела существенные изменения: не всегда симпатизируя советской власти, все же большая часть ее оказалась на стороне сражавшейся с агрессором Отчизны.

Начало второй мировой войны в сентябре 1939 г. вызвало много споров и обсуждений среди русских эмигрантов, понимавших, что России не избежать вовлечения в мировую войну и по-разному моделировавших ее будущее. Шанхайская газета “Слово” писала 14 июля 1940 г.: “Большая часть русской эмиграции надеялась, что какая-нибудь великая держава развяжет войну с Союзом, а ее итогом должен быть крах советской власти и в России снова установится национальная власть. Однако поражение России в войне с великой державой не только не будет способствовать подъему антиреволюционного движения, но из великой державы превратит ее в упадочное государство...с раздробленными и расчлененными границами. Поэтому не стоит уповать на войну, а надеяться на то, что силы внутри страны будут способствовать возрождению России... Помните Россию! Верьте в Россию! Верьте в ее силу!”.

После получения сообщения о нападении Германии на СССР 22 июня 1941 г. все русские эмигранты просоветской ориентации приняли решение оказать помощь советскому народу в войне против немецких захватчиков. В частности, русские женщины сразу взялись за изготовление вещей для солдат Красной Армии. Уже 25 июня был создан “Фонд сбора военных пожертвований”, который собирал вещи и деньги для пострадавшей Родины.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны стали меняться и позиции убежденных белогвардейцев. Военные организации белой эмиграции и представители других общественных организаций Шанхая выступили с совместным воззванием “К русским людям”, в котором заявили, что их позиция в отношении советской власти не изменилась, однако в этой войне они на стороне России и против Германии. Ван Чжичэн приводит такое высказывание одного из руководящих деятелей белогвардейского РОВС в Шанхае Вержицкого: “Пораженчество и защита Родины — два разных явления. Некоторые считают, что врагом России является советская власть и требуется только ее падение, для этого они готовы сотрудничать хоть с чертом и готовы заплатить за это любую цену — это и есть пораженчество. Другие говорят: Россия вечна, а советская власть непостоянна. Наша обязанность — защитить территориальную целостность России и ее национальное достоинство, мы должны быть вместе с русским народом. Такие люди являются защитниками Родины. Защита Родины базируется на инстинкте защиты нации. Защита Родины и патриотизм тесно взаимосвязаны. Пораженчество же исходит из сугубо партийных и личных интересов. Целью пораженцев является лишь получение власти любой ценой. У них отсутствует национальный дух...в истории России пораженцы приветствовали вторжение в Москву поляков и шведов. Однако Минин и Пожарский изгнали их. Я верю в Великую Россию. В расцвете она или в бедности — моя вера непоколебима. Я верю в будущее России”.

К середине июля 1941 г. эмигранты различных направлений, в том числе и белогвардейцы, внесли в Шанхайское отделение Московского народного банка вклады для помощи России на сумму, превышающую 20 тысяч юаней; кроме того, были большие пожертвования золотыми монетами как русской дореволюционной чеканки, так и английскими.

Совершенно по-другому повел себя Русский эмигрантский комитет, который с санкции шанхайских властей обладал некоторыми полномочиями по

отношению к эмигрантам из России. Председатель комитета А. Иванов выступил 8 августа 1941 г. с речью, призывавшей эмигрантов сохранять нейтралитет, твердо выступать против коммунизма, не поддерживать войну Советов с немцами. Тем не менее, все большее число их становилось на путь помощи Родине, что вызывало угрозы комитета лишить эмигрантов прав и документов. Особую ненависть его вызывали члены Младорусской партии и Союза возвращенцев. Расслоение среди русских эмигрантов усилилось после изданных еще в военное время Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР находившихся в различных странах подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство.

Как пишет Ван Чжичэн, явившаяся тяжелым испытанием для советского народа Великая Отечественная война, вместе с тем сплотила этот народ, а у зарубежных соотечественников возродила патриотические чувства. Советские власти постепенно меняли свою позицию по отношению к оказавшимся за рубежом соотечественников. 30 июня 1947 г. Правительство СССР обратилось с призывом к эмигрантам возвратиться на Родину. Правда, прошло еще немало времени, прежде чем вернулись все те, кто хотел этого. Но пожелали вернуться далеко не все эмигранты. Как уже упоминалось выше, примерно 7 тысяч шанхайских русских, сохраняя неверие в политику советской власти, не стали ходатайствовать о восстановлении в советском гражданстве и предпочли в период с конца 1948 г. по май 1949 г. группами покинуть Китай с помощью Международной организации по делам беженцев.³

Статья Ван Чжичэна "Русская эмиграция в Шанхае и Великая Отечественная война Советского Союза" явилась важным дополнением к его капитальному труду - своего рода энциклопедии истории русской эмиграции в Шанхае. Немолодой уже ученый полон новых творческих планов, он намерен создать в Шанхае Центр русской культуры с отделами литературы, музыки, изобразительного и театрального искусства. Пожелаем ему успехов в этом благородном начинании.

А пока такой центр не создан, важнейшие мероприятия, связанные с российской культурой, проходят в рамках Центра славяноведения Шанхайской академии общественных наук. В частности, в последние несколько лет Центром славяноведения были проведены семинары на следующие темы: "60-летие со дня кончины М.Горького", "Советская литература и Великая Отечественная война", "200-летие со дня рождения А.С.Пушкина".

1. В изданном Генеральным консульством РФ в Шанхае справочнике-путеводителе Г. В. Зиновьева "Шанхай и Восточный Китай" (1999 г.) со ссылкой на сведения генерала Ф. Г. Глебова указывается, что русское население Шанхая в 1936 г. достигал 21-й тысячи человек.
2. О службе русских в этом отряде см. интересные воспоминания Г. Хотковского "Шанхай моей молодости" (ПДВ. 1995 г. №2), вышедшие после издания книги Ван Чжичэна и вероятно поэтому им не учтенные. Это относится и к другим российским публикациям по истории русской эмиграции в Китае.
3. Наибольшее количество одиноких пожилых людей из числа русских эмигрантов осталось доживать свой век в приютившем их городе. В конце 90-х гг. в Шанхае, согласно вышеуказанному справочнику-путеводителю Г. Зиновьева, проживал единственный русский, которому в 1998 г. исполнилось 95 лет.

О методологии изучения китайских класических текстов

© 2000

Н. Мартыненко

Исследователи древнекитайских текстов сталкиваются с целым комплексом специальных проблем как историографического, так и филологического характера. Принципы их постановки и решения весьма существенно влияют на результаты текстологического анализа. Одной из таких проблем является выбор метода перевода и толкования классических китайских текстов. Этот выбор в значительной степени зависит, в частности, от воззрений на особенности развития китайской письменности в период фиксации первых философских памятников.

Постановке и решению подобной специальной проблемы посвящена статья Л.И. Головачевой "Изучение "Лунь юя" и новая гипотеза развития китайской письменности", опубликованная в предыдущем номере журнала. В статье обосновывается тезис о том, что иероглифические знаки в "Лунь юе" выступают в функции фонетических знаков, а также высказывается допущение, согласно которому "вся доциньская литература использовала в оригинале заимствованные знаки в широких масштабах" и что "не опознанные до сих пор заимствованные знаки имеются во всех текстах Чуньцю-Чжаньго"¹.

Исходя из этих предположений, Л.И. Головачева предлагает собственный метод перевода и толкования названного текста. Наиболее радикальное утверждение автора гласит, что "ключи в ныне существующем тексте можно не только менять, если этого требует контекст, но иногда нужно их приписывать там, где их в нынешнем тексте нет". Этот тезис основывается на мнении, согласно которому критерием истинности реконструкции неизменно является общая "связность мысли" в тексте². К сожалению, автор не поясняет, что же именно необходимо для такого понимания.

Если ключом к постижению "общей связности" является изучение исторических и культурных реалий древнего Китая, китайской комментаторской традиции, то данный критерий не нов. Но тогда не очень понятно стремление Л.И. Головачевой провести ревизию знаков канонического текста. Если же предположить, что она исходит из некоего собственного понимания данного канона, то возникает вопрос: как оно соотносится с китайской комментаторской традицией? С той самой традицией, в которой с огромным пиететом относи-

лись к существующим в тексте “Лунь юя” иероглифам, пытались понять и истолковать эти знаки, не спеша прибегать к их трансформации. Не приведет ли выступающая критерием реконструкции “общая связность мысли в тексте” к навязыванию не автохтонного контекста, актуального только с точки зрения современного исследователя, носителя иной языковой и культурно-исторической традиции?

Вопрос тем более не праздный, что подход Л.И. Головачевой отражает отнюдь не уникальную тенденцию в отношении к древнекитайским памятникам. В последние годы появляется все больше переводов и исследований, принципиально игнорирующих китайскую комментаторскую традицию. В данном случае основанием для такого подхода служат также гипотезы, вступающие в противоречие с мнениями, устоявшимися в современной синологии.

Так, Л.И. Головачева подвергает критике как “легенды” представления об особом характере философской рефлексии в Китае. В этом отношении примечательны ее утверждения о фонетическом характере знаков “Лунь юя” и о присутствии неопознанных заимствованных знаков во всех текстах Чуньцю-Чжаньго. По-видимому, автор находится под определенным влиянием тех представлений о развитии иероглифического письма, которые сформировались; в первую очередь, при изучении истории развития письменности в ближневосточном регионе. На это, в частности, указывает апелляция к “истории развития древних письменностей мира” и к опыту расшифровки Шамполионом древнеегипетской надписи на “Розетском камне”³.

Действительно, в ряде ранних систем письма, прошедших через пиктографическую стадию, на последующих этапах развития были выработаны принципы фонетической фиксации, при помощи которых передаются звуки устной речи, а не визуальные образы. Яркий тому пример – древнеегипетская иероглифика. На Ближнем Востоке в результате длительной эволюции складывались, наряду с идеографическим принципом письма, силлабический (слоговой) и алфавитный (буквенный) принципы. В различных системах письма, применявшихся как в Египте, так и в Месопотамии, сосуществовали графические элементы с идеографическим, слоговым и буквенно-звуковым значениями. При этом одновременно использовались различные типы письма. Поэтому вскрытая в 20-х годах XIX в. Шамполионом закономерность повторения знаков в древнеегипетских надписях позволила ему создать достаточно строгий метод их фонетической дешифровки.

Однако простая экстраполяция метода фонетического прочтения знаков не дает оснований для формулирования столь же строгого метода дешифровки китайских классических текстов. Наоборот, она еще более увеличит их исходную многозначность. При попытке осуществить фонетическое прочтение древнекитайского текста исследователь столкнется с целым комплексом затруднений. В частности, перед ним встанет проблема расчленения иероглифа на два составляющих элемента – фонетик и ключ – и четкого их определения. Ключ имеет смысловое значение, фонетик указывает лишь на произношение иероглифа. При этом в синологии эти термины воспринимаются порой в разных смыслах. Нередко одни и те же графемы в разных случаях выступают то в качестве ключа, то в функции фонетика. В иных случаях понятие “ключ” сводится к тем 214 условным рубрикам, на которые подразделяются китайские словари с эпохи Мин (1368-1644), а фонетиком называют все те элементы, что не является ключами согласно данной классификации.

Эти затруднения не в последнюю очередь обусловлены тем, что далеко не все сложные иероглифические знаки можно безусловно отнести к категории фоноидеограмм – часть из них может относиться и к категории идеограмм. Определяя составные элементы иероглифических знаков в качестве фонетиков,

не всегда можно делать это с абсолютной уверенностью. За многотысячелетнюю историю развития китайской письменности многие современные формы начертания иероглифов были трансформированы писцами, далеко ушли от своих прежних древних форм и впоследствии были классифицированы по достаточно условным признакам.

Уже к началу новой эры далеко не все знаки, которые чаще всего причисляются к фонетической категории, имели то же чтение, что и их фонетики, и эта ситуация сохраняется. На данную проблему указывали и зарубежные и отечественные синологи. Так, известный русский китаевед В.С. Колоколов в процессе работы с китайскими текстами сформулировал следующее практическое правило: "...если составные элементы сложного иероглифа в отдельности произносятся различно и не совпадают с произношением всего составного знака (принимая во внимание и переход звуков), то таковые иероглифы... являются идеографической категорией". В.С. Колоколов отмечал, что в своей работе с китайскими текстами "еще не встречал исключения из этого правила"⁴. А в современном общенациональном китайском языке *путунхуа* произношение иероглифов согласуется с произношением фонетиков только лишь в одном случае из четырех. Следовательно, в трех случаях из четырех нельзя исключить возможность принятия в качестве фоноидеограммы иероглифа, который на самом деле является идеограммой.

Поэтому выделение ключей и фонетиков часто будет достаточно условным. В каждом таком случае задача определения фонетика в иероглифе требует от исследователя детального исторического и филологического анализа. К тому же эта трудность усугубится многозначностью иероглифических знаков, имеющих большое количество порой взаимоисключающих лексических смыслов. Операции со знаками текста по методу их фонетического прочтения и изменения элементов иероглифов открывают перед исследователем перспективу увеличения этой многозначности в геометрической прогрессии. При отсутствии строгого метода установления точных значений и опоре только на контекстуальный критерий реконструкции это может привести к существенному искажению смысла первоисточника.

С данной точки зрения предлагаемый Л.И. Головачевой метод реконструкции древнекитайских текстов нельзя назвать строгим. Выступающий при этом критерием истинности метод определения общего контекста слишком расплывчат. Чтобы установить общий контекст, для начала необходимо, как минимум, понимать значения знаков первоисточника. Но именно корректность их значений, как и истинность их формы, оспаривает Л.И. Головачева. Тем самым создается порочный круг⁵.

Дабы выйти из него, необходимо предложить корректный метод определения значения знаков и выявления на этом основании общего контекста произведения. А для этого требуется поиск неких базисных по отношению к тексту констант. В современной синологии принято следовать тому пониманию классических текстов, которое задается многовековой китайской комментаторской традицией. С точки зрения данной традиции, метод реконструкции древнекитайского текста, исходящий из фонетического прочтения, нельзя назвать доминирующим.

В связи с этим также стоит отметить, что в доциньском Китае фонетическому чтению иероглифов уделяли существенно меньшее внимание, чем в последующие эпохи. Так, первые официальные чтения иероглифов были записаны только во времена Западной Хань (206 до н.э. – 8 н.э.), когда после осуществления графической унификации иероглифов, по мере накопления их смысловых разночтений, потребовалось унифицировать и значения и чтения знаков. Потому во времена правления ханьского Сюань-ди (73-49 до н.э.) ко

двору были вызваны знатоки "малой науки" (сяо сюэ) - филологической традиции - из царства Ци, одного из центров культуры того времени. Они сделали достоянием "малой науки" во всей стране "правильное чтение" (чжэн ду), которое было им известно.

При этом "правильное чтение" означало знание иероглифа в целом - его графической структуры, значения и только потом, в последнюю очередь - деления в слове отдельных звуков. Например, в словаре "Шовэнь цзецзы" ("Толкование письмен и изъяснение иероглифов") Сюй Шэня, изданном в 121 г. н.э., произношение знаков, как правило, не указывалось. Только в некоторых случаях встречается указание *ду жо* - "читать как" и приводится знак с аналогичным произношением. Этот способ использовался при создании первых фонетических комментариев классических текстов, в современной китайской фонологии он называется *чжи инь* - "прямое уподобление".

Интерес к фонетике как таковой оформился в Китае достаточно поздно, возможно, под определённым воздействием буддизма, принесшего из Индии интерес к звучащей речи, рифме, мелодике и тону, а также знание принципов индийского алфавитно-слогового письма⁶. А детальный интерес к чтению иероглифов и слогоморфем проявился только во II-III вв., обусловив появление метода *фаньце* - "разрезания" слогоморфем на инициали и финали (рифмы). Как развитая же, самостоятельная наука, фонетика в Китае утвердилась предположительно к X в., ко времени появления фонетических таблиц, включающих сведения о рифме, инициалах, промежуточных гласных и тонах⁷.

Если же допустить, вслед за Л.И. Головачевой, что уже в доциньском Китае принцип фонетической транскрипции был развитым методом, то в таком случае трудно объяснить столь позднюю объективацию рефлексии по поводу произношения иероглифов, приведшую к созданию метода передачи произношения слогоморфем китайского языка.

Чрезвычайно показательна история еще более поздней фонетической инновации, имевшей место в Китае в XIII в., когда он был завоеван монголами. В 1260 г. тибетский учёный Пагба-лама по приказу хана Хубилая создал на основе тибетского письма монгольский (так называемый квадратный) алфавит, который был введен в официальное употребление в 1269 г. Несмотря на довольно широкое использование квадратного письма (как в монгольских, так и в китайских, тибетских, санскритских, уйгурских текстах), ставшего своего рода международным фонетическим алфавитом, оно впоследствии вышло из употребления в самом Китае, сохранившем верность традиционной иероглифике. Если бы в иероглифике, как утверждает Л.И. Головачева, существовал развитый метод транскрипционной записи, можно было бы ожидать, что квадратный алфавит или иной его аналог мог утвердиться в качестве широко принятой письменной системы. Однако этого не произошло.

Следующие попытки создания в Китае фонетических систем записи были предприняты только начиная с 1892 г., т.е. после многовекового перерыва, и опять под внешним, на этот раз европейским влиянием. С того же времени обсуждается и проблема членности китайского слова (и слога) на звуки. Более того, несмотря на то, что с 1958 г. в КНР действует звуковой алфавит на латинской основе, полного перехода к алфавитному письму не произошло в силу диалектной раздробленности китайской нации и нежелательности перспективы утраты многотысячелетнего культурного наследия. Создание фонетического алфавита не привело к переходу на фонетический принцип фиксации текстов, фонетический способ транскрипции иероглифов используется только как вспомогательное средство - на начальных стадиях образования, в телеграммах и т.п.

Все сказанное выше может послужить аргументом против утверждения о существовании в китайской культуре уже с древнейших времен развитого принципа фонетической транскрипции. Следующий по важности вопрос, затронутый в статье Л.И. Головачевой, касается роли и места знаков так называемых фоноидеографической и заимствованной категорий в китайской письменной культуре. Ее мнение по этому вопросу, собственно, и послужило основой для предположений о существовании фонетических транскрипций в древнекитайской письменности. Названные выше категории знаков входят в систему классификации знаков китайского письма - "шесть категорий", которые выводятся на основе анализа структуры иероглифов.

Сам термин "шесть категорий" (*лю шу*) в отношении письма впервые упоминается в конфуцианском каноническом трактате "Чжоу ли" ("Чжоуские ритуалы", V-II вв. до н.э.) при описании правил наставления наследников престола⁸. Более широкую известность "шесть категорий" получили во времена Восточной Хань (25-220 н.э.), когда были созданы три разных списка "шести категорий" с неодинаковыми их названиями и последовательностями перечисления. Бань Гу в "Хань шу" ("История династии Хань", I в.) лишь перечислил названия категорий, процитировав те разделы "Чжоу ли", где говорится об обучении наследника⁹. Просто перечисляются они и в последующих изданиях "Чжоу ли"¹⁰. Первое же определение данных категорий встречается только в "Шовэнь цзецзы" Сюй Шэня, где он, апеллируя к "Чжоу ли", дал им характеристики и привел по два соответствующих каждой категории иероглифа¹¹. Таким образом, Сюй Шэнь стал первым, кто детально изложил теорию "шести категорий", которая в его интерпретации стала самой влиятельной системой классификации знаков для последующих поколений китайских ученых.

Поэтому воззрения Сюй Шэня на природу этих знаков весьма авторитетны и показательны. По поводу знаков фонетической категории в "Шовэне" часто говорится, что "фонетический знак совмещен с идеографом" или "идеограф совмещен с фонетическим знаком", "смысловая часть совмещена с фонетической" или "фонетическая часть совмещена со смысловой". Исходя из этого, можно понять, что Сюй Шэнь полагал, будто смысловая часть является одновременно и фонетической. Иначе говоря, в его классификации не проводилось жесткого разграничения между знаками идеографической и фонетической категорий. В дальнейшем теория совмещения смысловой части с фонетической развилась в теорию фонетизированных идеографов, а затем в теорию значимых и незначимых фонетических частей иероглифов. На этом основании можно утверждать, что идеографический способ фиксации смысла не исчез и в те времена, когда активно создавались фоноидеографические знаки китайской иероглифики; он был лишь дополнен принципом фонетической интерпретации знаков.

Чтобы объяснить значимость идеографического принципа фиксации смысла в китайской культуре, стоит отметить специфику китайского языка как языка "изолирующего" (или "аморфного") типа, которая, по мнению ряда исследователей, и обусловила принципиальную неизменность китайской письменности. В этом отношении китайский язык коренным образом отличается от ближневосточных и европейских языков "не изолирующего" типа. "Изолирующие" языки характеризуются грамматической значимостью порядка слов, отсутствием словоизменения и строгой дифференциации так называемых знаменательных и служебных слов.

Значение "аморфности" китайского языка для консервации идеографического принципа построения текстов можно продемонстрировать "от обратного" на примере эволюции китайской иероглифической письменности в Япо-

нии. Там на базе китайской письменности была создана система письма с элементами как иероглифического, так и слогового значения. Японский язык, в отличие от китайского, относится к "не изолирующему" типу, в нем глаголы и прилагательные имеют гибкие грамматические окончания (флексии) и существуют служебные частицы — послелогои. В Японии сначала читали по-китайски¹², но вскоре были предприняты попытки использовать иероглифы для записи текстов на японском языке, который не имел своей письменности. Буддийские монахи, занимавшиеся переписыванием священных текстов, попытались записывать японские тексты китайскими иероглифами. Для передачи грамматических особенностей японского языка они стали обозначать изменяемые части слов и служебные частицы иероглифами. При этом учитывалось только звучание этих специально выбранных иероглифов, но не их смысл, и они стали употребляться как слоговые знаки.

Так в Японии были созданы специальные, более простые в начертании знаки для записи звуков японской речи — фонетическая слоговая азбука *кана*, которая существует в двух графических разновидностях — *катакана* и *хирагана*¹³. Этими знаками стали записываться изменяемые части слова, служебные частицы, а также надписывалось японское произношение китайских иероглифов. В самом же Китае фонетическая слоговая азбука для записи звуков китайского языка так и не была создана. Наиболее близким к принципу фонетической записи является образование знаков заимствованной категории, по поводу которой в "Шовэне" говорится: "Когда нет собственного иероглифа — предмет обозначается по его звучанию". Однако данный принцип лишь отчасти напоминает принцип фонетической транскрипции — в Китае не была создана систематическая слоговая азбука и в такого рода случаях активно использовались знаки пиктографической, указательной и идеографической категорий.

Система иероглифической письменности в Китае, сформировавшись в процессе унификации и схематизации древних рисунков, со временем отнюдь не утратила специфические особенности пиктографического и идеографического письма. Пиктографические и идеографические знаки обеспечивали передачу в первую очередь смысловой стороны сообщений, а не звучащей речи и образующих её языковых единиц. Поэтому эти знаки заимствовались в Японии, Корее и Вьетнаме и долго служили средством межэтнического общения в Восточной и Юго-Восточной Азии. Китайские иероглифы были индифферентны по отношению к звучанию слов и морфем. Указанием на это служит множество известных чтений иероглифов — современного стандартного, современных диалектных, реконструированных исторических, а также иноязычных — японского, вьетнамского, корейского.

Китайская письменность — это единственная крупная современная система письма, которая сохранила свою пиктографическую основу, хотя далеко не все знаки китайского языка являются простыми символическими изображениями конкретных предметов окружающего мира. Другое дело, что после реформирования древнего письма, которым первоначально были запечатлены древнейшие философские тексты, возникли затруднения в определении этимологии знаков, достаточно различимой в ранних стилях их записи. Это обстоятельство породило разброс в толковании иероглифов и обусловило многообразие интерпретаций одних и тех же текстов.

В истории китайской комментаторской традиции выделяются школы, предлагавшие различные подходы к одним и тем же памятникам, порой под влиянием идеологического фактора. Поэтому даже доскональное следование пониманию, задаваемому авторитетными комментаторами, не дает окончательного критерия истинности смысла классических китайских текстов. Требуются дополнительные критерии определения истинного контекста произве-

дения и значений составляющих его знаков. Чтобы найти эти критерии, необходимо вычлениить конституирующие элементы канонических текстов.

Поиск подобных констант требует обратить самое пристальное внимание на осмысление китайской письменной культуры - *чжунь вэнь* - ее носителями. Ее исток возводится к глубокой древности. Во времена легендарного Желтого императора - Хуанди - его придворный историограф (по иным версиям, сподвижник других мифических правителей - Фуси или Шэньнуна) культурный герой Цан Цзе создал первые элементы иероглифической письменности - зафиксировал первые 540 знаков *вэнь*, "проникнув в глубинный смысл следов птиц и зверей"¹⁴. Эта легенда засвидетельствована в текстах V-III вв. до н.э. Базисные лексические значения иероглифа *вэнь* - "рисунок", "узор", "татуировка", "орнамент" или "инкрустация". Существуют две основные версии его этимологии. По одной из них, он восходит к рисунку, изображающему перекрещивающиеся линии орнамента или инкрустации на сосуде, согласно другой - к изображению тела человека, на груди которого волнистой линией обозначена татуировка¹⁵.

Развитие древнекитайской иероглифической письменности осуществлялось посредством объединения знаков *вэнь* в составные иероглифы *цзы*. Графически знак *цзы* состоит из элемента, изображающего "крышу дома", под которым размещено изображение "младенца". Его этимологическое толкование - "прижить ребенка", "иметь ребенка у себя в доме" - подразумевает иероглифы, которые, по представлениям древних китайцев, "расплодились от первоначальных *вэнь*". Соответственно, иероглиф *вэнь* обозначает также основной структурный элемент письменности древнего Китая - простой знак, внутри которого невозможно выделить значимые части. Дальнейшее расширение значений иероглифа *вэнь* шло по линии "письменность" - "литература" - "культура".

Существовавший в течение тысячелетий разрыв между разговорной речью и письменным языком *вэньянь* ("языком *вэнь*") был обусловлен принципиальным различием кодирования информации в устной речи, где в качестве кода используется звук, и в китайской письменности, где таким кодом служили особые знаки - пиктограммы и идеограммы. Их принципиальное отличие от знаков фонетического письма заключается в том, что за ними не закреплены конкретные лексические единицы - звуковые сигналы, или фонетики, а также в том, что их можно интерпретировать на любом языке. Они могут читаться как слово, синоним этого слова, словосочетание, предложение с различными вариациями смысла, несколько предложений¹⁶. Здесь конструирование смыслов текста ориентировано не на звуковое, а на зрительное соподчинение, которое осуществляется посредством рисунка, лежащего в основании пиктографического (идеографического) знака.

В настоящее время исследователи истории китайской письменности имеют материалы, предоставляющие сведения о графической форме знаков китайского письма разных времен и из разных частей древнего Китая. В эволюции графических форм знаков легко прослеживается прямая преемственность от самых ранних изображений на гадательных костях к знакам современного вида. Начало фактической, подкрепляемой археологическими материалами истории китайской письменности относится примерно к XIV в. до н.э. Этим временем датируются "шан-иньские" надписи на гадательных костях, а также короткие тексты на бронзовых изделиях, прежде всего на ритуальных сосудах. Их знаки являются прообразом современной китайской иероглифической письменности.

Материальные памятники культуры свидетельствуют о том, что начиная с периода Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.) китайская письменность предстает

как сложившаяся система, имевшая в своем арсенале большое число письменных знаков. Они были в основном пиктограммами и часто сохраняли значительное сходство с изображавшимся предметом. Палеографический признак иероглифов в надписях на гадательных костях - их нестандартизированность. Прямой преемницей иньского письма является чжоуская письменность - первоначально это надписи на ритуальных бронзовых сосудах эпохи Западного Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.). Знаки чжоуской письменности также характеризуются отсутствием стандартного начертания. Следовательно, распознавание этих знаков состояло не в идентификации их с некоторым стандартным начертанием, а в "узнавании", в установлении неформального общего сходства с изображаемым предметом, с некоей ситуацией или комплексом событий.

На этом основании можно утверждать, что древнейшие иероглифы представляли собой схематизированные изображения предметов - пиктограммы и реже - идеограммы, где изображения находятся в особой смысловой связи между собой, выражая определенное понятие. В процессе длительного развития китайской письменности, после ряда реформ и унификаций от первоначальной изобразительной основы мало что осталось, но внимательный взгляд может различить отголоски прошлого в китайских иероглифах даже сейчас. В современных начертаниях иероглифов можно угадать контуры обозначаемых ими предметов - дерево, человек, глаз, женщина, лошадь и т.п.

Исследователи китайского письменного языка также обращают внимание на то, что язык западночжоуских надписей на бронзе по своему строю лишь незначительно отличался от языка гадательных надписей, несмотря на то, что эти надписи могли разделять пять и более столетий¹⁷. Такую стабильность языка на протяжении столь длительного периода легко объяснить, если предположить, что язык надписей был письменным, не совпадавшим с разговорным языком того времени. Тексты более позднего периода Чжаньго (V-III вв. до н.э.) в том виде, в каком они известны сейчас, хотя и содержат отдельные диалектные различия, в целом написаны на довольно стандартизированном языке¹⁸. По мнению ряда исследователей, этот язык тоже мог быть только письменным, поскольку в той лингвистической ситуации тексты, написанные на разговорном языке, никак не могли обнаружить столь высокую степень грамматической и лексической однородности¹⁹.

Имея общее сходство, формы начертания иероглифов изменялись в зависимости от времени и места. Для передачи новым поколениям их стандартизированного начертания и смысла использовались официальные списки письменных знаков. Центральная власть время от времени проводила мероприятия по упорядочению применения иероглифической письменности, а составлявшиеся при этом списки использовались как пособия для обучения грамоте. Первым известным опытом кодификации графики китайской письменности является свод иероглифов "Ши Чжоу пянь" - "Список Ши Чжоу", придворного историографа чжоуского Сюань-вана (827-782 до н.э.). Графическая форма знаков этого списка называется "великая печать" (*да чжуань*)²⁰.

По форме начертания иероглифов "великой печати" можно узнать их идеографические прообразы, зафиксированные на гадательных костях и в надписях на бронзовых сосудах. Обобщенное название этих письмен - *гуэнь*, "древнее письмо". О появлении названия "головастикое письмо" (*хэдоу*) для иероглифов древнего письма, история сохранила следующую легенду. Увидев найденные при разборке дома Конфуция древние книги, записанные знаками этого вида - с большими утолщениями в начале штрихов и тонкими, "волокнистыми" линиями в остальных частях, князь Кун из удела Ли, не являвшийся ученым-книжником, воскликнул: "Да ведь это же головастики!", и за ними сохранилось это название.

После объединения древнекитайских царств под властью династии Цинь в 221 г. до н.э. одной из первых правительственных реформ была унификация знаков письменности. Это событие описано в словаре “Шовэнь цзецзы”, согласно которому, “доклад об унификации письменности и упразднении тех знаков, которые не были сходны с циньским письмом” подал на высочайшее имя первый министр Ли Сы. Им самим, учеными Чжао Гао и Ху Гуаньцзином были составлены три нормативных списка, основанных на начертаниях “великой печати” Ши Чжоу, но при этом некоторые знаки были существенно упрощены и изменены. Это письмо получило название “малой печати” (сяо чжуань). Для удобства официального делопроизводства было создано “писцовое письмо” (*ли шу*), а “древнее письмо с того времени прекратило свое существование”²¹.

Некоторые ученые полагают что “писцовое письмо” фактически представляет собой небрежное начертание иероглифов “малой печати”. Определенную роль в этом сыграло и появление новых инструментальных средств для письма – своего рода карандаша из дерева с расщепленным концом, а затем и кисти. Существенную роль в трансформации знаков сыграл и переход к применению для письма полотен шелка, а затем и бумаги²². Трансформация знаков, наряду с расширением деятельности по мере укрупнения империи, обусловили появление большого количества новых иероглифов.

Перечень иероглифов Ли Сы насчитывал 3300 знаков, большое число которых было составлено при помощи комбинаций издавна существовавших знаков для обозначения тех предметов и понятий, не имевших графических соответствий в древности. Введенный в заблуждение многочисленными к тому времени искаженными написаниями иероглифов, Ли Сы был не в состоянии дать удовлетворительную интерпретацию целому ряду знаков и оставил их для потомства в искаженном и ошибочном виде.

Вскоре вслед за появлением перечня Ли Сы начинается умножение иероглифов и их последовательная трансформация. Способ образования фоноидеографических иероглифов оказался сравнительно легок и плодотворен. В течение последующих двух веков список иероглифов Ли Сы существенно расширился и седьмое издание этого списка, опубликованное в начале новой эры, содержало уже 7380 иероглифов. Дважды столетиями позднее их насчитывалось уже около 10 тыс., а словарь Кан-си, изданный в 1716 г., содержал уже 40 тыс. иероглифов: примерно 4 тыс. общеупотребительных, 2 тыс. применялись для написания имен собственных, а остальные 34 тыс. имели ограниченное употребление или вообще практически не использовались. Таким образом, создание новых иероглифов в послециньском Китае сопровождалось появлением большого количества искаженных или продублированных иероглифов, которые не получили широкого употребления.

Попытку прекратить дальнейшие искажения иероглифов предпринял в I в. н.э. упоминавшийся выше Сюй Шэнь, который обобщил достижения китайских филологов в области этимологии и создал словарь “Шовэнь цзецзы”. В него были включены иероглифы “малой печати”, проверенные, объясненные и расположенные по 540 рубрикам. Каждая словарная статья является кратким исследованием этимологии и значения знака. При этом перечисляются все составные части иероглифа и указываются конструктивная и семантическая функции каждой из них. Сюй Шэнь полагал, что иероглиф-цзы имеет одно основное значение, обусловленное графической формой и семантикой составляющих цзы элементов-вэнь, а все другие значения являются производными от основного. Только в некоторых случаях он указывал два смысла, что было обусловлено расхождениями во мнениях по поводу этих знаков между разными направлениями китайской филологии того времени.

На протяжении многих веков все споры по поводу значений и этимологии иероглифов разрешались с помощью “Шовэнь цзецзы” и мнение Сюй Шэня считалось окончательным. Обращение к материалам “Шовэнь цзецзы” считалось одним из основных условий правильного воспроизведения и истолкования значений иероглифов. Во всех официальных и частных словарях, изданных в Китае в последующие века, указывалось, что в своих определениях они следовали “Шовэню”. Наличие такого эталона обеспечило единообразное толкование иероглифов в китайской филологической традиции на последующие времена.

Распределяя иероглифы по классам, Сюй Шэнь группировал их отнюдь не по фонетическим элементам, а по основным смысловым, исходя из значимого смыслоопределяющего элемента (так называемого ключа), в порядке нарастания числа графических черт. Эта своего рода энциклопедическая система расположения материала по определенным темам представляет собой одну из самых первых принятых в Китае методик распределения знаков, использовавшихся в списках для начального обучения грамоте. Прототип такой классификации зафиксирован, в частности, в своде комментариев “Эр я” (“Приближение к классике”), черновой набросок которого традиция приписывает легендарному Чжоу-гуну (11 в. до н.э.), новую редакцию, созданную якобы в V в. до н.э., — одному из учеников Конфуция, Цзы Ся, и окончательную редакцию датируют 280 г. н.э.

Свою схему классификации знаков письма Сюй Шэнь рассматривал не только и не столько как филологическую, сколько как философскую классификационную модель мира. Число рубрик — 540 — также не случайно. Эти рубрики восходят к первым 540 пиктографическим знакам *вэнь*, якобы созданным легендарным Цан Цзе и положившим начало иероглифической письменности²³.

Таким образом, первые системы классификации иероглифов опирались на значения знаков, которые выводились из этимологии их начертания. В основе их систематизации лежала реконструкция смысла, производного от толкования начертаний древних письмен — *гувэнь*. Искажение этой системы происходило в процессе упрощения графики и по мере упразднения ключей, бедных производными иероглифами. Поэтому иероглифы, относившиеся к упраздненным ключам, попадали в другие ключевые серии по принципу некоторого внешнего сходства.

Вследствие этого классификации стали носить отчасти смысловой, отчасти произвольный характер. Во времена династии Мин число ключей уменьшилось более чем на 300 и составило 214; к этим категориям отнесли и упраздненные ключи, и все производные иероглифы²⁴. Данная система классификации по 214 ключам зафиксирована в словаре Кан-си и используется до наших дней. В настоящее время определить первоначальный смысл и начертание некоторых иероглифических знаков довольно затруднительно, в ряде случаев можно предложить несколько альтернативных вариантов этимологизации.

Труд Сюй Шэня стал отправным пунктом для филологического изучения вновь обнаруживавшихся в результате археологических поисков древних текстов. Это обусловило появление новых изданий словаря “Шовэнь цзецзы” с дополнениями и комментариями, а также специальных научных трудов. Со временем были восстановлены целые серии древних начертаний, скопированных с надписей на камне и бронзовых сосудах, а также из книг, извлеченных из захоронений. Их изучение позволило восстановить пути развития многих иероглифов и внести исправления в ошибочные начертания отдельных знаков, допущенные Ли Сы и Сюй Шэнем.

Наиболее важное открытие в области древнейшего китайского письма было сделано в конце 20-х годов XX в., когда в районе Аньяна (север современной пров. Хэнань) археологи открыли городище, могильники и обнаружили огромный архив на гадательных костях. Их расшифровка позволила отождествить городище с известным по древним письменным памятникам государством Шан-Инь. Письмо аньянского архива представлено гадательными надписями на панцирях черепах и лопаточных костях крупных млекопитающих. Оно насчитывает порядка 4500 знаков, в большинстве своем сохраняющих значительное сходство с изображавшимся предметом.

Материалы по истории китайского письма показывают, что чем древнее начертание иероглифа, тем более оно образовательно. Древнейшие письмены являлись скорее рисунками, чем стандартизированными письменными знаками. Их размеры не допускали детализации изображений и поэтому за различительные признаки этих знаков принимались особенности облика самих предметов.

На основании сказанного выше можно определить основную семиотическую особенность древнекитайских текстов. Она заключается в том, что их знаки при своем возникновении представляли собой рисунки. Рисунок – это способ запечатлеть и позволить другим увидеть то, что видел его творец. Его смысл жестко связан с непосредственным начертанием. Рисунки передавали понятия о конкретных существах и предметах, символизировали действия (т.е. передавали глагольные понятия) или отвлеченные понятия, так или иначе ассоциировавшиеся с изображением²⁵. Для понимания смысла подобного сообщения необходимо понять семантику самих рисунков.

Образный характер значений иероглифических знаков как средств фиксации смыслов и передачи содержания мысли, производных от системы рисунков, во многом обусловил особый семиотический, семантический и методологический базис теоретических построений древнекитайских мыслителей. На него вполне обоснованно указывают многие исследователи китайской мысли, говоря о специфичности китайского типа философской рефлексии и об особенностях китайского сознания. В самом общем смысле их можно свести к образности и символичности. Один из крупнейших китайских философов XX в. Фэн Юлань (1895-1990), хорошо знавший как китайские, так и западные системы мысли, так объяснял методологию китайской философии и особенности ее языка: «Он не является артикулированным, ибо не дает дедуктивного обоснования представляемым понятиям. Философ говорит лишь то, что он видит. Поэтому сообщаемое им богато по содержанию, но скупо на слова, а сами слова суггестивны, а не определены»²⁶.

Формальную скупость выразительных средств китайских классических текстов можно объяснить полисемантической и содержательностью использованных при их написании иероглифических знаков. В современном китайском обществе осознается имманентная образность и вытекающая из нее содержательность иероглифов, принимающих порой даже противоположные по смыслу лексические значения, и, в связи с этим, важность сохранения иероглифической системы письменности, невозможность на данном этапе найти ей приемлемую альтернативу для сохранения многовекового литературного наследия.

Зарождение этого средства фиксации мысли, в свою очередь, может непосредственно восходить к памятникам палеографической письменности и наскальной живописи, которые были одними из первых форм знаковой фиксации человеческой мысли вообще. Развитие системы рисунков в палеолитической культуре продолжалось в течение десятков тысяч лет. Несомненно, что данный временной отрезок по своей величине несопоставим с несколькими ты-

сячениями существования письменной традиции. Прежде чем научиться выражать свои мысли письменно, человечество в течении огромного промежутка времени училось передавать их в рисунках. Систематизированные рисунки, итог этой длительной культурной эволюции, продолжавшейся десятки тысяч лет, принято называть пиктографической и/или идеографической системой письма. И только затем, на базе этой системы, была создана силлабическая (слоговая) система письма, которая была вытеснена алфавитным (буквенным) принципом фиксации звуков речи. По этой причине изучение идеографических памятников письменности приобретает особое значение, так как оно может дать ответы на многие вопросы, касающиеся генезиса человеческой культуры.

Олжас Сулейменов в своих этимологических изысканиях пришел к выводу, что первоероглифика и язык являлись главными творящими факторами культуры во всей ее многосложности, акты их взаимозависимости формировали человеческое в самом человеке и в окружающем его мире. Он считает, что история человека разумного началась с "первописьменного знака, который следует назвать родителем причинности слова, предмета, обряда - любого явления культуры"²⁷. В этой связи особую важность приобретает изучение истории знаков китайской письменности - единственной в мире системы письма, которая непосредственно продолжает одну из наиболее древних человеческих традиций - традицию сохранения для потомков содержания мысли предков посредством его фиксации в рисунках.

Усложнение этой системы письменности осуществлялось посредством объединения рисунков на основании особых смысловых связей в сложносоставные знаки. Поэтому именно изучение составных элементов иероглифов даст материал для понимания конкретной ассоциативной связи, обусловленной культурно-историческим контекстом и лежащей в основании той смысловой связи, которая задает комплекс значений сложного иероглифа. Такое изучение позволит выявить соответствие между фактическим и умственным рисунком понятия, зафиксированного в иероглифическом знаке.

При изучении понятий философии древнего Китая необходимо четко осознавать, что их первоначальный смысл выражался в рамках системы письменности *гуэнь*, которая использовалась во времена создания классических древнекитайских философских текстов. Как было показано выше, основная особенность *гуэня* состоит в том, что этот письменный язык не указывал на произношение знаков, а выражал смысл через форму начертания самих иероглифов, которые восходили к древним рисункам. Поэтому при интерпретации древнекитайских текстов и встречающихся в них философских понятий, записанных знаками *гуэня*, представляется важным учитывать не только их возможные лексические значения, но и семантику рисунков, лежащих в основании этих знаков. Это позволит указать на те условия понимания, которые задаются посредством знака и детерминируют комплекс его лексических значений. Использование данного метода при анализе традиционных понятий китайской философии потребует детального изучения соответствующего культурного контекста и условий возникновения этих понятий.

Необходимо подчеркнуть, что изучение древних форм начертания иероглифов и реконструкция выражаемых ими смысловых структур позволяют выявить такие смысловые пласты древнейших текстов, анализ которых невозможен при изучении только лексических значений иероглифов. При чтении и переводе древнекитайских текстов можно выделить как минимум три уровня представления смыслов. Первый - это уровень сочетания значимых элементов отдельного иероглифического знака, специфичный именно для пиктографических или идеографических текстов. Второй - уровень сочетания значимых элементов текста, важный при изучении любого текста как осмысленной упо-

рядоченности знаков. И, наконец, метауровень – культурно-исторический контекст, в котором создается и существует текст.

Изучение семантики древних форм иероглифических знаков не отвергает существующие методы определения значений иероглифов и контекста иероглифических текстов, а предполагает их синтез при акцентированном внимании на смыслах знаков *вэнь* – базисных элементов китайской письменной культуры *чжун вэнь*. Изложенные выше соображения позволяют заключить, что перевод философских текстов древнего Китая предполагает следующие необходимые этапы работы:

Изучение исторических форм начертания иероглифов с целью определения изображавшихся архаичным письмом предметов и явлений.

Сопоставление изображения с известными лексическими значениями и грамматическими функциями знака, дабы выявить его смысл в рамках китайского языка, истории и культуры.

Изучение упорядоченности знаков в конкретном тексте с учетом соответствующих историографических и комментаторских сочинений для понимания присущего ему контекста и смысла.

Представляется очевидным, что чем больше критериев определения адекватности понимания древнекитайского текста применяет исследователь, тем выше качество исследования и перевода. Основным условием работы с текстом является изучение культурно-исторического и языкового контекста, в котором существуют и текст, и отдельные составляющие его знаки. Это позволит реконструировать историю развития понятий, возникших в процессе осмысления семантики древних рисунков, которые использовались в китайской культуре на протяжении тысячелетий и наполнились огромным количеством смысловых связей.

1. Проблемы Дальнего Востока. 2000. №3. С. 158-159
2. Там же. С. 156-158
3. Там же. С. 154
4. Цит. по: Вижье Л. Курс китайских иероглифов. М., 1931. Ч. 1. С. XIX.
5. В связи с этим хотелось бы отметить пример подхода к изучению текста "Лунь юя" без его трансформации, который дает удачная работа Л.С.Переломова. См.: Конфуций: "Лунь юй". Исслед., пер. с кит., коммент. Л.С.Переломова. М., 1998.
6. Для апологетов буддизма было очень важно при переводе ключевых понятий воспроизвести их звучание на санскрите.
7. См.: Ли Жун. Лу Фаянь и его "Цеюнь" // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М., 1989. С. 268-269.
8. Чжоу ли. (Чжоуские ритуалы). Сер. Сы бу цункань. Шанхай, 1936. С. 8а.
9. Бань Гу. Хань шу. И вэнь чжи (История династии Хань. Трактаты о литературе и искусстве). Пекин, 1975. Т.6. С. 1720-1721.
10. Чжоу ли. Указ. соч. С. 85.
11. Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы (Толкование письмен и изъяснение иероглифов). Пекин, 1985. С. 314.
12. В Японии китайское письмо было известно уже с III-V вв. н.э., а к V в. знание китайской литературы для образованных японцев стало обязательным.
13. Для создания *катаканы* была взята группа китайских иероглифов, имевших подходящее звучание (китайское или японское). Они либо использовались целиком, либо из них были выделены простые элементы. Это произошло в VIII-X вв., а окончательно азбука сформировалась в XII-XIV вв. Примерно в то же время была создана азбука *хирагана*, в основу которой было положено упрощенное, скорописное начертание иероглифов – так называемый "травяной стиль", *цао шу*.
14. Мифологический словарь. М., 1991. С. 603.
15. Согласно последней этимологической версии, первоначальная система знаков *вэнь* существовала в виде татуировок на коже человека. По этой причине они не могли

сохраниться до наших дней. В древних китайских текстах есть упоминания о существовавшей в древности системе татуировок, имевшей социально-политическое значение. Система татуировок встречается также в других древних культурах и является одной из первых объективаций пиктографического письма.

116. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 374.
117. Чжоу Цзумо. Цун "вэньсюэ юйянь" дэ гайнянь лунь ханьйюу дэ яянь, вэньянь, гу-вэнь дэн вэньти (О проблемах классического языка, вэньяня, гувэня в китайском языке и других с точки зрения концепции "литературного языка") // Вэньсюэ юй-янь вэньти таолунь цзи (Сборник статей о проблемах литературного языка). Пекин, 1957. С.32.
18. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М., 1965. С.83.
19. См., например.: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 287.
20. Прямые свидетельства о нем относятся к эпохе правления династии Цинь (221-207 гг. до н.э.). Этот список просуществовал до окончания правления династии Хань и был утрачен во времена "Троецарствия" (IV в.). В XX в. были обнаружены только отдельные фрагменты этого списка.
21. Цит. по: Крюков М.В. и др. Указ. соч. С.292.
22. В Китае эпохи Чжоу писали в основном на гладких бамбуковых планках, к тому же особым стилем, которое позволяло чертить линии любой конфигурации.
23. Тань Лань. Чжунго вэньцзы сюэ (Китайская текстология). Шанхай, 1981. С. 49-51.
24. Вижье Л. Указ. соч. С. XXVIII.
25. Лингвистический энциклопедический словарь. С.171.
26. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. Пер. с англ. Р.В.Котенко. СПб., 1998. С. 45.
27. Олжас Сулейменов. Улыбка бога (К проекту первого тома базового этимологического словаря "1001 слово"): RIAL. Рим, 1998. Он же. Язык письма. Internet, сайт РГГУ, 1998.

Ху Фэн, его взгляды, его судьба

© 2000

В. Сорокин

Заканчивается век, произведший в литературе, как и в любой другой сфере духовной жизни Китая, разительные перемены, принесший и неоспоримые достижения, и огорчительные провалы. Наши исследователи и переводчики немало потрудились, чтобы познакомить читателей с этими переменами. Но воссоздать достаточно полную и объективную картину оказывалось не всегда возможным как из-за субъективных (идеологических), так и объективных (недостаток материалов) трудностей. Остаются еще белые пятна, бегло обрисованные и недооцененные личности. К ним, бесспорно, относится критик, публицист, поэт, переводчик Ху Фэн (1902-1985). Долгая жизнь, но на профессиональную литературную деятельность судьба отпустила Ху Фэну всего два десятилетия. Да, судьба, но ее течение в основном направлялось им самим - пусть он и не мог предвидеть всех последствий своих решений; а последствиями были: долголетнее заточение, тяжелая болезнь, вычеркнутое из истории литературы имя. Только в 80-е гг., после политической реабилитации оно стало появляться в печати без изничтожающих эпитетов. Переизданы его основные произведения, опубликованы воспоминания об умершем писателе и книга о его жизненном и творческом пути¹. Однако и в 1999 г. ведущий академический журнал призывает "не ограничиваться политическими аспектами", а дать "научный анализ взглядов Ху Фэна и их влияния"².

Судьбу человека часто определяет его характер. Чжан Гуанжэнь (такое настоящее имя Ху Фэна) унаследовал от своего отца, хубэйского крестьянина, всю жизнь старавшегося вырваться из бедности, его характер, его упорство, энергию, веру в свои силы. В сочетании с природной одаренностью эти качества позволили деревенскому парнишке одолеть сначала традиционную школьную премудрость, а затем продолжить учебу в школах нового типа. В 1925 г. он поступил на подготовительное отделение Пекинского университета; там он встретился с Лу Синем, сыгравшим впоследствии определяющую роль в его жизни.

Тем временем Северный поход революционных армий достиг в 1926 г. Хубэя. Ху Фэн возвращается в родной уезд Цисянь и окунается в практическую работу - в армейских политотделах, в движении за раскрепощение женщин, печатает пропагандистские материалы в газетах (у него были публикации и раньше), начинает писать стихи. Его тянет к литературе, но он считает, что она несовместима с политикой. А политическая атмосфера сгустилась: пос-

ле разрыва между Гоминьданом и компартией начинается охота за "красными". Ху Фэна дважды задерживают по подозрению в коммунистической деятельности, а его ближайшего друга приговаривают к смерти. Пытаясь спасти его, он обращается к немного знакомому по службе видному гоминьдановцу Тао Сишэну, но безуспешно. (Придет срок, и ему напомнят этот поступок в иной интерпретации). В 1929 г. он уезжает в Японию, туда, где начинали свой путь многие корифеи новой китайской литературы - Лу Синь, Го Можо и другие.

Преодолевая всяческие трудности, Ху Фэн овладевает японским языком, занимается переводами. В частности, он перевел некий "советский" роман "Американец в Петрограде" (наверное, "Янки в Петрограде" Мариетты Шагиной). Ему удается получить стипендию японского МИДа, поступить в университет, правда, не на факультет русского языка, куда он стремился. Тяга к литературе все усиливалась: он поглощал мировую классику, знакомился с отдельными современными писателями, посещал литературные семинары. Так он сблизился с довольно развитым тогда в Японии левым литературным движением; кроме того, он вступил в токийское отделение Лиги левых писателей Китая.

Как известно, японская левая (пролетарская) литература находилась под влиянием РАППа. Это не могло не затронуть Ху Фэна, но впоследствии он вспоминал не рапповских теоретиков и их японских последователей, а статьи Бухарина о Толстом, Радека - о Есенине и в особенности статьи Ленина о Толстом, главные произведения которого Ху Фэн уже знал. Позднее он писал: "Каждое из этих произведений было для меня подтверждением слов Ленина о том, что в них глубоко отобразилась безбрежная, как океан, жизнь русского народа, что перед нами ценнейший вклад в историю человечества. В то же время религиозное мировоззрение Толстого было реакционным, оно противоречило требованиям истории. Величие его в том, что его реализм одержал победу над мировоззрением". Понятия реализма, мировоззрения, жизни народа в дальнейшем легли в основу системы эстетических воззрений Ху Фэна.

Более того, переменялось отношение Ху Фэна к литературной теории и критике. Раньше он считал "бесплодным занятием попытки указывать, что хорошо и что плохо в произведении, написанном кровью чужого сердца". Теперь он убежден, что если художник-творец отыскивает в реальной жизни то, что достойно любви, и то, что заслуживает ненависти, тем самым освещая человечеству путь вперед, то критик связывает художественный мир писателя с реальной жизнью и определяет, какое значение его искусство имеет для жизни.

Результатом этой трансформации взглядов явилась большая статья Ху Фэна "Развитие движения за пролетарскую литературу в Китае", опубликованная в органе Японской лиги пролетарских писателей. Важное место в статье занимает защита Лу Синя, деятельности которого Ху Фэн дает высокую оценку, от нападок со стороны ряда молодых литераторов, кстати говоря, учившихся в Японии. Начинаящий критик справедливо характеризует эти нападки как проявление левацкого сектантства. Пройдут годы, и объектом обвинений в "сектантстве" станет он сам.

В стихах японского периода Ху Фэн откликается на взволновавшие его события. В 1931 г. после оккупации японской армией Маньчжурии он обращается к обманутым националистической пропагандой солдатам с призывом: "Перестаньте драться с китайскими братьями / Ваши враги - в ваших же рядах!" В следующем году он оплакивает революционного писателя Кобаяси Такидзи и участвует в его похоронах. Подобные акции не проходят незамеченными - в июне 1933 г. Ху Фэна после двух месяцев тюрьмы власти высылают на родину вместе с группой китайских студентов. Пароход "Нагасаки-мару" доставляет его в Шанхай.

Шанхай был средоточием левого литературного движения, а оно переживало тяжелые дни: с одной стороны, полицейские преследования, аресты и гибель участников, с другой - увлечение руководства Лиги левых писателей чисто политическими формами работы в ущерб творческому труду. Ху Фэну

предложили руководить в Лиге организационной работой, он взялся также помогать налаживать нелегальную переписку с провинциями. Однако в специфической обстановке подполья легко рождаются разные слухи, возникают подозрения и недоразумения. Ху Фэну пришлось прекратить начатую было работу, он решает отдать свои силы литературной критике, опираясь при этом на доверие и поддержку великого Лу Синя, ставшего для него путеводной звездой.

В первые месяцы 1935 г. в ведущих журналах появляются две большие статьи Ху Фэна, привлечшие к нему внимание: "О Линь Юйтане" и "О Чжан Тяньи". Говоря о Линь Юйтане, довольно популярном писателе-юмористе и издателе, Ху Фэн без излишней назидательности показал, что написанное Линем отвечает запросам лишь небольшой части общества и не помогает стране сделать свой исторический выбор. Что же касается Чжан Тяньи, молодого члена Лиги и своего друга, Ху Фэн хвалит его за остроту пера, не чуждый гротеску сатирический дар, антимещанскую направленность; в то же время Чжан смотрит на своих персонажей свысока и со стороны, видя в них лишь объекты сатирического осмеяния; недостаток человеческого тепла, дыхания живой жизни ослабляет силу его реализма, делает его менее глубоким.

Эти две статьи открывают собой вышедшую в начале 1936 г. первую книгу Ху Фэна "Беседы о литературе и искусстве" ("Вэнь цзатань"), куда вошло еще два десятка статей, заметок и рецензий на книги писателей китайских и иностранных. В их числе - разбор "Освобожденного Дон-Кихота" Луначарского и увенчанного нобелевской премией романа дочери американского миссионера Перл Бак "Земля". Ху Фэн высказывается по широкому кругу вопросов: о проблеме типизации, об отношении к наследию ("неверно, что у классиков следует брать только мастерство"), о создании "дачжунъюй" - понятного массам литературного языка, о детской литературе... Он не раз обращается к опыту русской и советской литературы, цитирует Плеханова, Горького, А.Толстого, Зоценко. Но это не мешает молодому литератору Сюэ Вэю объявить в журнале "Чжун лю", что книга Ху Фэна представляет собой "основу для создания нашей собственной литературной теории". Его достоинства он видит прежде всего в отказе от схематизма, в тесной увязке теоретических положений с конкретными наблюдениями над живой действительностью, в "строгой и искренней устремленности к истине и только к истине"³.

Работа литературного критика всегда связана с участием в дискуссиях и спорах, тем более, если у него такой ершистый характер, как у Ху Фэна. Он то вступал в полемику с товарищами полевой лиге (в частности с Чжоу Яном - в будущем - одним из руководителей культурного фронта в КНР), то причислял к сторонникам "среднего" (читай "вредного") пути таких писателей, как Ба Цзинь, кумир демократической молодежи. Но действительно серьезная ситуация в левом движении возникла в 1936 г., когда КПК в соответствии с новой линией Коминтерна взяла курс на создание единого фронта против фашизма и угрозы новой войны. Молодые члены партии, руководившиелевой лигой, объявили о ее самороспуске и призвали к широкому объединению писателей под флагом "литературы национальной обороны". Лу Синь, в глазах общества являвшийся вождем всей прогрессивной культуры, не согласился с этим и предложил классово четкий лозунг: "Массовая литература национально-революционной войны". Но Лу Синь был болен, и фактически пропаганду этого лозунга возглавил Ху Фэн. Спор принял острый характер, воскресли старые подозрения, заговорили о "партии Чжоу Яна" и "партии Ху Фэна". Лишь когда выступил отметший обвинения против Ху Фэна Лу Синь, поддержанный представителем ЦК КПК поэтом и критиком Фэн Сюэфэном, сторонам (участникам левого движения) удалось прийти к соглашению.

Это произошло в сентябре, а 19 октября 1936 г. Лу Синя не стало. За его гробом следовала процессия невиданных в Китае размеров. Казалось, что многие - и соратники Лу Синя, и его оппоненты - осознали роль усопшего ге-

ния в духовной и общественной жизни страны, важность следования его заветам реализма, гуманизма, революционного патриотизма. Нужно было объединить усилия людей, ранее расхопившихся между собой и по принципиальным соображениям, и по личным мотивам. Но кто обладает достаточным авторитетом и широтой взглядов, чтобы выдвинуть и обосновать программу широкого объединения патриотической интеллигенции?

Ху Фэн, опять-таки при поддержке Фэн Сюэфэна, ставя целью продолжение линии Лу Синя, начал издавать не периодический журнал ("цункань") под нейтральным названием "Работа и учеба". Он ориентировался на литературную молодежь, имеющую хоть какой-то опыт участия в политической, патриотической деятельности. Но при этом как бы оставались в тени друзья Лу Синя с большим стажем. Вышло всего четыре номера журнала. Тем не менее Ху Фэн успел навлечь на себя упреки в "вождизме"; подобные упреки раздавались не раз и в дальнейшем - возможно, небезосновательно, хотя речь шла, быть может, лишь о его энергичности и настойчивости. Без этих качеств Ху Фэну не удалось бы привлечь к участию в создававшихся им журналах во многом несхожих, в большинстве своем молодых, но уже набиравших силу литераторов. Назовем лишь знаменитых в скором будущем поэтов Ай Цина и Тянь Цзяня, талантливых прозаиков Сяо Цзюня, Сяо Хун, Цю Дунпина, критика Фэн Найчао.

Меж тем события развивались стремительно. 7 июля 1937 г. началось японское вторжение, спустя несколько месяцев пали Шанхай и Нанкин, правительство переехало в Ухань. Там же собралась и значительная часть патриотически настроенной интеллигенции. В октябре Ху Фэну как главному редактору удалось начать выпуск журнала "Циюэ" ("Июль" - месяц, когда началась война). Выходивший в течение четырех лет - сначала в Ухане, затем в Чунцине - журнал стал первым по времени создания и одним из наиболее заметных литературных изданий периода антияпонской войны. Свое отношение к ней Ху Фэн формулировал так: "Это не просто боевые действия", это национально-освободительная война, которая "должна вычистить всю мертвечину, мешающую развитию жизненных сил нации и дать выход великим запасам энергии, таящимся в народных массах". Он продолжал: "Художник не должен ни издавать бессодержательные возгласы, ни заниматься холодным описательством. С твердой убежденностью, любя и ненавидя, он должен создавать убедительные образы пробуждающейся жизни"⁴. Эти положения имели актуальное значение в то время, когда одни литераторы провозглашали патриотические лозунги и заявляли, что сами рвутся в бой, не связывая войну с решением коренных задач страны, другие же, полагая, что раз сражения идут где-то далеко, можно продолжать довоенную тематику.

В марте 1938 г. была создана Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу, объединившая широкие слои литераторов-патриотов. Ее возглавил широко известный и, что важно, беспартийный романист Лао Шэ. Ху Фэн вошел в Генеральный совет Ассоциации и вскоре стал руководителем одного из четырех ее отделов - исследовательского, занимая эту должность до конца войны. Будучи также беспартийным, он поддерживал добрые отношения с коммунистами, получил материальную поддержку для издания "Циюэ", не являвшегося официальным органом Ассоциации⁵. Такие вскоре появились - "Канчжань вэнь", и "Вэньи чжэньди", но по единодушному мнению историков литературы, "Циюэ" оставался одним из самых читаемых и влиятельных изданий.

В обращении к читателям Ху Фэн писал: "Будем же работать в пламени войны! Писатели и художники не только могут найти среди масс людей, способных понять их, рядом с ними будут вставать все новые единомышленники и соратники"⁶. Так оно и было: из 39 поэтов, опубликовавшихся в журнале, около 30 впервые увидели свои стихи в печати. Это не были личные знакомые Ху Фэна: по выражению одного из новичков, главный редактор старался быть

и действительно был "учителем и другом" любого способного литератора. При этом Ху Фэн, утверждая общие принципы реализма, не навязывал авторам своих вкусов и пристрастий, не пропагандировал установки определенных групп и направлений. Его установкой было: "поддерживая писателя, - не скатываться до славословий, критикуя - не наносить смертельных ран". (Естественно, речь шла о близких по духу, с идейными противниками было не до церемоний).

В глазах большинства поэзия была самой сильной стороной журнала, может быть, потому, что и сам редактор был поэтом. Но главное, наверное, в том, что стихи ярче передавали боевые настроения первых лет войны, стремления и ожидания людей, их радость от, увы, немногочисленных побед и огорчения от неудач. Все это, конечно, было и в прозе, особенно в корреспонденциях с фронта, но им часто недоставало художественной выразительности, причем авторы порой - из лучших побуждений - приукрашивали истинное положение дел. Среди прозаиков "Циюэ" явно выделялся Цю Дунпин (1910-1941). В одном 1938 г. журнал опубликовал его рассказы и очерки "Седьмая рота", "Как я потерпел поражение", "Судьба командира роты" и др. Один из немногих писателей той поры, он имел определенный военный опыт (вел политработу в прифронтовых районах и в тылу врага), и пал в бою при прорыве из окружения. И все же в своем поминальном слове Ху Фэн счел необходимым написать, что хотя творчество Цю Дунпина развивалось в реалистическом направлении, ему не удалось преодолеть внешнюю оболочку реализма (правдоподобное описание) и проникнуть к глубинам, к подлинной правде.

А наступление продолжалось. В 1938 г. начался второй этап исхода китайской интеллигенции из сравнительно развитых приморских и центральных районов вглубь страны. Большинство, в том числе Ху Фэн с семьей, отправились по Янцзы в Чунцин, но немало людей разными путями добиралось до столицы коммунистических районов Яньани. Условия работы и жизни в Чунцине, провинциальном городе, вдруг оказавшимся столицей и заполненным беженцами, были крайне тяжелы. И если "Циюэ" продолжал издаваться еще три года, это можно считать подвигом Ху Фэна и его сподвижников. Осложнилась работа Всекитайской ассоциации писателей, а военные и жизненные обстоятельства разрывали культурные связи. "Циюэ" старался противодействовать этой тенденции, помещая материалы из разных регионов, включая Яньань (по требованию цензуры город именовался "Северо-Запад"). Но литературная жизнь продолжалась, как и ее постоянный спутник - полемика. Наиболее заметной была прошедшая в 1940 г. "дискуссия о национальной форме", в которой принял живое участие Ху Фэн.

Обычно, говоря об этой дискуссии, вспоминают высказанное Мао Цзэдуном в 1938 г. пожелание "сдать в архив догматизм и усвоить свежий и живой, приятный для слуха и радостный для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру"⁷. Фактически широкую дискуссию открыл второстепенный литератор Сян Линьбин (подозревавшийся в связях с Гоминьданом), который опубликовал в марте 1940 г. в газете "Дагунбао" статью "О главном источнике национальной формы". Констатировав наличие в китайской литературе и искусстве двух форм - идущей от "Движения 4 мая" новой формы и привычной и приятной для китайцев народной формы, он заявил: "Реалисты должны найти в народной форме главный источник национальной формы". Новую же форму он объявил "уродливым порождением урбанизации, она должна отойти на второй план"⁸.

Точка зрения Сян Линьбина, отождествляющего современную национальную форму даже не с китайской классикой, а с фольклором, подверглась острой критике со стороны главным образом литераторов левого направления. Некоторые обвиняли его в проповеди возвращения к древности и к конфуцианству. Ху Фэн долгое время хранил молчание, но в октябре выступил с брошюрой "О национальной форме - критика некоторых антиреалистических уклонов и напоминание о четвертой годовщине со дня кончины Лу Синя". Разу-

меется, он выступал за продолжение реалистической традиции Лу Синя, за приоритет новых форм, выработанных со времени "Движения 4 мая". Сян Линьбина он обвинил в схоластическом, недialeктическом подходе ("либо одна форма, либо другая"), однако немало упреков адресовал и левым деятелям, включая прежних соратников полевой лиге, занимавшим теперь руководящие посты в Яньани. Эту полемику со "своими" он объяснил желанием выработать общую принципиальную позицию. Но те решили, что он приравнивает их к Сян Бинлиню и вообще отрицает понятие "национальная форма".

К этому времени сложилась система эстетических и неразрывно связанных с ними общественных взглядов Ху Фэна. Правда, систематическое изложение своих взглядов он сделал лишь в конце творческого пути, в поданных в ЦК КПК материалах, но о них речь впереди. Главным же образом его принципиальные высказывания содержатся в многочисленных статьях, критических обзорах, рецензиях, которые собраны в целом ряде книг. Кроме отмеченных выше, назовем "Меч, искусство, народ" (1943), "В смятении" (1946), "Дни противотечения" (1947), "Ради завтрашнего дня" (1950). Работы, вошедшие в последний сборник, включая большую статью "Путь реализма", были написаны еще в 1946-48 гг. (Упомянем также, что Ху Фэн в разные годы издал четыре сборника стихов).

В современной китайской печати Ху Фэн характеризуется как марксист. Как мы отметили, он познакомился с марксизмом в начале 30-х гг. Однако ссылки на марксистские работы у Ху Фэна в дореволюционные годы редки - очевидно, прежде всего по цензурным соображениям. Возможно, по этой же причине его одно время именовали "китайским Белинским", имея в виду общность взглядов на реализм и народность (патриотизм). Его называли также "восточным Лукачом". Ссылок на работы Д.Лукача - венгерского марксиста, в 1930-1945 гг. жившем и публиковавшемся в СССР - у Ху Фэна также нет, но Ху Фэн мог быть с ними знаком, поскольку переводчиком с венгерского был его друг Люй Ин.

Ху Фэн незадолго до смерти говорил, что он "всю жизнь отстаивал реализм, то есть социалистический реализм". Следовательно, он рассматривал социалистический (революционный) реализм как непосредственное продолжение классического реализма, отражающего социалистическую (революционную) действительность. В этом он действительно близок к Лукачу. Но если тот делал акцент на объективной стороне ("искусство отражает жизнь"), то Ху Фэн говорил о том, что искусство есть деятельность писателя, изображающего жизнь, подчеркивал субъективный фактор. Активное отношение к действительности Ху Фэн назвал "субъективным боевым духом" писателя. В условиях чанкайшистского режима речь шла о борьбе за дело народа, за избавление его от "ран духовного рабства" (выражение Лу Синя), против зла и мрака. При этом писатель должен, продолжал Ху Фэн, непрерывно углублять свое понимание действительности, охватывать взором все новые участки жизни (он называл это "саморасширением"). Надо сказать, что непривычная и опять-таки по цензурным условиям не до конца расшифрованная терминология порой вызывала недопонимание и прямую критику у левых литераторов.

Но это выявилось позднее. А в 1941 г. резко осложнилась политическая обстановка в стране в результате вероломного нападения гоминьдановцев на Новую 4-ю армию. В знак протеста Ху Фэн с семьей перебирается в Сянган. Но через полгода японцы захватывают британскую колонию. Ху Фэну и другим находившимся в Сянгане интеллигентам удается партизанскими тропами добраться до неоккупированной территории - сначала до г.Гуйлинь, а затем, в 1943 г., вернуться в Чунцин. К своему удивлению, он был благосклонно встречен властями. Вместе с Мао Дунем он был даже принят Чан Кайши (впоследствии ему пришлось долго объясняться со следователями по этому поводу). Попытка властей расположить к себе интеллигенцию длилась недолго. В гоминьдановских районах начало набирать силу движение за демократизацию

страны и Ху Фэн, по-прежнему оставаясь вне партий, естественно, принял в нем участие. Ему удалось наладить выпуск нового журнала "Сиван" ("Надежда", выходил с января 1945 по октябрь 1946 г.). Журнал продолжал линию "Циюэ" и тоже приобрел большую популярность. Ведущую роль в нем играли представители молодого поколения - прозаик Лу Лин, поэт Лу Юань, публицист и поэт А Лун. Отличался журнал и своей политической остротой (стихотворение Цзоу Дифаня "О демократии", поэма Чжэн Сы "Порядок" с антиправительственным подтекстом и т.д.).

Ху Фэн в своих суждениях по-прежнему был нелицеприятен, задевая подчас друзей и союзников - в частности, Мао Дуня. Но кампания критики Ху Фэна, предпринятая в 1948 г. одним из сянганских коммунистических журналов, имела совсем другую причину. Несколько левых литераторов (Шао Цюаньлинь, Линь Мохань и др.) упрекали Ху Фэна в том, что его взгляды не соответствуют и даже противостоят известным "идеям председателя Мао в области литературы и искусства", высказанным в Яньани в 1942 г. Ху Фэн действительно считал, что эти идеи правильны в военное время для прифронтовых освобожденных районов, но не должны механически переноситься на всю страну. Его критики думали иначе. Возможно, в это время и сам председатель обратил на Ху Фэна внимание.

После победы над Японией Ху Фэн вернулся в Шанхай. Однако когда развернулась гражданская война, даже в этом сравнительно либеральном городе жить и работать становилось все труднее и опаснее. В октябре 1948 г. Ху Фэн, занесенный гоминьдановцами в черный список, снова уехал в Сянган, а оттуда через Дунбэй в марте следующего года прибыл в Пекин. В июле он принял участие в Первом всекитайском съезде работников литературы и искусства. В докладе Мао Дуня о литературе и искусстве гоминьдановских районов ему пришлось услышать критику своих взглядов (без упоминания его имени). Но это не уменьшило его радости в связи с торжеством революции, выраженной им в прозаических и поэтических произведениях, особенно в длинной поэме "Время началось". Поселившись в Шанхае, он занялся переизданием своих прежних работ, переводческой деятельностью, писал новые статьи, которые становилось все труднее публиковать. Вопрос о его постоянной работе никак не решался, хотя об этом с ним беседовал лично Чжоу Эньлай. В то же время продолжали появляться критические публикации о деятельности Ху Фэна и близких к нему литераторов (их именовали "группой циюэ" по названию двадцать лет уже не существовавшего журнала). В этих выступлениях участвовали и некоторые члены отдела пропаганды ЦК КПК и руководства творческими организациями. В 1952 г. к ним присоединился бывший единомышленник Ху Фэна Шу У; позже он передал в инстанции хранившиеся у него письма Ху Фэна, что сыграло свою роль в судьбе их автора. Пока же политическое лицо писателя сомнению не подвергалось, на одном собрании его даже называли "беспартийным большевиком".

В 1953 г. Ху Фэн был введен в состав редколлегии ведущего литературного журнала "Жэньминь вэньсюэ" и переехал в Пекин. Летом следующего года он подал в ЦК КПК объемистый - около 30 печатных листов материал с изложением своих "мнений" по вопросам литературы и искусства, философии, политэкономии, а также практических предложений. Реакция последовала не сразу. Но после того, как Ху Фэн, воспользовавшись публичной критикой журнала "Вэньбао" (которую возглавлял его бывший наставник Фэн Сюэфэн), опубликовал весьма резкую статью относительно текущей литературной политики, последовал сигнал к массовой атаке на него. Этим сигналом была статья Чжоу Яна "Мы должны бороться". Одновременно было решено опубликовать, для содействия развертыванию критики Ху Фэна в "приложении к "Вэньбао" ту часть его "мнений", которая касалась литературы и искусства⁹. Другие части "мнений", насколько известно, не публиковались.

Большая часть документа построена Ху Фэном в форме полемики со статьями Хэ Цифана и Линь Моханя, видных представителей партийного руководства культурой (их статьи также приведены в "приложении"). Они называли Ху Фэна "буржуазным субъективным идеалистом", "противником партийного руководства литературой", "врагом идей Мао Цзэдуна". В ответ Ху Фэн именовал оппонентов "вульгарными механицистами" рапповского толка, "сектантами, губящими все живое и правдивое", искажителями марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. В теоретическом плане полемика шла вокруг проблем творческого метода отражения действительности в литературе, гуманизма и т.д. Фактически же Ху Фэн подвергал критике основные направления политики руководства в сфере литературы и искусства как основанные на искажении идей председателя Мао (чье имя он упоминал почтительно).

Многие из дебатировавшихся вопросов имели давнюю историю и в советском и в китайском литературоведении. Например, соотношение мировоззрения и творческого метода. Ху Фэн настаивал, что художник, если он следует реалистическому методу и предан делу революции, в состоянии овладеть марксизмом-ленинизмом в процессе творчества, в неразрывной связи с художественной практикой. Оппоненты же считали приобретение "пролетарского мировоззрения" предварительным условием успешной творческой работы (отсюда непрерывные кампании по перековке интеллигенции). Далее, Хэ Цифан утверждал, что тематика имеет решающее значение для оценки произведения, и что различие между старым (критическим) и новым (социалистическим) реализмом в том и состоит, что для первого все темы равны, а второй сосредотачивает внимание на изображении рабочих, крестьян и солдат. Ху Фэн отвечал: "Где народ, там и жизнь. Где жизнь, там и борьба. Где борьба, там и поэзия". Изображать жизнь народа правдиво и во всей полноте - к этому, как и прежде, призывал писатель.

Ху Фэн вновь и вновь поднимал вопрос о правдивости литературы, но оппоненты вытаскивали старый его тезис о "субъективном боевом духе писателя" как свидетельство пренебрежения к объективной реальности. Ху Фэн пояснял, что этот термин был для него синонимом революционного гуманизма, являющегося ядром реализма социалистического. Ему он призывал учиться у великих писателей прошлого и у советской литературы, в то же время признавая, что недооценивал дух гуманизма, присутствующий в шедеврах китайской классики, что сказалось на его отношении к "национальной форме". Что касается практических предложений Ху Фэна, то они, будучи направлены на повышение творческой активности художников, раскрытие их индивидуальности и демократизацию атмосферы в культуре, порой выглядят надуманными или неосуществимыми, (например, предложение регламентировать количество членов партии и беспартийных в творческих союзах).

Набиравшая силу массовая критика взглядов Ху Фэна приобретала все более не внутрилитературный, а идеологический характер. Явно не ожидавший этого Ху Фэн написал одну за другой три "Самокритики", из которых лишь третья была принята руководством. Однако по нераскрытым до сих пор причинам в печать попала вторая, отвергнутая руководством как недостаточная. А тут еще появилась подборка писем Ху Фэна к его единомышленникам прежних лет, представленная Шу У. Чтение их показывает, что вокруг Ху Фэна сложилась группа лиц, недовольных определенными аспектами политики руководства в сфере культуры, имеющих свое мнение по ряду других вопросов. Но это было известно и раньше. Однако критики по-своему перетолковывали смысл писем, придавали им враждебное политическое звучание. И вот 13 мая 1955 г. в "Жэньминь жибао" появилось "Примечание от редакции", написанное, как было объявлено позднее, Мао Цзэдуном. В нем Ху Фэн и члены его "группировки" назывались контрреволюционерами, давними врагами партии, врагами народа. Три дня спустя Ху Фэн и десятки его единомышленников в разных городах были арестованы. Ху Фэну даже не дали попрощаться с же-

ной. Акция проводилась в такой спешке, что не стали ждать санкции Президиума Собрания Народных Представителей на арест Ху Фэна, являвшегося депутатом Собрания. Относительно того, зачем Мао Цзэдуну понадобилась эта акция, неожиданная даже для его окружения, существуют разные мнения: одни полагают, что начиналась подготовка к очередной кампании борьбы с контрреволюцией, другие думают, что существовало намерение припугнуть строптивых интеллигентов перед тем, как объявить курс "пусть расцветают сто цветов". Но это лишь гипотезы. Критика Ху Фэна продолжалась, но она уже лишилась практического смысла: "дело" было открыто, решение наверху принято.

В одиночной камере Ху Фэн провел более десяти лет, подвергаясь частым допросам, но отказываясь признаваться в предъявленных обвинениях. Лишь в конце этого срока он сначала получил передачу от жены, а потом увиделся с ней (Мэй Чжи тоже провела несколько лет в застенке). Суд состоялся только в конце 1965 г. Приговор гласил: 14 лет тюрьмы и 6 лет поражения в правах. После суда его вдруг отпустили домой на побывку. Но в январе следующего года он был отправлен в Чэнду, столицу глубинной провинции Сычуань. Там он вскоре снова был посажен в камеру. А тут еще разыгралась "культурная революция"... Здоровье физическое и особенно психическое, все ухудшалось. Дело доходило до того, что он писал "признание" в намерении отравить других узников, а на следующий день забирал его обратно.

Умер Мао Цзэдун, свергли "банду четырех", а Ху Фэн продолжал "перевоспитываться" в тюрьме. Лишь 17 января 1979 г. он обрел свободу. Затем последовала политическая реабилитация (полная реабилитация пришла позже) и возвращение в Пекин. Борясь с болезнями, мечтая еще вернуться к писательскому труду, Ху Фэн провел последние годы. Смерть настигла его 8 июня 1985 г. А спустя полгода состоялись торжественные похороны на кладбище Бабаошань, о которых широко оповестила пресса. Так китайский народ узнал, что лишился своего достойного сына, выдающегося деятеля прогрессивной культуры, горячо любившего свою родину, свой народ.

-
1. Дай Гуанчжун. Ху Фэн чжуань. Иньчуань, 1955.
 2. Вэньсюэ пинлунь. 1999. № 1. С. 5.
 3. См.: Дай Гуанчжун. Цит. соч. С. 85.
 4. Вэньсюэ пинлунь. 1999. № 1. С. 10.
 5. О деятельности Ассоциации см.: Болотина О.П. Лао Шэ, творчество военных лет. М., 1983. С. 16-56.
 6. Циюэ. 1937. № 1. С. 3.
 7. Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953. Т. 2. С. 365.
 8. См.: Дай Ван чжун. Цит. соч. С. 183.
 9. Ху Фэн дуй вэньи вэньтиды ицзянь (приложение к "Вэньибао". 1955. №№ 1-2).

Современная южнокорейская печать: издания, темы, социальная и культурная роль

© 2000

А. Ланьков

Современная Южная Корея - это страна "читателей газет". Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно проехать в сеульской электричке, где большинство пассажиров (по крайней мере, тех счастливых, кому удалось сесть), проводит время, погрузившись в чтение газеты или, реже, журнала. Газетные киоски встречаются в Корее на каждом шагу, и в том же метро газеты - едва ли не главный товар у постоянно спящих по вагонам разносчиков. Это, конечно, субъективные впечатления, однако их подтверждает и объективная статистика. В 1994 г. в Корее на каждые тысячу человек приходилось 404 экземпляра ежедневных газет. По этому показателю Корея уступала только Японии (576 экземпляров) и странам Скандинавии (Исландия - 515, Финляндия - 473, Швеция - 483, Норвегия - 607), но оставляла далеко позади почти все другие развитые страны Европы, Азии и Северной Америки. Для сравнения, подобный показатель в США в 1994 г. был в два раза ниже, чем в Корее и составил 228 экземпляров, в Германии же он равнялся 317, а во Франции - 237 экземплярам¹.

Корейская периодическая печать чрезвычайно разнообразна. Ведущую роль в ней играют центральные ежедневные газеты, однако почти все крупные и многие средние фирмы и учебные заведения, не говоря уж о городах и уездах, издают свои газеты - своего рода аналоги старых советских "многотиражек". Например, в Осане (провинция Кёнги, примерно 60 км к югу от Сеула) - небольшом городе, уездном центре с населением в 60 тысяч человек - в 1996 г. выходило 6 местных периодических изданий, не считая рекламных газет (здесь и далее - данные Осанской уездной библиотеки). Издания эти предназначались как для самого города, так и для прилегающего к нему уезда. К ним относится еженедельная газета "Осан хвасон синмун" (Осанская газета), еженедельный журнал "Сэ мультах" (Новый источник), иллюстрированный ежемесячник "Осан чоноль" (Осанский журнал), и три литературно-художественных альманаха с нерегулярной периодичностью.

Корейцы охотно и часто выписывают периодику на дом, благо, что обходится это не слишком дорого: в 1998 г. стоимость годовой подписки на ежедневную газету равнялась примерно 7% среднемесячной зарплаты. В 1993 г. 412 из каждых 1000 корейцев были подписчиками ежедневных газет. На практике это означает, что газеты по подписке получало большинство корейских семей².

В целом конец восьмидесятых и начало девяностых годов стали временем быстрого увеличения числа периодических изданий, чему способствовала

Ланьков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Австралийского государственного университета.

в первую очередь отмена цензуры, существовавшей при военных режимах (пресловутый - "Закон о контроле над печатью" был отменен в ноябре 1987 г.). О том, какими темпами шло развитие корейской периодики, можно судить по приводящейся далее таблице.

**Число наименований периодических изданий в Южной Корее
(1985, 1992, 1998 гг.)**

Периодичность	1985	1992	1998
Ежедневно	30	112	106
Еженедельно	158	1847	2341
Ежемесячно	1027	2910	2437
Ежеквартально и проч.	694	2084	1560

Источник: Хангук синмун пансон ёнгам. (Ежегодник газет и радио Кореи). 1999-2000. Сеул: Хангук онрон чэдан, 1999. С. 285-286.

Краткий обзор корейской прессы можно начать с газет. В соответствии с наиболее распространенной классификацией, которая разработана Корейским институтом печати, газеты в стране делятся на 5 групп. Во-первых, это "общие ежедневные издания" - (чонхап ильган чжи), уважаемые национальные газеты, которых насчитывается около дюжины. Эти издания доминируют на рынке корейской периодической печати. В целом они удивительно похожи друг на друга. Это серьезные, несколько тяжеловесные издания, которые претендуют на определенную элитарность и предназначены для более или менее основательного чтения. Вторую группу составляют "экономические ежедневные издания" (кёнчже ильган чжи), которые ориентируются в первую очередь на бизнесменов и печатают преимущественно (но не исключительно) деловую и экономическую информацию. Третью группу образуют "местные газеты" (чибанъ чжи), которые выходят в провинциях и крупных городах. По своему стилю они как бы копируют национальные газеты, но, само собой, уделяют гораздо больше внимания местной тематике. Четвертая группа - это так называемые "спортивные ежедневные газеты" (сыпочхы ильган чжи), которые представляют собой местный вариант "желтой прессы" и носят откровенно развлекательный, отчасти бульварный характер. Большинство "спортивных" газет является общенациональными, хотя в Пусане - втором по значению городе страны - также выходит своя "спортивная" газета. Наконец, пятую группу составляют газеты на английском языке (ёнмун чжи). Конечно, эту классификацию можно критиковать за некоторую нелогичность и непоследовательность, но в Корее она является более или менее общепринятой, так что будем ее придерживаться и мы.

Каждый из этих типов газет имеет свою "экологическую нишу". Солидные национальные и, реже, местные газеты часто выписываются на домашние или служебные адреса, они, наряду с телевидением, являются для большинства корейцев главным источником новостей. "Экономические" газеты, разумеется, предназначены для бизнесменов и служащих компаний. "Спортивные" газеты - это легкое чтение для социальных низов, хотя и представители средних городских слоев охотно покупают их, чтобы пролистать в вагоне метро или пригородной электрички. "Англоязычные" газеты предназначены как для иностранцев, которых сейчас в Южной Корее проживает около 300 тысяч, так и для многочисленных корейцев, занимающихся английским языком.

На самом вершине корейской газетной иерархии находятся общенациональные газеты, а среди них почти безраздельно царит "большая тройка" (сам дэ чунъан ильган - "три большие центральные газеты"). Две из них являются

патриархами корейской печати. "Тонъя ильбо" и "Чосон ильбо" ("Газета страны утренней свежести") сохраняют свое лидирующее положение в корейском газетном мире еще с 1920-х гг., когда они начали не завершённую поныне ожесточённую конкурентную борьбу за положение ведущего национального издания ("Тонъя ильбо" (Восточноазиатская газета) была основана 1 апреля 1920 г., а "Чосон ильбо" - 3 мая 1920 г.)³. Несколько позднее в эту борьбу вступила "Чунъян ильбо" ("Центральная газета"), которая со временем стала ещё одним членом "большой тройки" корейского газетного мира. О том, как развивается конкуренция между тремя главными газетами, судить довольно трудно, так как тиражи газет в Корее являются коммерческой тайной, бдительно охраняемой редакциями и владельцами изданий. По приблизительным оценкам корейских экспертов, которые основываются на потреблении газетами бумаги и иных косвенных данных, в середине 1998 г. суммарный ежедневный тираж газет "большой тройки" составлял примерно два с половиной миллиона экземпляров⁴. Косвенное представление о популярности тех или иных изданий можно составить из официально публикуемых сведений об объёме их продаж. Поскольку все центральные ежедневные издания стоят одинаково (в 1999 г. - 400 вон или около \$0,35), то эти цифры в целом отражают их реальные тиражи. В 1991 г. по объёму продаж лидировала "Чосон ильбо" (178,74 млрд. вон), за которой следовали "Чунъян ильбо" (164,68 млрд. вон) и "Тонъя ильбо" (138,46 млрд. вон)⁵.

Предпринимаемые время от времени попытки сделать данные о тиражах и подписке достоянием гласности встречаются корейскими газетными магнатами в штыки. Например, в конце 1997 г. Корейская ассоциация рекламных фирм подготовила исследование периодической печати, в котором сообщались оценочные данные о тиражах и подписке основных корейских газет (понятно, что такая информация очень ценна для рекламодателей). Любопытно, что эти данные были получены косвенным путем, в результате опроса населения. Ответная реакция последовала незамедлительно: газетные компании подали в суд и добились запрета на распространение подготовленных материалов как "нарушающих коммерческую тайну"⁶.

Реклама важна для корейских газет потому, что именно она, а не продажа или подписка, даёт им основной доход, примерно 50-60% всех поступлений. Немаловажно, что в крупные газеты большая часть рекламных материалов (по оценке одного из корейских специалистов - около 90%) поступает от ведущих корейских монополистических групп - "чэболь"⁷. Финансовая зависимость газет от "чэболь" не может не влиять и на редакционный курс, и на их отношение к политической жизни страны. В то же самое время большинство газет остается в семейной собственности и, как правило, принадлежит основателю газеты, его семье или, чаще всего, его потомкам.

Как уже упоминалось выше, различия между ведущими корейскими ежедневными газетами очень невелики. Говоря о японской печати, британец Дж.Джозеф, много лет проведший в Токио в качестве корреспондента лондонской "Таймс", подчеркивает в первую очередь удивительное сходство друг с другом ведущих японских газет. В своей книге, посвященной быту современной Японии, он пишет: "Вы можете начать читать передовую в "Иомиури" затем перейти к "Асахи" и закончить "Майнити" - и даже не заметить перехода от одной газеты к другой"⁸. В целом то же самое можно сказать и о корейской печати, которая во многом сформировалась под японским влиянием.

Из полудюжины ведущих газет - "Чосон ильбо", "Тонъя альбо", "Чунъян ильбо", "Хангук ильбо" ("Газета Кореи"), "Мунхва ильбо" ("Культурная газета"), "Кукмин ильбо" ("Национальная газета") и "Хангере синмун" ("Газета корейских соотечественников") - только последняя (имеющая, кстати,

наименьший тираж и весьма специфическую аудиторию) имеет четко выраженную политическую направленность. Нельзя, конечно, сказать, что между всеми этими изданиями не существует совсем уж никакой разницы в подходе к материалу или в стиле. Например, "Чосон ильбо" претендует на роль "корейской Times", воплощения солидной консервативной респектабельности, умеренного, но явного антикоммунизма и столь же умеренного, но столь же явного национализма. "Чунган ильбо", наоборот, старается быть (или, хотя бы, выглядеть) газетой динамичной, чуткой ко всяческим новым веяниям, отчасти даже не чурающейся сенсационности и умеренной скандальности. Однако речь идет о нюансах, о полутонах и оттенках. В общем же все эти газеты вляются умеренно правыми, консервативными и, в целом, проправительственными изданиями, хотя в некоторых случаях они могут позволить себе и критику тех или иных шагов властей. На взгляд российского читателя эти газеты кажутся довольно скучными, чтобы не сказать занудными, хотя нельзя не отдать должное той основательности, с которой они делаются. Отличаются они и немалым объемом - от 24 до 36 и более полос, причем рекламой занята примерно треть газеты.

Общая лояльность прессы к южнокорейскому истеблишменту не означает, однако, лояльности к его отдельным представителям и их группировкам. В Корее отсутствует хорошо знакомый нынешним россиянам феномен "карманной газеты", а то и "карманного телеканала", который контролируется тем или иным олигархом и играет роль этакого дрессированного питбуля, всегда готового без рассуждений броситься на указанную хозяином жертву. Ни одна из ведущих корейских газет не находится под прямым контролем какой-либо финансовой или политической группировки.

В период военных диктатур корейская пресса подвергалась жесткой цензуре. В задачи цензурных органов, главным из которых был Комитет по газетной этике, основанный в 1961 г. сразу же после прихода к власти военных⁹, была борьба с левыми идеями, которые понимались максимально расширительно. В то же самое время органы цензуры отчасти контролировали достоверность публикуемой информации, и пресекали то, что в СССР в свое время называли "пропагандой насилия и морального разложения".

После того, как в 1987 г. окончился период военного правления, политическая цензура в Корее стала заметно слабее, хотя, разумеется, определенные ограничения на свободу печати неизбежны в воюющей стране (а Южная Корея формально находится в состоянии войны с Северной). Комитет по газетной этике сохранился, но с 1987-1988 гг. он стал заниматься преимущественно борьбой с порнографией. Это не означает, что корейская печать заметно изменила свою традиционно правую политическую ориентацию: большинство "старых" газет, которые были (и остаются) тесно связанными с политической и деловой элитой, сохраняют свой консервативный характер. Однако в новых условиях появилась возможность создавать новые органы печати, в том числе и такие, которые бы выражали менее консервативные, а то и просто левые взгляды на ситуацию в стране.

Самым заметным из новых изданий, возникших на волне политической либерализации конца 1980-х годов, стала газета "Хангере синмун", основанная чуть больше десяти лет назад, в мае 1988 г.¹⁰ "Хангере синмун" является газетой откровенно оппозиционной и, до некоторой степени, левой. Впрочем, левизна ее умеренная, в том числе и потому, что слишком откровенные "прокоммунистические" выступления могут закончиться серьезными неприятностями: Закона о национальной безопасности никто пока что не отменял, и корейским журналистам об этом приходится помнить все время. Даже по своему оформлению и стилю "Хангере синмун" несколько отлична от стандарт-

ных корейских газет. Для нее характерна горизонтальная строка (в наиболее консервативных газетах сохраняется традиционная вертикальная), малое использование иероглифики и активное употребление исконно корейской, а не заимствованной из китайского языка, лексики. Если учесть, что левый радикализм корейской интеллигенции имеет отчетливую националистическую окраску, то ясно, что все эти особенности, вообще характерные для левой печати, носят не случайный характер. Ориентируется "Хангере синмун" преимущественно на интеллигенцию и осторожно критикует правительство с левонационалистических, а то и социал-демократических позиций. Это дает представителям правых кругов основание периодически обвинять газету в том, что она играет на руку Пхеньяну, чуть ли не являясь его "агентом влияния"¹¹. Создание "Хангере синмун" было с энтузиазмом и надеждами встречено корейскими левыми. Отчасти эти надежды оправдались, так как "Хангере синмун" смогла войти в число ведущих общенациональных изданий. Однако аудитория этой газеты все-таки остается ограниченной и состоит она преимущественно из университетской интеллигенции, лиц свободных профессий, студенческих и профсоюзных активистов, и вообще всяких инакомыслящих. Средний же корейский горожанин "Хангере синмун" читает редко.

Роль местной печати в современной Корее остается довольно скромной. Местные издания, которые в основном являются аналогами "общих газет", выходят во всех крупных городах страны, но аудитория у них не слишком велика. Подавляющее большинство корейцев предпочитает читать выходящие в Сеуле центральные газеты. В этом отношении Корея, опять-таки, куда ближе к Японии, чем, скажем, к Америке, где, как известно, все основные газеты являются местными изданиями.

Особое место в структуре корейской печати занимают "спортивные" газеты, фактически представляющие собой местный вариант "желтой прессы". Появились эти газеты сравнительно недавно, только в конце шестидесятых, а массовыми стали лишь в восьмидесятые. Подобно "Хангере синмун" и левым журналам, о которых речь пойдет дальше, их появление стало возможным в условиях цензурных послаблений. Как уже говорилось, во времена военных режимов (то есть до 1987 г.) цензура не только контролировала политическое содержание газет, но и стремилась не допускать на их страницы непроверенные материалы, порнографию и сплетни из личной жизни знаменитостей, то есть то, на чем от веку стоит бульварная печать. Как только цензура была ослаблена, этим воспользовались не только борцы с режимом, но и ловкие газетные дельцы, которые поняли, на чем теперь можно сделать деньги. Помимо политической либерализации, как и на Западе, рождению "желтой прессы" в Корее способствовало также распространение грамотности (и привычки к чтению) среди представителей низов и рост их доходов. На Западе этот процесс начался на рубеже XIX и XX веков, в Корее же он стал одним из последствий "экономического чуда" 1961-1987 гг.

На первых порах "спортивные" газеты были действительно посвящены исключительно спортивным новостям. Однако в конце восьмидесятых они потеряли свой изначальный спортивный характер. Информацию о событиях на стадионах потеснили материалы, типичные для бульварной печати. И поныне в таких газетах есть немало информации о разного рода спортивных событиях, но куда больше скандальной хроники, рассказов о личной жизни "звезд" кино и эстрады, фотографий соблазнительных девиц, фривольных комиксов и детективов. В настоящее время само название "спортивная газета" является, скорее, данью традиции. Между прочим, "спортивное" прикрытие, которым пользуется бульварная журналистика - это еще одна из многих черт, объединяющих корейский газетный мир с японским.

Крупнейшими "спортивными" газетами являются "Сыпочхы Чосон", "Сыпочхы Соуль", "Ильган сыпочхы" ("сыпочхы" - корейская транскрипция английского слова "спорт"). Подобно солидным общенациональным газетам, "спортивные" газеты на удивление мало отличаются друг от друга по содержанию и структуре. Даже первая страница всех этих газет имеет вполне традиционный вид: на ней крупным планом изображен какой-нибудь очередной спортивный "герой", чаще всего - бейсболист, справа от него располагается фотография смазливой и по возможности - но в пределах приличия - раздетой барышни, а внизу - реклама. Порою эти газеты выходят за рамки дозволенного цензурой, печатая совсем уж рискованные фотографии и комиксы, за что им периодически достаются реприманды со стороны Комитета по этике печати¹². Тем не менее, по части раскованности до нынешней российской бульварной печати корейским спортивным газетам далеко, ведь порнография в Корее по-прежнему запрещена. В политику издания этого типа, как правило, "не лезут", хотя после того, как начался очередной политический скандал, они не прочь посмаковать его более пикантные детали (если таковые имеются). Оформление спортивных газет - яркое, броское, с крупными заголовками, многочисленными цветными иллюстрациями (все спортивные газеты выходят в цвете, в то время как в "серьезных" газетах цветными выполняется лишь несколько полос). Разумеется, китайскую иероглифику они не используют, набирая весь текст более простым для восприятия корейским алфавитом.

При том, что тиражи "спортивных" газет весьма значительны, отношение к ним в корейской интеллигентской среде остается достаточно презрительным или, по меньшей мере, ироническим. Эти газеты часто критикуются общественными организациями, которые обвиняют их в пропаганде разврата и насилия. Экономическая и политическая элита также относится к "спортивным" газетам свысока. Не случайно, что в ходе недавно проведенного опроса журналистов выяснилось, что более 70% всех сотрудников "спортивных" газет стесняются своей работы и хотели бы сменить ее, а в некоторых случаях даже скрывают место своей работы от знакомых¹³.

Если говорить о содержании "серьезных" корейских газет, то львиная доля появляющихся там материалов посвящена внутренней политике и, отчасти, экономике. Характерной чертой корейских газет является то малое внимание, которое они (как, впрочем, и журналы) уделяют внешнему миру. Международный раздел в корейских газетах очень невелик. В большинстве случаев новостям из-за границы отведено примерно две полосы (в стандартной корейской газете, напомним, обычно около 30 полос). При этом значительная часть оказавшейся в газетах зарубежной информации касается не политической жизни других государств, а международных экономических новостей, причем в первую очередь тех, которые могут оказать влияние на положение в самой Корее, экономика которой, как известно, чрезвычайно зависит от экспорта и импорта. Наоборот, вопросы корейской внутренней политики, всяческие парламентские интриги, правительственные перемещения и министерские дразги, беспрестанные слияния и разделения партий обсуждаются в газетах очень горячо, тщательно, и с невероятным количеством подробностей. Надо сказать, что с коммерческой точки зрения такая структура корейских газет во многом оправдана, ибо она в целом отражает читательские пристрастия и интересы. По данным опроса общественного мнения, в 1993 г. лишь немногим более одного процента корейских читателей в первую очередь интересовались международными новостями (среди женщин, кстати, доля интересующихся была примерно в два раза выше). Для сравнения: спортивные новости самым интересным разделом считало 12,2% читателей, а внутриполитические - 29,6%¹⁴.

Корейские журналы отличаются от газет существенно большим разнообразием и формы, и содержания. Многие из журналов имеют вполне индивидуальную политическую позицию, чего нельзя сказать о большинстве газет. Стоит рассмотреть основные типы корейских журналов, хотя не следует забывать, что, как и в случае с газетами, это описание ни в коей мере не претендует на полноту.

Начать обзор можно с так называемых "женских журналов". Как и в большинстве стран мира, газеты в Корее - это преимущественно мужское чтение (в 1996 г. в Корее газеты ежедневно читало 53,8% мужчин, но только 28,0% женщин¹⁵). Потребностям женской аудитории отвечают многочисленные женские журналы. По большей части это - толстые, крупноформатные ежемесячные издания, выполненные на плотной глянцевой бумаге, с многочисленными красочными иллюстрациями. Любопытно, кстати, что подавляющее большинство этих изданий (23 и 28, учтенных в июне 1995 г. в электронном каталоге корейской периодики) имеет английские или, реже, иные западные названия, иногда, правда, написанные в корейской транскрипции - еще один показатель престижности американской бытовой культуры среди корейского "среднего класса". Некоторые из "женских журналов" рассчитаны на студенток и молодых офисных служащих, и отражают их специфические интересы (в основном связанные с энергичными поисками мужа и размышлениями о будущей семейной жизни), но большинство этих изданий ориентируется на домохозяйек. Читательницы могут найти на их страницах советы кулинаров, косметологов и портных, рассказы о счастливых и, реже, не очень счастливых семьях, советы по воспитанию детей и организации отдыха, консультации педиатров, гинекологов и сексологов, и, конечно, огромное количество рекламы. При сравнении типичного корейского женского журнала с его западным аналогом нельзя не отметить ряд корейских особенностей и, в первую очередь, явную ориентацию корейских изданий на семейные проблемы. Корейский женский журнал подразумевает, что его читательница - это замужняя женщина, скорее всего - неработающая домохозяйка, которую волнуют не столько личные и уж, тем более, карьерные, сколько именно семейные вопросы. Аналоги "Космополитена" есть и в Корее, но их тиражи, и их влияние там достаточно ограничены.

Другим видом популярного журнального чтения, рассчитанным уже на мужскую аудиторию, являются тонкие, в полсотни страниц издания, содержание которых можно было бы охарактеризовать как смесь уголовной хроники, спорта и всяческих материалов на сексуальные темы (последние носят, по нынешним российским меркам, достаточно умеренный характер, хотя с течением времени становятся все рискованнее). Чаще эти издания являются еженедельными, но встречаются и ежемесячники. Печатаются они на плохой бумаге, стоят очень недорого и, подобно "спортивным" газетам, служат дешевым чтением для низов.

Однако отношение не только к этим полупорнографическим изданиям, но даже и к женским журналам в Корее не слишком серьезное. Они в какой-то степени являются двойниками "спортивных" развлекательных газет, только нацеленными на несколько иную аудиторию. Наиболее уважаемым видом чтения считаются "толстые журналы", которые в своем большинстве издаются редакциями крупнейших национальных газет и представляют собой как бы их ежемесячный вариант. Это сравнительно небольшие по формату, но весьма объемистые (400-600 страниц) издания. В отличие от русских "толстых журналов", их корейские аналоги печатают сравнительно мало литературных произведений. Из этого правила есть исключения, так как в Корее существуют и специализированные литературные и литературно-критические ежемесячники.

В большинстве журналов преобладает, однако, не художественная литература, а разнообразная публицистика и материалы на тему текущей политики.

Другим вариантом солидного, респектабельного журнала является общественно-политический еженедельник (сиса чуган). По своему оформлению и подбору материала эти издания имитируют американские еженедельники "Time" или "Newsweek", которые очень хорошо известны в Корее (оба журнала есть буквально в каждом газетном киоске, а "Newsweek" даже выпускается на корейском языке). В Корее первым подобным изданием стал журнал "Чуган Хангук" (Корейская неделя), который появился в 1964 г. В большинстве случаев общественно-политические еженедельники издаются теми же концернами, что выпускают и основные ежедневные газеты. По сути, такой еженедельник образует как бы дополнение к газете, и часто даже носит такое же название, что и она, лишь с дополнением "чуган" ("еженедельник"). Например, для газеты "Чосон ильбо" таким параллельным изданием является "Чуган Чосон", для газеты "Хангук ильбо" - "Чуган хангук", для газеты "Чунъанъ ильбо" - "Win" (английское название - это модно), а для "Хангере синмун" - "Хангере 21". Понятно, что все эти еженедельники придерживаются примерно той же политической линии, что и их родоначальники - газеты, хотя журнальный формат, с одной стороны, снижает оперативность, а с другой - позволяет давать более глубокий анализ тех или иных проблем. Как и газеты, еженедельники весьма стандартны и похожи друг на друга по своей политической ориентации и стилю. Исключениями являются "Хангере 21", который, как и породившая его газета, ориентируется на оппозиционную левую интеллигенцию, и "Сиса чжорналь" (Журнал новостей) (по моему субъективному мнению, лучшее издание данного типа на сегодняшний день), который интересен весьма глубокими статьями, отражающими разные - порою прямо противоположные - точки зрения на ту или иную проблему.

Другую заметную группу корейских журналов составляют политические и общественно-политические "тонкие" ежемесячники. В отличие от газет и "толстых" ежемесячников, они весьма идеологизированы и имеют свое, вполне определенное, политическое лицо. Так, "Маль" (Слово) - это откровенно лево-националистический, антиамериканский и, временами, просоциалистический журнал, а "Хангук нондан" (Корейский форум) - наоборот, издание крайне правое и консервативное. Разумеется, предназначаются эти издания для тех, кто интересуется политикой и имеет сложившиеся политические убеждения.

Наконец, самую многочисленную (по числу названий, но не по тиражам) группу образуют журналы, посвященные тем или иным увлечениям. В Корее выходит множество журналов по шашкам падуков (го), альпинизму, автомобилям, рыбной ловле, фотографии, гольфу и иным видам массовых хобби. Наконец, существуют специфические издания, которые довольно трудно классифицировать, а также многочисленные специальные журналы, которых мы здесь не будем касаться вообще.

Характерная особенность корейского газетно-журнального дела - это доминирующая роль, которую играют в нем крупные издательские концерны. При этом каждый такой концерн стремится выпускать издания, которые охватывали бы все мыслимые сегменты рынка. В идеале корейский газетно-журнальный концерн выпускает ежедневную "серьезную" газету (она считается как бы основной для всей деятельности концерна), "спортивную" газету, еженедельник и ежемесячник, а также ряд специализированных изданий. Так, газетно-журнальный концерн "Чосон ильбо" выпускает: "общую газету "Чосон ильбо"; "спортивную газету "Сыпочхы Чосон"; общественно-политический еженедельник "Чуган Чосон"; ежемесячный "толстый" журнал "Вольган Чосон"; ежемесячный журнал "Сан" ("Горы", для многочисленных в Корее люби-

телей горных прогулок); ежемесячный журнал "Наккси" ("Рыбная ловля") - другое массовое корейское хобби). Как видим, в этом списке представлены практически все основные типы корейских изданий, за исключением, разве что, "женского журнала" и "экономической газеты". Конечно, подобной широты охвата практически всех сегментов газетно-журнального рынка может добиться только крупнейший концерн, однако и компании поменьше стремятся, в меру своих сил, к тому же самому.

Несмотря на заметное развитие электронных СМИ в Корее, газеты продолжают играть там особую роль. В целом современная южнокорейская печать является не только и не столько зеркалом общественного мнения, сколь его активным создателем. Деловые и личные интересы руководителей СМИ тесно связаны с крупным корейским бизнесом, и нет ничего удивительного в том, что корейская печать делает все от нее зависящее, чтобы обеспечить в стране социальную и политическую стабильность. В то же самое время, настоящих гонений на оппозиционную прессу в стране нет, лояльность СМИ к существующему строю обеспечивается социально-экономическими, а не полицейскими методами.

1. Кукче тхонъгге ёнгам: 1997 (Ежегодник международной статистики). Сеул: Тхонъггечхонъ, 1997. С. 396-397.
2. The Korean Times. 7 June 1996.
3. Ким Кён Мо. Синмун саноп-ый сичжан кучжо пёндонъ-е ёнгу (Исследование изменений в рыночной структуре газетного бизнеса). Магистерская диссертация. Сеул: Ёнсе тэхаккё, 1994.
4. Сиса чжорналь. (Журнал новостей). 1994. № 441.
5. Ким Кён Мо. Указ. соч. С. 67.
6. Хангере синмун. (Газета корейских соотечественников). 1997. 17 ноября.
7. Сиса чжорналь. № 441.
8. J. Joseph. The Japanese. London: Penguin Books, 1994. P. 88.
Аналогичное мнение десятилетием раньше высказал американский японист и журналист Р.Кристофер: R.Christopher. The Japanese Mind. N.Y.: Fawcett Colombine, 1983. P. 199.
9. Хангук синмун юнри самсип нен (30 лет корейского [Комитета по вопросам] газетной этики). Сеул: Хангук синмун юнри вивонхва, 1994. С. 65.
10. Мунхва конъбо ёнгам. Сеул: (Ежегодник информации по культуре). Мунконъхва, 1992. С. 215.
11. Достаточно решительные, но во многом типичные нападки содержатся, например, в статье, опубликованной в право-консервативном журнале "Чаю конърон": (Свободная дискуссия) Чо Ван Сок. "Хангере синмун", "Маль", "Киль"-ын Пукхан-ый тэпхёчжа инга? (Не являются ли "Хангере синмун", "Маль" и "Киль" агентами Северной Кореи?) // Чаю конърон, 1994. № 9. Упомянутые наряду с "Хангере синмун" журналы "Маль" (Слово) и "Киль" (Путь) являются ведущими легальными левыми изданиями в Южной Корее.
12. Чха Э Ок. Синмун манхвага манхва мунхва-е мичхин ёнхьянъ-е кванхан ёнгу (Исследование влияния газетных комиксов на культуру комиксов). Магистерская диссертация. Сеул: Соган тэхаккё, 1992. С. 35-36.
13. Сиса чжорналь. 1999. 8 апреля. № 493.
14. Хангук-ый сахве чипхё: 1993 (Корейские социальные показатели: 1993). Сеул: Тхонъггечхон, 1994. С. 292.
15. Хангук-ый сахве чипхё: 1997 (Корейские социальные показатели: 1997). Сеул: Тхонъггечхонъ, 1997. С. 493.

Научная жизнь

Научный семинар «Человек и духовная культура Востока»

© 2000

Д. Главева

В феврале 2000 г. в Центре изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН состоялось первое заседание семинара «Человек и духовная культура Востока». Инициатива его проведения, с которой выступили молодые сотрудники Центра, встретила поддержку со стороны Дирекции Института. Семинар был задуман как способ апробации результатов исследований молодых ученых и поиска решений актуальных историко-философских проблем, прежде всего вопросов цивилизационной специфики и межкультурного взаимодействия, которые приобретают в последние годы все большую академическую и практическую значимость. Участники семинара получают возможность обсуждения широкого круга тем, связанных с изучением мировоззренческих основ дальневосточных культур в сравнении с западными культурами.

В центре внимания участников первого заседания семинара находились вопросы специфики онтологической и этической проблематики в традиционной китайской философии и ее связи с общественно-политической мыслью. Данная тема была конкретизирована в докладе А.Б.Калкаевой «Трактовка этических категорий у Ван Аньши (1021-1086) и в *лисюэ*». Обычно Ван Аньши рассматривается как почти исключительно социально-политический мыслитель. Однако такие его работы, как «Рассуждения о ритуале и музыке», «Истоки природы», «Комментарий к «Дао дэ цзину»», впервые переведенные А.Б.Калкаевой на русский язык, позволяют по-новому взглянуть на его теоретическую философию и, отчасти, на развитие историко-философского процесса в Китае XI в. Именно в тот период зарождалось неоконфуцианство, ведущее течение в котором - *лисюэ* («учение о принципе») - стало основой имперской идеологической и мировоззренческой ортодоксии на последующее тысячелетие.

Особенно плодотворным для исследования А.Б.Калкаевой оказался метод историко-философской компаративистики, основанный на сопоставлении трактовок таких основных этических понятий китайской философии, как *жэнь* - «человечность», *и* - «долг/справедливость», *ли* - «ритуал», *чэн* - «искренность» в построениях Ван Аньши и его современников - основоположников *лисюэ*. Главное внимание было уделено анализу соотношения двух пар

философских категорий: «человечность и долг/справедливость», с одной стороны, «ритуал и музыка» - с другой..

В результате проведенного анализа А.Б.Калкаева пришла к выводу о том, что Ван Аньши, в противоположность метафизичности *лисюэ*, присуща рационалистическая трактовка этических понятий, а также стремление прямо или косвенно связать их с социальной практикой. В учении Ван Аньши не наблюдается свойственной концепциям неоконфуцианства перенесения акцентов с социально-этического и социально-политического уровней на онтологический и психологический. При построении своей философской парадигмы мыслитель, как и неоконфуцианцы, идет от человека к обществу. Однако, рассматривая взаимодействие человека с социальным и природным мирами, он гораздо четче дифференцирует их. Построения Ван Аньши тяготеют к традициям философской ицинистики и дистанцируются от буддийской философской проблематики, которую активно осваивали неоконфуцианцы.

Все это позволяет считать его предтечей того направления в конфуцианстве эпох Мин и Цин (XIV-XIX вв.), которое выступало альтернативой неоконфуцианству и ориентировалось на ортодоксию и социально значимый ритуализм эпохи Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.).

В ходе обсуждения соотношения пары «человечность и долг/справедливость» с парой «ритуал и музыка» участники семинара рассмотрели вопрос о видении китайской традицией ритуалов и песнопений как метода гармонизации универсума (природного или социального) посредством вхождения в культурный архетип *у син* - «пять движений», «пять стихий» - и встраивания во вселенскую энергетическую дихотомию *инь ян*. Духовная проекция архетипа *у син* - *у чан* («пять постоянств»), включающая «гуманность» («человечность»), «долг-справедливость», «искренность», «знание-мудрость» и «ритуал», является в китайской культуре тем вечным и неизменным фильтром, который мыслится средством возвращения к первоначальной гармонии вселенной.

В марте 2000 г. состоялось второе заседание семинара, на котором И.А.Костецкая представила доклад о влиянии конфессионального фактора - образа мыслей и поведения, соответствующих требованиям определенного вероисповедания, - на общественно-политическую и культурную жизнь южнокорейского государства. Выступавшая отметила, что актуальность рассматриваемой темы определяется значимостью феномена религии как одного из организующих начал общественной жизни. До настоящего времени практически во всех странах религия оказывает непосредственное влияние на политические и социальные процессы. Она воздействует на политическую активность приверженцев какого-либо вероучения, ориентируя их на определенную систему ценностей, способствует формированию взглядов и установок, которые определяют уровень политической культуры населения. Религия входит в число важных геополитических показателей, определяющих место государства в конкретном регионе и в мире. Отсюда и вытекает одно из распространенных определений конфессионального фактора как функционирования религиозных компонентов - идей, ценностей и традиций, которое находит свое выражение в отношениях духовно-нравственного и социально-правового характера, опосредованно воздействующих на политическую культуру.

В этой связи И.А.Костецкая отметила, что в современном российском корееведении проблема влияния конфуцианства и христианства на южнокорейское общество освящается односторонне, преимущественно рассматривается политический аспект отношений «религия - государство».

И.А.Костецкая ознакомила участников семинара с мнениями корейских исследователей как относительно противоречий между религиозными учениями Востока и Запада, так и о точках их соприкосновения, а также на конкрет-

ных примерах продемонстрировала влияние разных конфессий на общественно-политические и культурные процессы в Республике Корея.

По заключению докладчика, отношения «религия - государство», «религия - власть», «религия - идеология», «религия - политика» при всей их глобальности следует рассматривать в конкретных контекстах определенных культур. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о роли и месте традиционных религий в восточном обществе, а также их взаимодействии с западными учениями, которые становятся все более популярными. В современном южнокорейском обществе религиозные учения выполняют интегративную функцию в большей степени, чем на Западе, в силу принадлежности Кореи к особому типу цивилизации, где групповые интересы превалируют над личностными. Христианство (точнее, его протестантская ветвь) в большой степени оказало и продолжает оказывать влияние на политическое, экономическое, социальное и духовное преобразование корейского общества. Это обстоятельство, с одной стороны, не означает окончательного отхода от духовных традиций конфуцианства, с другой, предполагает весьма существенные изменения в системе конфуцианского учения (например, ограничение влияния на государственное управление).

В ходе обсуждения содержания доклада особое внимание было уделено проблеме модификации устоявшихся в Южной Корее духовно-этических норм и традиций под воздействием западных религиозных учений, а также сопряженной с данным процессом внутренней трансформации социального развития. В связи с этим были подняты вопросы о совместимости ценностей учения Конфуция с политическими традициями Запада, о синтезе конфуцианства и христианства, традиционализма и западничества в политической культуре Южной Кореи.

Оживленную дискуссию вызвала также тема вестернизации корейского общества, напрямую связанная с влиянием христианства на менталитет молодого поколения корейцев. Именно с помощью христианства происходил процесс приобщения корейского народа к ценностям и нормам западной культуры и образу жизни. Однако многие южнокорейские политологи бьют тревогу по поводу легкости и «механического» характера адаптации чуждых этнокультурных и религиозных элементов в корейском обществе, приспособленчества к чужеродному, часто противоречащему местным традициям, разрушения исконных нравственных и моральных принципов.

Однако И.А. Костецкая находит, что и среди молодого поколения корейцев сохраняются качества, присущие конфуцианскому типу культуры. Она пришла к выводу о том, что в значительной степени именно комплексным воздействием конфуцианского и протестантского мировоззрений на политическую культуру Республики Корея объясняется резкий скачок в ее экономическом развитии в конце 80-х годов.

Подводя итоги обсуждения проблем взаимодействия религиозных учений Запада и Востока и их влияния на современную социальную, экономическую, политическую и духовную жизнь, участники семинара пришли к заключению, что рассматривать восточные религии и культуру в качестве источника «преодоления» западных религии и культуры вряд ли возможно. Такая постановка вопроса способна привести к еще большему противостоянию между ними. Другое дело, что в каждом конкретном обществе естественнее выглядит доминирование того типа религиозных учений и культурных традиций, который присущ данному обществу традиционно. Сегодня на передний план выходит задача формирования нового, адекватного современной цивилизации культурного мировоззрения, учитывающего взаимовлияние и взаимопроникновение

культур, основанного на принципах их взаимоуважения, на идее взаимного восприятия передовых достижений при сохранении самобытности этноса.

Обсуждение возможности синтеза культурных и религиозных традиций, трансляции идей из одной культуры в другую было продолжено на третьем заседании семинара, состоявшемся в апреле 2000 г. В данном случае речь шла о взаимодействии и взаимовлиянии двух восточных религий – синтоизма (комплекса древнейших мифологических и религиозных представлений японцев) и буддизма, пришедшего в Японию в китаизированном варианте.

В докладе «Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм (VI-XII вв.)» Д.Г. Главева выделила три основных аспекта своей исследовательской задачи: изучение путей взаимодействия и взаимовлияния, идейного контакта местной духовно-культурной добуддийской традиции и собственно буддизма, укоренившегося на японской почве; выявление степени устойчивости добуддийского мировоззренческого стереотипа и пределов его ассимиляции; 3) описание механизма формирования синто-буддийского взаимопроникновения.

Выступавшая отметила, что в российской историографии проблема взаимоотношения буддизма и синтоизма на начальных стадиях (середина VI – конец VIII в.) стала разрабатываться совсем недавно. В работах на эту тему основное внимание уделяется уже вполне зрелому синкретизму периода развитого средневековья (XIII-XV вв.), отличающемуся от раннего синкретизма как социально-экономическим, так и идеологическим содержанием.

Внимание присутствующих было обращено на тот факт, что выделение и описание стереотипов синто-буддийского синтеза именно на наиболее раннем этапе их формирования позволяют с большей точностью ответить на многие вопросы, возникающие в ходе изучения истории и культуры Японии последующих периодов, в том числе новейшего времени.

В первую очередь синто-буддийский синкретизм лег в основу поведенческих реакций японцев на иноземное влияние: японцы выработали весьма своеобразный модус поведения, который определяется, с одной стороны, отсутствием предубежденности в отношении инокультурных привнесений, с другой – весьма бережным сохранением собственных традиций. Без изучения механизмов и форм синто-буддийского синкретизма не может быть понят, в частности, феномен «новых религий» (яп. синко: сю:кё:) – синкретических конфессий, массовое появление которых относится к послевоенному периоду. Синкретизм буддизма и синтоизма представляет собой частный случай универсальной проблемы взаимопроникновения и взаимоотношений догосударственных форм сознания и развитой идеологии классовых отношений. Как и всякий универсальный общественный феномен, процесс взаимовлияния религий должен, по всей вероятности, управляться некоторыми всеобщими закономерностями. Однако недостаток исторических исследований в этой области еще не позволяет со всей полнотой выделить общее и частное в процессе взаимовлияния столь разнообразных идеологий. Существенный вклад в решение данной проблемы может внести комплексное изучение социально-культурных аспектов истории Японии и конкретных форм синтоистского и буддийского взаимодействия.

Реконструируя отдельные этапы трансформации синто-буддийского синкретизма в различные исторические эпохи, Д.Г. Главева пришла к заключению, что разграничение функций синтоистских божеств (яп. *ками*) и будд, наблюдавшееся на начальном этапе распространения буддизма, постепенно уступало место их более полной взаимозаменяемости. Иными словами, «синтоистско-буддийская амальгама» развивалась таким образом, что буддизм,

бывший в VI в. оригинальной мировоззренческой системой, утрачивал свои индивидуальные черты.

Сам факт складывания синто-буддийского синкрета докладчик рассматривает и как своеобразную попытку примирения двух форм мировосприятия – синтоистской («внешней») и буддийской («внутренней»). В связи с этим она обратила внимание присутствующих на специфику видения мира в синтоизме и буддизме. В качестве примера их взаимодействия была проанализирована теория *рё:бу-синто*: (букв. «двустороннее синто:»), принадлежащая основателю школы Сингон¹ - Ку:каю (посмертное имя – Ко:бо: Дайси, 774-823).

Новизна примененного в данном исследовании подхода к изучению механизма осуществления синто-буддийского синкретизма состоит в том, что является сам принцип функционирования этого механизма в контексте характерных для синтоизма и буддизма картин мира. Возможность взаимопроникновения двух инокультурных религиозных учений рассматривается как следствие принципа недуального восприятия мира, лежащего в их основе. В этой связи сделано очень важное уточнение: буддизм объективирует «уже преодоленную» дуальность, а в синтоизме дуальность еще не дошла до объективации. В синтоизме, как и во всех архаических религиях, смысловые оппозиции не проговариваются, не доводятся до уровня категорий теоретической культуры.

В ходе обсуждения форм проявления синто-буддийского синкретизма участники семинара подошли к проблеме устойчивости исходных японских мировоззренческих элементов. Сохранились ли они после встречи с буддийским учением с его развитой догматикой, логикой и понятийным аппаратом или были полностью вытеснены последним? Если сохранились, то каким образом включились в дальнейшее развитие интеллектуального процесса? – вот те основные вопросы, которые определили направление последующей дискуссии. Общее впечатление, сложившееся в итоге, можно передать словами российского буддолога О.О.Розенберга: «...если чисто японский элемент и был менее сильным и определенным (по сравнению с китайскими и индийскими элементами. – Д.Г.), он все же оказал огромное влияние на самый способ обработки, которой подвергались чужеродные элементы. В национальном элементе скрывалось...известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы»².

Характер этой мировоззренческой ориентации многими учеными (например, Накамура Хадзимэ) усматривался в «направленности на этот мир», которая «трансформировала основные буддийские доктрины по сравнению с их обликом в Индии и Китае»³. В связи с этим следует отметить, что одной из специфических особенностей японского буддизма до сих пор является именно идея о буддийской религии как «инструменте» обретения блага в этом мире, а не где-то в потустороннем существовании. Такое понимание функции буддийского учения получило название «польза (выгода) в этом мире» (яп. *гэндзэ-рияку*).

В то же время именно подобный прагматизм в отношении восприятия буддизма, да и всех зарубежных культурно-религиозных систем обусловил удивительно богатую панораму религиозной жизни в современной Японии, в том числе возможность одновременно исповедовать разные религии (например, синтоизм и буддизм), в отличие, скажем, от Южной Кореи, где конфуцианство, буддизм и христианство существуют параллельно и не смешиваются, а верующие четко разделены. Возникшие в основном в XX в. так называемые новые религии инкорпорировали многие прежние воззрения и верования и дополнили собой вновь созданные доктрины.

Работа первых трех заседаний семинара «Человек и духовная культура Востока» способствовала творческому обмену мнениями и идеями между молодыми учеными по целому ряду вопросов, возникающих при рассмотрении специфики мировоззренческой и общественной мысли, а также ее исторической трансформации в странах дальневосточного региона. Доклады отличались тематическим разнообразием, но всех выступавших объединяло стремление осмыслить суть рассматриваемых ими явлений в целостном контексте духовной культуры Восточной Азии.

Семинар «Человек и духовная культура Востока» является постоянно действующим. Сведения о наиболее важных результатах научных дискуссий молодых исследователей Центра предполагается регулярно публиковать в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Более подробно с их работами и переводами памятников китайской, японской, корейской философии и культуры можно будет ознакомиться в сборнике «Человек и духовная культура Востока».

Организаторы семинара надеются, что в дальнейшем они сумеют наладить совместную работу с востоковедами, философами, культурологами, историками не только московских, но также региональных и международных исследовательских учреждений и университетов.

1. Название Сингон-сю: (*сингон* - «истинное слово») указывает, что в ее доктринах запечатлена «сокровенная суть» буддийского Закона, возвещенная буддой Махавайрочанной. Учение Сингон-сю: называют «тайным» (яп. *мижэ:*) и относят к «эзотерическому» буддизму. Базисными текстами являются «Махавайрочана-сутра» и «Ваджрасекхара-сутра».
2. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 55.
3. Nakamura H. Ways of Thinking of Eastern Peoples. Honolulu, 1964. P. 362.

В обществах дружбы Китая и России

Китай торжественно отмечает 55-ую годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Мероприятия, посвященные 55-летию юбилею Победы, начали проводиться в Китае задолго до 9 мая. С февраля по апрель с.г. КНОДЗ и ОКРД, совместно с местными органами власти провели большую работу по приведению в порядок мемориалов воинской славы, воздвигнутых в память советских воинов, павших в борьбе за свободу и независимость китайского народа. Накануне Дня Победы во многих городах Китая были проведены торжественные церемонии возложения венков к мемориалам и памятникам советским воинам. По центральному и пекинскому телевидению в апреле-мае демонстрировались фильмы о войне, по китайскому радио передавались популярные в годы войны советские песни.

8 мая в одном из лучших концертных залов Пекина состоялся праздничный концерт московских артистов со специальной программой "Песни военных лет", прибывших в Китай по приглашению Министрства культуры КНР.

Важную роль в создании особой дружественной атмосферы при проведении юбилейных мероприятий сыграли публикации в китайских центральных газетах, а также передачи китайского телевидения о церемонии инаугурации Президента РФ В.В.Путина и поздравлении в его адрес от Председателя КНР Цзян Цзэминя, репортажи о встречах в Москве и других городах страны с ветеранами Великой Отечественной войны, о параде на Красной площади и другие материалы.

10 мая в центре китайской столицы, в Большом актовом зале гостиницы "Пекин" Китайское народное общество дружбы с заграницей и Общество китайско-российской дружбы провели торжественное собрание представителей обществности столицы и концерт, посвященные 55-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В президиуме собрания находились У Цзэпин - заместитель Председателя Постоянного Комитета ВСНП; Хуан Ичэн - Председатель китайской части китайско-российского Комитета дружбы, мира и развития; Чжу Сюнь - член Всекитайского комитета Народного Политического консультативного Совета Китая, председатель Ассоциации китайских выпускников советских вузов; Ма Вэньпу - заместитель заведующего Отделом международных связей ЦК КПК; Мэн Сяосы - заместитель министра культуры КНР; Ху Шиян - генерал-лейтенант, заместитель начальника Главного управления вооружения НОАК; Чжан Есуй - помощник Министра иностранных дел КНР. Участниками собрания были китайские ветераны революции, жившие и учившиеся в Советском Союзе в 30-40-х годах, специалисты, получившие образование в нашей стране в 50-е годы, их дети и внуки, т.е. студенты пекинских вузов и учащаяся молодежь - активисты Общества китайско-российской дружбы. В зале были также ответственные сотрудники центральных китайских государственных и общественных организаций, осуществляющих торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество между Китаем и Россией.

С российской стороны в собрании приняли участие представители Посольства РФ, Торгового представительства, Военного атташата РФ в КНР и других

российских организаций, работающих в Пекине, а также российские студенты, обучающиеся в вузах Пекина.

Перед началом собрания председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу и Посол РФ в КНР И.А.Рогачев торжественно разрезали ленточку и представили участникам торжественного собрания скульптуру "Во имя мира". Созданная по заказу Общества китайско-российской дружбы Яо Юанем - известным китайским скульптором, трехметровая скульптура представляет собой стоящих плечом к плечу двух солдат - Советской армии и Народно-освободительной армии Китая, держащих в поднятых руках голубя мира.

Выступившие на торжественном собрании Чэнь Хаосу и У Эньюань - заместитель директора Института всемирной истории АОН КНР подчеркнули решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии и в победу во второй мировой войне.

"В период разгула фашизма в Европе, когда на грани полного разрушения оказалась тысячелетняя мировая цивилизация, только Советский Союз взял на себя всю ответственность за борьбу против фашизма, - сказал в своем выступлении Чэнь Хаосу, - Советский Союз не только разгромил фашистскую Германию, но и после победы направил свои войска в Северо-Восточный Китай, внося тем самым важный вклад в победу над японским милитаризмом". Выступавший подчеркнул, что "победа советского народа в Великой Отечественной войне оказала влияние на развитие национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке".

В выступлении У Эньюаня - известного китайского специалиста по второй мировой войне, отмечалось, что "Советский Союз и Китай понесли наибольшие людские и материальные потери и сыграли решающую роль в достижении победы над германским фашизмом и японским милитаризмом... Благодаря борьбе китайского народа Япония так и не решилась открыть второй фронт против СССР. В то же время Советская армия внесла особый вклад в освобождение от японцев Северо-Восточного Китая".

Участники собрания тепло встретили выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в КНР И.А.Рогачева. Подчеркнув эффективность коллективных усилий в решении глобальных проблем, Посол сказал: "В России по достоинству оценивают весомый вклад в победу, который внесли народы Китая, США, Великобритании, Франции и других стран антигитлеровской коалиции". В заключение он привел слова китайского писателя Ли Байюя, встреченные аплодисментами зала: "Мы боролись в Азии, вы - в Европе. Мы сражались в одних окопах, протянувшихся от Хуанхэ до Днепра - и победили. Это - наша общая победа".

На торжественном собрании была отмечена важность укрепления и развития двусторонних российско-китайских отношений на современном этапе в интересах народов двух стран, в пользу международной безопасности и дела мира во всем мире.

В выступлении Чэнь Хаосу от имени китайской общественности приветствовалось вступление на пост Президента РФ В.В.Путина и подчеркивалась важность его заявлений о внимании, которое уделяется дальнейшему развитию российско-китайских отношений. Была отмечена созвучность этих заявлений словам приветствия, адресованного Президенту В.В.Путину от имени Председателя КНР Цзян Цзэминя. "Мы от всей души надеемся, - сказал Чэнь Хаосу, - что в новом XXI веке традиционная российско-китайская дружба поднимется на новый, более высокий уровень и получит дальнейшее развитие."

Торжественное мероприятие закончилось большим праздничным концертом ансамбля Политуправления Народно-освободительной армии Китая.

К 100-летию со дня рождения Ли Фучуня (1900-1975) и Цай Чан (1900-1990)

31 мая с.г. в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось заседание Исполнительного Совета Центрального Правления Общества российско-китайской дружбы, посвященное 100-летию со дня рождения выдающихся государственных и общественных деятелей Китая - Ли Фучуня и Цай Чан. Заседание открыл председатель ОРКД, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, который подчеркнул большую роль Ли Фучуня и Цай Чан в истории китайской революции и строительства нового Китая, в развитии и укреплении дружбы и сотрудничества между СССР и КНР. С научными докладами о жизни и деятельности Ли Фучуня выступили ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук В.Н.Усов, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор экономических наук А.В.Островский и ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат экономических наук И.Н.Коркунов. Со своими воспоминаниями о личных встречах с Ли Фучунем в 50-е гг. выступил Ф.И.Клейменов - советник группы советских специалистов, работавших в КНР в 50-е гг. На заседании были также заслушаны два доклада, посвященные деятельности Ли Фучуня жены и соратницы Цай Чан, которая была известной партийной, государственной и общественной деятельницей Китая, организатором женского движения в стране. С докладами о Цай Чан выступили ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат исторических наук Г.А.Степанова и старший научный сотрудник ИДВ РАН Т.М.Емельянова. На заседании также выступили представители посольства КНР в РФ: полномочный министр Чжан Сиюнь и советник по культуре Цуй Наньтян.

Подробно осветив основные вехи партийной и государственной деятельности Ли Фучуня и Цай Чан, выступавшие особо выделили их вклад в становление и развитие Китайской Народной Республики.

Отмечалось, что Ли Фучунь, занимавшийся вопросами финансово-экономической работы в освобожденных районах Китая еще до победы китайской революции сыграл видную роль в организации и становлении системы руководства народным хозяйством КНР.

С 1950 г. Ли Фучунь работал заместителем председателя Финансово-экономического комитета Государственного административного совета (ГАС), министром тяжелой промышленности КНР. В 1954 г. Ли Фучунь стал заместителем премьера Госсовета КНР и председателем Госплана КНР.

В 50-е годы Ли Фучунь неоднократно в составе партийно-правительственных делегаций КНР посещал Советский Союз и в своей работе в Госплане КНР многое перенял и развил в условиях Китая из советского опыта управления экономикой. Ли Фучунь высоко оценивал значение сотрудничества между СССР и КНР в области экономики и науки. В докладе на 2-й сессии ВСНП в июле 1955 г. Ли Фучунь говорил: "Важным условием, дающим возможность нашей стране быстрыми темпами осуществлять плановое экономическое строительство, является искренняя, бескорыстная, братская помощь Советского

Союза". Его роль и значение его деятельности были высоко оценены в Китае. В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК Ли Фучунь был избран членом Политбюро ЦК КПК. В дальнейшем Ли Фучунь избирался членом ЦК КПК на IX и X съездах партии.

Выступавшие отмечали, что Ли Фучунь принимал активное участие в выработке экономической политики Китая. Его деятельность на посту заместителя премьера Госсовета КНР и председателя Госплана КНР в 50-60-е годы в значительной мере способствовала созданию предпосылок экономических успехов КНР в ходе экономической реформы в 80-90-х годах.

С именем Цай Чан связан богатый опыт развития женского движения в Китае до и после 1949 г. Вместе с такими известными деятельницами, как Хэ Сянин, Сун Цинлин и Дэн Инчао, Цай Чан стояла у истоков женского движения страны.

На I Всекитайском съезде женщин Китая, состоявшемся в 1949 г., Цай Чан была избрана председателем первой общегосударственной женской организации - Всекитайской демократической федерации женщин (в 1957 г. переименована во Всекитайскую федерацию женщин), которую Цай Чан бессменно возглавляла в течение нескольких десятилетий.

Признанием ее авторитета было избрание Цай Чан на высокие партийные и государственные посты. Начиная с VI (1928 г.) по XI съезд КПК (1977 г.) она неизменно избиралась в состав центрального комитета партии. Она являлась также членом Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 1, 2 и 3-го созывов, заместителем Председателя Постоянного Комитета ВСНП 4 - 5-го созывов.

Цай Чан была человеком высоких моральных качеств, образцом для окружающих. В 1980 г., откликаясь на призыв ЦК партии об отмене системы пожизненного занятия постов, Цай Чан по собственной инициативе отказалась от всех занимаемых ею постов. Высоко оценив огромные заслуги Цай Чан перед партией и страной, ЦК КПК направил приветственное письмо в ее адрес, в котором говорилось, что она является "выдающимся руководителем женского движения Китая и известным деятелем международного прогрессивного женского движения".

Рецензии

Z. Khalilzad, A.N. Shulsky, D. Byman, R. Cliff, D. Orletsky, D.A. Shlapak, A.J. Tellis. The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. RAND. 1999. XXIII, 111 p.

Книга "Соединенные Штаты и поднимающийся Китай: стратегическое и военное значение" представляет собой доклад, подготовленный в корпорации РЭНД группой авторов и обобщающий результаты исследований в рамках многолетнего проекта "Модернизация обороны Китая и ее значение для военно-воздушных сил США". По мнению авторов, подготовленное ими исследование должно представить интерес для специалистов, имеющих отношение к вопросам национальной безопасности США, а также для широкого круга читателей, интересующихся международной проблематикой.

Доклад состоит из предисловия, резюме исследования, введения, трех основных глав (детерминанты китайского поведения в области национальной безопасности; военная модернизация Китая; варианты политики США) и библиографии.

Как отмечается в предисловии, основное внимание исследования концентрируется на принципиальном вопросе о том, как США должны вести дела с Китаем, "поднимающейся державой, которая в не столь отдаленном будущем может оказаться способной бросить вызов позициям США в Восточной Азии и американскому военному, политическому и экономическому доступу к этому динамичному и важному региону" (с. III). В докладе также рассматривается значение подъема Китая для США в военном аспекте. Анализируются основные вопросы, которые встают перед США в связи с модернизацией Китая. Рассматривается вероятное поведение КНР на международной арене и вызовы, которые оно может создать. Авторы книги ставят вопрос о том, какой стратегии должны придерживаться США, чтобы реагировать на эти вызовы, и как китайский фактор должен влиять на американскую военно-политическую активность в Восточной Азии.

В целом доклад написан отнюдь не с либеральных позиций, хотя в нем нет и жесткого консерватизма. Логика, которой руководствуются авторы, хорошо известна и достаточно проста. Дальнейшее увеличение мощи и влияния Китая может создать серьезные стратегические вызовы международным позициям США. В Восточной Азии сильный в военном и экономическом отношении Китай может предложить альтернативу нынешней американской роли в качестве предпочтительного партнера в вопросах безопасности и "менеджера безопасности в последней инстанции". Вместе с тем он также будет отстаивать свои территориальные притязания, будет стремиться повысить свой статус на глобальном уровне и изменить правила и нормы международной системы в свою пользу. Обоснованием подобного развития событий, с точки зрения авторов, служат как соображения политического реализма, так и традиционная китайская вера в то, что Китай является геополитическим центром Азии. Естественно, это "негативный исход" для США, и нужна определенная реакция, чтобы его не допустить.

На наш взгляд, рецензируемому докладу не хватает некоторой глубины, серьезной аналитики, а соответственно и свежести взгляда и выводов. В результате во время чтения книги довольно часто возникает угнетающее ощущение *deja vu*. Это касается и аргументации, и возможных рисуемых сценариев развития событий, и самих форм анализа, которые уже неоднократно использовались.

В докладе рассматриваются самые разные варианты возможного развития тех или иных событий, включая и нестандартные. Например, будущие руководители государств Центральной Азии станут относиться к мусульманскому и национальному самосознанию своих стран более

серьезно, они могут пойти на некоторый риск противостояния с Китаем, чтобы помочь "уйгурскому сопротивлению" в Синьцзяне. Во Внутренней Монголии в случае ослабления контроля со стороны Пекина монгольское население может потребовать большей независимости, что поставит вопрос о поддержке со стороны монгольских собратьев через границу. Китай же в свою очередь может пойти на применение силы, чтобы удержать соседние государства от поддержки сепаратизма или разрушить базы сепаратистов на их территории (с.32).

Приводятся и другие варианты, причем иногда они просто перечисляются без какого-либо анализа. В результате внешне исследование выглядит солидно, а по существу во многом носит поверхностный характер. Следует также отметить, что подчас затрагиваются вопросы далеко не первостепенной важности, некоторые же действительно актуальные и значимые проблемы обходятся стороной. В частности, авторы ни словом не упоминают о планах создания в Восточной Азии, в первую очередь в Японии, с помощью США системы противоракетной обороны театра военных действий. А ведь реализация этой программы может оказать серьезное стратегическое и военное воздействие на обстановку в регионе. КНР уже неоднократно высказывала свои опасения в связи с этим.

Любопытно, что Россия упоминается в докладе практически исключительно в связи с приобретением Китаем российского оружия и военных технологий. Более широкий контекст китайско-российских отношений и их перспективы, очевидно, представляются авторам не заслуживающими внимания, хотя такой подход является по меньшей мере спорным.

Недостаточно обоснованными, хотя понятными по внутренней логике, предстают рассуждения авторов доклада о том, что Китай, выступая за полицентризм, на самом деле не стремится к многополярному миру. По крайней мере в настоящее время, как утверждают авторы книги, "китайцы разыгрывают карту многополярности, лишь когда их отношения с США напряжены; в ином случае улучшение китайско-американских отношений берет верх над ослаблением американской "гегемонии" (с.11). Учитывая близость к трем потенциальным полусам, с которыми у Китая были конфликты, — Россия, Япония и Индия — сильные Соединенные

Штаты, способные помешать этим странам стать угрозой Китаю, могут быть предпочтительнее для КНР. Поэтому, выступая против американского гегемонизма, Пекин фактически может предпочесть его замену не многополярностью, а неким подобием китайско-американского "кондоминиума" (с.12).

Достаточно подробно в докладе рассматриваются военные аспекты модернизации обороны Китая и ее значение для США. Не останавливаясь на этом детально, отметим лишь один из основных выводов. В силу множества переменных невозможно однозначно сказать, какими будут вооруженные силы Китая в 2015 г. Учитывая нынешние тенденции, к этому сроку Китай не станет "глобальным военным соперником" США. Однако, как считают авторы, он может стать "внушительной силой", которую они характеризуют как "регионального соперника на разных направлениях" (с.59). Китай будет обладать не только большой армией, но и будет способен осуществлять надежную защиту прилегающих к нему морей; бросить вызов космическому превосходству в районах, прилегающих к его границам; угрожать местам дислокации вооруженных сил США в Восточной Азии различными средствами дальнего радиуса действия; оспорить американское информационное превосходство; создать стратегическую ядерную угрозу США.

Естественно, такая перспектива не сулит ничего хорошего для Америки, и авторы доклада выдвигают большое количество рекомендаций для вооруженных сил США, главным образом для ВВС, по реагированию на складывающуюся ситуацию. Основной же вывод доклада состоит в следующем. Развитие Китая в последние два десятилетия было беспрецедентно быстрым. Однако оно началось с очень низкого уровня, и Китаю предстоит пройти еще большой путь. Это означает, что у США и их вооруженных сил еще есть "адекватное время", чтобы подготовиться к появлению на международной арене и в Восточной Азии потенциально амбициозного Китая. (с.88).

Большое внимание в докладе уделяется анализу политики США в отношении Китая. Такой "фундаментальной политикой" в последние годы является политика вовлечения, хотя она и не выдерживалась строго. Авторы довольно подробно рассматривают ее суть, логическое обоснование, ограничения, а также излагают ее

критику. Затем дается детальный анализ альтернативной политики сдерживания, рассматриваются ее недостатки и трудности осуществления.

Учитывая проблемы, связанные и с политикой сдерживания, и с политикой вовлечения, авторы предлагают "третий путь", а именно: комбинацию этих двух политик, которую они называют (containment + engagement) "congagement", вводя в оборот не только новый термин, но и новое слово в английском языке. По мнению авторов, в настоящее время именно такая политика имеет наилучшие шансы сохранить "обнадеживающий потенциал" политики вовлечения, одновременно страхуясь от возможной неспособности последней "отбить у Китая охоту бросать вызов интересам и целям США" (с.52).

Если более сильный Китай будет стремиться к региональной гегемонии или

нападет на Тайвань, "третий путь" может принять форму политики сдерживания. А если Китай станет демократическим и сотрудничающим, эта политика "вовлекая, но страхуясь" уступит место партнерству между двумя странами. Вполне возможно, подобная идея созвучна умонастроениям официального Вашингтона, который испытывает явные трудности в формулировании китайской политики на основе консенсуса внутри страны.

В целом рецензируемый доклад, несмотря на некоторые слабости, представляет несомненный интерес, предлагая определенный взгляд из США на Китай, на возможные тенденции его развития и поведения на международной арене, в первую очередь в Восточной Азии. Можно соглашаться с этим взглядом или нет, но его нужно знать.

© 2000

А. Скородумов
кандидат экономических наук

Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941-1945. М., 1999. 312 с.

В последнее десятилетие специалистам по истории международных отношений стали доступны многие архивные документы по внешней политике Советского Союза, до недавнего времени закрытые для науки грифом "совершенно секретно". Поэтому и коллектив научных сотрудников Центра "Россия-Китай" Института Дальнего Востока под руководством академиков РАН В.С.Мясникова и С.Л.Тихвинского смог проделать большую кропотливую работу в Архиве внешней политики РФ, Архиве Президента РФ и др. по выявлению, обработке и систематизации рассекреченных документов по истории советско-китайских отношений. Эти новые архивные материалы вошли в серию томов документов под общим названием "Русско-китайские отношения в XX веке".

Материалы одного из этих томов "Советско-китайские отношения в 1937-1945 гг." М., 2000 (составители: Ледовский А.М., Мировицкая Р.А., Мясников В.С.) наряду с другими документами по этой теме, опубликованными в России, КНР, США и на Тайване, послужили солидной источниковой базой для написания рецензируемой книги.

В центре нового исследования Р.А.Мировицкой - борьба Китая в 1941-1945 гг. за восстановление суверенитета, территориальной целостности и государственного единства страны, т.е. борьба за укрепление китайской государственности, и позиция Советского Союза по этим вопросам.

Автор на большом документальном и фактическом материале убедительно показывает, что Советский Союз неизменно и последовательно поддерживал национально-освободительную войну Китая против японских агрессоров и ее главную цель - восстановление территориально-государственной целостности страны.

Первым государством, пришедшим на помощь Китаю, подвергшемуся нападению со стороны милитаристской Японии, был Советский Союз. Автор подробно раскрывает значение подписанного 21 августа 1937 г. Договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Рес-

публикой, обеспечившего всестороннюю морально-политическую, дипломатическую, военно-техническую поддержку СССР сражающемуся Китаю. В связи с этим автор приводит отрывок из беседы И.В.Сталина с китайской военной делегацией в ноябре 1937 г., в которой он сказал: "Мы поможем Вам, не жалея ни денег, ни оружия". (с. 46).

Все аспекты советской помощи, включая направление в Китай большой группы военных специалистов, летчиков, танкистов, артиллеристов и т.д. подтверждаются в книге фактами и документами.

Советский Союз, как показано в книге, полностью одобрял и поддерживал политику единого национального фронта между Гоминьданом и Компартией Китая в войне против японских захватчиков, способствующую мобилизации всех сил нации на отпор врагу. Состояние единого национального антияпонского фронта, как подчеркивает автор, всегда было в центре внимания руководства СССР, ВКП(б) и Коминтерна, своевременные советы которых руководителям Компартии и Гоминьдана не раз гасили конфликты и вспышки вооруженной борьбы между войсками ГМД и КПК. Вместе с тем, Советское правительство твердо настаивало на том чтобы оружие, поставляемое СССР, справедливо распределялось между войсками Гоминьдана и КПК. Автор отмечает, что поставки оружия КПК "шли в основном через гоминьдановские структуры или, во всяком случае, китайское правительство получало информацию о тех или иных шагах Москвы в данном направлении" (с. 79).

В 1937-1941 гг. постоянно растущая советская помощь Китаю способствовала развитию войны сопротивления японскому нашествию, которая сковывала все более значительные силы Японии и затрудняла нападение ее на Советский Союз. Это благоприятствовало стратегическим планам СССР - не допустить войны на два фронта: с Германией на Западе и с Японией на Востоке.

С началом Великой Отечественной войны СССР и войны США на Тихом океане китайский фронт стал частью между-

народного фронта борьбы с фашизмом и милитаризмом. И с этого момента измененные ситуации на фронтах мировой войны влияло на исход войны в Китае. В это время начала осуществляться координация действий вооруженных сил Китая и США на китайском фронте Тихоокеанской войны, увеличились поставки американского оружия гоминдановской армии, под руководством американских инструкторов проводилась ее реорганизация.

Важным внешнеполитическим партнером Китая после начала Тихоокеанской войны, отмечает автор, были США. Китайское правительство приняло решение начать предварительные переговоры с США о послевоенном статусе своей страны, согласование пожеланий и требований Китая к послевоенной мирной конференции (с. 146). Китайское правительство понимало, что решение важнейших китайских внешнеполитических проблем невозможно без согласования вопросов с СССР, возложило на США миссию посредника в советско-китайских переговорах.

В книге подробно рассказывается о сближении США и Китая, нашедшем отражение в переписке Рузвельта и Чан Кайши, в требованиях Рузвельта признать Китай "полным боевым партнером" трех великих держав и, наконец, в Каирской встрече лидеров США, Великобритании и Китая в ноябре 1943 г. На этой встрече Чан Кайши заручился обещанием США и Британии возвратить Китаю все захваченные Японией со времен Первой мировой войны территории.

Автор показывает, что в последующие годы еще более усилилось влияние США в Китае, увеличилась американская военная помощь, которую Чан Кайши рассчитывал использовать, как говорилось в отчете посольства СССР, "не столько в целях усиления борьбы против Японии, но имея ввиду борьбу за власть в стране после войны" (с. 184). При этом отмечалось, что США и Великобритания "не хотели укрепления позиций СССР в этой стране, справедливо считая, что таким образом будут созданы условия для победы КПК" (с. 186).

Заключительная глава книги, посвященная подготовке советско-китайской встречи на высшем уровне и переговорам И.В.Сталина с министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем в связи с обсуждением и заключением Договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой, должна была по замы-

слу автора стать своего рода квинтэссенцией всего исследования. И это в целом ей удалось сделать.

Действительно, автор рассматривает в ней крупнейшие события международной жизни 1945 г. - Крымскую конференцию лидеров трех великих держав, принявшую советские условия вступления СССР в войну с Японией, Конференцию в Сан-Франциско, учредившую ООН, и, наконец, сложный ход переговоров в Москве между Сталиным и Сун Цзывэнем, пытавшимся отстаивать по всем обсуждаемым вопросам точку зрения Чан Кайши. Приложения к этой главе (запись бесед Сталина с Сун Цзывэнем) значительно обогащают ее ценным фактическим материалом и вводят читателя в атмосферу переговоров, итогом которых стало заключение Договора о дружбе и союзе.

Высоко оценивая эту главу в целом, хотелось бы высказать по поводу ее содержания некоторые соображения. Так, например, при анализе решений Крымской конференции по блоку дальневосточных проблем, и конкретно по китайской проблеме, автор обходит вопрос о том, что эти решения предусматривали усиление стратегических позиций Советского Союза на Дальнем Востоке и использование в этих целях части территории Китая. В дальнейшем при описании переговоров автор затронул эту проблему, но, к сожалению, не развил ее. А между тем, как представляется, это помогло бы пролить дополнительный свет на то, почему Китай не был приглашен великими державами на Конференцию, почему Рузвельту было поручено добиться согласия Чан Кайши на признание этих решений и почему Сталин потребовал, чтобы эти решения были объявлены Чан Кайши только в середине июня 1945 г., т.е. за две недели до начала переговоров и за полтора месяца до вступления СССР в войну с Японией.

Развить эту проблему можно было, поскольку Сталин довольно откровенно говорил о ней, и в частности о праве СССР держать войска в МНР, "иметь сильную военно-морскую базу на Ляодунском полуострове" (см. Приложение 9 с. 278). При этом надо учитывать, что "преимущественные интересы" СССР в отношении использования порта в Дайрене, КВЖД и ЮМЖД, а также "полное советское военное управление" Порт-Артуром закреплялись Договором и Соглашениями на 30 лет. В связи с этим становится понятным то, почему китайская сторона в

ходе переговоров не раз поднимала вопрос о признании Советским Союзом территориального суверенитета и административной целостности страны (в итоге это было признано Договором и Соглашениями по Маньчжурии и Синьцзяну).

Следует также обратить внимание на тот факт, что сразу после вступления СССР в войну с Японией все спорные вопросы были стремительно решены на переговорах. В связи с этим хотелось бы остановиться на корректировке Сталиным позиции советской стороны в отношении предложений Чан Кайши, изложенных в телеграмме Сун Цзывэню от 9 июля 1945 г. В ней были изложены условия признания Китаем независимости МНР - территориальный суверенитет и административная целостность Маньчжурии, сотрудничество СССР с Китаем в устранении беспорядков в Синьцзяне, исключительная помощь СССР ("всякая помощь - политическая, материальная или моральная") центральному правительству (см. с. 263). Ответы Сталина на предложения Чан Кайши были сравнительно мягкими по форме, но жесткими по существу, особенно на второе и третье условие.

Так, по поводу событий в Синьцзяне Сталин заявил: "Сянцзян - китайская провинция, и китайцы могут делать там все, что хотят. Советский Союз не намерен вмешиваться во внутренние дела провинции" (Приложение 11, с. 286).

По поводу требования исключительной помощи центральному правительству, означавшего полный отказ в поддержке КПК, Сталин заявил: "Если и впредь войска, подчиненные центральному правительству, будут нападать на китайских коммунистов, то едва ли китайское правительство сможет надеяться на поддержку, ибо оказать эту поддержку в этом случае будет трудно. Вообще дело в том, что мы не хотим вмешиваться, но в случае столкновения между войсками коммунистов и войсками центрального правительства, Советскому Союзу будет весьма трудно поддерживать национальное правительство (Приложение 11. с. 286-187).

Эта цитата приведена из документа полностью в связи с тем, что в самой книге она дается в измененном виде: вместо слов Сталина "трудно поддерживать национальное правительство" в книге сказано: - "трудно морально поддержать национальное правительство" (см. с. 227), а это может быть понято таким образом, что отказ от других форм помощи централь-

ному правительству (политической, материальной) в заявлении Сталина не предусматривался. На наш взгляд, это заявление означало, что в случае возникновения в Китае гражданской войны Советский Союз не будет оказывать никакой поддержки национальному правительству.

Советское предостережение против развязывания гражданской войны в Китае было необходимым и своевременным. С помощью США Чан Кайши готовился к схватке с КПК. Еще в феврале 1945 г. американский посол в Китае П.Хэрли "заверил Чан Кайши, что в случае возникновения гражданской войны тот сможет легко одержать победу над КПК, опираясь на подготовленные и вооруженные американцами китайские дивизии" (с. 211).

В упомянутой телеграмме Чан Кайши особо подчеркивалось, что из-за "отдельной военной и административной организации КПК" власти структуры Китая не могут быть полностью объединены под руководством центрального правительства (с. 227). При этом, как отмечает автор, Гомиьдан был решительно против идеи коалиционного правительства, а СССР, наоборот, "поддерживал руководство КПК в его программе создания в Китае коалиционного правительства" (с. 217).

Советско-китайские переговоры на высшем уровне не ставили задачи решения внутрикитайских проблем, да, и не могли решить главной внутренней проблемы китайской государственности - урегулирование отношений между Гомиьданом и Коммунистической партией Китая. Автор в этой связи справедливо отмечает, что "выбор пути достижения мира, демократии и единства Китая, по мнению советской стороны, в частности, И.В.Сталина, был собственным делом китайского народа" (с. 33).

Подводя итоги развития Китайско-Республики в годы войны, автор заключает, что страна добилась больших успехов в мобилизации духовных сил и материальных ресурсов, укреплении государственности и восстановлении территориальной целостности Китая. Китай добился международного признания великой державой и стал постоянным членом Совета безопасности ООН. "Но эти успехи, как свидетельствует послевоенная история страны, не могли компенсировать слабости в экономической и социальной сфере. После окончания мировой войны накал политических страстей в стране и в международных отношениях в целом усилил-

ся. Китайской гоминьдановской государственности на континенте было отведено совсем мало времени для решения жизненно необходимых для будущего развития проблем" (с. 33).

Книга Р.А. Мировицкой - итог большой научной работы автора по изучению и осмыслению крупного пласта новых документов и материалов по истории советско-китайских отношений в 1937-1945 гг. с точки зрения того, в какой мере эти отношения благоприятствовали борьбе Китая за восстановление территориально-государственной целостности страны. Поло-

жительная особенность этой работы и в том, что в ней нет заявки автора, как это часто бывает, на окончательное решение поставленных им научных задач. Напротив, систематизированный в книге большой объем документов, материалов, аналитических разработок, отражающих самые различные взгляды сторон на важнейшие события того времени, а также отношение к ним автора, помогают переосмыслению прежних официальных оценок с позиций современных знаний источников и самих проблем. И в этом - настоящая ценность книги.

© 2000

*Н.Мамаева,
доктор исторических наук*

Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М.: Восточная литература РАН, 1999. 220 с.

Книга известного экономиста, международника, специалиста-китаевода А.В. Островского "Тайвань накануне XXI века" вышла в преддверии широко освещавшихся на Западе и в России президентских выборов на Тайване, которые состоялись в марте 2000 г. и принесли победу лидеру новой правящей партии Миньцзиньдан – Чэнь Шуйбяню. Выборы не только всколыхнули мировой общественный интерес к Тайваню, но и еще раз продемонстрировали политическую остроту тайваньского вопроса, обусловленную как особенностями становления тайваньского общества после второй мировой войны, так и современными реалиями. Можно сказать, что историческое наследие, доставшееся Тайваню в виде японского колониального режима, раскола Китая в 1949 г., особенностей политики США и его союзников в Азии в 50-60-е гг. и многое другое не утратило своего значения и сейчас

Нельзя сказать, что о новейшей истории мало писали. Есть работы известных и высокопрофессиональных ученых – Л.М.Гудошникова, А.Г.Ларина, В.Я.Портькова и др. Тем не менее для широкого российского читателя Тайвань остается загадочной и малоизвестной страной, как, впрочем, и Россия для простых тайваньцев. Вместе с тем современный Тайвань – это не только потенциально взрывоопасная зона в АТР, но и страна высоких технологий, место, где причудливо переплетаются классические китайские традиции и современность, диктатура и демократия, жесткое государственное регулирование и рынок. Все это и многое другое очень профессионально, шаг за шагом освещает в своей книге А.В.Островский, вводя читателя в сложный и своеобразный мир.

В чем политическое и научное значение данной работы? Что придает ей новизну и актуальность? Тайваньская проблематика всегда была для российских исследователей сложной. При серьезном анализе данной темы ученые неизбежно сталкивались с целым рядом трудностей, связанных как с отсутствием полномасштабной и достоверной информации, так и существованием некоторых негласных ограничителей, идущих от официальных

российских служб.

Тема эта была и остается достаточно деликатной и в контексте успешно развивающихся партнерских отношений России и Китая, и в связи с освещением ее отдельными российскими СМИ, освещающими различные политические взгляды на тайваньскую проблему, существующие в российском обществе. К сожалению, часть публикаций придает тайваньскому вопросу излишнюю политизированность, зачастую искажая истинное положение дел, представляя Тайвань неким идеальным "демократическим раем", альтернативой "диктаторскому и агрессивному Китаю".

С другой стороны, тайваньская тема, особенно история Тайваня в новейший период (1949 - 90-е гг.) таит для историков и экономистов целый набор принципиально новых проблем, чрезвычайно актуальных для современной России. Тайваньский опыт модернизации, особенно в сферах экономики и политики, требует своего глубокого научного анализа и переосмысления с учетом российской специфики. Одновременно исследование особенностей развития тайваньской экономической модели может помочь делу продвижения и успешной реализации китайских материковых реформ. По нашему мнению, стратегия создания "Большого Китая" в рамках известной формулы Дэн Сяопина "Один Китай – две системы", должна базироваться на сочетании позитивного экономического опыта собственных китайских реформ и регионального опыта Гонконга, Тайваня и Сингапура. В этом смысле работа А.В.Островского находится на самом остром научной и политической мысли.

Условно содержание работы можно разделить на три взаимосвязанных блока:

- 1) вопросы эволюции политической системы Тайваня в 50 – 90-е годы XX в.;
- 2) экономические реформы и проблемы модернизации;
- 3) международное развитие Тайваня.

Касаясь анализа политической системы острова, автор аргументированно и профессионально развенчивает миф о Тайване как идеальном демократическом государстве, сложившемся уже в 50–70-е гг.

Автор справедливо пишет, что "несмотря на провозглашенные в Конституции 1947 г. гражданские свободы ...все они находились под запретом, и только в 1987 г. оппозиционные силы смогли создать первую на острове альтернативную Гоминьдану партию - Миньцзиньдан. Фактически, - отмечает он, - в 50 - 70 гг. на Тайване существовал жесткий военный однопартийный режим, мало чем отличавшийся от системы Советского Союза" (с.90).

В 80-90-е годы на Тайване, как показывает А.В.Островский, происходят важные политические реформы - создание многопартийной системы, появление свободной прессы, принятие изменений в Конституции и преобразования в самой правящей партии Гоминьдан. Особенно ценным в данном разделе (с.93 - 114) представляется то, что автор, пожалуй, впервые в российской историографии детально рассматривает сложную анатомию этих процессов, внутренних механизмов и мотивов политической эволюции тайваньской системы, не ограничиваясь констатацией фактов. Итогом этой эволюции, отмечает А.В.Островский, явилось кардинальное обновление политической системы и рождение в начале 90-х годов фактически нового управленческого механизма, основанного на плюрализме и многопартийности. Что, в свою очередь, привело на Тайване в начале 2000 г. к смене лидеров на уровне правящих партий и президента.

Показательными являются экспертные оценки, данные автором при рассмотрении политического блока проблем. А.В.Островский, работая над монографией задолго до президентских выборов на Тайване, естественно, не мог знать их результаты. Тем не менее, он дает точный прогноз относительно политического будущего Чэнь Шуйбяня и его партии (с.115).

Блок экономических вопросов А.В.Островский рассматривает через призму "тайваньского экономического чуда". Страна за сравнительно небольшой срок на сегодняшний день по основным экономическим показателям перешла из категории развивающихся в категорию развитых стран мира. Статистика свидетельствует, что в настоящее время Тайвань занимает 14-е место в мире по объему валового национального продукта, 11-е место в мире по объему внешней торговли, 4-е место по резервам иностранной валюты. А.В.Островский на базе обширных стати-

стических материалов и собственного 4-х летнего опыта работы на Тайване, констатирует следующие ключевые, по его мнению, факторы роста тайваньской экономики:

- особая роль государства, выстроенного на принципах ленинского НЭПа и контролирующего ключевые сферы экономики (с.198);

- умелое совершенствование рыночного механизма за счет формирования в нем плановых начал, защита социальных интересов населения;

- аграрные реформы, в результате которых еще "в 50-е годы земля перестала быть объектом купли - продажи, а постепенно перешла в руки тех, кто ее обрабатывает" (с.200). Как следствие - резкий рост товарного производства сельхозпродукции и укрупнение крестьянских хозяйств;

- рациональное использование иностранной помощи в 50 - 60 годы и создание зон экспортной переработки (ЗЭП), давших возможность для формирования высокотехнологичных отраслей промышленности с высокой долей добавленной стоимости;

- борьба с инфляцией при одновременной защите государством сбережений населения, что в свою очередь стимулировало накопление средств на текущих счетах населения и фирм и способствовало решению проблем источников внутренних инвестиций (с.200).

Ценность экономического блока, представленного в работе разделами 1.2 (с.12 - 27); 2.1 (с.40 - 63); 3.1 (с.117 - 140); 3.3 (с.165 - 180) заключается еще и в том, что автор, кроме общетеоретического анализа, дает ценные экспертные оценки и полезные практические рекомендации российскому бизнесу, заинтересованному в тайваньском рынке (с.189 - 191). Что касается приложений (№3 - 15), то в них содержится, фактически, полная статистическая характеристика современной тайваньской экономики по десяткам важнейших параметров.

Центральной проблемой международного блока в работе являются взаимоотношения Тайваня с КНР. Положительным моментом здесь является то, что автор при их освещении уходит от излишней политизированности и нагнетания страстей. А.В.Островский рисует взвешенную и объективную картину развития контактов между КНР и Тайванем посредством неправительственных организаций, отмечая роль декрета президента

Тайваня Цзян Цзинго в июле 1987 г. о снятии запрета на посещение тайваньцами своих родственников на материке, другие шаги по сближению (с.141). Лейтмотив повествования здесь можно свести к следующему тезису: Тайвань для Китая - это та курица, которая несет для него золотые яйца (в КНР в настоящее время 35 тыс. тайваньских фирм, инвестирующих ежегодно свыше 30 млрд. ам. долл.) и резать ее Пекину ни сегодня, ни в ближайшем будущем абсолютно невыгодно. С другой стороны, автор не идеализирует эти отношения, отмечая различные их кризисы (например в 1995 - 1998 гг.) и периоды обострений (с.143).

В более широком смысле нынешняя политика Китая в отношении Тайваня подтверждает, на наш взгляд, приоритетность для китайского правительства линии на развитие и сохранение стратегии, прежде всего, внутренних экономических реформ. Можно сказать, что в тайваньском вопросе экономика и экономические приоритеты и ценности, в конечном счете, будут определять позицию Пекина. Возможно, что в данном экономическом прагматизме кроется одна из сильных сторон китайской стратегии реформ, позволяющая КНР сегодня не только выдерживать конкуренцию с Западом, но и в условиях развития рыночных механизмов сохранять оптимальный баланс между собственными интересами и учетом требований

Запада, направленных на экономическое и идеологическое подчинение Китая.

В этом контексте, на наш взгляд, для России очень важен китайский опыт, тем более, что нынешние инициативы Президента В.В.Путина направлены на укрепление российской государственности и усиление собственного независимого внутреннего и внешнеполитического курса. Чем последовательней будут проводиться такой курс, тем большей поддержкой среди российских граждан будет пользоваться Президент. Подобная закономерность не первый год наблюдается в Китае, а после победы националистической партии Чэнь Шуйбяня, она, видимо, еще более ярко проявится и на Тайване.

В плане пожеланий автору: для улучшения работы следовало бы, на наш взгляд, усилить (расширить) историческую часть работы, а также включить именной и географический указатели.

В целом, А.В.Островский написал не просто хорошую работу, а подготовил комплексное исследование по новейшей истории Тайваня, которое органично сочетает в себе концептуально-теоретические и имеющие практическое прикладное значение разделы. Книга весьма полезна для российских политиков, дипломатов, журналистов, бизнесменов - всех, кто интересуется историей и современным положением стран Востока.

***Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.***

Сдано в набор 10.06.2000 г. Подписано к печати 17.07.2000 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печ.л. 16,9. Усл. кр.-отт. 15,2 тыс. Уч.-издл. 14,5 Бум. л. 6,5
Тираж 887 экз. Зак. 3798.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2000 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6